ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Хороните своих мертвецов

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Annotation

Роман «Хороните своих мертвецов» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Пока древние каменные стены Старого Квебека трещат от зимних морозов, старший инспектор Арман Гамаш расследует самое странное дело в своей успешной карьере. В здании добропорядочного Литературно-исторического общества найдено тело. Человек был жестоко убит в тот момент, когда производил раскопки в подвале. Его смерть явно связана с одной из величайших тайн в истории Квебека, корни которой уходят в века. И только разгадав эту тайну, Гамаш может найти убийцу… Впервые на русском языке!

Луиза Пенни
Хороните своих мертвецов

Эта книга посвящается вторым шансам – тем, кто их дает, и тем, кто их получает

Louise Penny
BURY YOUR DEAD

This edition published by arrangement with Teresa Chris Literary Agency Ltd. and The Van Lear Agency

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Они мчались вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки и стараясь не шуметь. Гамаш из всех сил сдерживал дыхание, словно он сидел дома, словно ничто в мире его не тревожило.

– Сэр, – раздался в наушниках Гамаша молодой голос.

– Ты должен мне верить. Ничего плохого с тобой не случится, сынок.

Он надеялся, что молодой агент не услышит напряжения в его голосе, не заметит усилия, которое прикладывал старший инспектор, чтобы его голос звучал веско, убедительно.

– Я вам верю.

Они добежали до площадки. Инспектор Бовуар остановился, посмотрел на своего шефа. Гамаш взглянул на часы.

47 секунд.

Время еще есть.

В наушниках он слышал голос молодого агента – тот рассказывал ему о солнечных лучах, о том, как славно они греют лицо.

Остальная часть команды тоже добралась до площадки – в бронежилетах, с автоматическим оружием на изготовку. Все внимание на шефа. Рядом с ним ждал решения и инспектор Бовуар. Куда теперь? Они были близко. В нескольких шагах от цели.

Гамаш бросил взгляд в один темный грязный коридор заброшенной фабрики, затем в другой. Они ничем не отличались друг от друга. Свет и декабрьский день проникали через разбитые, в потеках окна.

43 секунды.

Он решительно показал налево. И они молча побежали к двери в конце. Гамаш на бегу сжимал винтовку и спокойно говорил в микрофон:

– Нет нужды волноваться.

– Осталось сорок секунд, сэр.

Каждое слово на той стороне произносилось так, будто человеку трудно дышать.

– Просто слушай меня, – сказал Гамаш, показывая рукой на дверь.

Его люди бросились вперед.

36 секунд.

– Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, – произнес Гамаш уверенным, властным тоном, словно вызывая молодого агента на спор. – Сегодня вечером ты будешь обедать со своей семьей.

– Да, сэр.

Команда окружила закрытую дверь с грязным матовым стеклом. Затемненным.

Гамаш помедлил, его рука повисла в воздухе, готовая дать сигнал взломать эту дверь. Чтобы спасти его агента. Рядом с ним напрягся в ожидании Бовуар.

Слишком поздно старший инспектор Гамаш понял, что совершил ошибку.

– Не спеши, Арман.

– Avec le temps?[1]

Гамаш улыбнулся в ответ своему наставнику и сжал правую руку в кулак. Чтобы перестала дрожать. Дрожание было таким слабым, что официантка в кафе в Квебек-Сити наверняка ничего не заметила. Два студента за соседним столом усердно молотили по клавиатурам своих ноутбуков – они уж точно не заметили. Никто ничего не заметил.

Кроме человека, сидевшего совсем рядом.

Гамаш посмотрел на Эмиля Комо, уверенной рукой сжимающего слоистый круассан. Прежнему наставнику и шефу Гамаша было под восемьдесят. У него были ухоженные седые волосы и ярко-синие глаза за стеклами очков. В свои годы он оставался подтянутым и энергичным. И все же при каждом новом посещении Арман Гамаш отмечал, что лицо Эмиля чуть-чуть смягчилось, движения слегка замедлились.

Avec le temps.

Эмиль Комо, который вдовствовал вот уже пять лет, знал силу и протяженность времени.

Жена Гамаша, Рейн-Мари, уехала сегодня рано утром, проведя с ними неделю в каменном доме Эмиля в обнесенном стеной Старом городе Квебека. Все вместе они обедали перед камином, гуляли по узким, засыпанным снегом улочкам. Разговаривали. Молчали. Читали газеты, обсуждали события. Втроем. Вчетвером, если считать немецкую овчарку Анри.

А бóльшую часть дня Гамаш проводил в одиночестве в местной библиотеке.

Эмиль и Рейн-Мари не возражали против этого, понимая, что сейчас ему нужно не только общество, но и уединение.

Но вот пришло время, когда Рейн-Мари нужно было уезжать. Попрощавшись с Эмилем, она повернулась к мужу. Высокий, плотно сложенный, предпочитавший хорошие книги и долгие прогулки любой

другой деятельности, он скорее был похож на заслуженного профессора лет пятидесяти пяти, чем на главу самого известного в Канаде полицейского подразделения по расследованию убийств. Sûreté du Québec. Гамаш проводил ее до машины, соскреб утренний ледок с лобового стекла.

– Тебе не обязательно уезжать, – сказал он, улыбаясь ей.

Они стояли друг перед другом в хрупком свете нарождающегося дня. Анри сидел в сугробе поблизости и наблюдал за ними.

– Я знаю. Но тебе с Эмилем нужно побыть вдвоем. Я же видела, как вы поглядывали друг на друга.

– Взаимное чувство? – рассмеялся старший инспектор. – А я думал, нам удается его скрывать.

– Жена всегда знает.

Она улыбнулась, глядя в темно-карие глаза мужа. Хотя на нем была вязаная шапочка, Рейн-Мари видела его седеющие волосы и небольшой вихор, выбившийся наружу. И бороду. Она постепенно привыкла к его бороде. Долгие годы он носил усы, но в последнее время, после того случая, отрастил аккуратную бородку.

Рейн-Мари помедлила. Сказать или не сказать? Эта мысль теперь все время преследовала ее, готовая сорваться с языка. Но она знала, что слова бесполезны, если вообще можно так сказать о словах. Рейн-Мари точно знала, что слова словами, а дела делами. Если бы могла, она бы окружила его словами, защитила бы его ими. Но вместо этого она беззаботным голосом произнесла:

– Приезжай домой, когда сможешь.

Гамаш поцеловал ее:

– Приеду. Через несколько дней. Максимум – через неделю. Позвони, как только доберешься.

– D’accord[2].

Она села в машину.

– Je t’aime[3], – сказал он и, просунув руку в открытое окно машины, коснулся ее плеча.

«Смотри в оба, – кричал ее внутренний голос. – Не лезь на рожон. Приезжай скорей ко мне. Береги себя, береги себя, береги себя».

Она накрыла своей рукой в перчатке его руку.

– Je t’aime.

А потом она поехала в Монреаль, поглядывая в зеркало заднего вида на его фигуру, одиноко стоящую на утренней улице. Анри, конечно же, уселся рядом с Гамашем. И оба смотрели на нее, пока она не исчезла.

Старший инспектор продолжал смотреть, даже когда машина скрылась за поворотом. Потом он взял лопату и неторопливо счистил со ступеней крыльца снежный пушок, налетевший за ночь. На минуту он замер, опираясь руками на черенок лопаты, – наслаждался игрой утреннего света на свежем снегу. Снег казался скорее голубоватым, чем белым, и в некоторых местах посверкивал крохотными искорками – снежинки там намело в небольшие кучки, и они улавливали, преображали и возвращали свет. Словно что-то живое, захватывающее.

Такой была жизнь в Старом городе. Неторопливой и динамичной, устоявшейся и переменчивой.

Взяв горсть снега, старший инспектор скомкал его в руке. Анри тут же сделал стойку, собачий хвост так напрягся, что весь его корпус сзади стал покачиваться. Глаза впились в снежок.

Гамаш подбросил снежок в воздух, и пес подпрыгнул, поймал его зубами, перемолотил. Приземлившись на все четыре лапы, Анри в очередной раз удивился, как это снежок, казавшийся таким твердым, вдруг взял да и пропал.

Исчез так быстро.

Но в следующий раз все будет иначе.

Гамаш хохотнул. Возможно, Анри прав.

В это время из дверей вышел Эмиль, закутанный в громоздкое зимнее пальто для защиты от кусачего февральского холода.

– Готов? – Старик натянул на голову вязаную шапочку, закрывая уши, надел теплые варежки, похожие на боксерские перчатки.

– К чему? К осаде?

– К завтраку, mon vieux[4]. Поторопись, пока кое-кто не съел последний круассан.

Он знал, как мотивировать своего прежнего подчиненного. Не дожидаясь, когда Гамаш уберет лопату, Эмиль поспешил по заснеженной улице. Уже просыпались и другие обитатели Квебек-Сити. Выходили в нежный утренний свет, чтобы сбросить снег с машин, дойти до пекарни, взять свежий батон и выпить кофе.

Двое мужчин и Анри двинулись по рю Сен-Жан, мимо ресторанов и сувенирных магазинов, на крохотную боковую улочку рю Куйар, где находилось кафе «Ше темпорель».

Они приходили в это кафе вот уже пятнадцать лет, с тех самых пор, как суперинтендант Эмиль Комо вышел в отставку и поселился в Старом городе Квебек-Сити, а Гамаш начал приезжать к нему, чтобы провести время со своим наставником и помочь ему по хозяйству. Всяких мелочей

накапливалось немало: разгрести снег, заготовить дрова для камина, заклеить окна к холодам. Но нынешний его приезд был другим. На этот раз старшего инспектора Гамаша тянуло в Квебек-Сити, как никогда в прежние зимы.

На этот раз помощь требовалась Гамашу.

– Итак… – Эмиль откинулся на спинку стула, обхватив обеими руками чашку кофе с молоком. – Как продвигаются твои изыскания?

– Пока не могу найти упоминаний о том, что капитан Кук и в самом деле встречался с Бугенвилем[5] перед Квебекским сражением. Но ведь это было двести пятьдесят лет назад. Документы того времени встречаются редко, и обычно они в плохом состоянии. Но я знаю, что они здесь есть, – сказал Гамаш. – Библиотека просто удивительная, Эмиль. Многим томам сотни лет.

Он начал рассказывать о своих поисках в библиотеке, о том, как откапывает в забытых старинных книгах всякие любопытные сведения о сражении, которое состоялось давным-давно и было проиграно, по крайней мере с его точки зрения. А его старший товарищ внимательно смотрел на Гамаша. Появилась ли наконец искорка в этих дорогих для него глазах? В глазах, в которые он так часто заглядывал на месте страшных преступлений, когда они преследовали убийц. Когда они прочесывали леса, деревни и поля, размышляли над уликами, свидетельскими показаниями и гипотезами. «Сквозь мрак безбрежный, полный бездонных страхов»[6], – вспомнил Эмиль, думая о тех днях. Да, точное описание. «Полный бездонных страхов». Их страхов и страхов убийц. За какими только столами в разных уголках провинции не сидели они с Гамашем! Как сидят вот сейчас.

Но теперь настало время отдохнуть от убийств. Хватит душегубств, хватит смертей. В последнее время Арман видел их слишком часто. Нет, лучше закопаться в историю, в давно ушедшую жизнь. Интеллектуальное расследование, и ничего больше.

У их ног шевельнулся Анри, и Гамаш машинально опустил руку и погладил собаку по голове, чтобы успокоить. И снова Эмиль заметил легкую дрожь в руке. Сейчас она была едва заметна, но иногда усиливалась.

Ему хотелось взять эту руку, укрепить ее, сказать Гамашу, что все будет хорошо. Потому что он знал: так и будет.

Со временем.

Глядя на Гамаша, Эмиль снова обратил внимание на рваный шрам на

его левом виске и аккуратную бородку, которую он отрастил в последнее время. Чтобы люди не глазели. Чтобы люди не узнавали самого узнаваемого полицейского в Квебеке.

Но конечно, это не имело значения. Не от них прятался Арман Гамаш.

Официантка принесла еще кофе.

– Мерси, Даниэль, – в один голос сказали они, и она ушла, улыбаясь этим двоим мужчинам, таким разным, но таким похожим.

Они выпили кофе, съели pain au chocolat и croissants aux amandes[7], поговорили о Квебекском карнавале, начинающемся этим вечером. Иногда они замолкали, глядя, как люди на улице по холоду спешат на работу. Кто-то процарапал трилистник клевера в небольшой впадинке в центре деревянного стола. Эмиль потер это место пальцем.

Он все спрашивал себя, когда же Арман захочет рассказать о том, что случилось.

Была половина одиннадцатого – время начала ежемесячного заседания совета Литературно-исторического общества. Долгие годы это заседание проводилось по вечерам, когда библиотека закрывалась, но потом заметили, что на эти заседания приходит все меньше и меньше членов общества.

Поэтому председатель Портер Уилсон поменял время сбора. По крайней мере, он считал, что сам поменял время. По крайней мере, в протоколе собрания сообщалось, что это предложение принадлежит ему, хотя наедине с самим собой он вроде бы вспоминал, что возражал против этого.

Как бы там ни было, вот уже несколько лет они встречались по утрам. И другие члены общества приспособились к этому, как и сам Портер. Он-то просто вынужден был это сделать – ведь идея принадлежала ему.

Тот факт, что совет приспособился, можно было считать чудом. Когда в последний раз их просили что-то изменить, речь шла об износившейся коже на стульях Лит-Иста, и случилось это шестьдесят три года назад. Члены общества все еще помнили отцов и матерей, бабушек и дедушек, выстроившихся по обе стороны этой мебельной линии Мэйсона – Диксона[8]. Они помнили саркастические замечания, сделанные за закрытыми дверями, за глаза, но при детях. Детях, которые и шестьдесят три года спустя не забыли эту бессовестную замену старой черной кожи на новую.

Отодвигая для себя стул во главе стола, Портер заметил, что у сиденья потертый вид. Он быстро сел, чтобы никто, и в первую очередь он сам, не

заметил этого. Перед его местом, как и перед местами всех остальных, лежали аккуратные стопки бумаги – этакие солдаты на деревянном столе. Работа Элизабет Макуиртер. Портер посмотрел на Элизабет. Простенькое лицо, худощавая и высокая. По крайней мере, такой она была, когда мир был молод. Теперь она казалась замороженной на манер тех трупов, что находят в ледниках. Она все еще сохраняла человеческие черты, но вся высохла и поседела. Элизабет носила синее практичное платье, причем, как подозревал Портер, хорошего покроя и из хорошего материала. Что ни говори, она ведь из тех самых Макуиртеров. Член почтенной и богатой семьи. Семьи, которая не кичится своим богатством или мозгами. Ее брат продал судостроительную империю с опозданием лет на десять. Но кое-какие деньги еще остались. Элизабет была скучноватой, но ответственной. Не лидер, не мечтатель. Не из тех людей, что могут в трудный час сплотить общество. Таких, как сам Портер. И его отец до него. И его дед.

А крохотное английское сообщество в стенах старого Квебек-Сити вот уже несколько поколений переживало трудный час. Это был такой трудный час, который может ухудшаться, может улучшаться, но никогда не исчезает полностью. Как и сами англичане.

Портер Уилсон не сражался ни на каких войнах: для одних он оказывался слишком молод, для других – слишком стар. Нет, речь не шла об официальных войнах. Но он и другие члены совета тем не менее чувствовали себя как на войне. И он втайне подозревал, что они проигрывают сражения одно за другим.

У дверей Элизабет Макуиртер встречала других членов совета и поглядывала на Портера Уилсона, который уже сидел во главе стола и читал свои заметки.

Элизабет знала, что он многого добился в жизни. Организовал хор, любительский театр, флигель для дома инвалидов. Все это было создано силой воли и личности. И пусть все они тут рядом с ним карлики, он у всех искал совета и многое принимал.

Эта сила его личности могла создавать и калечить. А будь он добрее, сумел бы он добиться большего? Впрочем, активность и доброта уживаются редко, хотя, когда это происходит, их не остановить.

Остановить Портера было можно. Собственно, он и сам остановился. И теперь совет Лит-Иста был единственным кораблем, на мостике которого он стоял. Элизабет знала Портера уже семьдесят лет, с тех пор как увидела его в школе поедающим ланч в одиночестве и стала составлять ему компанию. Портер думал, что она хочет подольститься к человеку, принадлежащему к великому клану Уилсонов, и относился к ней с

пренебрежением.

Но она продолжала составлять ему компанию. Не потому, что он ей нравился, а потому, что даже тогда она знала нечто такое, на понимание чего Портеру Уилсону потребовались десятилетия. Англоязычные канадцы Квебек-Сити больше не были движущей силой, пароходом или изящным пассажирским лайнером общества и экономики.

Они были маленьким плотиком. На воле волн. А войну с плотика не объявляют.

Элизабет Макуиртер уже тогда знала это. И когда Портер принимался раскачивать лодку, она ее выравнивала.

Она смотрела на Портера Уилсона и видела небольшого, энергичного человека в парике. Его волосы – там, где еще оставались его собственные волосы, – были выкрашены в такой черный цвет, что им даже стулья могли позавидовать. Глаза у него были карие, и он нервно стрелял ими в разные стороны.

Первым появился мистер Блейк, старейший член комитета. Он практически жил в Лит-Исте. Мистер Блейк снял пальто и остался в костюме из шерстяной ткани и стираной белой рубашке с синим шелковым галстуком. Мистер Блейк всегда приходил в лучшем виде. Джентльмен, в присутствии которого Элизабет чувствовала себя молодой и красивой. Она ему нравилась, когда была неловким подростком, а он – в расцвете своих двадцати пяти.

Тогда он был привлекателен и не потерял привлекательности шестьдесят лет спустя, хотя волосы его поредели и поседели, а некогда стройное тело округлилось. Но глаза оставались умными и живыми, а сердце – большим и сильным.

– Элизабет.

Мистер Блейк улыбнулся и взял ее за руку, задержав на мгновение. Никогда слишком долго, никогда слишком фамильярно. Просто чтобы она почувствовала его руку.

Он сел на стул, и Элизабет подумала, что стул давно пора заменить. Но если уж на то пошло, то пора заменить и Блейка. Всех их пора заменить.

Что будет, когда все они вымрут и от совета Литературно-исторического общества останутся одни видавшие виды пустые стулья?

– Хорошо бы провернуть все побыстрее. У нас тренировка через час.

Появился Том Хэнкок, а за ним – Кен Хэслам. Эти двое в последнее время никогда не расставались и, будучи членами одной команды, готовились принять участие в этих нелепых гонках.

Том был радостью Элизабет. Ее надеждой. И не только потому, что

занимал пост священника в находящейся совсем рядом пресвитерианской церкви Святого Андрея.

Он был молод и появился в сообществе недавно – всего три года назад переехал в Квебек-Сити. В свои тридцать три года он был в два раза младше следующего самого молодого члена совета. Не было в нем пока этого цинизма, этой прожженности. Он продолжал верить, что его церковь еще обретет новых прихожан, что английское сообщество вдруг нарожает детей, а те проникнутся желанием остаться в Квебек-Сити. Он верил квебекскому правительству, когда оно обещало предоставить англоговорящим такие же права на работу, какие есть у франкоговорящих. И медицинское обеспечение на их родном языке. И образование. И дома для престарелых. Чтобы, когда никаких надежд не останется, они могли умереть, слыша от тех, кто заботится о них, родную речь.

Ему удалось вселить в совет надежду на то, что еще не все потеряно. И что, может быть, это даже и не война. Что это не какое-то ужасное продолжение битвы на Полях Авраама[9], в которой на сей раз поражение терпят англичане. Элизабет кинула взгляд на удивительно маленькую статую генерала Джеймса Вольфа[10]. Дух этого прославленного мученика битвы, состоявшейся двести пятьдесят лет назад, зримо присутствовал в библиотеке Литературно-исторического общества в виде деревянного укора. Он был свидетелем их мелких стычек и вечно напоминал им о великой битве, которую он выиграл для них. Битве, в ходе которой он и погиб, но перед смертью успел-таки испытать торжество победы на этих обильно политых кровью фермерских полях. Он погиб, но прежде закончил войну и закрепил земли Квебека за англичанами. На бумаге.

И вот теперь из угла уютной старой библиотеки генерал Вольф смотрел на них сверху вниз. В буквальном и фигуральном смысле, как подозревала Элизабет.

– Ну что, Кен, – сказал Том, занимая свое место рядом с названным джентльменом, – вы в форме? Готовы к гонкам?

Элизабет не слышала ответа Кена Хэслама. Правда, она и не ожидала, что услышит. Губы Кена шевельнулись, слова сформировались, но так и не прозвучали.

Они все помедлили, возможно думая, что сегодня он произнесет хоть слово не шепотом. Но их надежды были тщетны. Тем не менее Том Хэнкок продолжал что-то говорить Кену, словно между ними и в самом деле происходил какой-то словесный обмен.

Элизабет и за это любила Тома. Он не поддавался всеобщему мнению,

будто молчаливость Кена объясняется его глупостью. Элизабет точно знала, что Кен не глуп. Кен, которому перевалило за шестьдесят, был самым успешным из них – он построил собственный бизнес. А теперь достиг и еще кое-чего весьма примечательного.

Он записался на участие в опасных гонках на каноэ[11]. В команду Тома Хэнкока. Он стал старейшим членом команды, старейшим из всех участников нынешних гонок. А может, и всех предыдущих.

Глядя на Кена, тихого и спокойного, и на Тома, молодого, энергичного, красивого, Элизабет думала, что, наверное, эти двое прекрасно понимают друг друга. Возможно, у них есть какие-то общие интересы, о которых они помалкивают.

Не в первый раз Элизабет задумывалась о Томе Хэнкоке. Почему он приехал сюда священником и почему остановился в стенах Старого города. Элизабет знала, что не каждый способен жить за стенами крепости.

– Давайте начнем, – сказал Портер, выпрямляясь на своем стуле.

– Уинни еще не появилась, – напомнила Элизабет.

– Мы не можем ждать.

– Почему? – спросил Том спокойным голосом.

Но Портер все равно услышал в его вопросе вызов.

– Потому что уже больше чем пол-одиннадцатого и именно вы хотели свернуть все побыстрее, – ответил Портер, довольный тем, что осадил мальчишку.

«И опять, – подумала Элизабет, – Портер умудряется смотреть на друга, а видеть врага».

– Вы правы. Но все же я готов подождать, – улыбнулся Том, не желая вступать в перепалку.

– А я не готов. Что у нас там под первым пунктом в повестке?

Некоторое время до прибытия Уинни они обсуждали приобретение новых книг. Появилась Уинни. Маленькая и энергичная, она была фанатична в своей преданности. Английскому сообществу, Лит-Исту, но в первую очередь своим друзьям.

Она вошла, бросила на Портера испепеляющий взгляд и села рядом с Элизабет.

– Я смотрю, вы начали без меня, – сказала она. – Я же говорила, что немного опоздаю.

– Говорили. Но это не означает, что мы должны были вас ждать. Мы обсуждаем приобретение новых книг.

– И вам не пришло в голову, что этот вопрос лучше всего обсуждать с библиотекарем?

– Ну, теперь вы здесь.

Остальные члены совета наблюдали за этим, как за теннисным матчем на Уимблдоне, хотя и с гораздо меньшим интересом. Было совершенно ясно, кто здесь с яйцами и кто одержит победу.

Пятьдесят минут спустя они почти исчерпали повестку дня. Из овсяного печенья осталась одна штука, и члены совета поглядывали на нее, хотя воспитание не позволяло ее взять. Они обсудили счета за отопление, парковку для членов общества, потрепанные старые книги, завещанные обществу вместо денег. Книги эти обычно представляли собой собрания проповедей или сборники трагической викторианской поэзии. Иногда попадался скучный дневник какого-нибудь путешественника, рассказывающего о каждом дне своей поездки на Амазонку или в Африку, чтобы пострелять несчастных диких животных и понаделать из них чучел.

Они обсудили возможность продажи некоторых книг, но после предыдущего фиаско этот разговор не затянулся.

Элизабет, ведущая протокол, сдерживала себя, чтобы не шевелить губами, повторяя реплики членов совета. Это была литургия. Знакомая и странным образом утешительная. На каждом заседании снова и снова повторялись одни и те же слова. Всегда и неизменно. Аминь.

Эту спокойную литургию вдруг прервал какой-то звук. Звук настолько необычный и пугающий, что Портер чуть не вскочил со стула.

– Что это было? – прошептал Кен Хэслам.

Для него это было равносильно крику.

– Кажется, дверной звонок, – ответила Уинни.

– Дверной звонок? – переспросил Портер. – Я и не знал, что у нас есть звонок.

– Поставлен в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, когда нас посетил губернатор провинции и не смог войти, – сказал мистер Блейк так, словно присутствовал при этом. – Сам я его никогда не слышал.

Но звонок прозвенел снова. Долгий, пронзительный.

Элизабет заперла парадную дверь Литературно-исторического общества, после того как прибыли все члены. Мера предосторожности, чтобы их не прервали. Впрочем, их никто никогда не прерывал, так что это была скорее дань традиции, чем необходимость. К тому же она повесила на толстой деревянной двери объявление: «ИДЕТ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА. БИБЛИОТЕКА ОТКРОЕТСЯ В ПОЛДЕНЬ. СПАСИБО. Мерси».

Звонок зазвонил снова. Кто-то давил на него, не отрывая пальца от кнопки.

Но члены совета продолжали глазеть друг на друга.

– Пойду посмотрю, – сказала Элизабет.

Портер уткнулся в свои бумаги – вот она, мужская доблесть.

– Нет. – Уинни встала. – Я пойду. А вы оставайтесь здесь.

Все проводили ее взглядом. Она исчезла в коридоре, осталось только цоканье каблучков по ступеням деревянной лестницы. Воцарилось молчание. Потом они снова услышали ее шаги на лестнице.

Они слушали, как шаги приближаются. Наконец Уинни пришла, но остановилась в дверях, лицо у нее было бледное и серьезное.

– Там один человек. Он хочет поговорить с советом.

– Так-так, – проговорил Портер, только теперь, когда пожилая женщина уже сходила к дверям, вспомнивший, что он их вождь. – И кто же это?

– Огюстен Рено, – сказала она, вглядываясь в их лица.

Если бы она сказала: «Дракула», они не испугались бы сильнее. Впрочем, для англоязычных канадцев «испугаться» означало поднять брови.

Все брови в комнате взметнулись, и если бы то же самое мог сделать и генерал Вольф, то непременно сделал бы.

– Я оставила его на улице, – произнесла Уинни в тишину.

Словно подтверждая это, звонок взорвался снова.

– Что будем делать? – спросила Уинни, но обратила эти слова не к Портеру, а к Элизабет.

Все посмотрели на Элизабет.

– Мы должны проголосовать, – сказала наконец Элизабет. – Принять его или нет.

– Правильно, – подхватил Портер.

– Его нет в повестке дня, – сообщил мистер Блейк.

– Верно, – сказал Портер, пытаясь вернуть бразды правления в свои руки.

Но даже он посмотрел на Элизабет.

– Кто за то, чтобы позволить Огюстену Рено выступить перед советом? – спросила Элизабет.

Не поднялось ни одной руки.

Элизабет опустила авторучку, не записав результаты голосования. Она коротко кивнула и встала:

– Я ему скажу.

– Я пойду с вами, – вызвалась Уинни.

– Нет, дорогая, оставайтесь здесь. Я мигом. Нет, правда. – Она помедлила у двери, оглядела членов совета и генерала Вольфа, взирающего

на них сверху. – Насколько это может быть плохо?

Но они все знали ответ. Когда приходил Огюстен Рено, добром это никогда не кончалось.

Глава вторая

Арман Гамаш устроился на потертом кожаном диване под статуей генерала Вольфа. Кивнув пожилому человеку, сидевшему напротив, он вытащил из сумки письма. После прогулки по городу с Эмилем и Анри Гамаш вернулся домой, взял свою почту, собрал записки, сунул их в сумку, а потом вместе с Анри отправился вверх по холму.

В тихую библиотеку Литературно-исторического общества.

Гамаш взглянул на плотный конверт, лежащий рядом с ним на диване. Ежедневная корреспонденция из управления в Монреале пересылалась в дом Эмиля. Вот и на сей раз агент Изабель Лакост рассортировала почту и отправила ее с сопроводительной запиской.

«Дорогой шеф!

Рада была поговорить с Вами. Завидую Вашим нескольким дням в Квебеке. Я все время говорю мужу, что нужно отвезти детей на карнавал, но он утверждает, что они еще слишком маленькие. Может быть, он прав. Но дело в том, что мне самой очень хочется.

Допросы подозреваемого (так трудно называть его подозреваемым, когда есть полная уверенность) продолжаются. Я не слышала, что он говорит, если он вообще что-то говорит. Как Вы знаете, была организована Королевская комиссия. Вы уже давали показания? Я получила вызов на завтра. Не знаю, что им говорить».

Гамаш на минуту оторвался от записки. Агент Лакост, конечно, скажет им правду. Так, как она ее понимает. Выбора у нее нет – ни характер, ни жизненный опыт не позволят ей ничего иного. Перед отъездом он приказал всему управлению сотрудничать с комиссией.

Как сотрудничал сам Гамаш.

Он вернулся к записке.

> «Никто не знает, к чему это приведет и чем кончится. Но подозрения есть. Атмосфера напряженная.
>
> Буду Вас информировать.
>
> *Изабель Лакост*».

Такое тяжелое – не удержать – письмо медленно опустилось ему на колени. Гамаш уставился в пространство, и перед его мысленным взором

замелькало лицо агента Лакост. Ее образ то возникал, то исчезал. Она смотрела на него и, казалось, кричала что-то, хотя он и не мог разобрать что. Он почувствовал, как ее маленькие сильные руки ухватили его за голову, увидел, как она подалась к нему, как шевелятся ее губы, как пристально смотрят глаза, пытаются что-то донести до него. Он почувствовал, как ее руки сдергивают бронежилет с его груди. Увидел на них кровь, увидел выражение ее лица.

Потом увидел ее снова.

На похоронах. Скольких тогда провожали… Она стояла в одном ряду с другими агентами знаменитого отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, а он – во главе этой скорбной колонны. Хоронили тех, кто был под его началом и погиб в тот день на заброшенной фабрике.

Гамаш закрыл глаза и глубоко вздохнул, вдыхая терпкий библиотечный дух. Дух былых веков, стабильности, спокойствия и мира. Старомодной полировки, дерева, слов в потертых кожаных переплетах. Ощутил он и собственный слабый запах розовой воды и сандалового дерева.

И он подумал о чем-то хорошем, о чем-то приятном, о какой-то тихой гавани. И нашел все это в Рейн-Мари, вспомнив ее голос в телефонной трубке. Веселый. Домашний. Уютный. Гамаш разговаривал с ней сегодня чуть раньше. Их дочь Анни придет на обед вместе с мужем. Нужно прикупить что-нибудь, полить цветы, прочитать пришедшие письма.

Он видел ее по мобильнику в их утремонской квартире, у книжного шкафа: солнечная комната полна книг, периодики и уютной мебели, повсюду порядок и покой.

В их квартире было спокойствие, как и в самой Рейн-Мари.

И он почувствовал, что его сердце успокоилось, дыхание стало глубже. Набрав в легкие побольше воздуха, он открыл глаза.

– Ваша собака не хочет водички?

– Простите? – Гамаш тряхнул головой и увидел пожилого человека – тот сидел напротив Гамаша и показывал на Анри.

– Я когда-то приходил сюда с Симусом. Я читал, а он лежал у моих ног. Как и ваш пес. Его как зовут?

– Анри.

Услышав свое имя, молодая овчарка села, насторожилась, громадные уши зашевелились, как радары, ловящие сигнал.

– Умоляю вас, месье, только не говорите «мячик» – тут его уже будет не удержать.

Человек рассмеялся:

– Симус возбуждался каждый раз, когда я говорил «книга». Он знал,

что мы идем сюда. Похоже, ему это нравилось даже больше, чем мне.

Гамаш приходил в эту библиотеку каждый день вот уже почти неделю, и, если не считать разговоров шепотком с библиотекаршей, которая помогала ему искать малоизвестные книги о битве на Полях Авраама, прежде он ни с кем тут не разговаривал.

Было таким облегчением не говорить, не объяснять, не чувствовать, что объяснение желательно и даже обязательно. Все это никуда не денется, вскоре вернется. Но пока он искал и находил покой в этой безвестной библиотеке.

Хотя Гамаш не первый год приезжал к своему наставнику и считал, что хорошо знает Старый город, однако здесь он не бывал ни разу. Даже не замечал здания библиотеки среди других красивых домов, церквей, монастырей, школ, отелей и ресторанов.

Но здесь, прямо на рю Сен-Станисла, где стоял старинный дом Эмиля, Гамаш обнаружил святилище в английской библиотеке, среди книг. А где же еще?

– Он хочет водички? – повторил свой вопрос старик.

Он явно старался помочь, и хотя Гамаш не думал, что Анри чего-то надо, он сказал: да, спасибо. Они вместе вышли из библиотеки, прошли по отделанному деревом коридору, мимо портретов прежних глав Литературно-исторического общества. Казалось, что библиотека обросла своей собственной историей.

Это придавало ей некую ауру спокойствия и стабильности. Впрочем, Старый город, огороженный толстой стеной, почти весь был такой. Единственный город-крепость в Северной Америке, город, защищенный от нападения.

Стены эти давно уже имели символическое, а не практическое значение, но Гамаш знал, что символы подчас сильнее пушечных ядер. И в самом деле, люди умирали, города сдавались врагу, а символы оставались, крепли.

Символы были бессмертны.

Пожилой человек налил воды в миску, и Гамаш отнес ее в зал библиотеки, поставил на полотенце, чтобы вода не пролилась на широкие темные паркетины. Анри, конечно, проигнорировал это.

Двое мужчин вернулись на свои места. Гамаш заметил, что старик читает какой-то толстенный том по садоводству. Сам он вернулся к переписке – к той выборке писем, которую, по мнению Изабель Лакост, ему будет интересно прочитать. Большинство писем пришло от сочувствующих коллег со всего мира, другие – от граждан, которые тоже хотели выразить

свои чувства. Гамаш прочитывал их все, отвечал на все, испытывая благодарность к Лакост за то, что она присылает ему лишь выборку.

Последним он прочел письмо, о присутствии которого знал. Оно всегда было в пачке. Каждый день. Оно было написано знакомым ему почерком, почти неразборчивой скорописью, но Гамаш научился разбирать этот почерк и теперь мог прочесть каракули.

> «Дорогой Арман!
>
> Думаю о Вас и молюсь о том, чтобы Вам стало лучше. Мы часто о Вас вспоминаем и надеемся, что Вы заедете к нам в гости. Рут говорит, что Вы должны приехать с Рейн-Мари, потому что она, Рут, Вас на самом деле не любит. И все же она просит меня передать Вам привет и посылает в жопу».

Гамаш улыбнулся. Это было одним из самых мягких пожеланий Рут Зардо. Почти что проявлением нежности. Почти.

> «Но у меня все же есть один вопрос. Зачем Оливье понадобилось перемещать тело? Это не имеет смысла. Понимаете, он не делал этого.
>
> С любовью,
>
> *Габри*».

В письмо Габри, как всегда, вложил лакричную трубочку. Гамаш взял ее, подумал и предложил человеку, сидящему напротив.

– Лакричная конфета? – Человек взглянул на Гамаша, потом на подношение. – Вы предлагаете конфету незнакомому человеку? Надеюсь, мне не придется вызывать полицию.

Гамаш непроизвольно напрягся. Неужели этот человек узнал его? Это что, завуалированная угроза? Но старик улыбался, а его блеклые глаза бесхитростно смотрели на Гамаша. Протянув руку, он сломал трубочку и бóльшую часть отдал Гамашу. Ту часть, что с конфетным пламенем, лучшую и самую большую часть.

– Merci, vous êtes très gentil.

«Спасибо, вы очень добры», – сказал человек.

– C’est moi qui vous remercie.

«Это я должен быть вам благодарен», – возразил Гамаш.

Обычный обмен любезностями между вежливыми людьми, но от этого

не менее искренний. Человек говорил на идеальном французском, на котором говорят культурные, образованные французы. Может быть, с некоторым акцентом, но Гамаш понимал, что это, вероятно, предвзятая оценка, поскольку он знает: этот человек англоязычный канадец, тогда как сам он канадец франкоязычный.

Они посасывали свои части трубочки и читали каждый свое. Анри лежал рядом, а в половине четвертого библиотекарша по имени Уинни включила свет. Солнце уже садилось в городе-крепости, и в библиотеке, что приютилась в его стенах, становилось темновато.

Гамашу это напомнило матрешку. Снаружи находится Северная Америка, а в ней – Канада, а внутри Канады – Квебек. А внутри Квебека? Нечто еще более мелкое – маленькое английское сообщество. А что в нем?

Это место. Литературно-историческое общество. Оно хранило их записи, их мысли, их воспоминания, их символы. Гамашу не нужно было поднимать взгляд на статую, под которой он сидел, чтобы узнать, кто это. Это место хранило память о своих вождях, своей культуре и достижениях. Хранило что-то давно забытое или никогда не известное франкоязычному большинству за пределами этих стен, но живое здесь.

Примечательное место, о существовании которого практически не знали франкоязычные граждане. Когда он сказал об этом Эмилю, его старый друг подумал, что Гамаш шутит, выдумывает, а ведь это здание находилось в двух кварталах от его дома.

Да, это было похоже на матрешку. Одно находится в другом, а в самой сердцевине лежит крохотная жемчужина. Но вот что неясно: просто ли лежит или же прячется?

Гамаш увидел, как Уинни прошла по библиотеке с ее книжными стеллажами от пола до потолка, индейскими коврами на деревянных полах, длинным деревянным столом. Два старинных кожаных кресла и потертый кожаный диван, на котором сидел Гамаш, разложив перед собой на кофейном столике письма и книги, были чем-то вроде читального зала. Стройный ряд стеллажей нарушали арочные окна, через них в помещение проникал свет, если снаружи был свет. Но самым поразительным в этой библиотеке была антресоль, проходившая поверху. Посетители могли подняться по кованой металлической винтовой лестнице ко второму этажу стеллажей, упиравшихся в оштукатуренный потолок.

Это помещение было заполнено множеством томов, больших и маленьких. Светом. Покоем.

Гамаш не мог поверить, что все эти годы не знал о библиотеке, что набрел на нее совершенно случайно, когда прогуливался, пытаясь прогнать

навязчивые видения. Еще хуже этих незваных мелькающих образов были звуки. Звуки выстрелов, стоны дерева и стен, в которые вгрызались пули. Крики, потом вопли.

Но громче всего этого звучал тот спокойный, доверчивый молодой голос: «Я вам верю, сэр».

Арман и Анри покинули библиотеку и обычным маршрутом обошли ближайшие магазины, купив отборные сыры из сырого молока, паштет и ягнятину от Ж. А. Муасана, фрукты и овощи в продовольственном магазине на другой стороне улицы, свежий, еще теплый батон в пекарне Пайяра на рю Сен-Жан. Добравшись домой раньше Эмиля, Гамаш подбросил дров в камин, чтобы поднять температуру в доме. Дом был построен в 1752 году, и хотя каменные стены толщиной в три фута могли запросто выдержать попадание пушечного ядра, против зимних ветров дом был беззащитен.

Гамаш принялся готовить, и в доме потеплело. Когда появился Эмиль, в теплом воздухе уже стоял запах розмарина, чеснока и ягненка.

– Salut![12] – крикнул Эмиль от входной двери, а несколько секунд спустя появился на кухне с бутылкой красного вина и полез в ящик за штопором. – Пахнет потрясающе.

Гамаш принес ежевечерний поднос с батоном, сырами и паштетом в гостиную, поставил на стол перед камином, а Эмиль принес вино.

– Santé[13].

Они уселись у камина и выпили. Перекусив, рассказали друг другу, как прошел у них день. Эмиль завтракал с друзьями в «Шато-Фронтенак», потом занимался разысканиями для общества Шамплейна. Гамаш поведал о своих тихих часах в библиотеке.

– Так ты нашел, что искал? – поинтересовался Эмиль, взяв кусочек паштета из печени дикого кабана.

Гамаш покачал головой:

– Это должно быть где-то там. Иначе все события лишаются всякого смысла. Мы знаем, что в тысяча семьсот пятьдесят девятом году французская армия находилась в полумиле отсюда – ждала англичан.

Об этой битве знали все квебекские школьники, она им снилась, они снова и снова участвовали в ней с деревянными мушкетами на воображаемых лошадях. Страшное сражение, решавшее судьбу города, территории, страны и континента. Квебекская битва, которой в 1759 году фактически завершилась Семилетняя война. По иронии судьбы, после

стольких лет сражений между французами и англичанами в Новой Франции решающая битва стала очень короткой. Но жестокой.

Гамаш говорил, и они оба представляли себе это побоище. Холодный сентябрьский день. Армия под командованием генерала Монкальма, представлявшая собой смесь элитных французских войск и квебекцев, более привычных к партизанской тактике, чем к регулярным военным действиям. Французы прикладывали все усилия, чтобы снять осаду с Квебека, где стоял ужасный, жестокий голод. На крошечный город упало более пятнадцати тысяч ядер, и теперь, когда зима стояла на пороге, осаду нужно было прорвать, или их всех ждала смерть. Мужчин, женщин, детей. Нянек, монахинь, плотников, учителей. Всех ожидал один конец.

Генерал Монкальм и его войско вступили в бой с мощной английской армией – и началось беспримерное сражение. Победитель получает все.

Монкальм, отважный опытный воин, боевой командир, воодушевлявший солдат своим примером. Герой для своих солдат.

А кто против него? Не менее отважный и блестящий воин – генерал Вольф.

Квебек был построен на утесе в месте сужения реки. Это было большим стратегическим преимуществом. Никакой враг не мог атаковать его в лоб – ведь для этого требовалось забраться на утес, а это было невозможно.

Но атаковать можно было и с реки, а там нападающих поджидал Монкальм. Была, однако, и еще одна возможность – площадка, расположенная чуть выше. Будучи опытным командующим, Монкальм послал туда одного из своих лучших людей – своего собственного адъютанта, полковника Бугенвиля.

И вот наступила середина сентября 1759 года.

Но Монкальм совершил ошибку. Страшную ошибку. Даже несколько ошибок, и это собирался доказать Арман Гамаш, взявшийся за изучение истории Квебека.

– Очаровательная теория, Арман, – сказал Эмиль. – И ты на самом деле веришь, что в этой маленькой библиотеке можно найти ключ к разгадке? В этой английской библиотеке?

– А где ему еще быть?

Эмиль Комо кивнул. Он радовался тому, как увлекла его друга эта тема. Когда Арман и Рейн-Мари приехали к нему неделю назад, Эмилю понадобился целый день, чтобы привыкнуть к изменениям, произошедшим с Гамашем. И дело было не только в бороде или шрамах, – недавнее прошлое непосильным бременем легло на его плечи, согнуло, сломало его.

А теперь Гамаш, хотя и не забыл о прошлом, был уже не так погружен в себя.

– Ну а до писем ты добрался?

– Да, и нужно ответить на некоторые. – Гамаш достал пачку писем, помедлил несколько секунд, потом принял решение и вытащил одно. – Я хочу, чтобы вы его прочли.

Эмиль отхлебнул вина, прочел и рассмеялся. Вернул письмо Гамашу:

– Эта Рут явно в тебя влюблена.

– Будь у меня косички, она бы за них дергала, – улыбнулся Гамаш. – Кстати, я думаю, вы ее знаете.

И он продекламировал:

Кто причинил тебе такую боль,
что рана не затянется вовеки,
что каждую попытку примиренья
встречаешь ты кривой ухмылкой?

– Так это та самая Рут? – спросил Эмиль. – Рут Зардо? Поэтесса?

И он дочитал до конца это поразительное стихотворение, которое теперь изучали в школах по всему Квебеку:

Но мы, все те, кто знал тебя,
твои друзья (презренья твоего объект),
мы видели, что ты не знаешь страха,
мы знали разум твой и острое словцо
и будем вспоминать тебя
почти с любовью.

Двое мужчин помолчали несколько мгновений, глядя в пляшущие язычки пламени, забывшись в собственных мыслях о любви и утрате, о ране, которая не затянется вовеки.

– Я думал, она умерла, – сказал наконец Эмиль, намазывая паштет на мягкий хлеб.

Гамаш рассмеялся:

– Когда Габри представлял Рут моей жене, он сказал, что они откопали ее в собственном подвале.

Эмиль снова взял письмо.

– А кто такой Габри? Друг?

Гамаш помедлил:

– Да. Он живет в той маленькой деревеньке, о которой я вам рассказывал. Три Сосны.

– Помню-помню, ты был там несколько раз. Расследовал какие-то убийства. Я как-то пытался найти эту деревеньку на карте. Ты говорил, к югу от Монреаля, на границе с Вермонтом?

– Да.

– Что ж, – сказал Эмиль, – наверно, я слеп, потому что мне ее найти не удалось.

Гамаш кивнул:

– Картографы каким-то образом умудрились ее не заметить.

– Тогда как же люди туда попадают?

– Не знаю. Может, она вдруг сама возникает из ниоткуда.

– «Я был слеп, но теперь я вижу»?[14] – процитировал Эмиль. – Ее видят только бедолаги вроде тебя?

Гамаш рассмеялся:

– Там лучшее кофе с молоком и круассаны во всем Квебеке. Я счастливый бедолага. – Он снова встал и положил на кофейный столик остальные письма. – Еще я хотел показать вам вот это.

Эмиль принялся их читать, а Гамаш прихлебывал вино, ел сыр с булкой, наслаждался покоем в комнате, знакомой и удобной, как в его доме.

– И все они от того самого Габри, – сказал наконец Эмиль, постучав пальцем по стопке писем. – Как часто он тебе пишет?

– Каждый день.

– Каждый день? Он что, одержим тобой? Или это угроза? – Эмиль подался вперед, его взгляд неожиданно стал цепким, вся шутливость исчезла.

– Нет-нет, ничего подобного. Он друг.

– «Зачем Оливье понадобилось перемещать тело? – прочел Эмиль в одном из писем. – Это не имеет смысла. Понимаете, он не делал этого». Он пишет одно и то же в каждом письме. – Эмили взял несколько и просмотрел их. – И что это значит?

– Я расследовал это дело прошлой осенью – на уик-энд Дня труда. В бистро Оливье в Трех Соснах было найдено тело. Жертва была убита единственным ударом по голове.

– Единственным?

Его наставник сразу ухватил самую суть. Единственный смертельный удар. Такое случалось крайне редко. Если человек получал один удар, то за

этим почти наверняка следовали и другие – убийца впадал в неистовство и обрушивал на жертву множество ударов. Почти никогда не видели они одного удара, настолько сильного, что его хватало. Это означало следующее: убийца был так взбешен, что вложил в удар все свои силы, но в то же время контролировал себя настолько, что после этого остановился. Подобное сочетание было пугающим.

– Убитый не имел при себе никаких документов, но нам удалось найти домик в лесу, где он жил и где был убит. Видели бы вы, что там обнаружилось.

У Эмиля Комо было живое воображение – его на протяжении десятков лет подкармливали жуткие находки. Он ждал от Гамаша описания этого ужасного домика.

– Домик был полон сокровищ.

– Сокровищ?

– Я знаю, – улыбнулся Гамаш, видя лицо Эмиля. – Мы тоже этого не ждали. Это было невероятно. Старинные вещи, артефакты. Они не имели цены.

Его наставник весь превратился во внимание. Он подался вперед, сцепил пальцы, расслабленный и настороженный. Тот, кто когда-то был охотником за убийцами, оставался им навсегда. И теперь он почувствовал запах крови. Все, что Гамашу было известно об убийствах, он узнал от этого человека. И о многом другом узнал он от него.

– Продолжай, – велел Комо.

– Там были первые издания с автографами авторов, старинный фарфор, хрусталь, изготовленный тысячу лет назад. Там обнаружилась панель из Янтарной комнаты, посуда, принадлежавшая Екатерине Великой.

И скрипка. В мгновение ока Гамаш перенесся в этот домик, увидел перед собой агента Поля Морена. Неловкий, долговязый, молодой, Морен взял бесценную скрипку, прижал ее подбородком, сросся с ней. Его тело внезапно утратило всякую неуклюжесть, он словно родился для этого инструмента. И лесной бревенчатый домик наполнился прекраснейшими звуками кельтского плача, навсегда остающегося в памяти.

– Арман?

– Извините. – Гамаш вернулся в каменный дом в Квебек-Сити. – Так, вспомнил кое-что.

Наставник Гамаша изучающе посмотрел на него:

– Все нормально?

Гамаш кивнул и улыбнулся:

– Просто мелодия.

– Вы нашли того, кто убил этого затворника?

– Нашли. Улик было более чем достаточно. Мы нашли орудие убийства и другие вещи из того домика в бистро.

– Убийцей оказался Оливье?

Эмиль поднял пачку писем, и Гамаш кивнул:

– Никто не мог в это поверить. Я не мог в это поверить. Но так оно и было.

Эмиль посмотрел на своего собеседника. Он хорошо знал Армана.

– Ты ему симпатизировал, этому Оливье?

– Он был другом. И остался другом.

Гамаш опять вспомнил, как они сидели в этом веселеньком бистро, а перед ними лежали улики, которые безусловно указывали на его друга. Вспомнил ужасное осознание того, что Оливье – убийца. Он забрал сокровища из лесного домика. Но что еще хуже, он забрал жизнь того человека.

– Ты сказал, что тело было обнаружено в бистро, но ведь его убили в собственном домике? Габри это имеет в виду? Зачем Оливье понадобилось перетаскивать тело из домика в бистро?

Гамаш долго молчал, а Эмиль не торопил его, прихлебывая вино и думая о своем. Он смотрел в огонь и ждал.

Наконец Гамаш заговорил:

– Габри задает хороший вопрос.

– Они партнеры?

Гамаш кивнул.

– Что ж, он просто не хочет верить, что это сделал Оливье. Вот и все.

– Да, не хочет. Но вопрос остается хорошим. Если Оливье убил Отшельника в лесном домике, то зачем ему тащить тело туда, где оно будет обнаружено?

– К тому же в собственное бистро.

– Нет, тут все сложнее. Вообще-то, он перетащил тело в ближайшую гостиницу со спа-салоном. Он признает, что перетащил туда тело, потому что пытался уничтожить спа. Он видел в нем конкурента.

– Значит, ответ у тебя есть.

– В том-то и дело, что, кроме ответа, у меня нет ничего, – сказал Гамаш, всем корпусом поворачиваясь к Эмилю. – Оливье утверждает, что нашел Отшельника убитым и решил воспользоваться трупом, как своего рода орудием, чтобы навредить конкуренту. Но он говорит, что если бы и в самом деле совершил убийство, то оставил бы тело в домике. Оставил бы в домике либо оттащил в лес, чтобы его съели койоты. Зачем убивать кого-то,

а потом тащить тело туда, где его обнаружат?

– Но постой, – перебил его Эмиль, пытаясь осмыслить услышанное. – Ты сказал, что тело было найдено в собственном бистро Оливье. Как же это случилось?

– К несчастью для Оливье, владельцу гостиницы и спа-салона пришла в голову та же идея. Когда он обнаружил тело, то перетащил его в бистро, чтобы попытаться уничтожить Оливье.

– Хорошенькие соседи. Как пауки в банке.

Гамаш кивнул:

– У нас ушло на это какое-то время, но в конечном счете мы нашли домик, и его сокровища, и свидетельство того, что Отшельника убили именно там. Криминалистическая экспертиза показала, что в домике бывали только два человека – Отшельник и Оливье. А потом некоторые предметы из домика мы обнаружили в бистро Оливье. Включая и орудие убийства. Оливье признался, что похитил их…

– Вот глупый человек.

– Корыстный человек.

– Ты его арестовал?

Гамаш кивнул, вспоминая тот жуткий день, когда он выяснил правду и должен был действовать. Вспоминая лицо Оливье, но еще хуже – лицо Габри.

А потом судебный процесс, дача показаний, свидетели.

Приговор.

Гамаш взглянул на стопку писем на диване. По одному на каждый день после вынесения приговора Оливье. Все дружелюбные, все содержавшие один и тот же вопрос:

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

– Ты все время называешь этого человека Отшельником. А кто он такой?

– Иммигрант из Чехии по имени Якоб. Больше нам ничего не известно.

Эмиль посмотрел на него, потом кивнул. Было не совсем обычно, что жертву убийства не удалось опознать, но такое случалось, особенно в тех случаях, когда убитый явно не хотел быть опознанным.

Они перешли в столовую с ее голыми каменными стенами, открытой кухней и ароматом жарящейся ягнятины и овощей. После обеда облачились в куртки, надели ошейник на Анри и вышли в морозный вечер. Снег поскрипывал под их подошвами. Они присоединились к толпе, устремившейся к громадной арке в стене на Плас-д’Увиль, где ожидалась

церемония открытия Квебекского карнавала.

В разгар празднества, когда вовсю звучали скрипки, детишки катались на санках, а фейерверки освещали небо над Старым городом, Эмиль повернулся к Гамашу:

– Так почему Оливье переместил тело, Арман?

Гамаш застыл посреди этих взрывов, вспышек света, людей, толпящихся вокруг, толкающихся и кричащих.

В сумерках заброшенной фабрики он увидел, как Жан Ги Бовуар упал, раненный. Он увидел вооруженных людей, которые открыли по ним стрельбу в месте, которое считалось почти незащищенным.

Он совершил ошибку. Страшную, ужасную ошибку.

Глава третья

На следующее утро в воскресенье Гамаш взял Анри прогуляться по свежему снежку на рю Сент-Урсюль, чтобы позавтракать в «Ле пти куан латен». Дожидаясь омлета и кофе с молоком, он смотрел, как гуляющие направляются в блинные на рю Сен-Жан. Забавно было наблюдать за происходящим из теплого уютного бистро в стороне от большой дороги, когда Анри лежит у его ног.

Гамаш прочитал свежие номера «Ле солель» и «Ле девуар», потом сложил газеты и снова взялся за почту из Трех Сосен. Он живо представил Габри, крупного, говорливого, великолепного, сидящего в бистро, которое он теперь возглавлял. Вот он наклоняется над длинным полированным деревянным столом и пишет. В обоих концах большого помещения с балками под потолком топятся камины из плитняка, ревет огонь, наполняя бистро светом, теплом и гостеприимством.

И даже в претензиях Габри к старшему инспектору всегда присутствовали теплота, дружелюбие.

Гамаш постучал по конвертам пальцем и почти что ощутил эту доброту. Но почувствовал и еще кое-что – убежденность Габри.

«Оливье не делал этого». Габри повторял эти слова из письма в письмо, словно повторами можно было утвердить их истинность.

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

Гамаш перестал постукивать пальцем по бумаге, посмотрел в окно, потом вытащил сотовый и позвонил.

Позавтракав, он поднялся по крутой скользкой улице, повернул налево и направился в Литературно-историческое общество. Время от времени он отступал в снежный сугроб, чтобы пропустить спешащие семейства. Ребятишки, тепло одетые, укутанные словно в коконы, защищенные от жгучего холода квебекской зимы, направлялись в Ледяной дворец снеговика Бонома, или на ледяную горку, или в cabane à sucre[15] с его сладким кленовым сиропом, затвердевающим на снегу до состояния ириски. Вечера карнавала предназначались для студентов университета, которые выпивали и веселились, а дни были для детей.

И снова Гамаш подивился красоте Старого города с его узкими петляющими улицами, каменными зданиями, металлическими крышами под шапками снега и льда. Он словно оказался в средневековом европейском городе. Но Квебек-Сити представлял собой нечто большее,

чем привлекательный анахронизм или милый тематический парк. Это был живой, яркий рай, приветливый город, который не раз переходил из рук в руки, но сохранил свое сердце. Теперь снег пошел сильнее, но ветра не было. Город, всегда привлекательный, зимой казался еще волшебнее со всем этим снегом, огнями, конными calèche[16], людьми, тепло укутанными от холода.

На вершине улицы Гамаш остановился, чтобы перевести дыхание. Дыхание, которое с каждым днем становилось все легче по мере того, как к старшему инспектору возвращалось здоровье благодаря долгим спокойным прогулкам с Рейн-Мари, Эмилем или Анри. А иногда в одиночестве.

Впрочем, в эти дни он никогда не оставался один. А он стремился к этому – к благословенному одиночеству.

Avec le temps, говорил Эмиль. Со временем. И возможно, он был прав. Силы возвращались к Гамашу. Так почему бы не вернуться и здравомыслию?

Возобновив движение, он заметил, что впереди что-то происходит. Увидел полицейские машины. Наверняка возникла какая-нибудь потасовка с участием не проспавшихся после вчерашних возлияний студентов, которые приехали в Квебек, чтобы познакомиться с официальным напитком Зимнего карнавала под названием «карибу» – почти смертельная смесь портвейна и спирта. Доказать этого Гамаш не мог, но он не сомневался, что именно из-за «карибу» он стал терять волосы, когда ему перевалило за двадцать.

Приблизившись к зданию Литературно-исторического общества, он увидел еще больше полицейских машин и выставленный кордон.

Старший инспектор остановился. Анри тоже остановился и сел рядом с ним, глядя на происходящее.

На этой боковой улочке было спокойнее, люди встречались реже, чем на главных улицах. В каких-то двадцати футах от себя Гамаш видел поток людей, не обращающих внимания на то, что происходит здесь.

У основания лестницы, ведущей в старую библиотеку, стояли полицейские. Другие полицейские толклись тут же. У тротуара были припаркованы грузовичок телефонной станции и «скорая помощь». Но никаких мигающих проблесковых маячков, никакого ощущения экстренной ситуации.

Это могло означать одно из двух. Либо это ложная тревога, либо нет, но нужда в срочных действиях уже отпала.

Для Гамаша выбор был ясен. Несколько полицейских у «скорой» смеялись и подталкивали друг друга. Старший инспектор рассвирепел при

виде этого веселья – он в своей команде никогда не допускал такого на месте преступления. В жизни было место для смеха, но не вблизи недавней насильственной смерти. А то, что здесь имела место смерть, Гамаш не сомневался. И дело было не только в его инстинкте – он видел перед собой множество свидетельств, подтолкнувших его к этому выводу. Количество полицейских, неторопливость, присутствие «скорой».

Причем смерть была насильственной. Об этом ему сообщил кордон полицейских.

– Проходите, месье, – сказал, подойдя к нему, один из полицейских, молодой и нагловатый. – Тут не на что смотреть.

– Я хотел зайти туда, – объяснил Гамаш. – Вы не знаете, что случилось?

Молодой полицейский повернулся к нему спиной и пошел прочь, но это не смутило Гамаша. Он остался стоять, глядя на полицейских, которые переговаривались внутри кордона. А он и Анри стояли снаружи.

По каменным ступенькам спустился человек, сказал несколько слов одному из полицейских в кордоне, потом прошел к машине без полицейских опознавательных знаков. Помедлив, он огляделся и начал было садиться в машину. Но не сел. Он замер, медленно выпрямился и уставился на Гамаша. Смотрел на него секунд десять, если не больше, – не ахти какое время, если ешь шоколадное пирожное, но когда смотришь на незнакомого человека – немалое. Он тихо захлопнул дверь машины, пошел к полицейской ленте, перешагнул через нее. Увидев это, молодой полицейский оставил своих товарищей и поспешил к нему, зашагал в ногу с полицейским в гражданской одежде.

– Я уже говорил ему, чтобы он не задерживался.

– Говорил?

– Oui. Хотите, чтобы я потребовал?

– Нет, я хочу, чтобы ты шел со мной.

На глазах остальных двое полицейских пересекли заснеженную улицу и подошли к Гамашу. Последовала пауза – три человека вглядывались друг в друга.

Потом полицейский в штатском сделал шаг назад и отдал честь. Молодой полицейский удивленно смотрел на человека в куртке, вязаной шапочке, с шарфом на шее и немецкой овчаркой у ноги. Он взглянул внимательнее на аккуратную седеющую бородку, заглянул в задумчивые карие глаза, увидел шрам.

Побледнев, он сделал шаг назад и тоже отдал честь.

– Chef, – сказал он.

Старший инспектор Гамаш в свою очередь поприветствовал их и махнул рукой, предлагая отказаться от формальностей. Эти люди даже не были в его подчинении. Он входил в полицейское управлении провинции, а эти принадлежали к муниципальной полиции. Но он узнал полицейского в штатском по конференциям, на которых они встречались.

– Я не знал, что вы в Квебеке, сэр, – растерянно сказал старший полицейский.

Почему глава отделения по расследованию убийств полицейского управления всей провинции оказался рядом с местом преступления?

– Вы – инспектор Ланглуа, верно? Я здесь в отпуске, как вам, наверное, известно.

Оба местных полицейских коротко кивнули. Об этом знали все.

– Я в гостях у приятеля, хожу в библиотеку как частное лицо. А что тут случилось?

– Сегодня утром ремонтник с телефонной станции обнаружил здесь тело. В подвале.

– Убийство?

– Нет никаких сомнений. Его пытались зарыть, но, когда человек с телефонной станции начал копать, чтобы найти порванный кабель, там обнаружилось тело.

Гамаш посмотрел на здание. Сотни лет назад в нем размещались суд и тюрьма. Здесь казнили преступников, вешали в окне над главным входом. Это место в прежние времена знавало насильственную смерть и людей, которые несли ее по обе стороны закона. И вот теперь там снова произошла насильственная смерть.

Тут входная дверь открылась, и кто-то вышел наружу. Трудно было разобрать на таком расстоянии, к тому же человек был в зимней одежде, но Гамашу показалось, что он узнал одну из библиотечных волонтеров, пожилую женщину. Она посмотрела в их сторону и остановилась на верхней ступеньке лестницы.

– Коронер только что приехал, но уже сейчас можно сказать, что убитый находился в подвале недолго. Может быть, несколько часов, но никак не дней.

– Еще не начал смердеть, – отметил молодой полицейский. – А то меня от них чуть не рвет.

Гамаш вздохнул, его дыхание облачком вырвалось изо рта. Но он ничего не сказал. Этот полицейский не был его подчиненным, чтобы учить его отношению к недавно умершим, уважению, которое требуется проявлять в их присутствии. Учить сочувствию, необходимому для того,

чтобы увидеть в убитом человека. И не только в убитом, но и в убийце. Убийцу ловят не цинизмом и не сарказмом, не черным юмором и не грубыми замечаниями. Его ловят, наблюдая, думая и чувствуя. Грубые замечания не расчищают дорогу, не облегчают интерпретацию улик. Напротив, они затеняют истину страхом.

Но перед старшим инспектором был не его ученик, да и дело не имело к нему отношения.

Отведя глаза от молодого человека, он увидел, что женщина исчезла. Поскольку времени уйти куда-либо у нее не было, Гамаш решил, что она вошла внутрь.

Странно: одеться для улицы, а в конечном счете остаться в тепле.

Но он снова напомнил себе, что это не его дело.

– Хотите войти, сэр? – спросил инспектор Ланглуа.

Гамаш улыбнулся:

– А я как раз напоминал себе, что это не мое дело, инспектор. Спасибо за предложение, но я воздержусь.

Ланглуа бросил взгляд на молодого полицейского, взял Гамаша под локоть и отвел в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз.

– Я попросил вас об этом не из вежливости. Мой английский не очень хорош. Он не так уж плох, но вы бы послушали, как говорит по-французски старший библиотекарь. По крайней мере, мне кажется, что это французский. Она и сама явно так думает. Но я ни слова не могу понять. Когда я ее допрашивал, она говорила по-французски, а я – по-английски. Это было похоже на мультик. Она, наверное, решила, что я идиот. Все, что мне оставалось, – это только улыбаться и кивать, и еще я, кажется, спросил у нее, не из низших ли она слоев.

– Зачем же вы это спросили?

– Я не хотел это спрашивать. Я хотел узнать, спускается ли она в подвал, но у меня не получилось. – Он печально улыбнулся. – По-моему, при расследовании убийства очень важна полная ясность.

– Вы, вероятно, правы. Что она ответила на ваш вопрос?

– Она очень расстроилась и сказала, что ночь – клубничка.

– Господи боже.

Ланглуа разочарованно вздохнул:

– Не войдете со мной? Я знаю, вы говорите по-английски. Слышал ваши выступления на конференциях.

– Но откуда вы знаете, что и я не корежу язык? Может, ночь и есть клубничка.

– У нас есть другие полицейские, которые знают английский лучше

меня, и я собирался привезти кого-нибудь из них, но тут увидел вас. Мы могли бы воспользоваться вашей помощью.

Гамаш сомневался. Он чувствовал дрожь в руках, которую, к счастью, скрывали рукавицы.

– Спасибо за приглашение. – Он встретился взглядом с инспектором. – Но я не могу.

Последовало молчание. Инспектор, ничуть не огорченный, кивнул:

– Не нужно было мне просить. Мои извинения.

– Да не за что извиняться. Я признателен вам за приглашение. Merci.

Незаметно для них обоих за ними следили из окна второго этажа. Окно было вставлено сто лет назад вместо двери, которая выходила на мостки, а те вели к смерти через повешение.

Элизабет Макуиртер, все еще обмотанная шарфом, но оставившая пальто в гардеробе при входе, смотрела на двух мужчин. Немного ранее она выглянула из окна, чтобы не видеть это чуждое действо, творившееся в библиотеке. Она искала успокоения, душевного мира в неизменной картинке, открывающейся из окна. Перед ее глазами были пресвитерианская церковь Святого Андрея, резиденция священника, знакомые наклонные крыши города. Снежок неторопливо падал на них, словно в мире не было никаких забот.

Из окна она увидела человека с собакой – он стоял перед кордоном, наблюдал. Она знала, что вот уже неделю он каждый день приходит в библиотеку и сидит тихонько со своей овчаркой. Читает. Иногда пишет. Иногда спрашивает Уинни про книги, которые сто лет, а то и больше никем не открывались.

– Он ищет материал по битве на Полях Авраама, – доложила Уинни Портеру, когда они стояли на антресолях над библиотекой. – В особенности его интересует переписка Джеймса Кука и Луи-Антуана де Бугенвиля.

– Почему? – прошептал Портер.

– Откуда мне знать? – сказала Уинни. – Эти книги такие старые, что, скорее всего, их никто не каталогизировал. Их даже отложили для следующей распродажи. Но потом это отменили.

Портер посмотрел на крупного спокойного человека, сидящего на кожаном диване внизу.

Элизабет была абсолютно уверена, что Портер не узнал его. Она не сомневалась, что и Уинни его не узнала. В отличие от нее.

А теперь, глядя, как местный полицейский инспектор пожимает ему руку и уходит, она снова взглянула на крупного человека и вспомнила, когда в последний раз видела его на улице.

Вместе с остальной провинцией, а вернее, со всей страной она смотрела Си-би-си. Как она узнала позднее, об этом была передача даже на Си-эн-эн, которая вещала на весь мир.

Тогда-то Элизабет и видела его. В форме, без бороды, с синяками на лице, в фуражке, не полностью закрывающей уродливые шрамы. Парадный мундир на нем был теплый, но наверняка не настолько, чтобы защитить его в холод. Он медленно, чуть прихрамывая, шел во главе длинной скорбной колонны мужчин и женщин в форме. Почти нескончаемый кортеж полицейских из Квебека, из Канады, из Штатов, Англии, Франции. А во главе – их начальник. Человек, который вел их, но не последовал за ними до конца. В смерть. Чуть-чуть не успел.

И эта фотография, что появилась на первых газетных полосах, на обложках многих журналов, от «Пари матч» до «Маклинс», «Ньюсуик» и «Пипл».

Фотография старшего инспектора: глаза на мгновение закрыты, голова чуть приподнята, на лице гримаса – миг страшной внутренней муки, ставший достоянием публики. Это было почти невыносимо.

Элизабет никому не сказала, кто он, этот тихий человек, приходивший читать в их библиотеку, но сейчас это должно было измениться. Снова надев пальто, она осторожно спустилась по обледеневшим ступенькам и поспешила по улице следом за ним. Он шел по рю Сент-Анн, рядом с ним трусила собака на поводке.

– Pardon, – окликнула его Элизабет. – Excusez-moi[17].

Гамаш, уже успевший уйти на некоторое расстояние, шел, обходя счастливых туристов и загулявших жителей города. Он свернул налево на рю Сент-Урсюль. Элизабет ускорила шаг. Свернув за угол, она увидела его в полуквартале впереди.

– Bonjour! – крикнула она и помахала ему рукой, но он шел спиной к ней, а если и слышал оклик, то, вероятно, подумал, что это обращено к кому-то другому.

Он приближался к рю Сен-Луи и толпе, направляющейся в Ледяной дворец. Она почти наверняка потеряет его в этой толчее.

– Старший инспектор!

Это прозвучало даже тише, чем все предыдущие слова, но крупный человек сразу застыл на месте. Он стоял спиной к Элизабет, и она отметила, что некоторые недоброжелательно поглядывают на него, вынужденные обходить его по узкому тротуару.

Старший инспектор повернулся. Она боялась, что он будет раздражен, но у него был добродушный, недоумевающий вид. Он быстро пробежал

взглядом по лицам и остановился на ней, стоящей в полуквартале от него. Он улыбнулся, и они двинулись навстречу друг другу.

– Désolé[18], – сказала Элизабет, протягивая ему руку. – Извините, что побеспокоила.

– Не стоит извинений.

Наступило неловкое молчание. Гамаш никак не прокомментировал тот факт, что она знает его. Это было слишком очевидно, а он, как и она, не хотел тратить время на очевидное.

– Я знаю, вы работаете в библиотеке, верно? – сказал он. – Чем могу быть полезен?

Они стояли на людном углу рю Сен-Луи и рю Сент-Урсюль. Люди с трудом протискивались мимо них. Чтобы закупорить узкую артерию, многого и не требовалось.

Элизабет все не решалась. Гамаш огляделся и махнул рукой в сторону, противоположную потоку людей, идущих по улице:

– Хотите кофе? Я подозреваю, что вам бы не помешало что-нибудь.

Она улыбнулась впервые за этот день и вздохнула:

– Oui, s’il vous plaît[19].

Пройдя сквозь толпу на квартал вниз по склону, они остановились перед самым маленьким зданием на улице. Оно было побелено, крыша сверкала красным металлом, а наверху красовалась вывеска «Aux Anciens Canadiens»[20].

– Вообще-то, тут бывает полно туристов, но в такое время дня довольно тихо, – сказал Гамаш по-английски, открывая дверь.

Они оказались в довольно обычной для Квебека ситуации, когда из вежливости француз говорит по-английски, а англичанин – по-французски. Они вошли в темный уютный ресторанчик, самый старый в провинции, с низкими потолками, каменными стенами и сохранившимися потолочными балками.

Когда они сели и официант принял у них заказ, Гамаш спросил:

– Может быть, нам выбрать и язык?

Элизабет рассмеялась и кивнула.

– Как насчет английского? – спросил он.

Она еще никогда не видела старшего инспектора так близко. Ему было лет пятьдесят пять – об этом она знала из сообщений. Он был широкоплеч, хорошо сложен, но больше всего ее привлекли его глаза, темно-карие и спокойные.

Элизабет не ожидала этого. Думала, что у него проницательные,

холодные, аналитические глаза, которые повидали много страшного, а потому смотрят жестко. Но они оказались задумчивыми, добрыми.

Официант принес Элизабет капучино, а Гамашу – эспрессо. Припозднившиеся с завтраком клиенты уже уходили, и в уголке, где они сели, было тихо.

– Вы, конечно, знаете, что случилось сегодня утром? – спросила Элизабет.

Кофе был ароматный, великолепный. Она нечасто тратилась на хороший кофе, но этот был угощением.

– Инспектор Ланглуа сказал мне, что в подвале Литературно-исторического общества обнаружено тело. – Говоря это, Гамаш смотрел на Элизабет. – Смерть была насильственной.

Она была благодарна ему за то, что он не сказал «убийство». Слишком уж это страшное слово. Она опробовала его в безопасности собственных мыслей, но пока еще не могла вынести на публику.

– Когда мы пришли сегодня утром, телефоны не работали, и тогда Портер позвонил в «Белл Кэнада» и вызвал мастера.

– И мастер быстро приехал, – сказал Гамаш.

– Они нас знают. Здание у нас старое, нуждается в ремонте. Телефоны часто отключаются – либо замыкание, либо мыши перегрызают провода. Но нынешний случай нас удивил, потому что мы недавно поменяли всю проводку.

– Когда вы появились в библиотеке?

– В девять. Приходим пораньше, чтобы иметь час на рассортировку книг и всякие другие дела до открытия библиотеки. Как вы знаете, мы открываемся каждое утро в десять.

Гамаш улыбнулся:

– Я знаю. У вас замечательная библиотека.

– Мы ею очень гордимся.

– Значит, вы появились в девять и сразу же позвонили в «Белл».

– И двадцати минут не прошло, как приехал мастер. У него ушло полчаса на то, чтобы выяснить, в чем дело. Он решил, что в подвале разрыв провода. Мы все подумали, что это опять мыши.

Она помолчала.

– И когда вы поняли, что это не мыши? – спросил Гамаш, понимая, что ей сейчас нужна помощь, чтобы закончить эту историю.

– Мы его услышали – мастера. Он громыхал ботинками по лестнице. Человек он не маленький, и нам показалось, что на нас скачет табун. Он прибежал в кабинет и несколько секунд просто молча смотрел. Потом

сказал нам, что в подвале мертвец. Он его откопал, бедняга. Думаю, он не сразу в себя пришел.

Гамаш согласился. Некоторые отходят быстро, а другие после такого события переживают всю оставшуюся жизнь.

– Вы говорите, он его откопал. Значит, в подвале пол не забетонирован?

– Нет. Камеры помещались этажом выше, а это был самый нижний уровень. Дому не одна сотня лет. Раньше там в холодке держали продукты. Когда мастер сказал, что нашел тело, я подумала, что речь идет о скелете. Их все время находят в Квебек-Сити. Может быть, это был казненный преступник. Мы с Уинни пошли посмотреть. Но нам туда и спускаться не пришлось – через дверь увидели, что никакой это не скелет. Человек умер недавно.

– Наверно, для вас это было потрясением.

– Да. Я и прежде видела покойников – в больнице, на похоронах. У меня подружка умерла во сне, и я ее обнаружила, когда зашла за ней – хотела вместе с ней пойти на партию в бридж. Но то другое дело.

Гамаш кивнул. Он понимал. Есть места, где, увидев покойника, не удивляешься, а есть места, где их не должно быть.

– Что вам сказал инспектор? – спросила Элизабет.

Она поняла, что с этим человеком нужно говорить откровенно и не бояться задавать вопросы.

– К сожалению, я ничего такого у него не спрашивал. Но он подтвердил, что это насильственная смерть.

Элизабет опустила глаза на свою опустевшую чашку – она выпила кофе, даже не заметив этого. Редкое угощение пропало даром, остался только клочок пенки. У нее возникло искушение подобрать его пальцем, но она взяла себя в руки.

Принесли счет, и теперь он лежал на столе. Пора было уходить. Старший инспектор подвинул счет к себе, но больше не сделал никаких движений. Он продолжал смотреть на Элизабет. Ждал.

– Я пошла за вами, чтобы попросить об услуге.

– Oui, madame?

– Нам нужна ваша помощь. Вы знаете библиотеку. Мне кажется, она вам нравится.

Гамаш кивнул.

– Вы, безусловно, знаете английский. И не только язык. Я опасаюсь того, чем это может кончиться для нас. Мы – маленькая община, и Литературно-историческое общество слишком важно для нас.

– Я понимаю. Но вы в хороших руках инспектора Ланглуа. Он будет относиться к вам уважительно.

Элизабет взглянула на него, потом наклонила голову:

– Не могли бы вы зайти и посмотреть, может быть, задать какие-то вопросы? Вы и представить себе не можете, какая это для нас катастрофа. Для жертвы, конечно, в первую очередь, но и для нас тоже. – Она поспешила продолжить, прежде чем он откажется. – Я понимаю, что для вас это лишняя головная боль. Правда понимаю.

Гамаш знал, что она говорит искренне, но сомневался, что она понимает. Он посмотрел на свои руки, лежащие на столешнице. Он молчал, и в этом молчании, как и всегда, был слышен тот молодой голос. Теперь знакомый ему не меньше голосов его собственных детей.

«А на Рождество мы идем в гости к родителям Сюзанны и моим. К ее родителям мы ходим на рождественский ужин, а к моим – на мессу в утро Рождества». Голос говорил и говорил о повседневных, тривиальных мелочах, из которых состоит жизнь обычного человека. Этот голос не только звучал у него в ушах – он жил в его голове, в его мозгу. Он всегда был там. Говорил. Говорил бесконечно.

– Извините, мадам, но я не смогу вам помочь.

Он посмотрел на пожилую женщину, сидящую напротив. Предположительно лет семьдесят пять. Худенькая, хорошо сложенная. Косметики почти никакой – лишь немного вокруг глаз да губная помада. Если умеренность давала положительный результат, то перед Гамашем был яркий пример этого. Она представляла собой образ интеллигентной бережливости. Костюм далеко не последнего фасона, но классический, такие всегда в моде.

Она назвала себя – Элизабет Макуиртер, и даже Гамашу, чужому в Квебек-Сити, было знакомо это имя. Судостроительные верфи Макуиртера. Целлюлозно-бумажный комбинат Макуиртера на севере провинции.

– Пожалуйста, нам нужна ваша помощь.

Гамаш видел, как нелегко ей обращаться к нему с просьбой, потому что она понимала, в какое положение ставит его. И все же она делала это. Он не вполне осознавал, насколько отчаянна ситуация, в которой она оказалась. Ее проницательные голубые глаза ни на миг не отрывались от него.

– Désolé, – мягко, но решительно сказал он. – Мне неприятно вам отказывать. И если бы в моих силах было помочь, я бы сделал это. Но…

Он не закончил. Он даже не знал, что собирался сказать после этого «но».

Элизабет улыбнулась:

– Извините, старший инспектор. Не стоило к вам обращаться. Простите меня. Боюсь, что мои собственные неприятности ослепили меня. Я уверена, что вы правы и инспектор Ланглуа хорошо сделает свое дело.

– Я понимаю, что ночь – клубничка, – сказал Гамаш с легкой улыбкой.

– А, так вы об этом уже слышали? – Элизабет улыбнулась в ответ. – Бедняжка Уинни. У нее нет слуха к языкам. Она читает по-французски без всяких проблем. В школе всегда получала самые высокие отметки, но говорить так и не научилась. От ее произношения поезд может остановиться.

– Наверно, инспектор Ланглуа сбил ее с толку, поинтересовавшись ее происхождением.

– Да, это мало способствовало взаимопониманию, – признала Элизабет.

Ее веселость как рукой сняло, на лице снова появилось озабоченное выражение.

– Вам нечего волноваться, – заверил ее Гамаш.

– Но вы ведь не знаете всего. Не знаете, кто этот мертвец.

Она понизила голос и заговорила шепотом. Совсем как Рейн-Мари, когда та читала внучкам сказки. Таким голосом она говорила не за крестную фею, а за злую ведьму.

– И кто же это? – спросил Гамаш, тоже понизив голос.

– Огюстен Рено, – прошептала Элизабет.

Гамаш откинулся на спинку стула, широко раскрыв глаза. Огюстен Рено. Мертв. Убит в Литературно-историческом обществе. Теперь старший инспектор понимал отчаяние Элизабет Макуиртер.

И он знал, что у нее есть для этого основания.

Глава четвертая

Габри сидел в потертом кресле у ревущего в камине огня. Вокруг него в бистро, в котором теперь он играл первую скрипку, стоял знакомый гомон – время ланча. Люди смеялись, болтали. За несколькими столиками тихо читали субботний номер газеты или книгу. Кое-кто приходил на завтрак и засиживался до ланча, а то и до обеда.

Стоял неторопливый субботний день февраля, исход зимы, и бистро полнилось разговорами и позвякиванием приборов о фарфор. Друзья Габри – Питер и Клара Морроу – были с ним, как и Мирна, владевшая книжной лавкой по соседству. К ним собиралась присоединиться Рут, а это обычно означало, что ее здесь не будет.

За окном раскинулась деревня Три Сосны, засыпанная снегом, который все продолжал идти. На метель это было мало похоже – ветер слабоват, но Габри удивился бы, если бы к концу снегопада выпало меньше фута. Он знал, что такова уж особенность квебекских зим. Они могут казаться мягкими, даже красивыми, но застают вас врасплох.

Крыши домов в деревне были белы, из труб курился дымок. Толстый слой снега лежал на ветвях хвойных деревьев и на трех великолепных соснах, стоящих, словно часовые, в дальнем конце деревенского луга. Машины перед домами превратились в сугробы и напоминали древние курганы.

– Я тебе говорю, что сделаю это, – сказала Мирна, прихлебывая горячий шоколад.

– А вот и не сделаешь, – рассмеялась Клара. – Ты каждую зиму это говоришь, но никогда не делаешь. И потом, все равно уже слишком поздно.

– Ты видела стоимость горящих путевок? Посмотри.

Мирна протянула подруге страничку из монреальской «Газетт» с рекламой турфирм и ткнула пальцем в одну из рамочек.

Клара прочла, брови у нее взметнулись.

– Вообще-то, неплохо. Куба?

Мирна кивнула:

– Я могу там оказаться уже сегодня вечером, к обеду. Четырехзвездочный курорт. Все включено.

– Дай-ка взглянуть, – сказал Габри, наклоняясь к Кларе.

Клара каким-то образом умудрилась капнуть джемом на газету, хотя никакого джема поблизости не было. Они все знали, что это приватное

чудо, творимое Кларой. Она могла из ничего творить великие произведения искусства и специи. Любопытно, что на ее портретах никогда не обнаруживалось капелек джема или крошек круассана.

Габри просмотрел страницу, откинулся на спинку кресла:

– Да ну, ничего интересного. В «Конде наст» объявления интереснее.

– «Конде наст» никогда не печатает фотографии обнаженных мужчин, облитых оливковым маслом и загорающих на пляже, – возразила Мирна.

– Вот за это я бы заплатил, – сказал Габри. – Все включено.

Каждую субботу они вели один и тот же разговор. Сравнивали цены и пляжи, выбирали карибские круизы, спорили, что лучше: Багамы или Барбадос, Сан-Мигель-де-Альенде или Кабо-Сан-Лукас. Экзотические места, далекие от падающего снега, бесконечного снега. Глубокого, хрустящего, ровного.

Но никто из них так никуда и не ездил. Какими бы привлекательными ни были цены. И Габри знал почему. Мирна, Клара, Питер знали почему. И эту теорию придумала не Рут.

– Вы все обленились – шагу лишнего не сделаете.

Ну не совсем чтобы так.

Габри пригубил кофе с молоком и посмотрел на пляшущее пламя, прислушиваясь к знакомому гомону знакомых голосов. Он оглядел бистро с его сохранившимися балками, полом из широких досок, сводчатыми окнами, разнородной удобной старой мебелью. И с тихой, уютной деревней за окнами.

Не было на свете места теплее Трех Сосен.

За окном он увидел машину, спускающуюся по рю Дю-Мулен, мимо новой гостиницы и спа-салона на холме, мимо англиканской церкви Святого Томаса за деревенским лугом. Двигалась машина медленно, оставляя следы покрышек в свежевыпавшем снегу. Она подъехала к старому кирпичному дому Джейн Нил и остановилась.

Машина была незнакомая. Будь Габри дворовой собачонкой, он бы залаял. Не предупредительно, не из страха, а от возбуждения.

Гости редко заглядывали в Три Сосны, разве что случайно попадали в крохотную деревню в долине, потому что заехали наобум слишком далеко. Заблудились. Потерялись.

Именно так Габри и его партнер Оливье оказались в Трех Соснах. Совершенно случайно. У них были другие, более грандиозные планы на жизнь, но стоило им увидеть эту деревню с ее коттеджами из плитняка, бревенчатыми домиками и кирпичными домами лоялистов[21], с ее неувядающими клумбами роз, дельфиниумов и душистого горошка, с ее

пекарней и гастрономом, как они решили здесь остаться. Вместо того чтобы покорять Нью-Йорк, или Бостон, или хотя бы Торонто, они обосновались в этом захолустье. И желания покинуть Три Сосны у них никогда не возникало.

Оливье открыл бистро, обставил его мебелью, найденной на распродажах неподалеку. Потом они купили постоялый двор, где прежде ночевали возницы почтовых карет, переоборудовали его в гостиницу, которая стала любимым детищем Габри.

Но теперь, когда Оливье не было, Габри хозяйствовал и в бистро. Держал его открытым для друзей. И для Оливье.

Габри увидел, как из машины вышел человек. Узнать его с такого расстояния было невозможно. На нем была теплая куртка, вязаная шапочка, шарф. Это вполне могла быть женщина. Да вообще кто угодно. Но Габри встал, и сердце его чуть не выпрыгнуло из груди.

– Что там? – спросил Питер.

Он снял одну длинную ногу с другой, и его высокое, стройное тело подалось вперед на диване. На красивом лице Питера появилось выражение любопытства. Он вздохнул с облегчением, когда прекратился этот разговор о путешествиях. Питер воспринимал такие вещи буквально и напрягался, когда Клара сообщала, что всего за пятнадцать тысяч долларов они могут даже взять каюту принцессы на «Куин Мэри-2». Это была ежедневная нагрузка на его сердце. Но теперь разговор закончился, и он уставился на Габри, который в свою очередь смотрел на незнакомца, очень медленно бредущего по снегу.

– Ничего, – сказал Габри.

Он никому не расскажет, что сейчас чувствует, какие мысли у него возникают при каждом телефонном звонке, при каждом стуке в дверь или появлении незнакомой машины.

Габри взглянул на кофейный столик, на котором стояла выпивка, вазочка с шоколадным печеньем и лежал лист плотной писчей бумаги с незаконченным посланием. Тем самым, что он писал и отправлял каждый день вместе с лакричной трубочкой.

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?» – написал он. А потом добавил: «Оливье не делал этого». Он отправит его сегодня днем, а завтра напишет еще одно письмо старшему инспектору Гамашу.

Человек медленно, еле передвигая ноги, шел в сторону бистро, появившись из густого снегопада. Он прошел всего двадцать ярдов от машины, а снег уже собрался на шапочке, на шарфе, на тонких плечах. У Оливье были тонкие плечи.

Снеговик добрался до бистро и открыл дверь. В бистро ворвался морозный воздух, и люди повернули головы к двери, а потом снова возвратились к своей трапезе, своим разговорам и жизням. Человек медленно разоблачился. Снял шарф, ботинки, отряхнул куртку – снег падал на деревянный пол и таял. Человек надел тапочки для посетителей, лежащие в корзине у двери.

Сердце Габри стучало. За его спиной Мирна и Клара продолжали обсуждать, стоит ли за несколько тысяч перемещаться в самые престижные каюты «Куин Мэри».

Он знал, что это не может быть Оливье. Никак не может. Но все же… а вдруг Гамаша убедили все полученные им письма Габри и он выпустил Оливье? Может быть, это было горящее решение – вроде горящей путевки, – освобождение в последнее минуту, и Оливье отправился не в тюрьму, а домой.

Габри шагнул вперед, не в силах более сдерживаться.

– Габри? – окликнул его Питер, вставая.

Габри прошел полпути по бистро.

Человек стянул с себя шапочку и повернулся лицом к залу. Разговоры медленно смолкали, по мере того как происходило узнавание.

Это был не Оливье. Это был один из тех, кто увез его, арестовал, посадил в тюрьму за убийство.

Инспектор Жан Ги Бовуар оглядел зал и неуверенно улыбнулся.

Утром, когда ему позвонил старший инспектор, Бовуар у себя в подвале мастерил книжный шкаф. Сам он не любил читать, зато его жена Энид много читала, вот он и делал шкаф для нее. Она была наверху, пела. Негромко и фальшиво. Он слышал, как она моет посуду после завтрака.

– Эй, у тебя там все в порядке? – крикнула Энид.

Ему хотелось ответить, что не все. Он умирал от скуки. Он ненавидел работать по дереву, ненавидел эти треклятые кроссворды, с которыми она приставала к нему. Ненавидел книги, которые она ставила стопками рядом с диваном, ненавидел подушки и одеяла в ее руках, преследовавшие его повсюду, – он что, инвалид какой-нибудь? Он ненавидел то, что обязан ей многим. Ненавидел то, что она его любит.

– Все в порядке, – откликнулся он.

– Если тебе что надо – скажи.

– Скажу.

Бовуар подошел к верстаку, остановился передохнуть у стола. Он уже сделал сегодня свою зарядку. Раньше он занимался этим нерегулярно, но

доктор сказал ему, что чем больше он будет делать зарядку, тем скорее избавится от навязчивых забот Энид.

Доктор выразился иначе, но Бовуар услышал его именно так, и эти слова мотивировали его. Утром, в полдень и вечером делал он зарядку, чтобы вернуть себе силы. Они возвращались медленно. Он понимал, когда перебарщивает. Но иногда чувствовал, что оно того стоит. Он предпочтет умереть при попытке к бегству, чем задержится в таком состоянии.

– Печеньице? – пропела Энид.

– Что, Кексик? – ответил он.

Это была их маленькая шутка. Он услышал ее смех и подумал, больно ли будет, если отпилить себе руку ножовкой. Только не правую, в которой он держит пистолет. Эта еще может ему понадобиться.

– Да нет, я спрашиваю, ты не хочешь печенья? Я собираюсь испечь.

– Здóрово. Merci.

Бовуар никогда особо не хотел стать отцом, но теперь ему отчаянно хотелось детей. Может быть, тогда Энид перенесет свою любовь на них. Дети спасут его. Внезапно он подумал, как это будет вредно для них – оказаться под прессом ее безоговорочной, постоянной, неумолимой любви, но что поделаешь, sauve qui peut[22].

Тут зазвонил телефон.

И сердце у него остановилось. Он думал, надеялся, что со временем перестанет так реагировать. Неудобно было иметь сердце, которое останавливалось каждый раз, когда звонил телефон. В особенности раздражало, когда кто-то ошибался номером. Но это не проходило, даже вроде как ухудшалось. Энид поспешила к телефону, и Бовуар понимал: она бежит, потому что знает, как сильно этот звук выбивает его из колеи.

И он ненавидел себя за то, что ненавидит ее.

– Oui, allô? – услышал он ее голос, и память немедленно вернула Бовуара назад, в тот день.

«Убийство».

Секретарь шефа ответила на звонок телефона в их офис, который представлял собой большое открытое пространство, занимающее целый этаж в управлении Квебекской полиции в Монреале. Но там все же было несколько выгородок. В том числе уединенное помещение для заседаний с любимыми фломастерами Бовуара, длинными листами бумаги на стенах, доской для записей и пробковой доской для объявлений. Все аккуратно, все на своих местах.

Бовуар был вторым по старшинству после шефа, а потому имел свой кабинет.

А у шефа был большой кабинет в углу, с видом на Монреаль из окна. Оттуда Арман Гамаш руководил операциями по всей провинции, расследовал убийства на территории, протянувшейся от озера Онтарио до Атлантического океана, от границы со штатами Вермонт и Нью-Йорк до полярного круга. У них были сотни агентов и следователей в отделениях по всей провинции, а также специальные бригады, которые выезжали в районы, где не было своего отдела по расследованию убийств.

И все эту работу координировал старший инспектор Гамаш.

Бовуар сидел в кабинете Гамаша, и они обсуждали особо отвратительный случай в Гаспé, когда зазвонил телефон. Трубку сняла секретарь Гамаша. Инспектор Бовуар как раз в этот момент посмотрел на часы, висящие на стене. 11.18 утра.

«Убийство», – услышал он ее голос.

И с того момента мир изменился.

Тихий стук в дверь вывел Элизабет Макуиртер из забытья. Она разглядывала список членов, откладывая момент, когда нужно будет им звонить. Но она знала, что время звонить давно прошло. Она должна была начать звонить час назад. Уже поступали сообщения от членов английского сообщества, включая Си-би-си-радио и еженедельную английскую газету «Кроникл-телеграф». Она, Уинни и Портер пытались быть уклончивыми, но им удалось только придать всему еще бóльшую таинственность.

Репортеры уже ехали сюда.

И все же Элизабет откладывала звонки, до последнего цеплялась за все то, что хотя бы отдаленно напоминало нормальный ход вещей. Их тихую, протекающую без всяких событий жизнь, их добровольное решение стать хранителями пыльного и по меньшей мере болезненного прошлого, но прошлого, которое было для них драгоценно.

Стук в дверь повторился. Не громче, но с прежней настойчивостью. Неужели успели приехать журналисты? Но Элизабет подозревала, что они, как и полиция, не стучали бы тихонько, а ломились бы в дверь. Этот стук был просьбой, а не требованием.

– Я открою, – сказала Уинни, прошла по большой комнате и поднялась на две ступеньки к двери.

Элизабет и Портер наблюдали за ней, сидя за своими столами перед большими венецианскими окнами. Уинни говорила с кем-то, кого они не видели. Разговора они тоже не слышали, но она вроде бы старалась что-то объяснить. Потом она попыталась закрыть дверь. Потом она прекратила эти попытки, распахнула дверь и повернулась к комнате.

– С вами хочет поговорить старший инспектор Гамаш, – сказала она Элизабет с легким удивлением.

– Кто? – спросил Портер, вскакивая из-за стола.

Теперь, когда пожилая женщина ответила на стук в дверь, он брал ответственность на себя.

За распахнутой дверью стоял Арман Гамаш. Он посмотрел на людей, одновременно оценивая обстановку. В кабинете был высокий потолок и огромные арочные окна, а деревянный пол находился на несколько ступенек ниже двери. Кабинет был отделан деревянными панелями и заставлен по стенам книжными шкафами, напоминая собой старинный спортивный зал в миниатюре, занятия в котором носили интеллектуальный, а не физический характер.

– Извините, что беспокою, – сказал он, проходя в комнату.

Он был без куртки, в кардигане верблюжьей шерсти, в рубашке и галстуке, в темно-синих брюках. У его ноги держалась немецкая овчарка по имени Анри.

Портер уставился на старшего инспектора. Уинни спустилась по лестнице. Элизабет встала из-за своего стола и подошла к Гамашу.

– Вы все же пришли, – сказала она, улыбаясь и протягивая руку.

Он взял ее ладонь в свою большую руку и задержал.

– Что вы имеете в виду? – спросил Портер. – Я не понимаю.

– Я просила старшего инспектора наблюдать за ходом расследования. Это старший инспектор Гамаш. – Элизабет ждала реакции. – Из Квебекской полиции.

– Я знаю, кто он такой, – солгал Портер. – Все время знал.

– Старший инспектор Гамаш, позвольте мне представить вам главу нашего совета директоров, – сказала Элизабет. – Портер Уилсон.

Уилсон и Гамаш обменялись рукопожатием.

– Но нам не нужна помощь. Мы прекрасно справимся сами, – выпалил Портер.

– Я знаю. Я только хотел убедиться. Вы были так добры, позволив мне пользоваться вашей библиотекой, и я подумал, что мог бы предложить вам за это собственный опыт.

– Но это даже не ваша юрисдикция, – проворчал Портер, поворачиваясь спиной к старшему инспектору. – Сепаратисты будут праздновать победу. Откуда мы знаем, что вы не один из них?

Элизабет Макуиртер готова была провалиться сквозь землю.

– Ради бога, Портер, месье Гамаш пришел, чтобы помочь нам. Я его сама пригласила.

– Мы поговорим об этом позднее.

– Не все сепаратисты желают вам зла, месье, – сказал Гамаш дружелюбным, но твердым голосом. – Но вы правы: это не моя юрисдикция. На меня произвело впечатление, что вам это известно.

Элизабет не без удивления смотрела на Портера, который начал оттаивать.

– Вы явно следите за политикой, – добавил Гамаш.

Портер кивнул и расслабился еще больше. «Еще немного, – подумала Элизабет, – и он свернется калачиком у Гамаша на коленях».

– У Квебекской полиции нет юрисдикции в городе, – продолжал Гамаш. – Смерть месье Рено в юрисдикции местного отдела по расследованию убийств. Мне знаком инспектор Ланглуа, и он был настолько любезен, что просил меня присоединиться к ним. Немного поразмыслив, – он взглянул на Элизабет, – я решил, что могу посмотреть, как у вас обстоят дела. – Он повернулся к Портеру: – Конечно, с вашего разрешения, сэр.

Портер Уилсон был почти в экстазе. Уинни и Элизабет переглянулись. Если бы они только понимали, что все может быть так просто! Но тут лицо Портера снова помрачнело – он опять погрузился в насущные заботы.

Возможно, участие Гамаша и не к лучшему. Еще вчера здесь не было никакой полиции, а теперь тут будут два полицейских подразделения.

Не говоря уже о трупе.

– Могу я оставить Анри с вами, пока буду осматривать подвал?

– Конечно, – сказала Уинни и взяла поводок.

Гамаш оставил ей немного печенья для Анри, потрепал пса, приказал, чтобы он вел себя хорошо, и вышел.

– Не нравится мне это дело, – услышал он голос Портера, едва закрыв дверь.

Гамаш подумал, что эти слова предназначались для его ушей. Но и ему это дело тоже не нравилось.

В коридоре его ждал полицейский в форме, и они вместе прошли по лабиринту коридоров и лестниц. Гамаш должен был признать, что совершенно здесь запутался, и он подозревал, что сопровождавший его полицейский запутался тоже. На покрытых линолеумом полах стояли коробки, заполненные книгами и бумагами; замысловатые лестницы вели в грязные туалетные комнаты и заброшенные кабинеты. Они подошли к двум громадным деревянным дверям и, открыв их, оказались во впечатляющем бальном зале с высоченными потолками, по которому прошли еще в один точно такой же впечатляющий зал. Оба были пусты, если не считать

нескольких приставных лестниц и вездесущих коробок с книгами. Гамаш открыл одну коробку. Книги и книги, в кожаных переплетах. Он знал, что если возьмет одну из них, то погрязнет в ней навсегда, поэтому не стал ничего брать и последовал в следующий коридор за полицейским, который злился все больше.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал полицейский. – Такие прекрасные помещения – и все коту под хвост. Несправедливо это. Зачем им такое великолепное здание? Не лучше ли использовать его для чего-нибудь более достойного?

– Например?

– Ну не знаю. Но есть же что-то такое, для чего кто-нибудь мог бы его использовать.

– Его кто-то и использует.

– Les Anglais.

Гамаш остановился:

– Excusez-moi?

– Les têtes carré, – пояснил молодой полицейский.

Квадратноголовые[23].

– Вы должны относиться к этим людям с уважением, – сказал Гамаш. – Они не более квадратноголовые, чем мы с вами лягушатники. – Голос его прозвучал резко, жестко.

Полицейский напрягся:

– Я никого не хотел обидеть.

– Так ли? – Гамаш посмотрел на молодого человека, который уставился на него. Наконец Гамаш слегка улыбнулся. – Вы не раскроете преступления, оскорбляя этих людей или насмехаясь над ними. Не будьте слепым.

– Да, сэр.

Они пошли дальше по незнакомым коридорам, мимо великолепных залов, мимо мрачных комнат – все они были пусты. Словно Литературно-историческое общество ушло в глухую оборону, перегруппировалось, отступило в помещения великолепной библиотеки, где за их действиями наблюдал генерал Вольф.

– Сюда, сэр. Кажется, я нашел.

Они спустились по лестнице и увидели еще одного полицейского в форме, который скучал у люка. Увидев старшего инспектора, он подтянулся. Гамаш кивнул и увидел, как его молодой проводник стал спускаться по металлической лестнице.

Гамаш не был готов к этому.

Оказавшись внизу, полицейский поднял голову вверх в ожидании. Выражение его лица менялось от нетерпеливого к вопросительному. Что там задерживает старшего инспектора? Потом он вспомнил. Поднялся на несколько ступенек и вытянул вверх руку.

– Все в порядке, сэр, – спокойно сказал он. – Я не дам вам упасть.

Гамаш посмотрел на его руку:

– Я вам верю.

Он осторожно спустился на несколько ступенек и ухватился за сильную руку молодого полицейского.

Жан Ги Бовуар сидел у огня, перед ним стояло пиво, на тарелке лежал сэндвич со стейком. К нему присоединились Питер и Клара. Мирна и Габри сидели на диване лицом к огню.

Бовуар приехал в Три Сосны в первый раз после того дня, когда они арестовали Оливье Брюле за убийство Отшельника, то есть Якоба. Он посмотрел в огромный зев камина, где бушевал огонь, и вспомнил, как нашел внутри незакрепленные кирпичи, засунул руку по плечо в выемку и пошарил там. Опасаясь того, что он может нащупать и что может нащупать его. А вдруг там крысиное гнездо? Мыши? Пауки? Или змеи?

Хотя он и провозглашал себя образцом рациональности, на самом деле у него было живое непослушное воображение. Его рука нащупала что-то мягкое и шероховатое на ощупь. Он напрягся, замер. Сердце его колотилось, воображение перехлестывало через край, и он буквально заставил себя вытащить руку, сомкнув пальцы на том, что там обнаружилось. Извлек находку.

Вокруг него сгрудились члены команды, наблюдая. Старший инспектор Гамаш, агент Изабель Лакост и стажер агент Пол Морен.

Бовуар медленно вытащил находку из тайника в кладке камина. Это был небольшой полотняный мешок, перевязанный бечевой. Бовуар положил его на тот самый стол, где сейчас стояло его пиво и тарелка с сэндвичем. И снова полез в тайник, нашел там кое-что еще. Простой, изящный, прекрасный канделябр. Семисвечник. Старинный. Изготовленный несколько сотен, а то и тысяч лет назад, как сказал позднее эксперт.

Но эксперты сказали и кое-что другое, более определенное.

Древний семисвечник, освещавший столько домов, столько торжественных церемоний, бывший объектом почитания и молитвы, бережно сохраняемый столькими людьми, был использован как орудие убийства.

На нем были обнаружены кровь и волосы Отшельника, а также его отпечатки пальцев. А еще отпечатки пальцев другого человека.

Оливье.

А в мешке? Резьба по дереву, выполненная Отшельником. Изящное изображение молодого человека – он присел, прислушиваясь. Вещь была простая, мощная и красноречивая. Она говорила о мучительном одиночестве, желании, потребности. Это явно был образ Оливье, прислушивающегося. И эта работа сообщила им кое-что еще.

Скульптуры Якоба стоили сотни тысяч, а потом и миллионы долларов. Он отдавал их Оливье в обмен на еду и общество, а Оливье их продавал. Разбогател на миллионы.

Но этого ему оказалось недостаточно, Оливье хотелось большего. Ему хотелось заполучить ту вещь, которую Отшельник отказывался ему дать. Ту вещь, что была в мешке.

Последнее сокровище Якоба, его самое драгоценное владение.

И Оливье хотел заполучить эту вещь.

В приступе ярости и корысти он забрал жизнь Отшельника, потом забрал прекрасное и бесценное орудие убийства и мешок и спрятал их.

Спрятал в камине, на который Бовуар теперь и смотрел.

Обнаруженный мешок с деревянной скульптурой начал говорить. А сказать он мог только одно, и говорил это красноречиво, повторял снова и снова. Оливье убил создателя скульптуры.

Когда найденные в бистро резная скульптурка и орудие убийства добавились к уже имеющимся уликам, дальнейшее развитие событий не оставляло сомнений. Старший инспектор арестовал Оливье за убийство. Его судили и приговорили к десяти годам заключения. Деревня Три Сосны мучительно приняла эту страшную истину.

Приняли все, кроме Габри, который каждый день писал инспектору письма с одним и тем же вопросом: «Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

– Как поживает старший инспектор? – спросила Мирна, чуть наклоняясь вперед своим мощным телом.

Она была крупная и чернокожая. Бывший психолог, ныне владелец книжной лавки.

– Он в порядке. Мы разговариваем каждый день.

Правду он им, конечно, не стал говорить. А правда состояла в том, что старший инспектор был далеко не в порядке. В отличие от него, Бовуара.

– Мы встречались с ним несколько раз, – сказала Клара.

Клара Морроу, которой было под пятьдесят, стояла на пороге великих

для нее событий – ее выставка должна была произвести фурор в мире искусства. Выставка открывалась в Музее современного искусства в Монреале. В непослушных темных волосах Клары появились седые пряди, а вид у нее всегда был такой, будто она только что вышла из аэродинамической трубы.

Ее муж Питер был совсем другим. Если она была невысокой и начинала полнеть, то он отличался высоким ростом и стройностью. Одевался просто и безукоризненно, каждый седой волосок его шевелюры был аккуратно уложен.

– Мы несколько раз говорили с ним, – подтвердил Питер. – И я знаю, ты с ним на связи, – добавил он, повернувшись к Габри.

– Ну, если не давать человеку покоя называется «на связи», то да. – Габри рассмеялся и показал на свое недописанное письмо на столе, потом перевел взгляд на Бовуара. – Вас Гамаш прислал? Вы хотите заново открыть дело Оливье?

Бовуар покачал головой.

– Боюсь, что нет. Я приехал на несколько дней отдохнуть, – солгал он, глядя им в глаза.

«Если ты не возражаешь, Жан Ги, – сказал ему инспектор Гамаш сегодня утром. – Я бы и сам это сделал, но сомневаюсь, что от этого будет какая-то польза. Если была совершена ошибка, то вина лежит на мне. А тебе, может быть, удастся увидеть, в чем мы ошиблись».

«Мы все расследовали это дело, а не только вы, сэр. Мы все приняли найденные улики. Тут сомнений нет. Почему вы вдруг решили, что была совершена ошибка?» – спросил Бовуар. Он находился в подвале, держа в руке этот наводящий на него ужас телефон. А уж если он ненавидел телефоны, то как же должен был к ним относиться его шеф?

Он не думал, что они ошиблись. Напротив, он считал, что дело против Оливье завершено, проведено тщательно и без огрехов.

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?» – спросил Гамаш.

Бовуар не мог не согласиться: вопрос был хороший. Единственная помарка в деле, которое в остальном было расследовано идеально.

«И что я должен сделать?»

«Я хочу, чтобы ты поехал в Три Сосны и позадавал там вопросы».

«Какие? Мы задали все вопросы, получили все ответы. Оливье убил Отшельника. Point final[24]. Конец дискуссии. Жюри присяжных приняло наши доводы. И потом, убийство произошло пять месяцев назад. Как я теперь смогу найти какие-то новые улики?»

«Не думаю, что тебе удастся что-то найти, – сказал шеф. – Мне

кажется, если ошибка где-то и была совершена, то в интерпретации фактов».

Бовуар помолчал. Он знал, что поедет в Три Сосны и сделает то, о чем просит шеф. Он всегда подчинялся шефу. Если бы тот попросил его провести допрос, раздевшись догола, то он бы так и сделал. Но шеф, конечно, никогда такого не попросит, поэтому он и доверял шефу. Верил ему безусловно.

На мгновение он вдруг снова ощутил тот толчок, то давление, тот ужас, когда ноги под ним подогнулись и он понял, что случилось. Он рухнул на грязный пол заброшенной фабрики. И услышал откуда-то издалека знакомый голос, кричавший: «Жан Ги!» Гамаш редко повышал голос, но тогда он кричал.

Шеф снова заговорил, но теперь его голос был спокоен, задумчив – он пытался выработать наилучшую стратегию.

«Съезди туда как частный гражданин. Может быть, нам нужно посмотреть на все это под другим ракурсом».

«Что вы имеете в виду?»

«Поезжай в Три Сосны и попытайся доказать, что Оливье не убивал Отшельника Якоба».

И вот Жан Ги сидел здесь, пытаясь делать вид, что любит всех этих людей.

Но он их не любил.

Жан Ги не любил многих людей, и обитатели Трех Сосен не дали ему повода как-то измениться в этом отношении. Они были коварными, склонными ко лжи, самодовольными и какими-то невразумительными. В особенности англоязычные канадцы. Они были опасными, потому что скрывали свои мысли, скрывали свои чувства за улыбчивыми лицами. Кто знает, что на самом деле происходит в этих головах? Они говорили одно, а думали другое. Кто знает, какое негодное существо обитает, таится в этом пространстве между словами и мыслями?

Да, эти люди могли производить впечатление отзывчивых и добрых. Но они были опасными.

«Чем скорее это закончится, – думал Бовуар, улыбаясь им над стаканом пива, – тем лучше».

Глава пятая

Спустившись по лестнице, Гамаш огляделся. Сюда были принесены мощные светильники, и он увидел свет в одном из помещений подвала. Как и любого другого человека, его потянуло туда, но он воспротивился этому и принялся разглядывать то, что находилось в полумраке, давая глазам приспособиться.

Несколько мгновений спустя он увидел то, что видели здесь несколько веков назад мужчины и женщины. Каменный подвал с низкими сводами, по-французски sous-sol. Лучи солнца никогда не доходили сюда, здесь царила темнота, нарушаемая на протяжении веков лишь пламенем свечей, светом ламп на китовом жире или, позднее, газового рожка. А теперь вот – ослепляющих электрических огней. Они освещали этот подвал ярче солнца, чтобы люди могли видеть самые темные свои деяния.

Убийство.

И убийство не кого-нибудь, а Огюстена Рено.

Гамаш подумал, что Портер Уилсон, несмотря на всю свою паранойю, прав. Люди, которые хотят отделения Квебека от Канады, будут праздновать победу. Все, что бросает подозрения на англоязычных канадцев, работает на сепаратистов. Или, по меньшей мере, на наиболее радикальные фракции. Гамаш знал, что подавляющее большинство сторонников отделения – вдумчивые, разумные, порядочные люди. Но некоторые из них были настоящими безумцами.

Гамаш и его молодой проводник находились в тамбуре. Потолки здесь были низкие, хотя, возможно, они и не казались низкими тем, кто строил здание: плохое питание и суровые условия жизни делали этих людей на несколько дюймов ниже нынешних поколений. Но все же большинству из них наверняка приходилось нагибать здесь голову, как это делал сейчас он. Полы были земляные, в помещениях было прохладно, но не холодно. Они находились ниже горизонта промерзания; пусть здесь и не грело солнце, но зато и мороз не схватывал землю. Этакое мрачноватое чистилище, где не бывает жары, но не бывает и холодов.

Старший инспектор прикоснулся к каменной стене, думая о том, сколько мужчин и женщин, давно ушедших в мир иной, прикасались к этим камням до него, спускаясь сюда, чтобы принести из погребка хранившиеся здесь овощи. Чтобы поддерживать жизнь в голодных заключенных, пока не придет время их казни.

За тамбуром находилось другое помещение. Помещение, в котором горел свет.

– После вас, – сказал Гамаш полицейскому и последовал за ним.

И снова его глазам пришлось приспосабливаться, хотя теперь на это ушло меньше времени. Мощные промышленные лампы были подвешены к каменному сводчатому потолку и стенам, но большинство было направлено в угол помещения. А в углу работали несколько мужчин и женщин. Кто-то делал фотографии, кто-то отбирал образцы, некоторые собрались вокруг чего-то невидимого Гамашу. Однако он хорошо представлял себе, что это такое.

Тело.

Инспектор Ланглуа встал, отряхнул грязь с колен и подошел к нему:

– Я рад, что вы передумали.

Они пожали друг другу руки.

– Мне нужно было поразмыслить. Мадам Макуиртер тоже просила меня поучаствовать, стать кем-то вроде честного посредника между вами и ими.

Ланглуа улыбнулся:

– Она считает, что им нужен такой посредник?

– Ну, в той или иной мере об этом просили и вы. Разве нет?

Инспектор кивнул:

– Верно. И я благодарен, что вы здесь, просто я подумал, не стоит ли нам делать это на неформальной основе. Может быть, рассматривать вас в качестве консультанта? – Ланглуа огляделся. – Хотите посмотреть?

– S’il vous plaît[25].

Такие сцены были знакомы старшему инспектору. Бригада криминалистов на ранней стадии сбора улик, с помощью которых можно будет предъявить кому-то обвинение в убийстве. Коронер все еще находился здесь – в этот момент он как раз поднимался на ноги. Молодой доктор, присланный из больницы «Отель-Дьё», где находился офис старшего коронера Квебека. Правда, этот молодой человек не был старшим коронером, знакомым Гамашу. Но, судя по хладнокровию молодого человека, у него уже имелся опыт работы.

– Его ударили сзади вот этой лопатой. – Доктор показал на прикопанную лопату рядом с телом. Обращался он к инспектору Ланглуа, но постреливал глазами на Гамаша. – Вполне очевидно. Его ударили несколько раз. Я взял несколько образцов, нужно их будет исследовать в лаборатории, но других травм у него, кажется, нет.

– Сколько вам нужно времени? – спросил Ланглуа.

– Двенадцать часов плюс-минус час. Нам повезло с местом. Оно не изменяется. Ни дождя, ни снега, ни колебаний температуры. Подробности я смогу сообщить позднее.

Он повернулся, собрал свои инструменты, потом кивнул Ланглуа и Гамашу. Но не ушел – задержался, оглядывая подвал.

Ему явно не хотелось уходить. Ланглуа вперился в него взглядом, и молодой человек немного утратил самоуверенность, но тут же овладел собой:

– Нельзя ли мне остаться?

– Зачем? – спросил Ланглуа нелюбезным голосом.

Доктор упорствовал:

– Вы знаете.

Инспектор Ланглуа повернулся к нему всем телом, вынуждая его продолжать:

– Не знаю. Скажите мне.

– Понимаете… – Доктор запнулся. – Возможно, вы найдете еще что-нибудь.

Почувствовав, как напрягся инспектор, Гамаш подался к нему и прошептал:

– Может быть, лучше ему остаться.

Ланглуа нехотя кивнул, и коронер вышел из круга света, шагнув через резкую границу в темноту. И стал ждать.

На всякий случай.

Все здесь знали, что это за случай.

Старший инспектор Гамаш приблизился к телу. Яркий свет не оставлял места для воображения. Он высвечивал грязную одежду убитого, спутанные длинные седые волосы, перекошенное лицо. Руки, сжатые в кулаки вместе с землей. Жуткие раны на голове.

Гамаш опустился на колени.

Да, ошибиться в идентификации тела было невозможно. Экстравагантные черные усы, контрастирующие с белыми волосами. Длинные, кустистые брови – их с таким удовольствием пародировали политические карикатуристы. Нос картофелиной и пронзительные, почти безумные голубые глаза. Даже в смерти их взгляд оставался пристальным.

– Огюстен Рено, – сказал Ланглуа. – Сомнений нет.

– А Самюэль де Шамплейн?

Гамаш произнес вслух то, о чем думали все в этом помещении, все в этом sous-sol, все в этом здании. Но никто из них не говорил об этом вслух. Вот это и был тот «случай».

– Никаких следов?

– Нет пока, – с несчастным видом ответил Ланглуа.

Потому что там, где находился Огюстен Рено, неизменно обнаруживался и кто-то другой.

Самюэль де Шамплейн. Мертвый вот уже почти четыре столетия, но связанный с Огюстеном Рено.

Шамплейн, который в 1608 году основал Квебек, был давно мертв и похоронен.

Вот только где?

Эта великая тайна преследовала квебекцев. Каким-то образом они за прошедшие века потеряли своего основателя.

Они знали, где похоронены личности начала XVII века гораздо меньшего масштаба, лейтенанты и капитаны бригады Шамплейна. Они эксгумировали и перезахоронили бессчетное число миссионеров. Пионеры, фермеры, монахини, первые французские поселенцы – места их захоронений были известны. На их скорбные могилы приходили школьники, священники в дни праздников, туристы и гиды. Имена Эбера, Фронтенака и Мари де л'Инкарнасьон[26] звучали по всему Квебеку, об их бескорыстии, их мужестве рассказывались истории.

Но один оставался ненайденным. Одни останки оставались ненайденными.

Отец Квебека, самый почитаемый, самый знаменитый, самый бесстрашный. Первый квебекец.

Самюэль де Шамплейн.

И один человек всю свою жизнь посвятил его поискам. Огюстен Рено перекопал, перелопатил немалую часть Старого города Квебек-Сити, следуя причудливым наводкам, всплывавшим на поверхность.

И вот он оказался под помещением Литературно-исторического общества, этого бастиона англоязычного Квебека. Оказался здесь с лопатой.

Мертвый. Убитый.

Почему он здесь оказался? Похоже, на это был один ответ.

– Сообщить премьер-министру? – спросил Ланглуа у Гамаша.

– Oui. Премьер-министру, министру общественной безопасности. Главному археологу. «Голосу англоговорящего Квебека». Обществу Иоанна Крестителя. Квебекской партии. – Гамаш сурово взглянул на Ланглуа. – Потом вам нужно будет созвать пресс-конференцию и оповестить население. Всех в равной мере. Одновременно.

Это предложение выбило Ланглуа из колеи.

– А вы не думаете, что лучше не поднимать лишнего шума? Ну то есть, ведь это Огюстен Рено, а не премьер-министр. Этот человек был своего рода клоуном. Никто не относился к нему серьезно.

– Но серьезно относились к его поискам.

Инспектор Ланглуа посмотрел на Гамаша, но ничего не сказал.

– Вы, конечно, должны поступать так, как считаете нужным, – добавил старший инспектор, которому был симпатичен этот человек. – Но в качестве консультанта даю вам такой совет. Сообщите всем, и сообщите как можно скорее, прежде чем воинствующие элементы начнут распространять слухи.

Гамаш перевел взгляд за круг яркого света, в темноту подвалов за этим помещением.

Неужели Самюэль де Шамплейн находится где-то здесь? Арман Гамаш, изучавший квебекскую историю, ощутил дрожь, невольный трепет.

А если он чувствовал это, то что же будут чувствовать другие?

Элизабет Макуиртер чувствовала себя неважно. Она повернулась спиной к окну. К окну и виду из него, который до этого дня неизменно доставлял ей удовольствие. Она по-прежнему могла видеть металлические крыши, трубы, здания, целиком построенные из плитняка, снег, теперь усилившийся. Но еще она видела машины телевизионщиков, машины с эмблемами радиостанций на дверях. Видела мужчин и женщин, знакомых ей по телевизионному экрану и фотографиям в «Ле солель» и «Ла пресс». Журналистов. И не только желтую прессу. Не только людей из программы «Алло, полиция» (хотя они тоже присутствовали), но и уважаемых ведущих новостей.

Со своим искусственным освещением и камерами наготове они выстроились перед зданием, словно для игры в «красного пирата»[27], и вещали на всю провинцию. «Что же они там говорят?» – спрашивала себя Элизабет.

Но ничего хорошего говорить они не могли, а то, что говорили, могло различаться лишь по степени плохого.

Она позвонила работникам библиотеки, чтобы сообщить им имеющиеся у нее крохи информации. Много времени это не заняло.

«В подвале обнаружено тело Огюстена Рено. Передайте, кому сможете».

Элизабет снова посмотрела в окно и застонала: снаружи быстро сгущались снег и пресса – и то и другое штормило, бушевало.

– Что там? – спросила Уинни, присоединяясь к подруге у окна. – Ой…

Они увидели, как Портер спускается по лестнице, подходит к толпе репортеров и дает нечто вроде пресс-конференции.

– Господи Исусе, – вздохнула Уинни. – Как вы думаете, я до него доброшу? – Она взвесила на руке первый том «Малого Оксфордского словаря».

– Хотите кинуть в него книгой? – улыбнулась Элизабет.

– Жаль, что никто не подарил библиотеке арбалет.

Инспектор Ланглуа сидел во главе полированного стола в библиотеке Литературно-исторического общества. Эта комната совмещала в себе домашний уют и величие. Здесь пахло прошлым, докомпьютерными временами, когда информацию нельзя было «прогуглить» или поместить в блог. Временами, когда ноутбуки, смартфоны и другие новинки еще не смешали понятия «информация» и «знание». Это была старая библиотека, полная старых книг и старых пыльных мыслей.

Здесь было спокойно и уютно.

Инспектор Ланглуа давно не захаживал в библиотеки. Пожалуй, со школьной поры. Времени, наполненного новым опытом и ароматами, которые всегда будут ассоциироваться с тем опытом. Носки для спортзала. Гниющие бананы в шкафчиках раздевалки. Пот. Одеколон «Олд спайс». Запах травяного шампуня на волосах девушки, которую он целовал, и не только целовал. Запах такой сладкий, настолько наполненный желанием, что каждый раз, когда он его ощущал, у него возникала чисто физическая реакция.

И библиотеки. Тихие. Спокойные. Убежища от сумятицы подростковой жизни. В которой девушки, пахнущие травяным шампунем, не дают тебе ничего, кроме поцелуя, и смеются, в которой мальчишки в спортивном зале толкают тебя, а ты со смехом толкаешь их в ответ, скрывая за бурным весельем ужас в обезумевших глазах.

Он помнил то ощущение, какое испытывал, оказавшись в библиотеке, где ему не грозило ничье нападение, но где он был окружен вещами куда более опасными, чем те, что подстерегали его в коридорах школы.

Потому что здесь были сконцентрированы мысли.

Юный Ланглуа сидел и впитывал в себя эту силу. Силу, основа которой – знания, информация, мысли и спокойное убежище, где ты можешь набираться всего этого.

Инспектор Ланглуа из отдела по расследованию убийств Квебек-Сити оглядел посещение библиотеки с антресолью, с ее резным деревом, старыми томами. Он размышлял о людях, которых должен был опросить. О

людях, которые имели доступ ко всем этим книгам, всему этому спокойствию, всей этой силе.

Об англоязычных канадцах.

Справа от него сидел помощник, фиксировавший ход расследования. Слева – человек, которого до этого дня Ланглуа видел только издалека. Он слушал его лекции. Видел на экране телевизора. На процессах, на публичных слушаниях, на ток-шоу. И на похоронах шесть недель назад. Вблизи старший инспектор казался другим. Прежде Ланглуа видел его только в костюмах, с аккуратными усиками. Теперь он носил не только кардиган и вельветовые брюки, но и бородку, в которой пробивалась седина. А над правым виском появился шрам.

– Alors[28], – начал Ланглуа. – Прежде чем сюда войдет первый из них, я бы хотел еще раз пробежаться по тому, что нам известно на данный момент.

– Жертва, – начал зачитывать из своего блокнота помощник, – опознана как Огюстен Рено. Возраст семьдесят два года. Ближайшая родня – бывшая жена – извещена. Детей нет. Формально она опознает его позднее, но сомнений у нас нет. О том, что это он, говорят обнаруженные при нем водительские права и медицинская страховая карточка. Еще в его бумажнике обнаружилось сорок пять долларов, а в карманах еще три доллара и двадцать два цента мелочью. Когда тело было поднято, под ним оказались еще двадцать восемь центов. Как мы считаем, они выпали из кармана. Монеты современные. Все канадские.

– Хорошо, – сказал Ланглуа. – Продолжай.

Рядом с ним сидел и слушал старший инспектор Гамаш, положив руки на стол и накрыв одну руку другой.

– Под телом мы нашли сумку. В ней была карта Квебека, сделанная от руки.

Она лежала на столе перед ними. На карте были отмечены участки города, где Рено проводил раскопки в поисках Шамплейна, и стояли даты, уходящие на многие десятилетия назад.

– Есть какие-либо соображения? – спросил Ланглуа у Гамаша, когда они все втроем осматривали карту.

– Вот что представляется мне существенным.

Палец Гамаша остановился над пустым местом на карте. На карте, где были обозначены только те здания и улицы, которые Рено считал важными для своих поисков. Места, где мог быть захоронен Самюэль де Шамплейн. Здесь были показаны базилика Нотр-Дам-де-Квебек и кафе «Бюад», здесь были показаны разные рестораны и дома, которым «посчастливилось»

привлечь внимание Рено.

Остальная часть великолепного Старого города словно и не существовала для Огюстена Рено.

А прямо там, куда указывал палец Гамаша, находилось Литературно-историческое общество. Но оно отсутствовало. Не было нанесено на карту. Его не существовало в Шамплейноцентрическом мире Рено.

Ланглуа кивнул:

– Я тоже обратил на это внимание. Возможно, у него не было времени внести поправки.

– Это не исключено, – сказал Гамаш.

– И что вы думаете?

– Я думаю, было бы ошибкой, если бы мы позволили страсти Рено ослепить нас. Убийство может не иметь никакого отношения к Шамплейну.

– Тогда зачем он там копал? – спросил молодой помощник.

– Хороший вопрос, – печально улыбнулся Гамаш. – Похоже, это ключ к разгадке.

– Верно. – Ланглуа сложил карту и сунул ее назад в сумку.

Гамашу стало любопытно, зачем Рено нужна была такая большая сумка, если там лежала одна только карта.

– И больше там ничего не было? – Гамаш кивнул на сумку в руках Ланглуа. – Кроме карты?

– Ничего. А что?

– Карту можно было унести и в кармане. Зачем ему потребовалась сумка?

– Привычка, – предположил помощник. – Возможно, он носил ее повсюду, на тот случай, если что-нибудь обнаружится.

Гамаш кивнул. Такое было возможно.

– Коронер говорит, что Рено был убит лопатой около одиннадцати часов вчера вечером, – сказал Ланглуа. – Он упал лицом в землю, после чего была предпринята попытка его закопать.

– Но неглубоко, – добавил помощник. – Не основательно. Вы считаете, они хотели, чтобы его нашли?

– Интересно, как часто пользуются этим подвалом, – задумчиво произнес Ланглуа. – Нужно будет спросить. Пусть войдет первый – председатель совета. Как его там? – Инспектор заглянул в свои записи. – Портер Уилсон.

Вошел Портер. Он пытался не показывать этого, но он был потрясен тем, что в библиотеке, его библиотеке, сидят полицейские.

Он не питал ненависти к французам. Невозможно жить в Квебек-Сити

и испытывать такие чувства. Это стало бы мучительным испытанием, тогда как можно было бы уехать и жить другой жизнью. Нет, Портер знал, что французы любезны и гостеприимны, предупредительны и постоянны. Большинство из них. Ну а радикалы имелись по обе стороны.

Здесь-то и крылась проблема, о которой ему неустанно говорил священник Том Хэнкок. Портер воспринимал это как «стороны», невзирая на то, что прошло столько лет и у него было множество друзей-французов. Невзирая на то, что его дочь была замужем за франкоязычным канадцем, а внуки ходили во французскую школу, да и сам он говорил на идеальном французском.

Он по-прежнему смотрел на это как на стороны, а себя видел где-то с краю. Потому что он был англичанином. И тем не менее он считал себя таким же квебекцем, как и все остальные в этой прекрасной комнате. Его семья прожила здесь не одну сотню лет. Сам он прожил в Квебеке дольше, чем этот молодой полицейский, или человек, сидевший во главе стола, или старший инспектор Гамаш.

Он здесь родился, прожил всю жизнь, и здесь его похоронят. И все же, несмотря на все его дружелюбие, его никогда не будут считать полноценным квебекцем, «своим».

Вот разве что здесь. В Литературно-историческом обществе, в самом центре Старого города. Здесь он был дома, в английском мире, созданном английскими словами, в окружении бюстов великих англичан.

Но сегодня во время его дежурства сюда вошла французская полиция и обосновалась в Лит-Исте.

– Прошу вас, – сказал инспектор Ланглуа, вежливо вставая и показывая на стул. Он говорил на своем лучшем, весьма корявом английском. – Присоединяйтесь к нам.

Словно у мистера Уилсона был выбор. Они стали здесь хозяевами, а он – гостем. Он удержался от резкого ответа и сел, хотя и не на то место, на которое показал инспектор.

– У нас есть несколько вопросов, – сказал инспектор Ланглуа, переходя к делу.

В течение следующего часа они опросили всех. От Портера Уилсона они узнали, что библиотека запирается каждый вечер в шесть часов и, значит, утром, когда здесь появился Уилсон, была заперта. Все тут оставалось на своих местах. Но люди Ланглуа осмотрели большой старый дверной замок, и хотя никаких следов вскрытия на нем не обнаружилось, такой замок мог бы без труда открыть даже ребенок, не прибегая к помощи ключа.

Тревожной сигнализации в библиотеке не имелось.

– Зачем нам тратиться на сигнализацию? – спросил Портер. – Сюда никто не заходит, даже когда мы открыты, так зачем приходить, когда мы закрыты?

Они узнали, что английские книги в Квебек-Сити можно найти только здесь.

– И у вас их, кажется, немало, – сказал Гамаш. – Я не мог не заметить это, пока шел по коридорам и комнатам: у вас тут есть несколько книг, не включенных в каталоги.

«Это явное преуменьшение», – подумал он, вспомнив огромное количество коробок с книгами повсюду в задних комнатах.

– На что вы намекаете?

– Ни на что. Простое наблюдение.

– Вы правы, – неохотно согласился Портер. – Причем каждый день поступают все новые книги. То и дело кто-нибудь умирает и оставляет нам свои книги. Так мы и узнаём, что кто-то еще умер: появляется коробка с бесполезными книгами. Это вернее, чем некрологи в «Кроникл-телеграф».

– И они всегда бесполезные? – спросил Ланглуа.

– Один раз мы нашли неплохую книгу рисунков.

– Когда это было?

– В тысяча девятьсот двадцать шестом году.

– А продать их вы никому не можете? – спросил Гамаш.

Портер уставился на старшего инспектора. Гамаш ответил тем же, не понимая, что могло вызвать столь саркастический взгляд.

– Вы шутите?

– Non, monsieur[29].

– Мы не можем. Попытались как-то раз – членам общества это не понравилось.

– В тысяча девятьсот двадцать шестом? – переспросил Ланглуа.

Уилсон не ответил.

Следующей вошла Уинни Мэннинг и подтвердила, что ночь и в самом деле клубничка, но добавила, что англичане обычно хорошие тыквы, а в библиотеке прекрасный отдел матрасов и спальных принадлежностей.

– Собственно говоря, – обратилась она к Гамашу, – мне кажется, вы и сами интересуетесь этой областью.

– Интересуюсь, – признался он, к удивлению Ланглуа и его помощника.

Когда Уинни вышла, заявив напоследок, что должна запустить новую линию дверных ручек, Гамаш объяснил:

– Она имела в виду «морской флот», а не «матрас».

– Правда? – спросил помощник, который делал записи, но уже решил сжечь их, чтобы никто не заподозрил, что он был пьян во время допроса.

Место Уинни занял мистер Блейк.

– Стюарт Блейк, – представился пожилой человек, садясь на указанный ему стул и поглядывая на полицейских с вежливым любопытством.

Он был безукоризненно одет и выбрит, его лицо было гладким, розовым и добрым, а глаза – живыми. Он посмотрел на Гамаша и улыбнулся.

– Monsieur l’inspecteur… – Он наклонил голову. – Désolé. Я и понятия не имел, кто вы такой.

– Вы знали только то, что имеет значение, – сказал Гамаш. – Что мне необходимо пользоваться этой великолепной библиотекой. А больше ничего и не нужно было знать.

Мистер Блейк улыбнулся, сложил руки и стал ждать, расслабившись.

– Насколько я понимаю, вы много времени проводите в библиотеке, – начал инспектор Ланглуа.

– Да. На протяжении многих лет. После выхода на пенсию.

– А кем вы работали?

– Я был адвокатом.

– Значит, вас нужно называть Maître[30] Блейк, – заметил Ланглуа.

– Нет-нет, я давно уже не работаю. Просто «мистер» будет достаточно.

– Как давно вы связаны с Литературно-историческим обществом?

– Вообще-то, так или иначе всю жизнь, а до меня – мои родители, а до них – их родители… Знаете, ведь это было первое историческое общество в стране. Оно старше Национального архива. Основано еще в тысяча восемьсот двадцать четвертом году, хотя и не в этом здании.

– Это здание, – подхватил старший инспектор Гамаш. – У него интересная история?

– Очень. – Мистер Блейк повернулся к старшему инспектору. – Литературно-историческое общество получило его только в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Изначально здесь располагался Королевский форт, военные казармы. Здесь также помещались военнопленные, в основном американцы. Потом здание стало просто тюрьмой. Вы ведь знаете, тут проводились публичные казни.

Гамаш ничего не сказал, хотя ему показалось занятным, что этот рафинированный, культурный, цивилизованный человек получает удовольствие, рассказывая им о былом варварстве.

– Вешали вот прямо здесь. – Блейк показал на входную дверь. – Если верите в призраков, лучше места вам не найти.

– А вы их тут видели? – спросил Гамаш, удивив Ланглуа и молодого полицейского.

Блейк задумался, потом покачал головой:

– Нет. Но я иногда их чувствую. Если тут никого больше нет.

– А часто бывает, что никого, кроме вас, здесь нет? – любезным тоном спросил Гамаш.

– Иногда. Мне тут спокойно. Думаю, и вам тоже.

– C'est la vérité[31], – согласился старший инспектор. – Но у меня нет ключа, чтобы приходить сюда после закрытия. А у вас есть. И я полагаю, вы им пользуетесь.

И опять мистер Блейк помедлил.

– Пользуюсь. Но не часто. Только когда меня мучит бессонница и какой-нибудь вопрос.

– Например? – спросил Гамаш.

– Какие травы растут на острове Рам. И когда была поймана последняя латимерия.

– А прошлым вечером такие вопросы вас не беспокоили?

Они посмотрели друг на друга. Наконец мистер Блейк улыбнулся и покачал головой:

– Нет. Вчера спал, как ребенок. Как сказал Шекспир, лучший путь обрести покой – это иметь спокойную и тихую совесть.

«Или вообще ее не иметь», – подумал Гамаш, с интересом глядя на мистера Блейка.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – спросил инспектор Ланглуа.

– Я вдовствую. Жена умерла восемь лет назад. Так что свидетелей у меня нет.

– Désolé, – произнес Ланглуа. – Скажите, мистер Блейк, зачем, по-вашему, Огюстен Рено пришел сюда вчера вечером?

– Разве это не очевидно? Видимо, он решил, что здесь похоронен Шамплейн.

И вот, пожалуйста. Очевидный ответ произнесен.

– А он здесь похоронен?

Блейк улыбнулся:

– Боюсь, что нет.

– Почему же Рено решил, что Шамплейн похоронен здесь? – спросил Ланглуа.

– А почему Огюстен Рено вообще что-то решал? Кто-нибудь когда-

нибудь понимал его логику? Может быть, его раскопки проводились по алфавиту, и вот он добрался до буквы «Л». В такой логике не больше смысла, чем в любой другой. Бедняга, – добавил Блейк. – Я полагаю, вы будете проводить раскопки?

– В настоящий момент это место преступления.

– Невероятно, – пробормотал мистер Блейк себе под нос. – Почему Огюстен Рено появился здесь, в Лит-Исте?

– И зачем кому-то понадобилось его убивать? – подхватил Ланглуа.

– Здесь, – добавил Гамаш.

Последней вошла Элизабет Макуиртер.

– В чем состоят ваши обязанности? – спросил Ланглуа, когда она уселась.

– Ну, «обязанности» – это такой неопределенный термин. Мы все волонтеры. Раньше получали деньги, но правительство перестало финансировать библиотеку, поэтому теперь все деньги, что мы получаем, уходят на коммунальные расходы. Одно отопление чего стоит. И нам только что пришлось поменять проводку. А если бы этого не было сделано, то, возможно, тело мистера Рено так никогда и не было бы обнаружено.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Ланглуа.

– Когда мы поменяли проводку, то решили, что и телефонные провода стоит поменять. Перенести их в подвал. Если бы их не перерезали, то тело так и не было бы обнаружено – его бы залили бетоном.

– Pardon? – спросил Ланглуа.

– На следующей неделе. В понедельник мы ждем рабочих, которые должны залить пол в подвале бетоном.

Мужчины переглянулись.

– Вы хотите сказать, что если бы Рено или его убийца не перерезал телефонную линию прошлой ночью, то пол залили бы бетоном? – спросил инспектор.

Элизабет кивнула.

– Кто знал, что будут проводиться эти работы?

– Да все знали.

Элизабет отошла к библиотечному столу и вернулась с тремя брошюрками, которые раздала полицейским. На первой страничке размещалось объявление.

Проводка, телефонная линия и подвал будут ремонтироваться.

Раскрыв брошюрку и положив ее на стол перед собой, старший инспектор Гамаш снова посмотрел на эту хрупкую пожилую женщину:

– Здесь говорится, что работы будут проделаны, но сроки не указаны.

По-моему, сроки – это существенный фактор.

– Возможно, вы правы, старший инспектор, но мы не держали время работ в тайне. Многие знали. Совет, волонтеры, строительные рабочие.

– Где же вы взяли деньги? Ведь все это должно стоить целое состояние.

– Да, это дорого, – признала Элизабет. – У нас есть гранты и пожертвования. И мы продали кое-какие книги.

– Значит, книги продавались недавно, – сказал Ланглуа. – Но месье Уилсон сообщил нам, что продажи книг идут с трудом.

– Ну, это явное преуменьшение, – откликнулась Элизабет. – Они идут катастрофически плохо. Мы продали несколько коробок книг, которые десятилетиями только лежали, собирая пыль. Позор. Книги должны находиться в чьей-нибудь коллекции, а не лежать без призора здесь. И Господь знает, как нам необходимы деньги. Это было идеальное решение – превратить ненужные нам книги в новую проводку.

– Что же не заладилось? – спросил Гамаш.

– Сообщество не заладилось. Все решили, что мы не только библиотека, но и музей и всё, что нам жертвовалось, должно расцениваться как сокровища. Боюсь, что книги стали символом.

– Символом чего? – спросил Гамаш.

– Ценности английского языка. Английской культуры. Высказывались опасения, что если уж Лит-Ист перестанет ценить английский язык, письменное слово, то надежды вообще нет. Книги перестали быть книгами, они стали символом английского сообщества. Их необходимо было сохранить. Когда это случилось, прекратились все распри, все споры. И все продажи.

Гамаш кивнул. Она была права. Сражение было проиграно в тот момент. Лучше уж покинуть поле боя.

– И вы прекратили продажи?

– Да. Поэтому вы и видели коробки в коридорах. Если умрет еще один престарелый англоязычный канадец, Литературно-историческое общество взорвется. – Она рассмеялась, но смех ее был грустным.

– Как вы думаете, почему Огюстен Рено оказался здесь? – спросил Ланглуа.

– Думаю то же, что и вы. Вероятно, он считал, что здесь захоронен Шамплейн.

– Какие у него были основания это предполагать?

Элизабет пожала плечами, и даже это движение получилось у нее изящным.

– Какие у него были основания предполагать, что Шамплейн захоронен под китайским рестораном? Или под начальной школой? Какие у Огюстена Рено были основания предполагать что бы то ни было?

– Он когда-нибудь приходил сюда?

– Ну, вот вчера пришел.

– Я имею в виду, видели ли вы его здесь прежде?

Элизабет Макуиртер помедлила.

– Никогда в самой библиотеке, насколько мне помнится. Но на крыльце, у входной двери, видела. Вчера утром.

Молодой помощник, потрясенный тем, что наконец-то прозвучало что-то стоящее, чуть не забыл записать это в свой блокнот. Но через несколько секунд его перо застрочило по бумаге.

– Продолжайте, – сказал Ланглуа.

– Он попросил встречи с советом директоров.

– Когда это было?

– Около половины двенадцатого. Мы заперли дверь, как обычно во время заседаний совета.

– И он просто взял да пришел?

– Именно так.

– А откуда он узнал, что у вас заседание?

– Мы разместили объявление в газете.

– В «Ле солель»?

– В квебекской «Кроникл-телеграф».

– Где?

– В «Кроникл-телеграф». – Элизабет написала название для помощника. – Это старейшая газета Северной Америки, – пояснила она машинально.

– Продолжайте. Вы говорите, он просто пришел, – напомнил инспектор. – Что было дальше?

– Он позвонил, Уинни открыла ему, потом пришла сюда – передала его просьбу. Она оставила его на крыльце.

– Что вы ему ответили?

– Мы проголосовали и решили, что не будем с ним встречаться. Решение было единогласным.

– Почему не будете?

Элизабет задумалась.

– Боюсь, мы просто отрицательно реагируем на все, что нарушает заведенный порядок вещей. Все мы, включая и меня. Мы создали тихую, однообразную, но очень счастливую жизнь. Жизнь, основанную на

традиции. Мы знаем, что каждый вторник у нас бридж-клуб, что там будут подавать имбирное печенье и цейлонский чай. Мы знаем, что по четвергам приходит уборщик, и мы знаем, где хранятся бумажные полотенца. В том же месте, где их держала моя бабушка, когда была секретарем Лит-Иста. Жизнь, не очень богатая событиями, но для нас она наполнена внутренним смыслом.

Она помолчала, потом посмотрела на старшего инспектора Гамаша, взывая о помощи.

– И приход Огюстена Рено расстроил все это, – подсказал он.

Элизабет кивнула.

– Как он прореагировал, когда ему отказали? – спросил Гамаш.

– Я пошла сообщить ему об этом. Он был недоволен, но принял услышанное. Сказал, что вернется. Но я не думала, что он собирался вернуться так быстро.

Она вспомнила, как стояла у толстой деревянной двери, приоткрыв ее совсем немного, словно она была монахиней, а Рено – грешником. Из-под его меховой шапки торчали седые волосы, с черных усов свисали сосульки, изо рта вырывалось сердитое дыхание. Глаза были не безумные, но злые.

«Вам меня не остановить, мадам», – сказал он.

«У меня нет желания останавливать вас, месье Рено», – ответила она голосом, который, как ей хотелось надеяться, звучал рассудительно. Даже дружелюбно.

Но они оба знали, что она лжет. Ее желание остановить его было столь же сильным, как и его желание попасть внутрь.

По завершении допросов Гамаш вернулся в кабинет. Он нашел там всех за чаем.

– Милости прошу в нашу спасательную лодку, – сказала Элизабет, вставая и приглашая его присоединиться к компании, состоящей из Уинни, Портера и ее самой. – А это наше топливо. – Она показала на чайник и улыбнулась.

Анри бросился навстречу Гамашу.

– Надеюсь, он не очень вас беспокоил? – Старший инспектор похлопал собаку по спине, сел и взял чашку крепкого чая.

– Нет-нет, – ответила Уинни. – И что дальше?

– Вы о расследовании? Когда будет получен отчет от коронера, начнут выяснять маршруты Огюстена Рено, будут искать его друзей, семью. Тех, кто желал ему смерти.

Они сидели вокруг стола. Не то чтобы дружная семейка, но какое-то ее подобие.

– Вы упомянули, что месье Рено хотел поговорить с советом, – обратился Гамаш к Элизабет.

– Вы им об этом сказали? – спросил Портер более напряженным, чем обычно, голосом. – Все-таки сказали.

– У нее не было выбора, – откликнулся Гамаш. – Вы все должны были сказать нам об этом. Вы должны были понимать, насколько это важно. – Он обвел всех строгим взглядом. – Вы отказались его принять, но в конечном счете вы собирались его выслушать?

Он обращался к Портеру, но заметил, что все теперь смотрят на Элизабет, которая хранила молчание.

– В конечном счете – возможно. Но для нас это было бесполезно и очень… – Портер несколько секунд искал нужное слово. – Неудобно.

– Месье Рено мог быть весьма убедительным, – сказал Гамаш, вспоминая бурные кампании, которые развязывал этот археолог-любитель против тех, кто препятствовал его раскопкам.

– Это верно, – признал Портер.

Он как-то сник, в полной мере осознав все возможные неприятные последствия случившегося. Каким бы кошмаром ни обернулись для них поиски Огюстеном Рено тела Шамплейна под Лит-Ист обществом, еще кошмарнее было то, что случилось.

– Можно получить протокол заседания?

– Я его еще не оформила, – сказала Элизабет.

– Вашего черновика будет достаточно.

Она помедлила, но все-таки передала ему блокнот, и он, надев полукруглые очки для чтения, просмотрел записи того, что происходило на заседании.

– Я вижу, что присутствовали Том Хэнкок и Кен Хэслам, но они ушли рано. Они были здесь, когда появился Огюстен Рено?

– Да, – ответил Портер. – Они ушли вскоре после этого. Мы все присутствовали, когда появился Рено.

Гамаш продолжил просматривать записки, потом посмотрел на Элизабет поверх очков:

– Здесь не упомянуто о приходе месье Рено.

Элизабет Макуиртер уставилась на него. Было ясно, что, обращаясь к нему за помощью, она не предполагала, что он будет задавать им столько вопросов. К тому же неудобных вопросов.

– Я решила не писать об этом. Ведь он же не говорил с нами. Ничего не произошло.

– Много чего произошло, мадам, – заметил Гамаш.

Он отметил, что она сказала «я», а не «мы». Означает ли это, что она отводит от них подозрения, берет всю ответственность на себя? Или это и в самом деле было ее личное решение?

Может быть, они и были спасательной лодкой, но теперь Гамаш четко представлял себе, кто на ней капитан.

Глава шестая

Утро только начиналось, а Жан Ги Бовуар понял, что совершил ошибку. Не очень серьезную, скорее досадный промах.

Ему нужно было вернуться в Монреаль и допросить Оливье Брюле. С этого он и должен был начать, а не ехать сразу в Три Сосны. А он провел последний час без дела в бистро. Все ушли, но сначала убедились, что он сидит на лучшем месте – в большом потертом кожаном кресле у камина. Он обмакнул ломтик кекса в кофе с молоком и посмотрел через подернутое инеем стекло: за окном шел снег, снежинки падали неторопливо, но настойчиво. Билли Уильямс проехал раз по улице на своем снегоуборщике, но дорогу опять успело засыпать.

Бовуар опустил глаза на папку, которую держал в руке, и продолжил чтение, чувствуя, как тепло разливается по его телу. Полчаса спустя он взглянул на морские часы, стоящие на каминной полке. Двадцать минут второго.

Пора.

Но не в Монреаль. В такую погоду лучше не ехать.

Он вернулся в свою комнату в гостинице, надел шелковые кальсоны, потом натянул несколько слоев одежды, а поверх – пуховый зимний костюм. Он редко его надевал, потому что всегда хотел быть готовым к бегу, а этот костюм делал его похожим на робота из фильма «Затерянные в космосе». Квебек зимой и вправду выглядел как Земля, подвергшаяся вторжению инопланетян.

К счастью, шансы встретиться в лесу с редактором журнала «Вог ом»[32] были весьма невелики.

Бовуар прошел вверх по холму, слыша, как штанины трутся одна о другую. В этом одеянии он почти не мог прижать руки к бокам. Он теперь чувствовал себя немного зомби – топ-топ-топ вверх по склону, в гостиницу и спа-салон.

– Oui?

Кароль Жильбер открыла дверь и увидела припорошенного снегом зомби. Однако пожилая женщина не продемонстрировала ни малейшего испуга или удивления. Как всегда любезная, она отступила на два шага и впустила инопланетянина в гостиницу, принадлежащую ее сыну и невестке.

– Чем могу быть полезна?

Бовуар стал разматывать шарф, чувствуя себя теперь героем фильма «Мумия». Ну прямо-таки настоящий фестиваль фильмов категории B[33]. Наконец он стянул с себя шапочку, и Кароль дружески ему улыбнулась:

– Инспектор Бовуар?

– Oui, madame, comment allez-vous?[34]

– Спасибо, хорошо. Как вы? Хотите у нас остановиться? Я не видела вас в журнале заявок.

Она оглянулась на большой открытый холл с черной и белой плиткой на полу, полированным деревянным столом и свежими цветами в разгар зимы. Гостиница манила своим уютом, и на мгновение Бовуар пожалел, что не зарезервировал номер. Но он тут же вспомнил про цены, потом вспомнил, зачем сюда приехал.

Не за массажем и деликатесами, а чтобы выяснить, в самом ли деле Оливье убил Отшельника.

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

На то самое место, где теперь стоял Бовуар, Оливье выгрузил тело Отшельника. Он сам в этом признался. Он перевез убитого через лес глубокой ночью на уик-энд Дня труда. Обнаружив, что дверь не заперта, он просто вывалил сюда свой скорбный груз. Вот на это самое место.

Бовуар опустил глаза. С него капало, как со Злой Ведьмы Запада, вокруг залепленных снегом ног на полу образовалась лужа. Но Кароль это не волновало. Ее больше беспокоило, удобно ли ему.

– Нет, я остановился в гостинице в деревне, – сказал Бовуар.

– Да, конечно.

Он проверил, нет ли на ее лице признаков профессиональной зависти, но ничего такого не увидел. Да и с чего бы им появиться? Ему казалось невероятным, что владельцы столь великолепной гостиницы и спа-салона могут кому-то завидовать, в особенности такой дешевой и не первой свежести гостинице, как у Габри.

– Что же привело вас к нам, инспектор? – спросила Кароль любезным тоном. – Старший инспектор с вами?

– Нет. Вообще-то, я в отпуске.

– Ну разумеется. Извините. – Судя по ее виду, она говорила искренне, на ее лице появилось озабоченное выражение. – Глупо с моей стороны. Как у вас дела?

– Ничего. Уже лучше.

– А месье Гамаш?

– Ему тоже лучше.

Откровенно говоря, он уже немного устал от этих вопросов.

– Я рада.

Кароль жестом пригласила его пройти внутрь, но Бовуар остался на месте. Он спешил, и не в его характере было скрывать это. Он сознательно пытался взять себя в узду. Ведь в конечном счете предполагалось, что он приехал сюда отдохнуть.

– Чем я могу вам помочь? – спросила Кароль. – Неужели вы пришли на грязевые ванны? Или хотите заняться тайцзицюань?[35]

Она что, насмехается над ним? Нет, вряд ли. Скорее уж посмеивается над собой и над услугами спа. Ее сын Марк и его жена Доминик около года назад купили полуразрушенный дом и превратили его в великолепную гостиницу и спа-салон. Они пригласили мать Марка, Кароль Жильбер из Квебек-Сити, сюда в Три Сосны, чтобы она помогала им.

– Вижу, что могло натолкнуть вас на такую мысль: я пришел к вам в костюме для тайцзицюань. – Бовуар вытянул руки в стороны, чтобы она увидела его костюм во всей красе.

Кароль рассмеялась.

– Вообще-то, я хочу попросить вас об услуге. Не могли бы вы одолжить один из ваших снегоходов? Насколько я понимаю, вы их держите для гостей.

– Да, держим. Я попрошу Рора Парру помочь вам.

– Merci. Я хотел съездить в тот лесной домик.

Он посмотрел на нее, надеясь увидеть какую-то реакцию, – и увидел. Любезное выражение на ее лице вдруг сменилось непроницаемым. Занятно, что еще минуту назад она казалась спокойной, удовлетворенной, расслабленной. И вдруг, хотя ничто вроде бы не изменилось, словно превратилась в лед. От нее так и веяло холодом.

– Да? И зачем?

– Взглянуть еще раз. Чем-то себя занять.

Она впилась в него своими змеиными глазами. Потом эта маска исчезла, и Кароль снова стала великосветской дамой, хозяйкой особняка.

– В такую погоду? – Она посмотрела в окно, за которым падал снег.

– Ну, если бы я боялся снега, то вообще не мог бы зимой работать, – сказал Бовуар.

– Это верно, – согласилась Кароль.

«Неохотно?» – подумал он.

– Вы, вероятно, не знаете, но там теперь живет мой муж.

– Правда?

Он этого не знал. Но он ясно слышал, что она сказала «муж», а не

«бывший муж». Они разошлись много лет назад, и внезапно Винсент Жильбер появился из ниоткуда, нежданно-негаданно. Он оказался в гостинице и спа почти в тот самый момент, когда было обнаружено мертвое тело Отшельника.

– Вы уверены, что не предпочтете грязевую ванну? – спросила Кароль. – На мой взгляд, это почти то же самое, что и час общения с Винсентом.

Бовуар рассмеялся:

– Non, madam, merci. Он будет возражать, если я загляну к нему?

– Винсент? Я уже давно оставила попытки понять, как у него работает голова. – Но она слегка сжалилась и улыбнулась тающему человеку. – Я уверена, он будет рад обществу. Однако вам лучше поторопиться, а то будет темно.

Было уже два часа. К четырем стемнеет.

А когда на квебекский лес зимой опускается темнота, оттуда выползают тысячи монстров. Не монстры из фильма категории B, не зомби, не мумии, не космические пришельцы, а куда более старые и коварные призраки. Невидимые существа, которые являются при низких температурах. Смерть от холода, смерть от долгого пребывания в лесу, смерть, если сошел с тропинки и заблудился. Смерть, древняя и терпеливая, поджидает в квебекских лесах после наступления темноты.

– Идемте со мной.

Кароль Жильбер, миниатюрная и изящная, надела толстое теплое пальто и тем самым присоединилась к вражеской армии. Они обошли гостиницу и спа, пробираясь сквозь большие мягкие снежные хлопья. Неподалеку инспектор Бовуар видел лыжников, движущихся по хорошо размеченной лыжне. Несколько минут – и они войдут в дом, сядут у огня попивать коктейль или горячий шоколад. Розовощекие, с холодными носами, они будут растирать себе ноги, чтобы согреться.

Если эти лыжники остановились в гостинице, то им будет тепло, хорошо, удобно.

А он собирается в глубокий лес, вдогонку за солнцем, клонящимся к закату, в домик, где произошло убийство, а теперь живет сумасшедший.

– Рор, – позвала Кароль Жильбер, и невысокий, коренастый человек в сарае выпрямился.

Волосы и глаза у него были почти черные, сложение мощное.

– Мадам Жильбер, – кивнул он ей.

Не подобострастно, а уважительно. И инспектор Бовуар понял, что эта женщина естественным образом вызывает уважение, потому что к другим

относится с этим чувством. Как вот сейчас по отношению к этому человеку.

– Вы, наверное, помните инспектора Бовуара.

Последовала неловкая пауза, прежде чем Рор Парра протянул ему руку. Бовуар не удивился этому. Он и остальные члены их команды сделали жизнь семейства Парра невыносимой. Рор, его жена Ханна и сын Хэвок были главными подозреваемыми в убийстве Отшельника.

Инспектор посмотрел на бывшего подозреваемого. Человека, знакомого с лесом, человека, прокладывавшего конную тропу прямо к домику Отшельника. Он был чехом. И убитый был чехом. Его сын Хэвок работал на Оливье, а значит, мог последовать за ним в лес как-нибудь вечером и обнаружить домик, обнаружить сокровища.

Отшельник собрал эти сокровища, обокрав своих соотечественников во время крушения Восточного блока. Во время крушения коммунизма, когда люди отчаянно стремились бежать на Запад.

Не тому человеку доверили они свои семейные ценности, которые хранились и ценились на протяжении поколений при коммунистическом правлении. Этот человек тогда еще не был Отшельником, он тогда был человеком, имевшим план. План обворовать их. Но украл больше, чем старинные вещи и произведения искусства. Он украл надежду, украл веру.

Может быть, он обокрал также Рора и Ханну Парра? И они нашли его?

Может быть, они убили его?

Кароль Жильбер вышла, и в сарае остались двое мужчин.

– Зачем вы едете в домик?

Этот человек-танк и в самом деле шел напролом.

– Просто любопытно. У вас какие-то возражения?

Они изучали друг друга.

– Вы приехали, чтобы затеять тут бучу?

– Я приехал сюда, чтобы отдохнуть. Проехаться по лесу – только и всего. Если вы не поторопитесь, то будет поздно.

Надевая на шерстяную шапочку шлем и садясь в седло, Бовуар спрашивал себя: не в этом ли и состояла цель Парры? Он нажал рукоятку газа. Может быть, Парра намеренно не спешил, надеясь, что инспектор застрянет в лесу после наступления темноты?

Нет, решил Бовуар. Для Парры это слишком тонко. Этот человек бил своих врагов по голове. Именно так и умер Отшельник.

Махнув рукой, Бовуар понесся прочь, чувствуя, как вибрирует под ним мощный мотор. За прошедшее десятилетие он много раз садился на мотосани. Но это было до того, как он оказался в отделе по расследованию убийств. Ему нравилось кататься. Шум, мощь, свобода. Мороз щиплет, снег

летит в лицо. Его телу, защищенному от холода костюмом, было уютно и тепло, может быть, слишком тепло. Он даже вспотел.

Бовуар положил машину в вираж, чувствуя, как она слушается его. Но что-то было иначе.

Что-то было не так.

Не с машиной – с ним. Знакомая боль в брюшине.

С чего бы? Он ведь просто сидит на снегоходе, не занимается никакой работой.

Он двигался по узкой тропе в лес. Без листвы лес казался холодным и голым. Тени были резкими и длинными, как и боль у него в животе, сбоку, отдававшаяся в паху.

Бовуар глубоко вздохнул, но боль только усилилась.

Наконец он вынужден был остановиться.

Переключился на нейтральную передачу и рухнул вперед, держась за ручки снегохода. Голова его упала на руки. Он пытался сосредоточиться на вибрации двигателя, на этом успокаивающем, глубоком, предсказуемом, цивилизованном звуке. Но его мир сузился до единственного ощущения.

Боль.

Мучительная, знакомая боль. Он уже думал, что избавился от нее навсегда, но она снова нашла его в зимнем лесу, на который опускались сумерки.

Закрыв глаза, Бовуар сосредоточился на дыхании. Долгое расслабленное дыхание. Вдох. Выдох.

Насколько серьезна эта ошибка? Еще час, может, чуть больше, и в лесу наступит темнота. Кто-нибудь поднимет тревогу? Кто-нибудь хватится его? Или Рор Парра просто уйдет домой? Или Кароль Жильбер просто запрет дверь и подбросит еще одно полено в камин?

Потом он почувствовал чью-то руку у себя на лице и дернул головой. Но рука удержала его. Не жестко, но уверенно. Бовуар разлепил веки и увидел перед собой чьи-то ярко-голубые глаза.

– Не шевелитесь, лежите спокойно.

Человек был стар. Лицо его избороздили морщины, но глаза смотрели проницательно. Его голая рука, начавшая с лица Бовуара, теперь проскользнула под шарф и воротник водолазки, нащупала пульс Бовуара.

– Ш-ш-ш, – сказал человек, и Бовуар подчинился.

Он знал, кто это. Винсент Жильбер. Доктор Жильбер.

Этот мерзавец.

Но Гамаш, Мирна, Старик Мюнден и другие говорили, что он еще и святой.

Бовуар не понимал их. Когда они расследовали убийство Отшельника, этот человек показался ему мерзавцем.

– Идемте со мной.

Жильбер вытащил ключи зажигания, обнял Бовуара своими длинными руками и помог ему слезть с машины. Вдвоем они медленно пошли по тропинке. Бовуар время от времени останавливался перевести дыхание. Один раз его вырвало. Жильбер снял с себя шарф, отер Бовуару лицо, подождал. Подождал на снегу и холоде, пока Бовуар не обрел способность идти дальше. Они неторопливо, молча двинулись глубже в лес, и Бовуар тяжело опирался на высокого пожилого мерзавца.

Закрыв глаза, инспектор сосредоточился на том, чтобы переставлять непослушные ноги. Он чувствовал, как боль распространяется по всему телу, но еще ощущал поцелуи снежинок в лицо и пытался думать об этом. Затем ощущения изменились. Снег перестал касаться его лица, и он услышал собственные шаги по дереву.

Они были в лесном домике. Он чуть не заплакал от усталости и облегчения.

Когда они вошли в дом, он открыл глаза и увидел в тысяче миль от себя комнату с кроватью, а на ней – теплое пуховое одеяло и мягкие подушки.

Бовуару хотелось одного – пересечь комнату, которая показалась ему гораздо больше, чем он помнил, и рухнуть на кровать в дальнем углу.

– Почти добрались, – прошептал доктор Жильбер.

Бовуар уставился на кровать, усилием воли заставляя ее приблизиться, пока они с Жильбером двигались к ней по дощатому полу. И вот наконец… дошли.

Доктор Жильбер посадил его на кровать, и Бовуар согнулся чуть ли не пополам, его голова стремилась к подушке, но доктор поддерживал его в сидячем положении, снимая с него одежду.

И только закончив с этим, он позволил Бовуару медленно опуститься. Голова инспектора коснулась подушки, он почувствовал, как на него натягивают мягкие простыни и наконец, наконец – пуховое одеяло.

Он провалился в сон, чуя сладковатый аромат кленовых поленьев в очаге, запах домашнего супа, ощущая, как тепло обволакивает его, в то время как за окном все падает снег и сгущается темнота.

Несколько часов спустя Бовуар проснулся и медленно вернулся в сознание. Бок у него болел, словно кто-то лягнул его, но тошнота прошла. В кровать была положена бутыль с горячей водой, и он понял, что прижимает ее к себе, складывается калачиком вокруг нее.

Сонный, ленивый, он лежал в кровати, и комната постепенно приобретала четкие очертания.

Винсент Жильбер сидел в большом кресле у огня. Он читал книгу, рядом с ним на столике стоял стакан с красным вином, его ноги в тапочках покоились на подушечке.

Комната показалась Бовуару одновременно знакомой и иной.

Стены по-прежнему были бревенчатые, окна и очаг не изменились. По полу были разбросаны коврики, но уже не те изящные восточные коврики ручной работы, что были у Отшельника. Это были лоскутные коврики, тоже домашнего изготовления, только этот дом находился гораздо ближе.

На стенах висело несколько картин, но не шедевры, собранные Отшельником и спрятанные здесь. Их место заняли скромные картины квебекских художников. Милые, но, вероятно, не столь впечатляющие.

Стакан доктора Жильбера был похож на все прочие стаканы, а не на хрустальные, найденные здесь после убийства.

Самые существенные изменения произошли там, где у Отшельника был канделябр из золота, серебра и тончайшего фарфора. На этом месте у доктора Жильбера висела лампа. Электрическая лампа. А на столике рядом с Жильбером Бовуар увидел телефон.

Сюда, в лес, было проведено электричество для освещения лесного домика.

Потом Бовуар вспомнил, зачем он совершил это путешествие.

Чтобы еще раз увидеть место, где было совершено убийство. Он посмотрел на дверь и увидел перед ней еще один коврик – ровно на том месте, где было кровавое пятно. Возможно, оно до сих пор там оставалось.

Смерть пришла в этот маленький лесной домик, но в чьем обличье? В обличье Оливье или кого-то другого. А что двигало убийцей? Как учил их старший инспектор Гамаш, убийство – это вовсе не пистолет, не нож и не удар по голове; убийство – это то, что управляет рукой убийцы.

Что отобрало жизнь у Отшельника? Корысть, как утверждала прокуратура и Гамаш? Или что-то еще? Страх? Ярость? Месть? Ревность?

Сокровища, обнаруженные здесь, были весьма примечательной, но вовсе не самой поразительной стороной дела. Этот лесной домик предъявил еще кое-что, вызывающее гораздо более сильное беспокойство.

Слово, вплетенное в паутину. В углу домика, где темнота была самой густой.

«Woo».

Это же слово было вырезано – не очень четко – на окровавленной деревяшке. Она выпала из руки мертвеца и оказалась под кроватью, словно

спряталась там. Коротенькое слово на дереве. «Воо».

Но что оно означало?

Вырезал ли это слово сам Отшельник?

Это казалось маловероятным, поскольку он был выдающимся резчиком, а деревяшка с «Воо» была примитивной поделкой.

Прокурор пришел к выводу, что Оливье вплел слово «Воо» в паутину и вырезал его на деревяшке как часть кампании по устрашению Отшельника, с целью удержать его в лесном домике. И Оливье в конечном счете признал, что именно это и было его целью: убедить старика, будто окружающий мир опасен для него. Будто он полон демонов и фурий. А также ужасных, ужасных существ.

«Хаос наступает, старичок», – прошептал Отшельник Оливье в последний вечер своей жизни. Оливье хорошо делал свое дело. Отшельник был сильно и по-настоящему испуган.

Но если Оливье признавал почти всё, то два пункта обвинения он категорически отрицал.

Убийство Отшельника.

А также плетение и вырезание слова «Воо».

Суд ему не поверил. Оливье был признан виновным и приговорен к заключению. Это было дело, которое старший инспектор Гамаш, мучительно переживая и мучаясь, вел против своего друга. А инспектор Жан Ги Бовуар работал вместе с ним и верил в их правоту.

Но неожиданно шеф попросил его пересмотреть это дело и выстроить заново. И проверить, не могут ли те же доказательства свидетельствовать о вине не Оливье, а кого-то другого.

Вот, скажем, этого человека в лесном домике, на которого он сейчас смотрит.

Жильбер поднял голову и улыбнулся.

– Привет, – сказал он, закрыл книгу и медленно поднялся на ноги.

Бовуар вспомнил, что этому высокому подтянутому человеку с седыми волосами и проницательным взглядом уже под восемьдесят.

Жильбер сел на край кровати и успокаивающе улыбнулся.

– Позвольте? – спросил он Бовуара, прежде чем прикоснуться к нему.

Бовуар кивнул.

– Я говорил с Кароль, сообщил ей, что вы останетесь на ночь, – сказал доктор Жильбер, приспуская с него одеяло. – Она обещала, что позвонит в гостиницу и предупредит Габри. Можете не беспокоиться.

– Merci.

Теплые уверенные руки Жильбера ощупывали живот Бовуара.

За последние два месяца Бовуар проходил обследование бесчисленное количество раз, в особенности в первые дни. У него словно появился новый будильник. Он просыпался через каждые несколько часов, одурманенный лекарствами, и кто-то холодными руками трогал его живот.

Но ни у кого не было таких рук, как у Жильбера. Бовуар поморщился несколько раз, хотя и заставлял себя не делать этого. Боль застала его врасплох. Как только у него появлялись ощущения дискомфорта, руки Жильбера замирали, он давал возможность Бовуару перевести дыхание, а потом продолжал.

– Вероятно, вам не стоило выезжать сегодня. – Жильбер улыбнулся, натягивая на Бовуара простыни и одеяло. – Но насколько я понимаю, вы это и без меня знаете. Частично это следствие попадания пули, но долгосрочный эффект – это воздействие ударной волны, возникшей в результате взрыва. Ваши доктора говорили об этом?

Бовуар покачал головой.

– Вероятно, они были слишком заняты. Пуля прошла у вас через бок. Вы, вероятно, потеряли немало крови.

Бовуар кивнул, старясь держать на расстоянии образы того дня.

– Внутренние органы она не затронула, – продолжал доктор Жильбер. – Но ударная волна повредила ткани. Именно это вы и чувствуете, когда сильно напрягаетесь, как сегодня днем. Но вы быстро выздоравливаете.

– Merci, – сказал Бовуар.

Информация была полезной.

И еще Бовуар понял, что этот человек – святой. Его обследовало множество врачей. Разнообразные целители. У всех были самые благие намерения, одни держались мягко, другие – грубовато. Все давали ему понять, что хотят, чтобы он жил, но никто не внушал ему, что жизнь драгоценна, что ее стоит беречь, что она чего-то стоит.

А Винсент Жильбер сделал это. Его целительские способности затрагивали не только плоть, не только кровь. Не только кости.

Жильбер похлопал по одеялу и хотел было встать, но передумал. Он взял с прикроватного столика маленький пузырек с таблетками.

– Я нашел это в вашем кармане.

Бовуар протянул руку, но Жильбер сжал пузырек в кулаке и вгляделся в лицо Бовуара. Последовало долгое молчание. Наконец Жильбер смилостивился и раскрыл кулак:

– Будьте с ними поосторожнее.

Бовуар взял пузырек и вытряс из него таблетку.

– Лучше половинку, – сказал Жильбер и забрал у него таблетку.

Бовуар наблюдал, как доктор Жильбер умело расколол маленькую пилюлю на две части.

– Я вожу их с собой на всякий случай, – сказал Бовуар, проглотив крохотные полтаблетки.

Жильбер протянул ему чистую пижаму.

– На тот случай, если сделаете какую-нибудь глупость? – спросил он с улыбкой. – Тогда вам может не хватить одного пузырька.

– Ха-ха, – проговорил Бовуар.

Но он уже чувствовал, как тепло распространяется по всему его телу и боль уходит, и если в словах Жильбера была язвительность, то она просто растаяла.

Одевшись, Бовуар увидел, что доктор на кухне разливает суп в две миски и нарезает свежеиспеченный хлеб.

– Сегодня играют «Канадиенс», верно? – сказал Жильбер, вернувшись с едой и удобно усадив Бовуара на кровати. – Хотите посмотреть?

– С удовольствием.

Через минуту они уже ели суп, хлеб и смотрели, как бьются в Нью-Йорке «Канадиенс».

– Пересолено, – сказал Жильбер. – Я просил Кароль не класть много соли в еду.

– По мне, так великолепно.

– Значит, у вас испорчен вкус. Вы выросли на картофеле фри и бургерах.

Бовуар посмотрел на Жильбера, предполагая увидеть улыбку. Но красивое лицо было недовольным, рассерженным. Высокомерным, вздорным, мелочным.

Мерзавец вернулся. А вернее, присутствовал все это время, пока Бовуар беззаботно общался со святым.

Глава седьмая

Арман Гамаш тихо поднялся среди ночи, включил прикроватную лампу и оделся потеплее. Анри смотрел на все это, помахивая хвостом и сжимая в зубах теннисный мячик. Они тихонько спустились по узкой винтовой лестнице, словно врезанной в середину старого дома. Эмиль поместил Гамаша на верхнем этаже, в бывшей хозяйской спальне. Это была великолепная комната с высокими потолками, потолочными балками и слуховыми окнами на каждой из сторон крыши. Эмиль признался, что ему стало тяжело подниматься по крутой узкой лестнице, ступеньки которой за много веков истерлись. И не будет ли Арман возражать, если он разместит его там?

Гамаш не возражал. Возражал он против того, что ему уже было известно некоторое время: его наставник понемногу сдает.

И вот теперь он спустился вместе с Анри на два этажа, в гостиную, где в печке, излучавшей тепло, еще горел огонь. Там он включил одну лампочку, надел самую теплую свою куртку, шапку, шарф, варежки и вышел, не забыв взять самое важное – игрушку «Принеси мячик» для Анри. Анри обожал «Принеси мячик». Да и Гамаш тоже.

Они прошли по пустынным улицам Старого города, вверх по Сен-Станисла, к Литературно-историческому обществу, где сделали остановку. Двадцать четыре часа назад здесь в подвале лежало тело Огюстена Рено. Убитого. Если бы телефонный провод не был перерезан при попытке вырыть неглубокую могилу, то подвал зацементировали бы и тело Огюстена Рено присоединилось бы к бессчетному числу других тел, спрятанных в земле в Квебек-Сити и окрестностях. Не так уж много лет прошло с тех пор, как археологи нашли скелеты в каменных стенах Старого города. Тела американских солдат, взятых в плен во время рейда в 1803 году. Власти быстро заявили, что эти люди были мертвы, когда их замуровали, но Гамаш испытывал сомнения на сей счет. Зачем замуровывать тела в стену, если только не в виде жестокого наказания? Или чтобы скрыть следы преступления? Поскольку Квебек строился на костях и иронии, вторгшиеся солдаты стали частью городских оборонительных сооружений.

Огюстен Рено чуть было не повторил судьбу этих солдат, чуть было не стал навеки частичкой города, закатанный в бетон под Литературно-историческим обществом, чтобы подпирать почтенный англоязычный

институт. Да и жизнь Рено была золотой жилой иронии. Как, например, в тот раз, когда он перед телевизионной камерой в прямом эфире вел раскопки в поисках останков Шамплейна, а прокопался в подвал китайского ресторана. Или тот случай, когда Рено открывал запечатанный гроб, будучи убежден, что в нем покоятся останки Шамплейна, – тогда избыточное давление внутри гроба выбросило его содержимое в атмосферу со всем миссионерским пылом. Находившийся внутри иезуит превратился в прах и был в таком виде доставлен на небеса, к бессмертию. Хотя не о таком бессмертии он молился, не на такое надеялся. Священник вернулся на землю дождевыми каплями, влился в пищевую цепочку и в конечном счете оказался в грудном молоке коренных американок, которых он в свое время пытался извести под корень.

Сам Рено едва избежал такой судьбы: еще несколько часов – и он бы упокоился в фундаменте Литературно-исторического общества.

Арман Гамаш надеялся, что после проведения допросов его обязательства перед Элизабет Макуиртер и другими членами Лит-Иста можно считать выполненными. Но теперь он понял: это не так. Рено требовал встречи с советом, совет отказал ему в этом, потом они вычеркнули данное происшествие из протокола заседания. Когда об этом узнают, им придется заплатить дорогую цену. И платить придется всем англоязычным канадцам.

Нет, думал Гамаш, выходя вместе с Анри за ворота, он не может их бросить. Пока еще не может.

Снег почти прекратился, и температура падала. Вокруг – ни движения, ни звука, только скрип ботинок Гамаша по снегу.

Часы показывали три двадцать.

Каждый день Гамаш просыпался приблизительно в это время. Поначалу он пытался уснуть, оставался в кровати, боролся с бессонницей. Но по прошествии многих недель понял, что пора прекратить эту тщетную борьбу. Теперь он вставал и вместе с Анри тихо выходил на прогулку – сначала дома в Монреале, а потом и здесь, в Квебек-Сити.

Гамаш знал: чтобы прожить следующий день, ему необходимо это спокойное время по ночам, когда он может побыть наедине со своими мыслями.

– Играть на скрипке меня научил отец, – сказал агент Морен в ответ на вопрос Гамаша. – Мне было года четыре. У нас где-то хранится домашнее видео: отец и дед играют у меня за спиной на скрипках, а я стою перед ними в таких больших обвислых шортах, похожих на подгузники. – Морен рассмеялся. – В руках у меня маленькая скрипочка. За

роялем сидит моя бабушка, а сестренка делает вид, что дирижирует нами. Ей тогда было года три. Она теперь уже замужем и ждет ребенка.

Гамаш свернул налево и пересек темную карнавальную площадь у Полей Авраама. Двое охранников наблюдали за ним, но так к нему и не подошли. Слишком холодно для разговоров. Гамаш и Анри попетляли между аттракционами, которые через несколько часов заполнятся детишками и их родителями. Дальше стояли киоски, всякие временные сооружения и притихшие ночью горки, и Гамаш прошел через скверик к печально известному полю и монументу, изображающему английского генерала Вольфа в момент его гибели 13 сентября 1759 года.

Гамаш взял горсть снега и слепил снежок. Анри тут же выпустил из зубов теннисный мячик и принялся плясать вокруг хозяина. Старший инспектор поднял руку, улыбаясь псу, а тот внезапно присел, мускулы его в ожидании напряглись.

Гамаш подбросил снежок, и Анри поймал его в воздухе. На несколько мгновений охотничий азарт обуял его, но стоило собачьим челюстям сомкнуться, как снежок рассыпался, и Анри приземлился, как всегда разочарованный.

Гамаш взял теннисный мячик в оболочке схваченной морозом слюны, вложил его в клюшку «Принеси мячик» и запустил. Сверкающий желтый мячик полетел в темноту, а овчарка помчалась за ним.

Старший инспектор знал каждый дюйм поля сражения в любое время года. Он знал, как меняется его облик в зависимости от сезона. Он стоял там весной и видел поле, усыпанное нарциссами, стоял летом и видел людей, приехавших на пикник, зимой видел людей на лыжах и в высоких сапогах. Бывал он там и ранней осенью. 13 сентября. В день битвы, когда в течение часа было убито или ранено более тысячи человек. Он стоял там, и ему казалось, что он слышит крики, звуки выстрелов, ощущает запах пороха, видит людей, идущих в атаку. Он стоял на том месте, где, по его мнению, находился генерал Монкальм в тот момент, когда в полной мере осознал свою роковую ошибку.

Монкальм недооценил англичан. Их мужество и их хитрость.

В какой момент он понял, что сражение проиграно?

Накануне вечером в лагерь Монкальма вверх по течению от Квебека прибежал курьер. Он едва держался на ногах и, еле ворочая языком, сообщил, что англичане поднимаются по стопятидесятифутовым утесам над рекой и занимают поля перед самым городом, принадлежащие фермеру Аврааму.

В лагере Монкальма ему не поверили. Сочли, что этот человек спятил.

Ни один полководец не отдал бы такого приказа, ни одна армия не подчинилась бы ему. Для этого у них должны быть крылья, со смехом сказал своим генералам Монкальм и отправился спать.

К рассвету англичане были на Полях Авраама и готовились к бою.

Может быть, тогда Монкальм и понял, что проиграл? Когда англичане, обзаведясь крыльями, совершили невозможное? Генерал бросился туда и остановился на том самом месте, где теперь стоял Гамаш. Оттуда он посмотрел на поле и увидел армию врага.

Понял ли тогда Монкальм?

Однако сражение еще можно было выиграть. Он мог одержать победу. Но Монкальм, блестящий стратег, совершил еще несколько роковых ошибок.

И Гамаш думал о том моменте, когда генерал понял, что совершил последнюю роковую ошибку. Осознал всю непоправимость ситуации. Хотя ему потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать это, когда на его глазах все рушилось, рассыпалось на части. С невероятной быстротой и в то же время – как это кажется теперь – так медленно.

– Убийство, – сказала его секретарь, ответив на звонок.

Бовуар был тогда в кабинете Гамаша, они обсуждали происшествие в Гаспе. Секретарь просунула голову в дверь:

– Это инспектор Норман из Сент-Агата.

Гамаш поднял голову. Она редко прерывала его. Они работали вместе много лет, и она знала, когда можно принять решение самой, а когда нельзя.

– Соедините, – сказал Гамаш. – Oui, инспектор. Чем могу быть полезен?

И сражение началось.

«Je me souviens», – подумал Гамаш. Девиз Квебека. Девиз квебекцев. «Я помню».

– Как-то раз я был на карнавале, – сказал агент Морен. – Вот здорово было. Нас повез туда отец, и мы даже играли на скрипке на катке. Мама пыталась его остановить. Она смутилась. Сестренка чуть не умерла со страха, но мы с отцом достали скрипки и принялись играть, и всем вроде бы нравилось.

– Играли то же, что ты играл нам? «Колм Куигли»? [36]

– Нет, «Колм Куигли» – это плач. Он потом ускоряется, но начало слишком медленное для катающихся. Им нужно что-нибудь погорячее. Поэтому мы играли джигу и всякие быстрые танцы.

– Сколько лет тебе было? – спросил Гамаш.

– Тринадцать. Может, четырнадцать. Лет десять назад. Больше я там ни разу не был.

– Может быть, в этом году.

– Oui. Я возьму Сюзанну. Ей понравится. Может, и скрипку с собой прихвачу.

«Je me souviens», – подумал Гамаш. В этом-то и была проблема. Всегда проблема. «Я помню. Все помню».

Бовуар лежал без сна в лесном домике. Обычно он спал хорошо. Даже после того, что случилось. Но теперь он лежал, глядя то на темные балки, то на огонь, мерцающий в печи. Он видел Жильбера, уснувшего в двух придвинутых друг к другу креслах. Святой мерзавец уступил Бовуару свою кровать. Бовуар чувствовал себя ужасно: из-за него пожилой человек, который был так добр к нему, спал на двух креслах. Ему пришла в голову мысль: наверное, в этом и есть суть. Что толку быть святым, если ты при этом не можешь быть мучеником?

Защитная система Бовуара дала сбой – может быть, в этом был виноват тихий лесной домик, может быть, его состояние изможденияпосле приступа или недостаточная доза лекарства – половина таблетки.

А по стене ползли воспоминания.

– Убийство, – сказала секретарь шефа.

Гамаш ответил на звонок.

Часы показывали 11.18. Бовуар оглядел кабинет, позволив своим мыслям уйти в свободный полет, пока шеф разговаривает с отделением в Сент-Агате.

– На линии агент Морен, – сказала секретарша, минуту спустя снова появившись в дверях.

Шеф прикрыл рукой микрофон и ответил:

– Пусть перезвонит через несколько минут.

Гамаш говорил жестким тоном, и Бовуар тут же посмотрел на него. Шеф делал записи в своем блокноте, слушая инспектора Нормана.

– Когда это случилось? – Короткие, рубленые фразы свидетельствовали о том, что произошло что-то серьезное.

– Он сказал, что не может перезвонить. – Секретарь шефа чувствовала себя неловко, но проявляла настойчивость.

Гамаш кивнул Бовуару – мол, ответь на звонок, но секретарша Гамаша не отступала.

– Он сказал, что должен поговорить с вами, сэр, – произнесла она. – И немедленно.

Старший инспектор Гамаш и инспектор Бовуар уставились на нее, удивляясь тому, что она противоречит начальству. Наконец Гамаш принял решение.

– Désolé, – сказал он инспектору Норману. – Я должен передать трубку инспектору Бовуару. Постойте, у меня вопрос: ваш агент был один?

Бовуар увидел, как изменилось лицо Гамаша. Шеф показал Бовуару на другой телефон в его кабинете. Бовуар снял трубку, видя, как Гамаш переключился на другую линию, где ждал ответа агент Морен. А Бовуар и сейчас помнил свой вопрос:

– Oui, Норман, так что случилось?

Он уже чувствовал, что произошло что-то серьезное. Такое, что хуже не бывает.

– В одного из наших агентов стреляли, – сказал Норман; он явно звонил по сотовому. Голос звучал откуда-то издалека, хотя Бовуар знал, что Норман всего в часе езды к северу от Монреаля, в Лаврентийских горах. – Он проверял машину, остановившуюся на обочине второстепенной дороги.

– Так он?..

– Он без сознания, его сейчас везут в больницу в Сент-Агате. Но, судя по докладам, которые я получаю, надежды мало. Я еду на место преступления.

– Мы приедем, сообщите мне координаты.

Бовуар знал, что в таких случаях время – критический фактор. Как и координация. В такой ситуации опасности подвергается каждый полицейский каждого отделения, он может впасть в панику, и тогда наступит хаос.

Гамаш поднялся из-за стола. Одной рукой он прижимал трубку к уху, другой призывал к спокойствию. Но не тех, кто находился в его кабинете, а того, с кем говорил, – предположительно агента Морена.

– Он был не один, – продолжал Норман. Было слышно, как движок его машины то ревет, набирая обороты, то стихает на горном спуске. – Мы ищем второго агента.

Не нужно было быть сыщиком из отдела убийств, чтобы понять, что это значит. Один агент застрелен, другой пропал? Лежит мертвый или тяжело раненный в кювете. Вот что думал инспектор Норман, вот что думал Бовуар.

– А кто этот второй агент?

– Морен. Один из ваших. Он был откомандирован к нам на неделю.

Мне очень жаль.

– Поль Морен?

– Oui.

– Он жив, – сказал Бовуар, испытывая облегчение. – Он разговаривает по телефону со старшим инспектором.

– Слава богу. Где он?

– Не знаю.

Гамаш взял трубку, чтобы ответить Морену, все еще пытаясь осмыслить то, что ему сказал инспектор Норман. Один агент серьезно ранен, другой пропал.

– Агент Морен? Что случилось?

– Шеф? – Голос звучал глухо, неуверенно. – Извините. Вы нашли…

– Это старший инспектор Гамаш? – Трубку явно взял кто-то другой.

– Кто говорит? – спросил Гамаш.

Он дал знак секретарю определить, откуда поступил звонок, и проверить, ведется ли запись.

– Не могу вам сказать.

Говорил человек средних лет, возможно даже, пожилой, с сильным деревенским говором. Голос из глухой провинции. Гамаш напрягался, чтобы разбирать слова.

– Я не хотел этого делать. Я просто испугался.

И, судя по голосу, человек действительно был испуган, в его голосе звучали истерические нотки.

– Спокойно, не волнуйтесь. Возьмите себя в руки. Расскажите мне, в чем дело.

Но в глубине души Гамаш уже знал, в чем дело.

Один агент ранен, другой пропал.

Поль Морен днем ранее был откомандирован на неделю в отделение Сент-Агата. Пропавшим агентом и был Морен.

Что ж, по крайней мере, он жив.

– Я не хотел в него стрелять, но он меня напугал. Остановился прямо за моим пикапом.

Казалось, человек вот-вот сорвется в истерику. Гамаш заставил себя говорить медленно, рассудительно:

– Агент Морен не ранен?

– Нет. Я просто не знал, что делать. И взял его.

– Теперь вы должны его отпустить. Вы должны сдаться полиции.

– Вы спятили? – провизжал голос. – Сдаться? Да вы ж меня убьете.

А если нет, то я остаток жизни проведу в тюрьме. Не выйдет!

Секретарь Гамаша появилась в дверях, давая ему знак: затягивайте разговор как можно дольше.

– Понимаю. Вы хотите уйти, да?

– Да. – Голос зазвучал неуверенно, человек явно был удивлен реакцией Гамаша. – А можно?

– Что ж, давайте поговорим об этом. Расскажите мне, что случилось.

– Я стоял на обочине. Машина подвела. Покрышка лопнула. Я как раз ее заменил, и тут подъехала полицейская машина.

– Что же в этом было такого страшного?

Гамаш говорил деловым тоном, заметив, что стресс, паника на другом конце провода немного уменьшились. Еще Гамаш смотрел на секретаря, которая оглядывала большой офис, внезапно взорвавшийся бурной деятельностью.

Установить телефон пока не удавалось.

– Пусть это вас не волнует. Было – и все тут.

– Понимаю, – сказал Гамаш.

Он и в самом деле понимал. На задворках Квебека собирали два больших урожая: кленового сока и марихуаны. Вероятно, пикап был нагружен вовсе не соком.

– Продолжайте.

– У меня на сиденье лежал пистолет, и я знал, что случится. Он увидит пистолет, арестует меня, и вы узнаете… что у меня в машине.

Гамаш подумал: этот человек стрелял в одного полицейского (возможно, убил его), похитил другого, но, похоже, больше всего его волнует, как бы скрыть, что он либо работает на плантации марихуаны, либо владеет ею. Это уже был инстинкт – потребность прятать, скрывать. Лгать. На кону, возможно, стояли сотни тысяч долларов.

На кону стояла свобода.

Для человека, живущего в лесу, одна мысль о годах за решеткой казалась хуже, чем убийство.

– И что же случилось?

Все еще не отследили номер? Невероятно, что на это уходит столько времени.

– Я не хотел. – Судя по голосу, человек снова был близок к истерике. Теперь он упрашивал. – Это была ошибка. Но когда это случилось, я увидел, что там есть еще один, и я взял его на мушку. Я тогда еще не знал, что буду делать. Не мог просто так его пристрелить. Чтобы вот так

хладнокровно. Но и отпустить его не мог. И вот привез его сюда.

– Вы должны его отпустить, – сказал старший инспектор. – Развяжите его и оставьте на месте. Можете взять свой пикап и исчезнуть. Только не трогайте Поля Морена.

Его удивило, почему этот человек не спрашивает о состоянии полицейского, в которого стрелял. Он казался таким выбитым из колеи, но так об этом и не спросил. Возможно, просто не хотел знать. Видимо, этот человек привык зарывать голову в песок.

Последовала пауза, и Гамаш уже начал думать, что человек поступит так, как он ему предложил. Главное сейчас – вызволить агента Поля Морена, а убийцу они потом найдут. Гамаш в этом не сомневался.

Но Арман Гамаш уже совершил первую свою ошибку.

Бовуар провалился в сон и уже во сне повесил трубку, сел в машину с шефом, и вместе они помчались в Сент-Агат. Они нашли место, где удерживали Морена, и спасли его. Никто не пострадал, никто не был убит.

Такой сон снился Бовуару. Это сон снился ему все время.

Арман Гамаш подобрал мячик и снова забросил его для Анри. Он знал: пес будет с радостью носиться за мячиком хоть весь день и всю ночь. Да и для Гамаша это было удовольствие. Простые, повторяющиеся движения.

Его подошвы поскрипывали на тропинке, дыхание клубилось в темном, холодном воздухе. Он видел Анри и слышал, как ветерок колышет ветки, стукая их друг об дружку, словно скелет пощелкивает пальцами. И еще он слышал молодой голос. Голос, который не умолкал в его ушах.

Поль Морен поведал ему о своем первом уроке плавания в холодной реке Ямаска и о том, как какие-то хулиганы отобрали у него чемодан. Гамаш слушал о том, как Морены всем семейством ездили в Тадуссак смотреть китов, о том, как Поль Морен любит рыбную ловлю, о том, как у него умерла бабушка. Он слушал о квартире, которую Поль и Сюзанна арендовали в Гранби, о краске для стен, какую она выбрала. Он узнавал о мелочах жизни молодого агента.

И пока Морен говорил, Гамаш опять восстанавливал в памяти цепочку событий. По ночам он давал волю всем тем образам, которые не впускал в сознание днем. У него просто не было другого выхода. Он пытался удержать их за стонущей дверью, но они нажимали, ломились, стучали, пока он не опускал руки.

И вот каждую ночь они с Анри и агентом Мореном отправлялись на

прогулку. Анри преследовал мячик. А Гамаша преследовали образы. Побродив с час, Гамаш, Анри, мячик и агент Морен возвращались по Гран-Алле, мимо закрытых баров и ресторанов. Даже пьяных студентов не было видно. Все исчезали. На улицах стояла тишина.

И Гамаш приглашал, просил, умолял агента Морена тоже помолчать. Вот сейчас. Пожалуйста. Голос Морена переходил на шепот, но так никогда и не умолкал.

Глава восьмая

Гамаш проснулся, почуяв манящий запах крепкого кофе. Он принял душ и пошел на кухню, где уже хозяйничал Эмиль.

Они сели за длинный деревянный стол, и старик налил Гамашу кофе. В центре стола стояла тарелка с рассыпчатыми круассанами, мед, джемы и немного нарезанных дольками фруктов.

– Ты видел это?

Эмиль положил перед своим гостем утренний выпуск «Ле солель». Гамаш отхлебнул кофе и прочел заголовок:

ОГЮСТЕН РЕНО УБИТ ВО ВРЕМЯ ПОИСКОВ ШАМПЛЕЙНА

Он пробежал заметку. Старший инспектор был достаточно опытен, чтобы не относиться спустя рукава к газетным сообщениям. Пресса нередко находила людей и информацию, которых, возможно, еще не было у полиции. Но в этой заметке он не увидел ничего нового. В основном рассказ о невероятном хобби Рено – искать останки Шамплейна – и о сопутствующей этому хобби привычке бесить других людей. Приводились высказывания главного археолога Квебека Обри Шевре, восторженные отзывы о достижениях Рено, которые, как всем было известно, сводились к тому, что он, словно крот, проделывал ходы в Старом городе и, возможно, наносил ущерб серьезным научным раскопкам. Шевре и Рено ненавидели друг друга, хотя по некрологу в сегодняшней газете догадаться об этом было трудно.

Вот только журналист оказался въедливый – он собрал прежние высказывания Шевре о Рено. И не только Шевре, но и многих других знатоков Шамплейна, историков и археологов. Все они презрительно отзывались о Рено, все глумились над ним, высмеивали его любительский статус. Но то было при его жизни.

Несомненно, что живой Огюстен Рено стал кем-то вроде клоуна. И тем не менее перед теми, кто читал сегодняшние газеты, представал другой образ Огюстена Рено. Перед читателями представал новый образ. Образ человека, которого люди любили, как любят дорогого, хотя и немного свихнувшегося дядюшку. Пусть Рено и заблуждался, но он был человеком

страстным. Он любил свой дом, любил свою страну. Квебек. Любил историю и жил ею, отказываясь от всего другого, включая, кажется, и здравомыслие.

Он был безвредным эксцентричным человеком, одним из многих квебекцев, и провинция обеднела, потеряв его.

Теперь, когда Огюстен Рено был мертв, его наконец зауважали.

Гамаш с облегчением увидел, что газета довольно осторожно упомянула о том, где было найдено тело. Хотя и говорилось, что речь идет об уважаемом английском институте, но этим и ограничились. Не высказывалось никаких предположений о том, что в дело вовлечены англоязычные канадцы, о заговоре, о политических или лингвистических мотивациях этого преступления.

Но Гамаш подозревал, что таблоиды будут менее осторожны.

– Это случилось в той библиотеке, верно? Там, где ты работал?

Эмиль разломил круассан, и крошки посыпались на стол. Вчера вечером Эмиль обедал с друзьями, а потому после убийства они с Гамашем еще не виделись.

– Да. В Лит-Исте, – ответил Гамаш.

Эмиль посмотрел на него с шутливой серьезностью:

– Мне ты об этом можешь сказать, Арман. Ты не…

– Не я ли его убил? Нет, я бы не смог убить незнакомого человека. Вот друга…

Эмиль Комо рассмеялся, потом снова посерьезнел:

– Бедняга.

– Да, бедняга. Я ведь был там. Инспектор Ланглуа позволил мне присутствовать при первых допросах.

Пока они ели, Гамаш рассказывал Эмилю о прошедшем дне, а его наставник то и дело задавал короткие вопросы.

Наконец Эмиль Комо откинулся на спинку стула, утолив голод, но не любопытство.

– Что ты об этом думаешь, Арман? Англичане что-то скрывают? Зачем им просить тебя о помощи, если им нечего бояться?

– Вы правы, они боятся. Но не потому, что они что-то совершили. Они боятся того, как это выглядит.

– И не без оснований, – заметил Эмиль. – А что там делал Рено?

«Важный вопрос, – подумал Гамаш. – Может быть, не менее важный, чем вопрос о том, кто его убил. Почему он оказался в Литературно-историческом обществе?»

– Эмиль, вы член Общества Шамплейна, – сказал Гамаш, опершись

локтями на стол и обхватив чашку своими большими ладонями. – Вы знаете об этом гораздо больше меня. Мог ли Рено найти что-то? Возможно ли, что Шамплейна захоронили там?

– Приходи на ланч в бар «Сен-Лоран». – Эмиль встал. – Там будут люди, которые лучше меня сумеют ответить на этот вопрос.

Гамаш оставил Анри дома, чего обычно не делал, однако туда, куда он собирался, не впускали с собаками. Ему это не нравилось. Всех нужно было впускать: собак, кошек, хомяков, лошадей, бурундуков. Птиц.

Но в пресвитерианскую церковь Святого Андрея на воскресную службу пришли только люди. И довольно много людей. Скамьи быстро заполнялись. Гамаш узнал нескольких репортеров, да и остальных, вероятно, больше интересовали слухи, чем Господь Бог. Старший инспектор подозревал, что большинство из сегодняшних прихожан никогда прежде не заходили в церковь, возможно, даже не подозревали о ее существовании. Они обнаружили ее вместе с телом.

Английский Квебек на параде.

Все скамьи стояли полукругом перед кафедрой, и Гамаш нашел место на изгибающейся скамье ближе к боковой стороне церкви. Несколько минут он сидел спокойно, с восхищением разглядывая интерьер.

Церковь была заполнена светом. Он проникал через яркие и веселые витражные окна. Толстые стены были оштукатурены и покрашены в кремовый цвет. А от потолка вообще нельзя было оторвать взгляд. Он был недавно выкрашен в лазурный цвет и воспарял над высокими, изящными полукруглыми хорами.

И еще старшего инспектора поразило, что нигде не было видно распятия.

– Красиво, правда?

Гамаш повернулся и увидел рядом с собой Элизабет Макуиртер.

– Красиво, – прошептал он. – Эта церковь давно построена?

– Двести пятьдесят лет назад. Недавно отпраздновали юбилей. Конечно, англиканская церковь Святой Троицы гораздо крупнее. Бо́льшая часть английского сообщества ходит туда, но мы пока выживаем.

– И эта церковь объединена с Литературно-историческим обществом? Вроде бы она находится в том же квартале.

– Ну разве что неформально. В совете заседает священник этой церкви, но это всего лишь совпадение. Прежде в совете был англиканский архиепископ, но он уехал несколько лет назад, а потом мы пригласили к себе пресвитерианца.

– У вас всегда такой сбор? – Гамаш кивнул в сторону людей, толпящихся в проходах, поскольку сидячих мест уже не было.

Элизабет покачала головой и улыбнулась:

– Обычно можно растянуться на скамейках и спать в свое удовольствие. И не думайте, что кое-кто из нас не делал этого.

– Сегодня, похоже, народа будет много.

– Это хорошо. Церкви нужна новая крыша. Но я подозреваю, что большинство из этих людей пришли поглазеть. Вы читали статью в «Ле журналист» сегодня утром?

Гамаш знал эту местную газетенку. Он покачал головой:

– Только «Ле солель». А что? Что там было написано?

– Да ничего особенного. Просто было высказано предположение, что англоязычные канадцы убили Рено ради сохранения наших темных тайн.

– И что же это за тайны?

– Конечно, что Шамплейн похоронен под Лит-Истом.

– А он действительно там похоронен?

Ему показалось, что этот вопрос напугал Элизабет Макуиртер. Но тут зазвучал орган, прихожане поднялись, и это избавило ее от необходимости отвечать на заданный вопрос. Гамаш знал, что она ответит.

«Конечно не похоронен».

Он пропел «Господь всех надежд» из сборника церковных гимнов и оглядел собравшихся. У большинства был потерянный вид – они даже не пытались петь, кое-кто шевелил губами, но Гамаш удивился бы, услышав, что они издают какие-то звуки. И всего лишь с десяток-другой действительно пели.

На кафедру поднялся молодой человек, и служба началась.

Гамаш устремил взгляд на священника. Томас Хэнкок. Ему было лет двадцать с небольшим. Светло-русые волосы, красивое лицо, хотя и не в классическом роде, а, скорее, просто дышащее здоровьем. Энергичный (Гамаш уже замечал для себя, что невозможно быть одновременно энергичным и непривлекательным). Немного похож на Мэтта Деймона. Умный и обаятельный.

Они помолились за Огюстена Рено.

Потом Томас Хэнкок сделал нечто такое, что Гамаш считал невозможным. Признавая, что Рено был убит всего в нескольких ярдах отсюда, он не стал останавливаться на этом. Как не стал задерживаться и на странностях воли Божьей.

Нет, преподобный мистер Хэнкок, в своей длинной синей сутане и с этим детским лицом, заговорил о страсти и целеустремленности. О том, что

Рено явно нашел счастье в жизни. Преподобный связал это с Богом. Назвал это великим даром Божьим.

Остальная часть проповеди была посвящена радости.

Гамаш знал, что это исключительно рискованная стратегия. На скамьях сидели франкоязычные канадцы, которых интересовала субкультура, обнаружившаяся в самом центре их города. Англичане. Большинство квебекцев, вероятно, и не подозревали, что англичане сосуществуют рядом с ними, не говоря уже о том, что они тут так удобно и надежно устроились.

Они были диковинкой, и большинство людей, пришедших в церковь, явились сюда, чтобы поглазеть, чтобы вынести какое-то мнение. Включая и некоторое число репортеров; они сидели с раскрытыми ноутбуками, готовясь срочно сообщить своим редакторам об официальной реакции англоязычного сообщества. Эта церковь и англоязычные канадцы, говорящие о радости, а не о трагедии, могли быть обвинены в том, что они бессердечные, что им наплевать на трагедию, унесшую жизнь человека. Убили человека – ну и бог с ним.

Но священник не подыгрывал толпе, не предлагал завуалированного извинения, опираясь на искусно подобранные цитаты из Библии, – нет, он говорил о радости.

Арман Гамаш не знал, как это будет подано в завтрашнем номере «Ле журналист», но он не мог не восхищаться этим человеком, который не пошел на поводу у собравшихся, а, напротив, предложил иной, более позитивный взгляд на мир. Гамаш подумал, что если бы его церковь больше говорила о радости и меньше о грехе и вине, то он, возможно, и вернулся бы туда.

Служба закончилась песнопением и сбором пожертвований, за этим последовала безмолвная молитва, во время которой агент Морен рассказал Гамашу о своей покойной бабушке – та беспрерывно дымила, не вынимала сигарету изо рта.

– Из-за дыма она вечно подмигивала правым глазом, – сказал Морен. – Причем сигарета просто догорала. Она никогда не стряхивала пепел. Он просто висел длинным серым столбиком. Мы могли наблюдать за ней часами. Моя сестренка говорила, что бабушка отвратительна, но я ее любил. Она еще и выпивала. Она могла пить и есть, не вынимая сигарету изо рта.

Похоже, это производило на него впечатление.

– Когда она готовила завтрак, весь столбик пепла падал в кашу. Но она продолжала ее помешивать. Один господь знает, сколько пепла и

всякой дряни мы съели.

– Она умерла от курева?

– Нет, поперхнулась брюссельской капустой.

В этот момент в церкви наступила пауза, но Гамаш не удержался и хохотнул.

Элизабет посмотрела на него.

– Думаете о радости? – прошептала она.

– В некотором роде, – ответил Гамаш, и в груди у него защемило с такой силой, что он чуть не охнул.

После службы прихожан пригласили в церковный зал на кофе и печенье, но Гамаш туда не пошел. Пожав всем руки, преподобный Хэнкок заметил этого крупного мужчину, оставшегося сидеть на скамье, и подошел к нему:

– Чем могу служить?

Глаза у него были нежно-голубого цвета. Вблизи Гамаш увидел, что Хэнкок старше, чем кажется. Ему было скорее тридцать пять, чем двадцать пять.

– Не хочу лишать прихожан вашего общества, преподобный. Но может быть, вы сумеете уделить мне некоторое время немного позже?

– А почему не сейчас? – Он сел. – И прошу вас, не называйте меня «преподобный». Вполне достаточно просто Том.

– Боюсь, у меня не получится.

Хэнкок внимательно посмотрел на него:

– Тогда уж лучше «ваше превосходительство».

Гамаш взглянул на серьезное лицо молодого человека и не смог сдержать улыбки:

– Что ж, может, у меня и получится называть вас Том.

Хэнкок рассмеялся:

– Вообще-то, в сугубо официальной обстановке меня называют преподобным мистером Хэнкоком, но и просто «мистер Хэнкок» будет вполне достаточно, если вам так удобнее.

– Да, удобнее. Merci. – Гамаш протянул руку. – Меня зовут Арман Гамаш.

Рука священника на секунду задержалась.

– Старший инспектор, – произнес он наконец. – Я так и подумал, что это вы. Элизабет сказала, что вчера вы пришли нам на помощь. А я, к сожалению, готовился к гонкам на каноэ. Надежды у нас никакой, но хоть повеселимся.

В то, что у них нет надежды, Гамаш был готов поверить. Уже не

первое десятилетие он наблюдал знаменитые карнавальные гонки на каноэ через реку Святого Лаврентия и каждый раз спрашивал себя, чем должен быть одержим человек, чтобы заниматься этим. Для подобных гонок требовалась недюжинная физическая сила и некоторая сумасшедшинка. И если молодой священник был в неплохой физической форме, то Гамаш по своим записям знал, что его напарнику по команде, Кену Хэсламу, перевалило за шестьдесят. Грубо говоря, это будет подобно перетаскиванию наковальни на другой берег реки. Хэслам в команде – это явная фора соперникам.

Когда-нибудь он, возможно, спросит у этого священника или у кого-нибудь другого, что заставляет их участвовать в таких гонках. Но не сегодня. Сегодня на повестке была другая тема.

– Я рад, что сумел немного помочь, – сказал Гамаш. – Но к сожалению, дело далеко еще не закончено, несмотря на вашу сегодняшнюю проповедь.

– О, в мои намерения никак не входило сбросить со счетов то, что случилось, – только принять человеческую жизнь и радоваться ей. Там… – Хэнкок махнул рукой на прекрасные витражные окна и благородный город за ними, – достаточно людей, которые обвинят нас, и я подумал, что стоит попытаться поднять самим себе настроение. Вы это не одобряете?

– Это имеет какое-то значение?

– Это всегда имеет значение.

– Собственно говоря, я думаю, что ваша проповедь была вдохновенной. Прекрасной.

Преподобный мистер Хэнкок посмотрел на Гамаша:

– Merci. В этом есть риск. Но надеюсь, что я никому не причинил вреда. Там поглядим.

– Вы родились в Квебеке?

– Нет, в провинции Нью-Брансуик. В городе Шедиак, омаровой столице мира. Есть такое правило: если вы говорите «Шедиак», то должны добавлять…

– «Омаровая столица мира».

– Спасибо. – Хэнкок улыбнулся, и Гамаш понял, что тот говорил о радости небеспричинно. Он знал, что такое радость. – Это мой первый приход. Я приехал сюда три года назад.

– А давно вы в совете Лит-Иста?

– Года полтора, кажется. Это не слишком обременительно. Самое главное, что я должен делать, – это не забывать, что мне не следует предлагать что-либо новое. Чтобы остановить время, нужно приложить массу сил, и по большей части им это удается.

Гамаш улыбнулся:

– Живая история?

– Вроде того. Они, может, старые и вздорные, но они любят Квебек и любят Литературно-историческое общество. Они долгие годы старались быть незаметными. Они хотят одного – чтобы их не трогали. И вот надо же, случилось такое.

– Убийство Огюстена Рено, – подхватил Гамаш.

Хэнкок покачал головой:

– Вы ведь знаете, он приходил, хотел поговорить с нами. В пятницу утром. Но совет отказался его принять. И правильно сделал. Он может обратиться по обычным каналам, как и все остальные. Он казался неприятным человеком.

– Вы его видели?

Хэнкок помедлил с ответом.

– Нет.

– А почему о приходе Рено не упомянуто в протоколе заседания?

Этот вопрос поверг Хэнкока в недоумение.

– Мы решили, что это не имеет отношения к делу.

Но у Гамаша сложилось впечатление, что для Хэнкока эта новость была откровением.

– Насколько я понимаю, вы и месье Хэслам покинули заседание раньше других?

– Да, у нас в полдень была тренировка, поэтому мы и ушли.

– Огюстен Рено все еще находился у дверей?

– Я его не видел.

– У кого был доступ в подвал?

Хэнкок на мгновение задумался.

– Это вам Уинни лучше скажет. Она главный библиотекарь. Сомневаюсь, что дверь в подвал вообще запиралась. Уж скорее тогда можно задать вопрос, кто ее мог найти. Вы спускались туда?

Гамаш кивнул.

– Тогда вы знаете, что туда можно попасть только через люк и вниз по лестнице, которую нельзя назвать парадной. Случайный посетитель никогда не обнаружит этот подвал.

– Но здание обновлялось, предполагался и ремонт нижних помещений. И насколько я знаю, в ближайшие дни подвал собирались залить бетоном.

– Так скоро? Я знал, что работы ведутся, но не знал, когда будут цементировать. Теперь этого, видимо, не случится?

– Боюсь, что на некоторое время работы придется отложить.

Старший инспектор спросил себя, понимает ли преподобный мистер Хэнкок, что он сейчас признал: это убийство мог совершить только член Литературно-исторического общества. Не какой-нибудь случайный посетитель библиотеки, а человек, хорошо знакомый с планом старого здания. Старший инспектор помнил свое долгое путешествие по лабиринтам коридоров. Тут была целая сеть проходов, лестниц, закутков.

Мог ли Огюстен Рено сам найти люк, ведущий в подвал?

Почти наверняка нет.

Кто-то провел его туда и там убил.

Кто-то, кто прекрасно знал все о Лит-Исте.

Кто-то, кому было известно, что подвал собираются залить бетоном.

Преподобный мистер Хэнкок поднялся со скамьи:

– Извините, но мне нужно быть на кофепитии. Я должен там появиться.

Он замолчал и внимательно посмотрел на своего бородатого собеседника.

Как и любой другой квебекец, он знал старшего инспектора Гамаша. Глава отдела по расследованию убийств появлялся на телевидении в еженедельных ток-шоу и новостях с объяснениями того, что делает полиция Квебека. Часто давал информацию о тех или иных делах.

Он всегда был терпелив, не боялся вопросов, выкрикиваемых из зала. Вопросов, не всегда вежливых. Он никогда не срывался, хотя Хэнкок видел, что его подчас серьезно провоцируют.

Но человек, которого он сейчас видел перед собой, отличался от человека, которого он видел на экране в течение вот уже трех лет. И дело было не только в бороде и шраме. Гамаш был по-прежнему вдумчив, чуть ли не мягок.

Но он казался усталым.

– Кофе может и подождать, – сказал Хэнкок, садясь. – Вы хотите поговорить?

Арман Гамаш знал, что этот молодой человек сейчас имеет в виду не расследование, и у него возникло искушение. Искушение рассказать ему все. Но Томас Хэнкок был подозреваемым в деле об убийстве, и, как бы ни хотелось Гамашу исповедоваться в своих грехах перед этим молодым священником, он отказался от этой мысли.

– Нет-нет. Мы можем поговорить и в другой раз.

– Надеюсь. – Хэнкок поднялся. – Видите ли, радость всегда с нами. Она всегда с вами. Настанет день – и вы снова отыщете ее.

– Merci, – сказал Гамаш.

Он тихо сидел на скамье, пока звук шагов священника не умолк, и тогда Гамаш остался наедине с шепотом в ушах.

В Литературно-историческом обществе снова открылись библиотека и кабинеты. Но желтая полицейская лента сохранялась на двери, ведущей к люку и лестнице в подвал.

И там стоял инспектор Ланглуа.

Его команда собрала все улики, обследовала каждый дюйм, подняла каждый волосок, каждый клочок материи. В пробирки были положены образцы земли. Сделаны фотографии в инфракрасном и ультрафиолетовом свете.

Рядом с телом были обнаружены окровавленная лопата, сумка с картой и отпечатки подошв. Разных подошв. Их было слишком много, и инспектор подозревал, что выделить следы убийцы из них не удастся.

Он отправил следователей поговорить с бывшей женой Рено, с его друзьями, которых по пальцам можно было перечесть, с соседями. Они обыскивали его дом, но там было столько книг, бумаг и всякого старья, что на это могло уйти несколько недель.

Полиция вплотную занималась этим делом. Потому что Ланглуа, как и Гамаш, знал, что ад только начинается. Его разогревают таблоиды, подхватывает серьезная пресса. Дело приобретало все более широкую огласку. Речь шла уже не только о теле Рено, говорили и о другом человеке, ушедшем в мир иной, о древней тайне, о древнем теле.

О Шамплейне.

Неужели он был захоронен здесь?

И поэтому Гамаш не искал улики в квартире Рено, а торчал в этом мрачном подвале, разглядывая ведро с картошкой. По крайней мере, ему казалось, что это картошка.

Рядом с ним, сутулясь, стоял главный археолог Квебека Обри Шевре.

Никому из них пребывание в этом подвале не доставляло удовольствия. Оба знали, что лишь попусту тратят время.

– Понимаете, инспектор, я могу сказать вам наверняка, что это не Шамплейн.

Они продолжали разглядывать картошку.

Опершись на лопату, стоял умелый копатель, приведенный главным археологом. Женщина с каким-то прибором прохаживалась по земляному полу. Они выкопали уже три ямы и в каждой нашли металлический ящик или ведро с корнеплодами, которые, возможно, пролежали там не одну сотню лет. Репа, картофель, пастернак. Но никаких следов Самюэля де

Шамплейна.

– Bon, – сказал Шевре. – Достаточно. Мы все знаем, что его здесь нет. Я бы даже так сказал: если Рено считал, что Шамплейн здесь, то это почти твердая гарантия, что его здесь нет.

– Постойте, я тут что-то нашла, – сказала женщина с прибором.

Шевре вздохнул, но они все переместились в темный угол. Копатель переставил туда лампы.

Инспектор Ланглуа почувствовал, как учащенно забилось его сердце, остальные тоже смотрели с воодушевлением и надеждой. Даже Шевре.

Несмотря на тот факт, что Шамплейн не мог быть захоронен здесь, у Шевре теплилась надежда. Ланглуа подумал, что археологи, как и следователи, копают и копают и всегда надеются, что их усилия не будут потрачены напрасно. Под поверхностью может обнаружиться что-то важное.

Копатель вонзил лопату в твердую землю, пошевелил ею, проталкивая ее все глубже и глубже, дюйм за дюймом, чтобы не уничтожить то, что покоится там, внизу.

Потом они услышали удар и легкое поскребывание. Лопата на что-то наткнулась.

И снова главный археолог присел. Взял свой инструмент, более тонкий, чем остальные, осторожно, неторопливо раскидал землю, и они увидели ящик.

Открыв его, главный археолог посветил внутрь.

Репа. Впрочем, одна из них была немного похожа на премьер-министра.

Глава девятая

Арман Гамаш быстро прошел по скользкой дорожке в парк, известный как Плас-д'Арм. Морозный ветер щипал его лицо. Дорожки были проложены в глубоком снегу, наметенном ветром. На вершине парка ждали коляски с впряженными в них лошадьми, возившие туристов на экскурсию по Старому городу. За спиной Гамаша стоял ряд небольших живописных каменных зданий, ныне превращенных в рестораны. Справа от него воспарял к небесам великолепный англиканский собор Святой Троицы. Гамаш знал это наизусть и теперь не смотрел на него. Как и все остальные, он низко опустил голову, защищаясь от ветра, лишь изредка поднимая взгляд, чтобы быть уверенным, что он не врежется в человека или столб. Глаза у него слезились, слезы замерзали на щеках. И все остальные были похожи на него: у всех лица круглые, красные, сияющие. Словно стоп-сигналы автомобиля.

Он поскользнулся на ледке, но не упал – сумел сохранить равновесие, потом повернулся спиной к ветру и перевел дыхание. На вершине холма, за парком и колясками находилось самое фотографируемое здание в Канаде.

Отель «Шато-Фронтенак».

Громадный и серый, увенчанный башенками, грандиозный, он возвышался, словно выдавленный из самого утеса. Свое название этот похожий на средневековые замки отель получил в честь первого губернатора Квебека, графа де Фронтенака. Он был великолепный и устрашающий.

По пути к «Шато» Гамаш прошел мимо большой статуи в середине маленького парка. Monument de la Foi. Памятник вере. Потому что Квебек был построен на вере. И на мехе. Но отцы города предпочли поставить памятник мученикам, а не бобру.

«Шато» обещал тепло, стаканчик вина, французский суп с хрустящим луком, Эмиля. Но старший инспектор остановился, не доходя до двери, и уставился, правда не на «Шато» и не на готическую статую веры, а на другой памятник, слева, гораздо более крупный, чем памятник вере.

Это был памятник человеку, который теперь стоял над городом, основанным им четыреста лет назад.

Самюэль Де Шамплейн.

Лысый, с обнаженный головой, он делал шаг вперед, словно хотел присоединиться к ним, стать частью города, обязанного ему своим

существованием. А у основания статуи поместилась другая фигура, меньших размеров. Ангел, играющий на трубе в честь основателя города. И даже Гамаш, противник национализма, испытывал удивление и трепет перед точным предвидением и мужеством этого человека, его решимостью сделать то, что пытались и не смогли другие.

Не просто приплыть на эти берега и снять урожай мехов, рыбы, леса, а жить здесь. Создать колонию. Сообщество. Новый Свет. Дом.

Гамаш смотрел долго, пока у него не онемело лицо и пальцы в рукавицах. Но он постоял еще некоторое время, дивясь отцу Квебека.

Где ты? Где тебя похоронили? И почему мы не знаем где?

Эмиль поднялся и помахал ему рукой, приглашая к столу у окна.

Два человека, сидевшие с ним, тоже поднялись.

– Старший инспектор, – обратились они к нему и представились.

– Рене Далер, – сказал высокий упитанный человек, пожимая руку Гамашу.

– Жан Амель, – назвался невысокий, худенький.

Будь у Рене аккуратные усики, эти двое вполне могли бы сойти за Лорела и Харди[37].

Гамаш отдал свою куртку официанту, предварительно засунув в рукав шапочку и шарф. Он сел, приложил ладони к щекам и почувствовал жжение. Сильный холод по иронии вызывал свою противоположность – и не отличить от солнечного ожога. Но прошло несколько минут, и жжение прошло, кровь снова стала циркулировать в его руках, которые он подсунул под себя, чтобы согрелись.

Они заказали выпивку, ланч, заговорили о карнавале, погоде, политике. Было ясно, что эти трое хорошо знакомы друг с другом. И Гамаш знал, что они не первое десятилетие принадлежат к одному клубу.

К Обществу Шамплейна.

Принесли напитки и корзинку с булочками. Гамаш подавил в себе желание взять в каждую руку по теплой булочке. Трое говорили между собой, Гамаш иногда вставлял замечание, иногда просто слушал, иногда поглядывал в окно.

Бар «Сен-Лоран» находился в дальнем углу «Шато», в конце роскошного, широкого, бесконечного коридора за дверями, открывающимися в иной мир. В отличие от остального отеля, являвшего собой нечто титаническое по размерам, этот бар был невелик и имел круглую форму, потому что был встроен в одну из башен. Его изгибающиеся стены были отделаны панелями темного дерева, а с двух

сторон были устроены камины. В центре разместилась круглая стойка бара, вокруг нее стояли столики.

В любом обычном городе такой интерьер считался бы впечатляющим, но Квебек-Сити был далеко не обычным городом, а «Шато» был явлением уникальным.

Вдоль дальней стены бара располагались по окружности окна. Высокие, с рамами из красного дерева, широкие, многостворчатые. Оттуда открывался самый великолепный вид из всех, какие доводилось видеть Гамашу. Да, для него как для жителя провинции Квебек ни один вид не мог сравниться с этим. Это был их Большой каньон, их Ниагарский водопад, их Эверест. Это был Мачу-Пикчу, Килиманджаро, Стоунхендж. Это было их чудо.

Из бара открывался вид на реку, такую далекую, что она уходила куда-то в прошлое. Отсюда Гамаш мог видеть на четыре века назад. Корабли, на удивление маленькие и хрупкие, плывут из Атлантики, бросают якорь в самом узком месте.

Квебек. Это алгонкинское[38] слово. Место, где сужается река.

Гамаш почти что видел, как моряки сворачивают паруса, как тянут канаты, закрепляют лини, карабкаются на мачты, спускаются. Он почти что видел лодки, спускающиеся на воду, гребцов, направляющих лодки к берегу.

Знали ли они, что их ждет? Что принесет им Новый Свет?

Почти наверняка – нет. Большинство так и осталось здесь навсегда, их похоронили прямо под тем местом, где они сейчас сидят, близ берега. Они умирали от цинги, от холода.

В отличие от Гамаша у них не было «Шато», где можно было погреться. Ни теплого супа, ни янтарного виски. Он и десяти минут не выдержал на этом кусачем, ледяном ветру. Как же выживали они – дни, недели, месяцы? Без теплой одежды и почти без крыши над головой?

Ответ, конечно, был очевиден. Они и не выживали. Большинство умерло медленной, мучительной смертью в первые зимы. Из этого окна, выходящего на серую воду и ледяные поля, Гамаш видел саму историю. Его историю, протекающую мимо.

Еще он увидел темное пятнышко вдалеке. Каноэ. Тряхнув головой, Гамаш вернулся к разговору за столом.

– Что тебя так озадачило? – спросил Эмиль.

Старший инспектор кивнул на окно:

– Команда гребцов на каноэ. Первые поселенцы были вынуждены этим заниматься. Но сейчас-то кому это нужно?

– Согласен, – сказал Рене, разламывая булочку и намазывая на нее масло. – Я с трудом смотрю на них, но в то же время не могу оторваться от этого зрелища. – Он рассмеялся. – Мне иногда кажется, что мы общество гребцов.

– Кого-кого? – спросил Жан.

– Гребцов. Вот почему мы и занимаемся такими вещами. – Он мотнул головой в сторону окна и точки на реке. – Вот почему Квебек так хорошо сохранился. Вот почему мы настолько очарованы историей. Мы все в гребной лодке. Двигаемся вперед, но постоянно оглядываемся назад.

Жан рассмеялся и откинулся на спинку стула, когда официант поставил перед ним тарелку с громадным бургером и картошкой фри. Эмилю принесли кипящий французский луковый суп, а Гамашу – тарелку горячего горохового.

– Сегодня утром я встретил одного человека, который готовился к гонкам, – сказал Гамаш.

– Готов спорить, что он в хорошей форме, – заметил Эмиль, поднимая ложку чуть ли не до уровня глаз, чтобы разорвать расплавившийся в вязкие нити сыр.

– Да, в хорошей, – подтвердил Гамаш. – Он священник в пресвитерианской церкви Святого Андрея.

– Мужественное христианство, – хохотнул Рене.

– Тут есть пресвитерианская церковь? – спросил Жан.

– А с ней и приход, – ответил Гамаш. – Он сказал, что на пару с ним в гонке участвует человек, которому перевалило за шестьдесят.

– За шестьдесят чего? – спросил Рене. – Фунтов?

– Наверное, ай-кью, – сказал Эмиль.

– Надеюсь встретиться с ним сегодня днем. Его зовут Кен Хэслам. Вы его не знаете?

Они переглянулись, но ответ был очевиден: нет, не знают.

После ланча за чашечкой эспрессо Гамаш повернул разговор к теме, которая и привела их всех сюда:

– Вам известно, что Огюстен Рено был убит в пятницу вечером или в субботу рано утром?

Они кивнули, их хорошее настроение поубавилось. Три проницательных взгляда устремились на Гамаша. Они все были люди пожилые, под восемьдесят, все успешные в своей области, все на пенсии. Но никто не утратил острого ума. Гамаш это ясно видел.

– Вот что я хотел бы узнать от вас. Мог ли Шамплейн быть похоронен под нынешним Литературно-историческим обществом?

Они переглянулись, и наконец без слов было решено, что слово возьмет Рене Далер, крупный, похожий на Харди человек. Со стола все убрали, остались только их demi-tasses[39].

– Когда Эмиль сказал, о чем вы хотите поговорить, я взял с собой вот это. – Рене разложил на столе карту, прижав ее по краям чашками. – Виноват, но я понятия не имею, где находится Литературно-историческое общество.

– Это не совсем верно, – сказал Жан своему другу. – Нам знакомо это здание. Оно очень старое. Построено было как редут, в тысяча семисотые стало казармами. Во второй половине восемнадцатого века там размещались военнопленные. Потом где-то была построена другая тюрьма, и здание, вероятно, попало в частные руки.

– А теперь вы говорите, что оно называется Литературно-историческим обществом. – Английские слова давались Рене с трудом.

– Великолепное сооружение, – сказал Гамаш.

Рене ткнул своим толстым пальцем в место, где располагалось здание на рю Сен-Станисла:

– Это оно?

Гамаш, как и все остальные, подался к карте – они едва не стукнулись головами. Приглядевшись, Гамаш кивнул.

– Тогда сомнений нет. Согласны? – Рене посмотрел на Жана, потом на Эмиля. Они были согласны. – Я могу вам гарантировать, что останков Самюэля Шамплейна там нет.

– Почему вы так уверены?

– Вы видели статую Шамплейна на подходе к «Шато»?

– Видел. Ее трудно не заметить.

– C’est vrai[40]. Это не просто памятник человеку. Он установлен на том самом месте, где Шамплейн умер.

– По крайней мере, насколько мы это можем установить, – вмешался Жан.

Рене бросил на него недовольный взгляд.

– А откуда вы знаете, что он там умер? – спросил Гамаш.

Теперь настал черед отвечать Эмилю.

– Есть доклады, написанные священниками и его лейтенантами. Он умер после короткой болезни на Рождество тысяча шестьсот тридцать пятого года, во время бури. Это один из немногих фактов про Шамплейна, точно установленных. Крепость была на том самом месте, где стоит памятник.

– Но ведь его не стали бы хоронить на том месте, где он умер? – возразил Гамаш.

Рене развернул еще одну карту, судя по всему, копию, и положил ее на современную карту города. Фактически это была не карта, а иллюстрация.

– Это было нарисовано в тысяча шестьсот тридцать девятом, через четыре года после смерти Шамплейна. Практически мало что изменилось после его смерти.

На карте был изображен стилизованный форт, плац перед ним и несколько зданий вокруг.

– Вот где он умер. – Указательный палец Рене опустился на форт. – И вот где теперь стоит статуя. И тут они и похоронили Шамплейна. – Толстый палец показал на маленькое здание в нескольких сотнях ярдов от форта. – Часовня. Тогда единственная в Квебеке. Официальных документов не осталось, но представляется очевидным, что Шамплейна похоронили там. Либо прямо в часовне, либо на кладбище рядом с ней.

Гамаш недоуменно спросил:

– Но если мы знаем, где он похоронен, то в чем же тайна? Где он? И почему нет официальных документов о похоронах самого важного человека в колонии?

– Никогда не бывает ничего такого уж очевидного, – ответил Жан. – Часовня сгорела несколько лет спустя, а вместе с ней и все документы.

Гамаш обдумал его слова:

– Пожар мог уничтожить документы, но не тело. За это время мы уже могли бы его отыскать. Разве нет?

Рене пожал плечами:

– Да, могли бы. Есть несколько теорий, но наиболее вероятная гласит, что его похоронили на кладбище, а не в часовне. Так что огонь его и вовсе не коснулся. Шло время, колония росла…

Рене замолчал, но руки договорили за него. Он широко их развел. Остальные двое тоже молчали, опустив глаза.

– Вы хотите сказать, что дом могли построить прямо на могиле Шамплейна? – спросил Гамаш.

У троих стариков был несчастный вид, но никто из них не возразил Гамашу. Наконец заговорил Жан:

– Есть и другая теория.

Эмиль вздохнул:

– Что, опять? Она не имеет никаких доказательств.

– Доказательств нет и для других теорий, – заметил Жан. – Я согласен: это догадка. Просто вы не хотите в нее верить.

Эмиль промолчал. Похоже, Жан затронул больное место. Невысокий старик обратился к Гамашу:

– Другая теория гласит, что Квебек-Сити рос, строилось огромное число домов, как говорит Рене. Но параллельно шли и земляные работы, рытье котлованов под фундамент ниже глубины промерзания. Город переживал бум, все делалось в спешке. У них не было времени беспокоиться о мертвецах.

Гамаш начал понимать, о чем идет речь.

– Значит, согласно этой теории, дом построили не на костях Шамплейна?

Жан покачал головой:

– Нет, его выкопали вместе с сотнями других и бросили где-то на свалке. У них не было злого умысла. Просто они не знали.

Гамаш, пораженный, лишился дара речи. Могли бы американцы сделать такое с Джорджем Вашингтоном? Или англичане – с Генрихом VIII?

– Неужели это возможно? – Он посмотрел на Эмиля Комо.

Тот пожал плечами, потом кивнул:

– Да, если Жан прав. Никто из нас не хочет признавать это.

– Но чтобы уж быть справедливым, – сказал Жан, – это самая маловероятная из теорий.

– Суть в том, – заговорил Рене, снова глядя на карту, – что это границы первоначального поселения в тысяча шестьсот тридцать пятом году. – Он провел пальцем по старой карте, потом отодвинул ее в сторону и нашел то же место на новой карте. – Это практически окружность радиусом в несколько сотен ярдов с центром в том месте, где мы сейчас сидим в «Шато». Площадь небольшая, чтобы было легче защищать.

– А что остальное пространство? – спросил Гамаш, начиная понимать, что они имеют в виду.

– А ничего, – ответил Жан. – Лес. Скалы.

– А то место, где сейчас находится Литературно-историческое общество?

– Лес.

Рене снова вернул на стол старую карту и ткнул пальцем в никак не обозначенное место вдали от жилья.

Ничего.

Они не могли похоронить Шамплейна в такой дали от цивилизации.

Следовательно, основатель Квебека просто не мог оказаться в подвалах Лит-Иста.

– Итак, – Гамаш откинулся на спинку стула, – почему же Огюстен Рено оказался в подвале?

– Потому что сошел с ума? – предположил Жан.

– Ну, это ни для кого не секрет, – сказал Эмиль. – Шамплейн любил Квебек больше всего на свете. Он не знал ничего другого, жил ради Квебека. А Рено любил Шамплейна такой же любовью. Любовью, которая граничит с безумием.

– Граничит? – переспросил Рене. – Да он был психом в последней стадии! Огюстен Рено был королем сумасшедших. Какое тут «граничит»… – пробормотал он.

– Может быть… – начал Эмиль, снова взглянув на старую карту. – Может быть, была и другая причина.

– Какая, например?

– Ну, это ведь литературное общество. – Наставник Гамаша посмотрел на него. – Может, он искал какую-то книгу.

Гамаш улыбнулся. Может быть. Он встал, дождался, когда официант принесет его куртку. Кинул взгляд на современную карту, и тут ему в голову пришла одна мысль.

– Старая часовня. Та, которая сгорела. Где она была бы на этой карте?

Рене показал. Его палец уперся в базилику Нотр-Дам, громадную церковь, где прежде молились сильные мира сего. Пока официант помогал Гамашу надеть куртку, Рене подался к нему и прошептал:

– Поговорите с отцом Себастьяном.

Жан Ги Бовуар ждал.

Он не любил ждать. Поначалу он делал вид, что ему все равно, потом стал делать вид, будто ему некуда торопиться. Это продолжалось секунд двадцать. Затем на его лице появилось раздраженное выражение. Это произвело больший эффект, и он сохранял это выражение до тех пор, пока пятнадцать минут спустя не привели Оливье Брюле.

Бовуар не видел Оливье вот уже несколько месяцев. Некоторых людей тюрьма меняет. Впрочем, она меняет всех, но внешне на одних она сказывается сильнее, чем на других. Некоторые словно расцветают. Они занимаются в спортивном зале, набирают вес, впервые за много лет начинают делать зарядку. Некоторые даже благоденствуют, хотя ни за что не признались бы в этом, но режим и порядок идут им на пользу.

Здесь их жизненный путь становится понятнее.

Но Бовуар знал, что большинство людей в заключении вянут.

Оливье появился в дверях, облаченный в тюремную одежду. Ему было

уже под сорок, и он не отличался крепким сложением. Волосы его были подстрижены короче, чем когда-либо прежде, но это скрывало тот факт, что он лысеет. Лицо побледнело, но выглядел он здоровым. Бовуар испытал отвращение – это чувство возникало у него в присутствии всех убийц. А в глубине души он был уверен, что Оливье убийца.

«Нет, – резко напомнил он себе. – Я должен думать о нем как о человеке невиновном. Или, по меньшей мере, как о человеке, чья вина не доказана». Но как ни старался, он видел перед собой заключенного.

– Инспектор, – сказал Оливье, остановившись в дальнем конце комнаты для посетителей.

– Оливье, – сказал Бовуар и улыбнулся, хотя, судя по кислой мине Оливье, это была скорее ухмылка. – Прошу вас, называйте меня Жан Ги. Я здесь как частное лицо.

– Просто в гости заглянули? – Оливье сел за стол напротив Бовуара. – Как поживает старший инспектор?

– Он поехал на карнавал в Квебек-Сити. Надеюсь, что его в любую минуту отпустят под залог.

Оливье рассмеялся:

– Здесь много людей, которые попали сюда через карнавал. Судя по всему, линия защиты, основанная на заявлении: «Я выпил слишком много „карибу“», не очень эффективна.

– Я предупрежу шефа.

Они смеялись этой шутке дольше, чем необходимо, потом в комнате воцарилась неловкая тишина. Бовуар просто не знал, что сказать.

Оливье выжидательно смотрел на него.

– Я не был сейчас до конца откровенен с вами, – начал Бовуар. Прежде он никогда не делал ничего подобного, и ощущение у него было такое, будто он забрел в джунгли, отчего испытывал к Оливье еще бо́льшую неприязнь. – Как вам, вероятно, известно, я в отпуске, так что это не официальный приезд, но…

Оливье ждал – ему ожидание давалось проще, чем Бовуару. Наконец он молча приподнял брови: «Продолжайте».

– Шеф попросил меня уточнить некоторые стороны вашего дела. Не хочу подавать вам беспочвенные надежды…

Но он видел, что его слова уже запоздали. Оливье улыбался. Жизнь возвращалась к нему.

– Нет, Оливье, вы не должны надеяться, что из этого что-нибудь получится.

– Почему?

– Потому что я по-прежнему считаю, что это сделали вы.

Бовуар с удовольствием увидел, что Оливье после этих слов сник. Но какая-то аура надежды вокруг него все еще витала. Это было жестоко? Бовуар надеялся, что да. Он облокотился на металлический стол:

– Послушайте, у меня к вам несколько вопросов. Шеф просил меня убедиться стопроцентно.

– Вы думаете, что я это сделал, но он сомневается, верно? – торжествующе спросил Оливье.

– Он не до конца уверен и хочет избавиться от всяких неопределенностей. Хочет знать наверняка, что он… мы… не совершили ошибки. Но знайте, если вы скажете об этом кому-нибудь – кому угодно, – то тема будет закрыта. Вам ясно? – Бовуар посмотрел на него жестким взглядом.

– Ясно.

– Это очень серьезно, Оливье. И в первую очередь я имею в виду Габри. Ему вы не должны говорить ни слова.

Оливье находился в нерешительности.

– Если вы скажете ему, он скажет остальным. Просто не сможет удержаться. Или, по крайней мере, его настроение улучшится, и люди это увидят. Если я задаю вопросы, пытаюсь что-то уточнить, то это должно оставаться в тайне. Если Отшельника убил кто-то другой, я не хочу, чтобы убийца насторожился.

Аргументы были резонные, и Оливье кивнул:

– Обещаю.

– Bon. Вы должны мне еще раз рассказать, что случилось в ту ночь. И мне нужна правда.

Воздух между ними словно потрескивал от насыщенности электричеством.

– Я говорил вам правду.

– Когда? – спросил Бовуар. – Во второй, в третьей версии вашей истории? Если вы оказались здесь, то винить в этом можете только себя. Вы лгали на каждом этапе.

Оливье знал, что так оно и есть. Он всю жизнь лгал по разным поводам, и в конечном счете эта привычка стала его второй натурой. Ему даже в голову не приходило говорить правду. И когда все это случилось, он, конечно же, принялся лгать.

Он слишком поздно понял, к чему это привело. За его ложью стало невозможно различить истину. И хотя ложь давалась ему легко и звучала убедительно, но и вся правда, которую он говорил, стала походить на ложь.

Говоря правду, он краснел, принимался искать нужные слова, путался.

– Хорошо, – сказал он Бовуару. – Я вам расскажу, что случилось.

– Правду.

Оливье коротко, резко кивнул:

– Я познакомился с Отшельником десять лет назад, когда мы с Габри только приехали в Три Сосны и жили над магазином. Он тогда еще не был затворником. Он жил в своем лесном домике, но сам приходил за продуктами, правда вид у него был как у записного бродяги. Мы в то время ремонтировали магазин. Я тогда не думал о бистро – хотел иметь магазин по продаже старинных товаров. И вот он появился как-то раз и сказал, что хочет продать кое-что. Мне это не очень понравилось. Ему что-то было нужно от меня. Я посмотрел на него и решил, что речь идет о какой-нибудь вещице, которую он нашел где-нибудь на обочине дороги, но, когда он мне ее показал, я понял, что вещица эта незаурядная.

– И что это было?

– Миниатюра. Крохотный портрет в профиль. Кажется, какой-то польский аристократ. Вероятно, она была написана одним волоском – такая тонкая работа. Даже рамочка была великолепна. Я согласился ее купить в обмен на продукты.

Он уже столько раз рассказывал эту историю, что почти не замечал отвращения на лице слушателя. Почти.

– Продолжайте, – сказал Бовуар. – Что вы сделали с портретом?

– Отвез в Монреаль и продал на рю Нотр-Дам – там квартал магазинов, торгующих антиквариатом.

– Вы помните, какой это был магазин? – Бовуар вытащил блокнот и авторучку.

– Не уверен, что он сохранился. Там все время перемены. Он назывался «Ле тан пердю».

Бовуар сделал запись в блокноте.

– Сколько вы за нее получили?

– Полторы тысячи долларов.

– И Отшельник после этого стал приходить к вам?

– Да, стал предлагать мне всякие вещицы. Были там вещи фантастические, были не очень, но всё лучше, что я бы нашел на старых чердаках и в сараях. Поначалу я их продавал через этот магазин, а потом понял, что смогу получить больше на интернет-аукционе. Но вот как-то раз Отшельник пришел ко мне в полной прострации. Он отощал, был испуган. Он сказал мне: «Все, старичок, я больше не приду. Не могу». Для меня это была катастрофа. Я уже привык к этим доходам. Он сказал, что больше не

хочет, чтобы его видели, а потом пригласил меня к нему в его лесной домик.

– И вы пошли?

Оливье кивнул:

– Я понятия не имел, что он живет в лесу. У черта на куличках. Ну, вы сами знаете.

Бовуар знал. Он провел там ночь со святым мерзавцем.

– Мы пришли туда, и я не поверил своим глазам.

На мгновение Оливье перенесся в то волшебное мгновение, когда он впервые оказался в хижине оборванца. И в мире, где из древнего хрусталя пили молоко, где королевский фарфор использовался под сэндвичи с арахисовым маслом, а бесценные шелковые гобелены висели на стенах, чтобы защитить обитателя домика от сквозняков.

– Я приходил к нему каждые две недели. К тому времени я уже переделал магазин в бистро. Каждую вторую субботу после закрытия бистро я незаметно ходил к Отшельнику. Мы разговаривали, и он давал мне что-нибудь за продукты, которые я ему приносил.

– А что означала Шарлотта? – спросил Бовуар.

На странное повторение этого имени обратил внимание старший инспектор Гамаш. Повсюду в домике Отшельника были напоминания об этом имени: от «Паутинки Шарлотты»[41] до первого издания Шарлотты Бронте и редкой скрипки. Никто не обратил на это внимания, кроме шефа.

Оливье покачал головой:

– Ничего. Ничего это не означало. По крайней мере, мне об этом не известно. Он никогда не называл этого имени.

Бовуар уставился на него:

– Осторожнее, Оливье, мне нужна правда.

– У меня больше нет оснований врать.

Это было бы справедливо для любого рационально мыслящего человека, но Оливье вел себя настолько иррационально, что Бовуар сомневался, способен ли он на что-либо другое.

– Отшельник в закодированном виде вырезал это имя на одной из сделанных им деревянных скульптурок, – сказал Бовуар.

Он вспомнил эту работу, вызывающую у всех сильное беспокойство: люди, в ужасе спасающиеся бегством. И под тремя из своих работ Отшельник вырезал слова, закодировав их.

«Шарлотта». «Эмилия». А под последней? На той, где был изображен слушающий Оливье в кресле, он вырезал это короткое непонятное слово.

«Воо».

– А что такое «Воо»? – спросил Бовуар. – Что значит это слово?

– Не знаю.

– Но что-то оно значило, – резко сказал Бовуар. – Он вырезал его под скульптуркой для вас.

– Это был не я. Совсем на меня не похоже.

– Это же резная скульптура, а не фотография. Это вы, и вы это знаете. Так почему он снизу вырезал «Воо»?

Правда, это слово обнаружилось не только снизу скульптурки. «Воо» было также в паутине и на той деревяшке, залитой кровью Отшельника, что завалилась под кровать. В темный угол. Кусок красного кедра, вырезанный много лет назад, как говорили эксперты.

– Я спрашиваю вас снова, Оливье, что означает «Воо»?

– Не знаю, – раздраженно произнес Оливье, но тут же взял себя в руки. – Слушайте, я ведь вам говорил. Он несколько раз вполголоса повторял это слово. Поначалу я думал, что это просто вздох. Потом понял, что он произносит «Воо». Он его произносил, только когда ему было страшно.

Бовуар сверлил его взглядом:

– Мне этого мало.

Оливье покачал головой:

– Больше и нет ничего. Мне больше ничего не известно. Я бы сказал вам больше, если бы знал. Честно. Для него это слово имело какой-то смысл, но он никогда не говорил какой, а я никогда не спрашивал.

– Почему?

– Мне это не представлялось важным.

– Для него это явно было важным.

– Для него, но не для меня. Я бы спросил, если бы это помогло мне получить больше его сокровищ, но мне так не казалось.

И Бовуар услышал в этих словах правду, унизительную, позорную правду. Он чуть-чуть переместился на стуле, и при этом немного сместилось его восприятие.

Может быть, может быть, этот человек и в самом деле говорил правду. Наконец.

– Вы ходили к нему много лет. Но ближе к концу что-то изменилось. Что?

– Марк Жильбер купил старый дом Хадли и решил сделать из него гостиницу и спа-салон. Уже одно это было плохо, но мало того, его жена Доминик решила, что нужно купить лошадей, и попросила Рора Парру расчистить прежние тропинки в лесу. Одна из них выходила прямо на

домик Отшельника. Парра в конечном счете должен был выйти туда и узнать все про Отшельника и его сокровища.

– И что вы сделали?

– А что я мог сделать? Я долгие годы просил Отшельника отдать мне ту вещь, что он держал у себя в полотняном мешке. Он обещал ее мне, дразнил меня ею. Я хотел ее заполучить. Я ее заслужил.

В голос Оливье прокрались жалобные нотки и удобно обосновались там.

– Расскажите мне еще об этой вещице в мешке.

– Вы же ее знаете, видели, – сказал Оливье, потом глубоко вздохнул и заставил себя говорить. – У Отшельника все было открыто, все его ценные вещи, прекрасные произведения искусства. Но одну вещь он прятал. В мешке.

– И вы хотели ее заполучить.

– А вам бы этого не хотелось?

Бовуар подумал. Да, Оливье был прав. Такова человеческая природа: желать то, в чем тебе отказывают.

Отшельник дразнил Оливье этой вещью, но он не понимал, с кем имеет дело. Не знал силу корысти Оливье.

– И вы убили его и украли эту вещь.

Таким было обвинение, предъявленное Оливье в суде. Оливье убил впавшего в маразм старика ради сокровища, которое старик прятал от него. А потом эта вещь обнаружилась в бистро вместе с орудием убийства.

– Нет! – Оливье резко подался вперед, словно хотел ударить Бовуара. – Я признаю, что вернулся за ней. Но старик к этому времени уже был мертв.

– И что вы увидели? – быстро спросил Бовуар, надеясь таким напором сбить его с толку.

– Дверь в домик была открыта, и я увидел, что он лежит на полу. Вокруг была кровь. Я подумал, его просто ударили по голове, но, подойдя ближе, увидел, что он мертв. У его руки лежала деревяшка, которой я не видел прежде. Я ее подобрал.

– Зачем? – прозвучало в комнате.

– Потому что хотел посмотреть.

– Что посмотреть?

– Что это такое.

– Зачем?

– А вдруг это что-то важное!

– Важное? Объясните!

Теперь вперед подался Бовуар, почти лег на металлический стол.

Оливье не отпрянул назад. Почти касаясь друг друга лицом, они чуть ли не кричали.

– Может, это была какая-то ценная вещь!

– Объясните!

– Может, это была его очередная резная скульптурка! – провизжал Оливье и откинулся назад. – Вам понятно? Так вот, я думал, это одна из его скульптурок и я смогу ее продать.

В суде об этом не говорилось. Оливье подтвердил, что взял деревяшку, но выронил ее из рук, как только увидел, что на ней кровь.

– Почему вы ее бросили?

– Потому что это был бесполезный кусок дерева. Такое мог ребенок вырезать. Кровь я заметил только потом.

– Почему вы переместили тело в деревню?

Этот вопрос преследовал Гамаша. И заставил Бовуара вернуться к этому делу. Зачем Оливье понадобилось грузить тело убитого им человека в тачку и тащить его через лес? А потом вываливать в коридоре новой гостиницы.

– Потому что я хотел нагадить Марку Жильберу. Не в буквальном смысле.

– Мне так представляется, что в буквальном, – заметил Бовуар.

– Я хотел уничтожить эту его роскошную гостиницу. Кто будет платить бешеные деньги, чтобы провести время в том месте, где кого-то убили?

Бовуар откинулся назад и вперил в Оливье пристальный взгляд.

– Старший инспектор верит вам.

Оливье закрыл глаза и вздохнул.

Бовуар поднял руку:

– Он считает, что вы сделали это, чтобы уничтожить Жильбера. Но уничтожение Жильбера вело к прекращению работ по расчистке дорожек, а если Парра прекращал расчищать дорожки, то никогда бы и не обнаружил этого лесного домика.

– Все верно. Но если я его убил, зачем мне оповещать весь мир, что произошло убийство?

– Потому что Парра подошел уже близко. Лесной домик и убийство были бы так или иначе обнаружены через несколько дней. Ваша единственная надежда была на остановку работ. Таким образом вы могли предотвратить обнаружение лесного домика.

– Выставив мертвеца на всеобщее обозрение? Тогда и прятать больше было нечего.

– Оставались еще сокровища.

Они уставились друг на друга.

Жан Ги Бовуар сидел в машине, обдумывая разговор с Оливье. Ничего нового он не узнал, но Гамаш советовал ему на сей раз поверить Оливье, принять на веру то, что он говорит.

Бовуар не мог заставить себя сделать это. Сделать вид, притвориться – мог. Он даже мог попытаться убедить себя, что Оливье и на самом деле говорит правду, но тем самым он лгал бы самому себе.

Он вывел машину с парковки и направился на рю Нотр-Дам и в «Ле тан пердю». По-французски – «Утраченное время». Не в бровь, а в глаз. Потому что именно это и произошло с ним, думал он, влившись в редкий воскресный трафик Монреаля. Попусту потратил время.

Он крутил баранку, возвращаясь мыслями к делу Оливье. Ничьих других отпечатков пальцев, кроме Оливье, в домике найдено не было. Больше никто не знал о существовании Отшельника.

Отшельник. Так его называл Оливье. Всегда так называл.

Бовуар припарковался у антикварного магазина, но по другую сторону улицы. Магазин сохранился, стоял рядышком с другими магазинами старинных вещей на рю Нотр-Дам, где не торговали всяким старьем – только ценными вещами.

«Ле тан пердю» выглядел как истинно элитный магазин.

Бовуар потянулся было к ручке двери, но остановился, уставился перед собой, повторяя в уме детали разговора. Он искал слово, одно короткое слово. Потом открыл свой блокнот с записями.

И там тоже не нашлось того, что он искал. Бовуар закрыл блокнот, вышел из машины, пересек улицу и вошел в магазин, у которого было только одно окно. По мере того как он пробирался все глубже – мимо сосновой и дубовой мебели, мимо картин с потрескавшейся краской, мимо церковной утвари, голубых и белых блюд, мимо стендов с вазами и зонтами, – в помещении становилось все темнее. Он словно углублялся в хорошо меблированную пещеру.

– Чем могу вам помочь?

В самом конце помещения за столом сидел пожилой человек. На нем были очки, и он смотрел на Бовуара, оценивая его. Инспектор знал такой взгляд, но обычно это он оценивал других людей, а не кто-то оценивал его.

Два человека оценивали друг друга. Бовуар видел перед собой хрупкого человека, хорошо и удобно одетого. Как и его товар, он казался старым и аристократическим, и от него немного пахло полиролем.

Торговец же видел перед собой человека лет тридцати пяти – сорока.

Бледного, возможно переживающего трудные времена. Он явно был не из тех неторопливых покупателей, которые в выходной неспешно прогуливаются по кварталу антикварных магазинов. Перед ним явно был не покупатель.

Вероятно, этому человеку что-то нужно. Может быть, туалет.

– Этот магазин, – начал Бовуар. Он не хотел говорить, как следователь, но вдруг понял, что не умеет говорить, как кто-либо другой. Это было похоже на татуировку – не стереть. Он улыбнулся и смягчил тон. – У меня есть друг, который заходил сюда. Правда, это было давно. Лет десять или больше. Магазин по-прежнему называется «Ле тан пердю», но менялся ли у него владелец?

– Нет. Ничего не менялось.

И Бовуар мог в это поверить.

– Так, значит, вы и тогда были здесь?

– Я всегда здесь. Это мой магазин. – Пожилой человек поднялся и протянул руку. – Фредерик Гренье.

– Жан Ги Бовуар. Возможно, вы помните моего приятеля. Он продал вам несколько вещей.

– Да? И что это за вещи?

Бовуар отметил, что человек не спросил имени Оливье – он спросил, что за вещи были проданы. Может быть, владельцы магазинов такими и представляют своих клиентов: тот – сосновый стол, эта – люстра. Он и сам так воспринимал подозреваемых: эта – поножовщина, тот – стрелок.

– Он говорил, что продал вам миниатюру.

Бовуар внимательно смотрел на человека, а человек внимательно смотрел на Бовуара.

– Возможно. Вы говорите, это было десять лет назад. Давно. А почему вы спрашиваете?

Обычно Бовуар вытаскивал свое удостоверение полицейского, но сейчас он не вел официального расследования. И готового ответа у него не было.

– Мой друг недавно умер, и его вдова интересуется, продали ли вы эту вещицу. Если нет, она хотела бы ее выкупить. Семья много лет владела этой миниатюрой. Мой друг продал ее, когда ему нужны были деньги, но теперь с деньгами ситуация выправилась.

Бовуар остался доволен собой, хотя и не был особо удивлен. Он все время жил с ложью, слышал каждый день кучу вранья. Так почему бы ему и самому не научиться?

Хозяин магазина посмотрел на него, потом кивнул:

– Такое иногда случается. Вы можете описать эту картину?

– Европейская вещь, очень тонкой работы. Вы вроде бы заплатили ему за нее пять тысяч долларов.

Месье Гренье улыбнулся:

– Теперь я вспомнил. Заплатил я немало, но вещь того стоила. Я редко плачу столько денег за такую маленькую вещь. Очень тонкая работа. Польская, кажется. Но к сожалению, я ее продал. Он потом принес еще несколько вещиц, насколько мне помнится. Резную трость, над которой пришлось немного поработать – она треснула. Я ее отдал моему реставратору, а потом продал. Быстро ушла. Такие вещи хорошо покупаются. Прошу прощения. Кстати, я вспомнил его. Молодой блондин. Вы говорите, что его жена хочет вернуть эту вещь?

Бовуар кивнул.

Хозяин магазина нахмурился:

– Наверное, это большая потеря для его партнера. Насколько я помню, этот человек был геем.

– Да. Я пытался быть деликатным. Вообще-то говоря, я и есть его партнер.

– Сочувствую вашей утрате. Но по крайней мере, вы смогли жениться.

Человек показал на обручальное кольцо Бовуара.

Пора было уходить.

«Вот уж определенно le temps perdu», – думал Бовуар в своей машине, проезжая по Шамплейн-бридж. Ничего существенного не случилось, кроме того, что он сообщил, будто его муж Оливье умер.

Он уже почти доехал до Трех Сосен, когда вспомнил, что беспокоило его после разговора с Оливье. То отсутствующее слово.

Припарковавшись на обочине, он набрал номер телефона тюрьмы, и через какое-то время его соединили с Оливье.

– Люди начнут сплетничать, инспектор.

– И еще как, – сказал Бовуар. – Послушайте, во время суда и следствия вы утверждали, что Отшельник ничего не говорил вам о себе, только что он чех и зовут его Якоб.

– Да.

– Близ Трех Сосен большое чешское сообщество, включая и Парра.

– Да.

– И многие его сокровища родом из Восточной Европы. Чехословакия, Польша, Россия. Вы дали показания, что, по вашему мнению, это все были похищенные Отшельником семейные ценности, переправленные им в Канаду во время той сумятицы, что началась с крушением коммунизма. По

вашему мнению, он прятался от соотечественников, людей, которых он ограбил.

– Да.

– И тем не менее сегодня во время нашего разговора вы ни разу не назвали его Якобом. Почему?

Последовала долгая пауза.

– Вы мне не поверите.

– Старший инспектор Гамаш приказал мне верить вам.

– Это большое утешение.

– Послушайте, Оливье, это ваша единственная надежда. Последняя надежда. Я жду от вас правды.

– Его звали не Якоб.

Теперь Бовуар замолчал надолго.

– А как его звали? – спросил он наконец.

– Не знаю.

– Вы опять за свое?

– Вы ведь не поверили мне, когда я в первый раз сказал вам, что не знаю, как его зовут. Вот я и выдумал имя. Похожее на чешское.

Бовуар почти боялся задать следующий вопрос. Но заставил себя:

– А был ли он чехом?

– Нет.

Глава десятая

– Прошу прощения?

По примерным подсчетам Гамаша, за последние десять минут он не менее тысячи раз повторил эти или похожие слова. Он подался вперед еще больше, рискуя рухнуть со стула. Но это не помогло – у Кена Хэслама был очень, очень большой дубовый стол.

– Excusez?

Гамаш почувствовал, как его стул балансирует на передних ножках. Он вовремя отпрянул назад. Через пропасть стола мистер Хэслам продолжал говорить или, по крайней мере, шевелить губами.

Бур-бур-бур, убийство, бур-бур-бур, совет. Хэслам смотрел прямо в глаза старшему инспектору Гамашу.

– Что-что?

Обычно Гамаш сосредоточивался на глазах, хотя обращал внимание и на все тело собеседника. Улики появлялись в зашифрованном виде, и телесный язык был одним из таких шифров. Слова нередко несли куда меньше информации. Самые гнусные, злобные, отвратительные люди подчас говорили весьма милые вещи. Но их выдавала чрезмерная слащавость в голосе, легкое мигание, неискренняя улыбка. Или напряженные руки, скрещенные на груди, или сцепленные пальцы с побелевшими костяшками.

Для него было важно не пропустить эти сигналы, и обычно ему удавалось замечать почти все.

Но этот человек привел его в состояние прострации, потому что, кроме рта Хэслама, Гамаш ничего не видел. Он в отчаянии смотрел на него, пытаясь читать по губам.

Кен Хэслам не шептал. Шепот в данной ситуации был бы воспринят Гамашем как желанный крик. Хэслам просто обозначал слова ртом. Может быть, этот человек перенес операцию? Может, у него удалены голосовые связки?

Нет, Гамаш так не думал. Время от времени до него доносилось слово, которое можно было разобрать. Например, «убийство». Это слово Хэслам произносил четко.

Гамаш напрягался физически и интеллектуально, пытался разобрать, что говорит его собеседник. Он был почти без сил. Страшно подумать, что было бы, если бы допрашиваемые преступники узнали, что следователя

могут вывести из себя не их крики, не вопли, не швыряние стульев, а вот такое бормотание!

– Прошу прощения, сэр. – Гамаш говорил по-английски с легким британским акцентом, который у него невольно появился в Кембридже.

Офис Хэслама находился в Басс-Вилле, Нижнем городе. Быстрейшим путем в Нижний город была стеклянная труба, по которой спускались и поднимались кабинки. Называлось все это фуникулером. Кабинки скользили вниз и вверх по стене утеса, из Верхнего города в Нижний. Гамаш заплатил два доллара и прошел в фуникулер. Кабинка перевалила через край и спустилась. Поездка была короткой и просто чудесной, хотя старший инспектор стоял как можно дальше от стекла и почувствовал только вертикальное падение.

Внизу он вышел на Пти-Шамплейн, узенькую очаровательную пешеходную улицу, заполненную толпами людей. Двигались они неторопливо, закутанные от холода, останавливались перед празднично оформленными витринами посмотреть на сделанные вручную кружева, картины, дутое стекло, сладости.

Гамаш прошел до Плас-Рояль, где у реки было построено первое поселение. Там и находился офис Кена Хэслама. «Рояль-Турист» – гласила вывеска. Офис был удобно расположен в каменном здании, выходящем прямо на открытую площадь. Он вошел, переговорил с сообразительной и любезной секретаршей, сказал, что нет, туры его не интересуют, но ему нужно переговорить с владельцем компании.

– Вам назначено? – спросила она.

– Боюсь, что нет.

В тот самый момент когда Бовуар в Монреале боролся с искушением вытащить полицейское удостоверение, рука старшего инспектора нырнула было в нагрудный карман, но замерла на полпути.

– Я надеялся, что он сможет меня принять без предварительной договоренности.

Он улыбнулся ей. После небольшой паузы она улыбнулась ему в ответ:

– Вообще-то, он на месте. Я загляну к нему, узнаю, есть ли у него минутка.

И вот несколько минут спустя он оказался в великолепном кабинете, окна которого выходили на Плас-Рояль и Эглиз Нотр-Дам-де-Виктуар. Церковь, построенную для увековечения двух великих побед над англичанами.

Гамашу потребовалось несколько секунд, чтобы оценить безысходность ситуации. Дело было не в том, что он не понимал слов Кена

Хэслама, – он просто не слышал их. Наконец, когда и чтение по губам не помогло, старший инспектор поднял руку:

– Désolé.

Губы Хэслама замерли.

– Не могли бы мы сесть поближе друг к другу? Я вас почти не слышу.

Хэслам посмотрел на него встревоженным взглядом, но встал и пересел на стул рядом с Гамашем.

– Мне очень нужно знать, что случилось на заседании совета Лит-Иста, когда пришел Огюстен Рено.

Бур-бур-бур, нахальный, бур-бур, никак не мог, мур-бур.

У Хэслама был довольно суровый вид. Перед Гамашем сидел красивый седоволосый человек, чисто выбритый, с красноватым лицом, обязанным своим цветом скорее солнцу, чем бутылке. Теперь, когда они сидели рядом, Гамаш лучше понимал его слова. И хотя Хэслам по-прежнему говорил шепотом, тот стал почти разборчивым, да и другие сигналы стали яснее.

Хэслам был раздражен.

Гамаш понимал, что причиной раздражения был не его визит, а то, что случилось. Кто-то, знакомый с планом Литературно-исторического общества, убил Огюстена Рено. И тот факт, что сумасшедший археолог хотел встретиться с советом в день своей смерти и получил отказ, нельзя было рассматривать как совпадение.

Но Хэслам продолжил говорить.

Бур-бур-мум, Шамплейн, мур-бур идиотство, бур-бур, гонки на каноэ.

– Да, насколько мне известно от мистера Хэнкока, вы с ним ушли пораньше на тренировку. Вы участвуете в гонках на каноэ в это воскресенье.

Хэслам улыбнулся и кивнул:

– Это мечта всей моей жизни.

Слова были произнесены тихо, но четко. Мрачным шепотом. Голос прозвучал тепло, и Гамаш подумал, почему он не говорит так чаще, в особенности на работе. Безусловно, это была финансовая катастрофа – гид, который не может говорить.

– А почему вы решили участвовать в гонках? – не смог удержаться от вопроса Гамаш.

Ему было ужасно интересно, почему кто-то, в особенности человек на седьмом десятке, делает такие вещи.

Ответ Хэслама удивил его. Он ожидал чего-то пафосного, чего-нибудь про историю, которую этот человек явно любил, а гонки на каноэ

воссоздавали гонки почтовиков в те времена, когда ледоколов еще не было.

Мур-бур, нравится, мур-мур, народ.

– Вам нравится народ? – спросил Гамаш.

Мур-мур. Хэслам кивнул и улыбнулся.

– А в хор записаться вы что, не могли?

Хэслам улыбнулся:

– Это ведь не одно и то же, старший инспектор, правда?

Глаза у Хэслама были теплые, внимательные, умные.

«Он знает, – подумал Гамаш. – Этот человек знает цену не только дружбы, но и духа братства. Того, что происходит с людьми в экстремальных ситуациях».

Правая рука Гамаша начала дрожать, и он очень медленно сжал ее в кулак, но прежде эти задумчивые глаза успели опуститься и заметили тремор.

Однако Хэслам не произвел ни звука.

Арман Гамаш медленно поднялся по склону небольшого холма назад к Пти-Шамплейн и фуникулеру. На ходу он обдумывал разговор с Хэсламом и секретаршей, которая сообщила ему не меньше, а то и больше, чем сам хозяин фирмы.

Нет, мистер Хэслам лично не водит экскурсии, он организует их по электронной почте. По большей части это элитные частные туры по Квебеку для приезжающих знаменитостей и высокопоставленных персон. Он в некотором роде кто-то вроде консьержа. Он так давно этим занимается, что люди стали просить его о довольно странных вещах, и он почти всегда удовлетворяет их просьбы. Никогда ничего противозаконного или безнравственного, поспешила она заверить Гамаша. Мистер Хэслам – человек в высшей степени порядочный. Но необычный, да.

Говорила она на идеальном французском, а Хэслам, когда его было слышно, на еще лучшем. Если бы у него было другое имя – не Кен Хэслам, Гамаш решил бы, что перед ним франкоязычный канадец. Как сказала секретарша, мистер Хэслам потерял своего единственного ребенка, девочку, когда той было одиннадцать. Она умерла от лейкемии, а его жена умерла шесть лет назад. Обе похоронены на англиканском кладбище в старом городе.

Его корни уходили глубоко в историю Квебека.

В фуникулере Гамаш заставил себя обозреть открывающийся великолепный вид, но при этом упирался спиной в стену. Поднявшись наверх, он вышел на обжигающе холодный ветер. Он знал, куда должен

отправиться теперь, но сначала хотел осмыслить то, что узнал. Он прошел по небольшой улочке рю Де-Трезор, где даже в лютый февральский мороз художники продавали красочные изображения Квебека. В стороне от переулка стояли бары, сложенные из ледяных глыб, здесь продавался «карибу» для туристов, которые очень скоро могли в полной мере оценить его убойную силу. Выйдя из улочки, Гамаш увидел кафе «Буад» и зашел, чтобы согреться и подумать.

Сидя на диванчике с чашкой какао, он вытащил блокнот с авторучкой. Он неторопливо попивал какао, иногда ненадолго задумывался, сделал несколько записей. Наконец он почувствовал, что готов к следующему визиту.

Путь от кафе был недалекий. По другую сторону улицы находилась громада базилики Нотр-Дам, великолепной церкви, позолоченной внутри. Тут венчали, крестили, наказывали, наставляли и хоронили как сильных мира сего, так и последних нищих.

Квебек никогда не испытывал недостатка в церквях, но все они были спутниками на орбите вокруг солнца – базилики Нотр-Дам.

Гамаш прошел через ворота, поднялся по ступенькам и остановился у доски, на которой перечислялись воскресные службы. Одна только что закончилась, а следующая ожидалась в шесть вечера. Открыв тяжелые двери, он вошел внутрь и ощутил тепло и запах свечей и благовоний, впитавшийся в эти стены за долгие годы церковных ритуалов. Услышал гулкие шаги по плиточному полу.

В церкви стоял полумрак, люстры и настенные светильники лишь слегка освещали огромное пространство. Но в дальнем конце за почти пустыми скамьями было светлее. Весь алтарь был словно погружен в золото. Он светился и манил, резвились ангелы, стояли строгие святые. В самом центре, словно кукольный домик избалованного ребенка, находилась маленькая копия собора Святого Петра в Риме.

Это пышное великолепие одновременно вызывало трепет и отвращение. Гамаш перекрестился – никак не мог отделаться от этой привычки – и несколько минут посидел без движения.

– Знаете, моя семья хотела, чтобы я стал священником, – произнес молодой голос.

– Вероятно, привыкли к праху и дыму, – сказал Гамаш.

– Именно. И они думают, что любой, кто сумел привыкнуть к моей бабушке, либо святой, либо умственно отсталый. И то и другое подходящий материал для жизни с иезуитами.

– Но ты сделал другой выбор.

– Я к этому никогда серьезно не относился, – сказал в ухо Гамашу агент Морен. – Я влюбился в Сюзанну, когда ей было шесть, а мне – семь. Решил, что таков умысел Господа.

– Вы так давно знаете друг друга?

– Кажется, всю жизнь. Мы познакомились в церковной школе.

Перед мысленным взором Гамаша возник Морен, и старший инспектор попытался представить его семилетним. Это было нетрудно. Он выглядел гораздо моложе своих двадцати пяти. Он ловко умел прикидываться недоразвитым. Не то чтобы он очень старался, просто ему это легко давалось. Он нередко держал рот слегка приоткрытым, а его широкие губы были влажны – ощущение такое, что вот-вот с них потянется ниточка слюны. Это могло настораживать, но могло и обезоруживать. Но никогда не выглядело отталкивающим.

Не сразу Гамаш и его команда поняли: то, что происходит с лицом Морена, никак не связано с его головой или сердцем.

– Я люблю сидеть в нашей деревенской церкви, когда все уже ушли. Иногда я хожу туда по вечерам.

– Разговариваешь со священником?

– С отцом Мишелем? Иногда. Но в основном просто сижу. Я теперь представляю себе нашу свадьбу в следующем июле. Я вижу убранство и воображаю всех моих друзей и родителей. Некоторых коллег. – Он помолчал. – Вы придете?

– Если пригласишь, обязательно приду.

– Правда?

– Непременно.

– Подождите, я скажу об этом Сюзанне. Когда я сижу в церкви, то вижу в первую очередь, как она идет ко мне по проходу. Это как чудо.

– «Теперь больше не будет одиночества».

– Что-что?

– Это благословение, которое мы с мадам Гамаш получили во время венчания. «Теперь вы не будете чувствовать дождя, потому что каждый из вас будет укрывать от него другого», – процитировал Гамаш.

Теперь вы не будете чувствовать холода,
Потому что будете согревать друг друга.
Теперь для вас больше не будет одиночества.
Теперь больше не будет одиночества.
Теперь больше не будет одиночества.

Гамаш помолчал.

– Тебе холодно?

– Нет.

Но Гамаш подумал, что молодой человек лжет. Декабрь только начался, было холодно и влажно, а Морен сидел неподвижно.

– Можем мы получить такое благословение во время венчания?

– Если захотите. Я пришлю тебе его, а вы уж там решайте.

– Отлично. А как оно кончается. Вы не помните?

Гамаш собрался с мыслями, вспоминая собственное венчание. Он вспомнил, как оглянулся и увидел всех друзей и огромное семейство Рейн-Мари. И Зору, свою бабушку, единственную оставшуюся из их семьи, но и ее одной было достаточно. Не было гостей со стороны жениха или со стороны невесты. Они все перемешались.

Потом заиграла другая музыка, появилась Рейн-Мари, и Арман понял, что всю предыдущую жизнь был один. Вот до этого мгновения.

Теперь больше не будет одиночества.

А в конце церемонии – последнее благословение.

– «Ступайте теперь в свой дом, – сказал он Морену. – Войдите в дни вашей общей жизни. И пусть ваши дни будут добрыми и долгими на этой земле».

Последовало молчание, но оно не затянулось. Гамаш уже собирался заговорить, но молчание нарушил Морен:

– И я чувствую то же самое. Что я не один. С тех пор как узнал Сюзанну. Вы меня понимаете?

– Понимаю.

– Единственное, что меня пугает в связи с нашей свадьбой: Сюзанну в церкви либо тошнит, либо она падает в обморок.

– Правда? Удивительно. И как по-твоему, почему это?

– Я думаю, из-за благовоний. Надеюсь. Либо это, либо она антихрист.

– Это может испортить венчание, – заметил Гамаш.

– Не говоря уже о браке. Я у нее спрашивал, она утверждает, что она никакой не антихрист.

– Ну, это уже что-то. Ты о брачном контракте не думал?

Поль Морен рассмеялся.

«Пусть ваши дни будут добрыми и долгими на этой земле», – повторил про себя Гамаш.

– Вы хотели поговорить со мной?

Глаза Гамаша широко открылись от неожиданности. На него сверху вниз смотрел человек средних лет в сутане.

– Отец Себастьян?

– Верно. – Голос звучал отрывисто, резко, официально.

– Меня зовут Арман Гамаш. Я надеялся, что вы сможете уделить мне несколько минут.

Глаза-бусинки были жесткими, настороженными.

– Сегодня много дел. – Он пригляделся к Гамашу. – Я вас знаю?

Поскольку священник не демонстрировал желания сесть, Гамаш встал:

– Лично – нет, но, возможно, вы слышали обо мне. Я глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

Раздражение исчезло с лица священника, он улыбнулся.

– Конечно же, старший инспектор. – Он протянул тонкую руку, и они обменялись рукопожатием. – Извините. Тут темно. К тому же у вас, кажется, прежде не было бороды.

– Я здесь инкогнито, – улыбнулся Гамаш.

– Тогда вам не следует говорить людям, что вы глава отдела по расследованию убийств.

– Хорошая мысль. – Гамаш оглянулся. – Давно я не бывал в базиликах. В последний раз – на похоронах премьера несколько лет назад.

– Я был среди священников, которые вели службу, – сказал отец Себастьян. – Прекрасная была служба.

Гамаш запомнил ее как формальную, высокопарную и очень, очень затянутую.

– Прошу. – Отец Себастьян сел и похлопал по скамье рядом с собой. – Скажите, что вас интересует. Если, конечно, вы не пришли исповедоваться.

– Мне жаль, мне очень жаль, – снова и снова повторял молодой голос.

Гамаш заверил его, что он ни в чем не виноват, и сказал, что успеет к нему, найдет его вовремя.

– Ты сегодня будешь обедать с родителями и Сюзанной.

Наступило молчание, и Гамашу показалось, что он слышит рыдание.

– Я тебя найду.

Еще одна пауза.

– Я вам верю.

– Нет, – сказал Гамаш священнику, – мне просто нужна от вас кое-какая информация.

– Я вас слушаю.

– Это связано с убийством Огюстена Рено.

Священника это не удивило.

– Ужасно. Но не думаю, что чем-то смогу вам помочь. Я его почти не знал.

– Но все же были с ним знакомы?

Отец Себастьян посмотрел на Гамаша с подозрением:

– Конечно. Так вы поэтому здесь?

– Откровенно говоря, я не знаю, почему я здесь. Просто один человек посоветовал мне поговорить с вами. Не догадаетесь почему?

Священник ощетинился, насторожился.

– Может быть, потому, что я – один из ведущих знатоков первого поселения Квебека и роли церкви. Но может быть, это и не столь важно.

«Господи Боже, – подумал Гамаш, – избавь меня от обидчивых священников».

– Вы меня простите, но я не квебекец, а потому не знаком с вашими работами.

– Мои статьи публикуются во всем мире.

Все хуже и хуже.

– Désolé. Это не входит в сферу моих интересов, но явно имеет громадную важность, и мне отчаянно нужна ваша помощь.

Священник чуть расслабился, его колючки понемногу улеглись.

– Так чем я могу вам помочь? – холодно спросил он.

– Что вы можете сказать об Огюстене Рено?

– Ну, сумасшедшим он не был, в этом я могу вас заверить.

Такое Гамаш слышал о Рено впервые, и он наклонился ближе к священнику.

– Он был страстный и упрямый человек, явно агрессивный, но не сумасшедший. Его называли так, чтобы отделаться от него, подорвать к нему доверие. Это было жестоко.

– Он вам нравился?

Отец Себастьян чуть поерзал на скамье:

– Я бы так не сказал. Он был трудный человек, мало кому нравился, общаться с ним было тяжело. Я бы назвал его бестактным. У него была одна цель в жизни, а все остальное его не интересовало, включая и человеческие чувства. Я понимаю, почему у него столько врагов.

– Мог ли кто-нибудь ненавидеть его настолько, чтобы пойти на убийство? – спросил Гамаш.

– Для убийства может найтись масса поводов, старший инспектор, вы это прекрасно знаете.

– Вообще-то, mon Père[42], я знаю только один. За всеми оправданиями, психологией, всеми имеющимися мотивами вроде мести, корысти или ревности есть одна причина.

– И какая же?

– Страх. Страх потерять то, что у вас есть, или не получить то, что вы хотите.

– И тем не менее страх быть навечно проклятыми их не останавливает.

– Нет. Как не останавливает и страх наказания. Потому что ни в то, ни в другое они не верят.

– Вы думаете, что вера в Бога и убийство несовместимы?

Священник уставился на Гамаша, на его лице появилось выражение умиротворенности, даже интереса. Глаза смотрели спокойно, голос звучал легко. Но почему-то он сжимал в кулаках свою сутану.

– Все зависит от того, в какого бога вы верите, – ответил Гамаш.

– Есть только один Бог, старший инспектор.

– Может быть, но существует множество людей, которые воспринимают все неправильно. Даже Бога. В особенности Бога.

Священник улыбнулся, кивнул, но его кулаки напряглись еще больше.

– Боюсь, мы отклонились от темы, – спохватился Гамаш. – Это моя вина. Глупо было с моей стороны обсуждать вопросы веры со знаменитым священником. Извините, mon Père. Мы говорили об Огюстене Рено, и вы сказали, что его выставляли сумасшедшим, но, по вашему мнению, он был человеком вполне здравомыслящим. Как вы с ним познакомились?

– Я нашел его в подвале часовни Святого Иосифа. Он там орудовал лопатой.

– Он только начал копать?

– Я говорил вам, что он был человеком одной страсти. Когда речь заходила о Шамплейне, он терял всякую рассудительность. Но вообще-то, он там нашел кое-что.

– Что?

– Несколько старых монет тысяча шестьсот двадцатых годов и два гроба. Один очень простой, он почти разрушился, но другой был на свинцовой основе. По нашей теории, Шамплейн, как и другие известные люди, должен был быть захоронен в освинцованном гробу.

– И на том самом месте стояла первая часовня, которая потом сгорела.

– Вы совсем не так невежественны, как хотите казаться, старший инспектор.

– Мое невежество не знает границ, святой отец.

– Те раскопки были немедленно остановлены городом. На них не было получено разрешения, и потому они были равносильны расхищению могил. Но потом Рено созвал прессу и устроил жуткий скандал. Шамплейн наконец обнаружен, сообщали таблоиды, однако злобные, боящиеся на шаг отступить от законов чиновники приостановили раскопки. Пресса решила

подать это как сражение Давида с Голиафом. Маленький старый Огюстен Рено бесстрашно сражается за обнаружение останков основателя Квебека, а официальные археологи и политики препятствуют ему.

– Это, вероятно, должно было понравиться Обри Шевре.

Отец Себастьян хмыкнул:

– Главный археолог пребывал в бешенстве. Он раз десять приходил ко мне сюда, бушевал и бесился. Было непонятно, в какой мере его гнев направлен на Рено лично, а в какой вызван боязнью, что Рено может оказаться прав и этот маленький археолог-любитель сделал величайшее открытие, которое способно составить карьеру любого профессионала.

– Шамплейн.

– Отец Квебека.

– Но почему это так важно? Почему столько людей так отчаянно хотят узнать, где был похоронен Шамплейн?

– А вам это не важно?

– Безусловно, мне любопытно. И если бы его нашли, я бы пришел на его могилу и прочел все, что написано, об этой находке. Но я не воспринимаю это лично.

– Вы так думаете? Интересно, так ли оно на самом деле. Я вижу множество людей, которые не отдают себе отчета в том, что у них есть вера, убеждения, пока не оказываются на смертном одре. И вот тогда они обнаруживают, что это сидит где-то глубоко в них. Все время там было.

– Но Шамплейн был человеком, а не верой.

– Может быть, поначалу. Но он стал чем-то большим, чем вера. Для некоторых. Идемте со мной.

Отец Себастьян встал, подскочил к золотому распятию у алтаря, а потом поспешно вышел из опустевшей церкви. Гамаш последовал за ним. Вверх по каменным ступеням, через какие-то коридоры и наконец в маленький кабинет, заполненный книгами и бумагами. На стене висели две репродукции. Одна – распятого Христа, другая – Шамплейна.

Священник убрал журналы с двух стульев, и они сели.

– Шамплейн был удивительным человеком, но все же мы почти ничего о нем не знаем. Даже день его рождения – тайна. Мы не знаем, как он выглядел. Вот эта картина – она вам знакома?

Он показал на стену. Там висело известное каждому квебекцу, каждому канадцу изображение Шамплейна. С портрета смотрел человек лет тридцати, в зеленом дублете с кружевным воротником, в белых перчатках и с мечом. Волосы подстрижены по моде 1600-х годов, длинные, темные, слегка вьющиеся. Аккуратная бородка и усы. Лицо красивое,

умное, худое, сильное, с большими задумчивыми глазами.

Самюэль де Шамплейн. Гамаш узнал бы его из тысячи.

Он кивнул.

– Это не он, – сказал отец Себастьян.

– Правда?

– Посмотрите-ка. – Себастьян вытащил том из забитого книгами шкафа. Раскрыв том, священник протянул его старшему инспектору. – Вам это не кажется знакомым?

Гамаш увидел портрет полноватого человека, стоящего перед окном, за которым виднелся зеленый пейзаж. Ему было лет тридцать, в зеленом дублете, с кружевным воротником, в белых перчатках и с мечом. Волосы подстрижены по моде 1600-х годов, длинные, темные, слегка вьющиеся. Аккуратная бородка и усы. Лицо красивое, умное, с большими задумчивыми глазами.

– Это Мишель Партиселли д’Эмери, счетовод Людовика Тринадцатого.

– Но это же Шамплейн, – сказал Гамаш. – Чуть поплотнее, и повернут в другую сторону, но в основном тот же самый человек, вплоть до одежды.

Ошеломленный, он вернул книгу священнику. Отец Себастьян улыбался и кивал.

– Кто-то взял этот образ, придал ему немного мужественности, чтобы он выглядел как отважный первооткрыватель, и назвал его Шамплейном.

– Но зачем это кому-то понадобилось? Если сохранились портреты мелких аристократов и торговцев, то разве нигде нет портрета Шамплейна?

Священник оживился, придвинулся к Гамашу:

– Нет ни одного прижизненного портрета Шамплейна. Мы понятия не имеем, как он выглядел. Но и это не все. Почему Шамплейн не получил здесь ни титула, ни земельного надела? Он даже не был официальным губернатором Квебека.

– Не преувеличили ли мы его значение? – спросил Гамаш и тут же пожалел о своих словах.

Священник снова ощетинился, словно Гамаш облил грязью его идола.

– Нет. Каждый имеющийся у нас документ подтверждает, что это истинный отец Квебека. Есть записи, сделанные современником-францисканцем. Францисканцы основали здесь миссию, построили часовню. Шамплейн завещал им половину своих денег. Он построил церковь, когда французы отбили Квебек у англичан. Он ведь ненавидел англичан, вы знаете.

– Трудно не ненавидеть врага. Я подозреваю, что англичане питали к нему такие же теплые чувства.

– Вероятно. Но не только потому, что они были врагами. Он считал англичан настоящими варварами. Жестокими, в особенности по отношению к индейцам. Из дневников Шамплейна известно, что у него были выстроены особые отношения с гуронами и алгонкинами. Они научили его выживать на этой земле и подробно рассказали обо всех речных путях сообщения. Он ненавидел англичан, потому что те убивали индейцев, а не сотрудничали с ними. Поймите меня правильно, Шамплейн тоже смотрел на индейцев как на дикарей. Но он знал, что может многому научиться у них, и пекся об их бессмертных душах.

– И о мехах, которые они добывали?

– Что ж, он был предпринимателем, – признал отец Себастьян.

Гамаш снова посмотрел на портрет, висевший на стене рядом с распятым Христом.

– Значит, нам неизвестно, как выглядел Шамплейн и где он похоронен. Что нам говорят о нем его дневники?

– Это тоже интересно. Они нам почти ничего не говорят. Это практически расписание поездок и сведения о повседневной жизни здесь, но о его личной жизни, мыслях или чувствах там ничего не сказано. Личная жизнь оставалась его личной жизнью.

– Даже в его собственных дневниках? Почему?

Себастьян воздел руки к потолку, демонстрируя недоумение:

– Есть кое-какие догадки на сей счет. Одна из них гласит, что он был шпионом французского короля. Другая еще более интригующая. Кое-кто утверждает, что он был сыном короля. Конечно, незаконным. Но это могло бы объяснить тайну его рождения и тайну, окружающую человека, который всей своей жизнью заслужил славу. Это, возможно, объясняет, почему он был отправлен сюда, на край света.

– Вы сказали, что Огюстен Рено нашел под одной из часовен освинцованный гроб и несколько монет. Но на этом раскопки приостановили. Может быть, Рено и в самом деле нашел Шамплейна?

– Хотите посмотреть?

Гамаш встал:

– С удовольствием.

Они двинулись назад тем же путем, оба остановились перед распятием, потом прошли по нефу к небольшой нише с маленьким алтарем, на котором горели свечи.

– Нам сюда.

Себастьян протиснулся за алтарь, прошел через крохотную арку. На уступе в стене стоял фонарь, и священник включил его, осветив тесное

пространство. Луч света выхватил камни и остановился на гробу.

У Гамаша мурашки побежали по коже. Неужели это останки Шамплейна?

– Его открывали? – спросил Гамаш тихим голосом.

– Нет, – прошептал священник. – После того скандала город все же позволил Рено продолжать раскопки под наблюдением властей. Археологи возмущались потихоньку, но в общении с прессой говорили, что довольны компромиссом. Однако после рентгенографии и просмотра документов было решено, что это не Шамплейн, а гораздо более позднее захоронение какого-то незначительного кюре.

– Они в этом уверены? – Гамаш повернулся к отцу Себастьяну, едва видимому в темноте. – Вы сами уверены?

– Именно я убедил город продолжить раскопки. Я, вообще-то, уважал Рено. У него не было ученой степени или научной подготовки, но он был вовсе не глуп. И нашел кое-что, чего не нашли другие, включая и меня.

– Но нашел ли он Шамплейна?

– Только не здесь. Я хотел верить, что это он. Это могло бы стать огромной удачей для церкви, к нам потянулись бы люди, потекли деньги. Но когда мы разобрались во всем, все продумали, то решили, что это не может быть Шамплейн.

– А монеты?

– Это были монеты тысяча шестисотых годов, подтверждающие, что здесь когда-то находились часовня и кладбище, но ничего более.

Они вышли на свет из маленького святилища.

– Как вы думаете, святой отец, что случилось с Шамплейном?

Священник ответил не сразу:

– Я полагаю, после пожара его перезахоронили. Есть упоминания о перезахоронениях, но там не сообщается куда. А официальных документов не существует. Эта церковь горела несколько раз, и каждый раз вместе с нею сгорали ценные документы.

– Вы изучали Шамплейна бóльшую часть жизни, так каково ваше мнение?

– Вы тут спрашивали меня, почему он имеет такое значение, почему все это имеет значение и, конечно, почему обнаружение его останков имеет значение. Имеет. Шамплейн не просто основатель колонии, в нем было что-то еще, что-то выделявшее его из ряда других открывателей Америки. И по моему мнению, это объясняет, почему он добился успехов, тогда как другие терпели поражение. И почему он почитаем сегодня, почему его помнят.

– Что же делало его другим?

– Понимаете, он никогда не называл Квебек Новой Францией. Во Франции эту землю называли именно так. И более поздние правители Квебека так его называли. Но Шамплейн никогда этого не делал. Вы знаете, как он называл это место?

Гамаш задумался. Они снова находились в церкви, и он невидящими глазами смотрел вдоль пустого прохода, который заканчивался золотым алтарем и святыми, мучениками, ангелами и распятиями.

– Новый Свет, – сказал наконец Гамаш.

– Новый Свет, – подтвердил отец Себастьян. – Вот за что его любят. Он символ славы, символ мужества, символ всего, чем мог бы стать и, возможно, еще станет Квебек. Шамплейн – символ свободы, самопожертвования и предвидения. Он создал не просто колонию – он создал Новый Свет. И за это заслужил почитание.

– Сепаратистов.

– Всех. – Священник внимательно посмотрел на Гамаша. – Включая и вас, я думаю.

– Это верно, – признался Гамаш и, подумав о портрете Самюэля Шамплейна, понял, что он кого-то ему напоминает. Не располневшего и процветающего счетовода, а кого-то другого.

Христа. Иисуса Христа.

Люди придали Шамплейну черты Спасителя. И теперь человек, который хотел его найти, мертв. Убит, если верить таблоидам, англичанами, которые вполне могут прятать останки самого Шамплейна.

– Могли ли Шамплейна захоронить на месте нынешнего Литературно-исторического общества?

– Ни в коем случае, – без колебаний ответил отец Себастьян. – В ту пору там был густой лес. Там они не могли его перезахоронить.

«Если только основатель вовсе не был таким святым, каким стал впоследствии», – подумал Гамаш.

– Так где, по-вашему, он захоронен? – снова спросил он.

Они стояли у дверей на обледеневших ступенях базилики.

– Недалеко.

Прежде чем поспешить в церковь, священник кивнул. А Гамаш направился через улицу в кафе «Буад».

Глава одиннадцатая

Еще не было пяти часов, а солнце уже зашло. Элизабет Макуиртер выглянула в окно. Перед Литературно-историческим обществом весь день толклась небольшая толпа. Несколько смельчаков вошли внутрь, они почти напрашивались, чтобы члены общества вышвырнули их вон. Но Уинни поздоровалась с ними, дала двуязычные брошюрки и пригласила вступить в общество.

Некоторым наиболее нахальным она устроила короткую экскурсию по библиотеке, показывала изящные подушечки на стенах, собрание всяких мелочей на полках и спрашивала, не хочет ли кто-нибудь из них стать умляутом.

Неудивительно, что никто не выказал такого желания, но три человека и в самом деле заплатили по двадцать долларов и вступили в члены общества, пристыженные явной добротой и пожилым возрастом Уинни.

– Вы не сказали, что ночь – клубничка? – спросила Элизабет, когда Уинни вернулась с вступительными взносами.

– Сказала. Они не возражали. Готовы?

Прежде чем выключить свет и запереть двери, они проверили комнаты главной библиотеки, где не раз по забывчивости запирали бедного мистера Блейка. Но на сей раз его стул был пуст. Он уже ушел к священнику.

Толпа рассосалась, темень и холод побороли любопытство. Две женщины осторожно спустились на притоптанный снег, твердо и не без опаски ставя ноги. Они шли, глядя под ноги, присматривая друг за дружкой.

Зимой словно сама земля покушается на пожилых, стремится свалить их с ног. Сломать бедро, запястье или шею в таких условиях проще простого. Лучше уж не спешить.

Место их назначения было недалеко. Они видели свет за окнами священнического дома – красивого каменного здания великолепных пропорций с высокими окнами, способными уловить каждый лучик скудного зимнего солнца. Они шли рядышком, друг подле друга, и Элизабет чувствовала, как даже на таком коротком пути ее щеки начинают пылать от холода. Их подошвы поскрипывали на снегу, производя звук, который она слышала вот уже восемьдесят лет. Звук, который она не променяла на плеск волн, набегающих на флоридский берег.

В домах и ресторанах зажигался свет, отражаясь от белого снега. Этот

город сдался на милость зимы и темноты. От этого он становился еще уютнее, еще привлекательнее, еще волшебнее, словно сказочное королевство. «А мы в этом королевстве – крестьяне», – думала Элизабет с иронической улыбкой.

Они поднялись по тротуару и сквозь окно увидели огонь в камине и Тома, который разливал напитки. Мистер Блейк и Портер были уже на месте, а Кен Хэслам сидел в кресле и читал газету.

Элизабет знала, что он ничего не упустит. Было бы ошибкой недооценивать Кена, как это делали люди всю его жизнь. Люди всегда недооценивают тихих и молчаливых, хотя, по иронии судьбы, с Кеном все было совсем не так, и Элизабет это знала. Еще она знала, почему он такой тихий. Но она бы ни за что не сказала об этом ни одной живой душе.

Элизабет Макуиртер знала все и ничего не забывала.

Две женщины, не стучась, вошли в дом священника, сняли пальто и сапоги и очень скоро тоже оказались перед ревущим огнем в большой гостиной. Портер предложил Уинни виски, а Элизабет – шерри, и две женщины сели рядом на диване.

Они хорошо знали эту комнату по частным концертам камерной музыки, по чаепитиям и коктейлям. По ланчам, играм в бридж и обедам. Более крупные мероприятия сообщества проводились в церкви напротив, но в этом доме они встречались тесным кружком.

Элизабет заметила, что губы Кена двигаются. Он улыбнулся, и она улыбнулась.

Компания Кена была похожа на компанию друга, неизменно остающегося чужаком. Понять его было невозможно, но этого и не требовалось, достаточно было лишь отвечать ему теми же жестами, улыбками. Если у Кена был печальный вид, то и ты должен был выглядеть печальным. Когда он улыбался, нужно было улыбаться ему в ответ. Его общество приносило удивительное душевное спокойствие. Не предполагало никаких неожиданностей.

– Ну и денек у меня был, – сказал Портер, покачиваясь с носков на пятки перед камином. – То и дело раздавал интервью. Запись для шоу Жаки Чернин на Си-би-си-радио. Передача вот-вот начнется. Хотите послушать?

Он подошел к приемнику и отыскал Си-би-си.

– Интервью десять дал, – повторил Портер, стоя у приемника.

– А я кроссворд решал, – поделился с собравшимися мистер Блейк. – Почти все отгадал. «Идиот» из шести букв, кто знает?

– Имена собственные не в счет? – с улыбкой спросил Том.

– Ага, вот оно. – Портер прибавил звук.

«Как передавали в новостях, – заговорил мелодичный женский голос, – любитель-археолог Огюстен Рено вчера утром был найден мертвым в Литературно-историческом обществе. Полиция подтвердила, что он был убит, хотя никаких арестов произведено не было. Портер Уилсон, президент Лит-Иста, ответит на мои вопросы. Приветствую вас, мистер Уилсон».

«Здравствуйте, Жаки».

Портер оглядел гостиную, ожидая аплодисментов за его блестящий ответ.

«Что вы можете нам сказать о смерти мистера Рено?»

«Могу сказать, что я к этому непричастен».

Портер на радио рассмеялся. Портер в гостиной тоже рассмеялся. Все остальные молчали.

«Но как он там оказался?»

«Откровенно говоря, мы не знаем. Мы, как вы понимаете, потрясены. Это трагедия. Такой уважаемый член общества».

Портер в гостиной кивал, соглашаясь с самим собой.

– Бога ради, Портер, выключите это, – сказал мистер Блейк, с трудом поднимаясь со стула. – Не будьте недоумком.

– Нет, постойте. – Портер встал грудью перед радиоприемником. – Дальше будет лучше. Слушайте.

«Вы можете рассказать о том, что случилось?»

«Понимаете, Жаки, я был в офисе Лит-Иста, когда приехал ремонтник с телефонной станции. Я его вызвал, поскольку телефоны не работали. Такое могло случиться, потому что, как вам известно, мы проводим колоссальные реставрационные работы в библиотеке. Вы сами помогали нам с акцией по сбору средств».

За этим последовали мучительные минуты, когда Портер всюду пытался вставить свою акцию, а журналистка отчаянно пыталась заставить его говорить о чем-нибудь ином, кроме его собственной персоны.

Наконец она закончила интервью, и заиграла музыка.

– Это все? – спросил Том. – Я уже могу перестать молиться?

– О чем вы думали? – спросила Уинни, обращаясь к Портеру.

– Что вы имеете в виду? Я думал о том, что это прекрасный шанс собрать новые пожертвования для библиотеки.

– Человека убили, – отрезала Уинни. – Понимаете, Портер, это не тот случай, когда занимаются маркетингом.

Пока они спорили, Элизабет вернулась к чтению прессы, Все газеты были забиты материалами об убийстве Рено. Там были фотографии этого

необыкновенного на вид человека, заметки, воздающие должное покойному, траурные речи, редакторские колонки. Он еще и остыть не успел, а уже был вознесен на пьедестал, стал новым человеком. Уважаемым, любимым, блестящим человеком, который вот-вот должен был найти останки Шамплейна.

И конечно, найти их в Литературно-историческом обществе.

Одна из газет – «Ла пресс» – обнаружила, что незадолго до смерти Рено просил совет общества принять его, но ему отказали. Причина, казавшаяся вполне резонной, – не хотели нарушать процедуру – теперь выглядела зловещей, подозрительной.

Но самым удручающим было удивление во всех французских газетах. Обнаружение мертвого тела Рено оказалось для них таким же шокирующим, как обнаружение немалого количества живых тел, – тел англоязычных граждан, которые все это время жили среди них.

Похоже, Квебек-Сити только сейчас вдруг осознал, что здесь все еще остаются англичане.

– Как это они могли не знать, что мы здесь? – спросила Уинни, заглянув в газету через плечо Элизабет.

Элизабет тоже чувствовала что-то вроде обиды. Одно дело, когда тебя унижают, подозревают, когда тебе угрожают. И даже видят в тебе врага, – она и к этому была готова. Но оказалась совсем не готова к тому, чтобы ее просто не замечали.

Когда же это случилось? Когда они исчезли, стали призраками в собственном доме? Элизабет взглянула на мистера Блейка, который тоже оторвался от газеты и смотрел перед собой.

– О чем вы думаете?

– О том, что, вероятно, уже настало время обеда, – ответил он.

«Да, – подумала Элизабет, возвращаясь к чтению газет, – англичан лучше не недооценивать».

– А еще я вспоминал тысяча девятьсот шестьдесят шестой год.

Элизабет опустила газету:

– Вы о чем?

– Вы должны это помнить, Элизабет. Вы же там были. Я рассказывал об этом Тому неделю назад.

Элизабет посмотрела на священника, такого молодого и полного энергии. Он смеялся вместе с Портером, пытаясь обаять колючего старика. Его в шестьдесят шестом году еще и на свете не было, но она помнила те события, как если бы они случились вчера.

Появление головорезов. Квебекские флаги повсюду. Оскорбления.

«Maudit Anglais»[43], «têtes carré» и кое-что еще хуже. Песни за окнами Литературно-исторического общества. «Gens du Pays»[44]. Гимн сепаратистов с такими мучительно прекрасными словами проникал в окна здания и в уши испуганных англоязычных канадцев как оскорбление.

А потом – нападение. Сепаратисты вломились в двери, понеслись вверх по лестнице в помещение библиотеки. В самое сердце Лит-Иста. Потом дым, горящие книги. Элизабет подбежала, пытаясь их остановить, погасить огонь, умоляя их прекратить. Она взывала к ним на своем идеальном французском. Портер, мистер Блейк, Уинни и другие пытались остановить это. Дым, крики, звон бьющегося стекла.

Она оглянулась и увидела, как Портер разбивает великолепные стекла в окнах – в окнах, которые простояли несколько веков, а теперь их стекла превратились в осколки. Она увидела, как он выкидывает книги, выкидывает что попадется под руку. Собирает стопками, сколько удается ухватить. Потом к нему присоединился мистер Блейк. Сепаратисты жгли книги, а англичане выбрасывали их из окон. Книги раскрывались в полете, словно пытались парить в воздухе.

Уинни, Портер, Кен, мистер Блейк и другие спасали свою историю, прежде чем начать спасаться самим.

Да, она все помнила.

Арман Гамаш вернулся домой как раз к обеду Анри. А потом они пошли прогуляться. Улицы Квебека погрузились в темноту, но были полны народа, пришедшего на карнавал. Рю Сен-Жан была закрыта – там выступали хоры, жонглеры, скрипачи.

Человек с собакой прошли через толпу, время от времени задерживаясь, чтобы послушать музыку, посмотреть на людей. Это было одним из любимых занятий Анри после игры в мячик. И бананов. И обеда. Многие останавливались и восхищались молодой овчаркой с неестественно большими ушами. Гамаш рядом с псом был все равно что уличный фонарь.

Анри упивался всеобщим вниманием. Потом они отправились домой, где старший инспектор посмотрел на часы. Шестой час. Он набрал номер на телефоне.

– Oui allô?

– Инспектор Ланглуа?

– А, старший инспектор, как раз собирался позвонить вам с новой информацией.

– Есть новости?

– К сожалению, не много. Вы же знаете, как обстоят дела с такими вещами. Если мы сразу не находим преступника, то дело тянется и тянется. Вот оно и тянется. Я сейчас в доме Огюстена Рено. – Он помедлил. – А вы не хотите подойти? Это недалеко от вас.

– С удовольствием.

– Захватите очки и сэндвич. И пару бутылочек пива.

– Что, так плохо?

– Невероятно. Не понимаю, как люди могут жить в таких условиях.

Гамаш записал адрес, несколько минут поиграл с Анри, написал записку Эмилю и ушел. По пути он заглянул в «Пайяр» – великолепную пекарню на рю Сен-Жан, зашел в dépanneur[45] за пивом и двинулся на рю Сент-Урсюль, остановившись, чтобы проверить продиктованный ему адрес, – вдруг записал неправильно?

Но нет, все верно. Вот он, дом номер $9^{3}/_{4}$ по рю Сент-Урсюль. Гамаш покачал головой. $9^{3}/_{4}$.

Да, именно так и должен был жить Огюстен Рено. Он был маргиналом, так почему не жить в доме с дробным номером? Гамаш прошел по короткому туннелю в небольшой двор. Постучал, подождал несколько секунд и вошел.

В каких только домах он не бывал за тридцать лет работы в полиции. В лачугах, в элитных домах из стекла и мрамора, даже в пещерах. Он видел жуткие условия обитания, обнаруживал жуткие вещи – и все еще не переставал удивляться тому, как живут люди.

Но дом Огюстена Рено был именно таким, каким его представлял себе Арман Гамаш. Маленький, тесный, повсюду бумаги, журналы, стопки книг. Помещение явно было пожароопасным, но в то же время старший инспектор должен был признать, что здесь он чувствовал себя больше дома, чем в стеклянных и мраморных хоромах.

– Есть кто-нибудь? – крикнул он.

– Сюда. В гостиную. А может, это столовая. Трудно сказать.

Гамаш прошел по расчищенной среди бумаг, словно в снегу, дорожке и обнаружил инспектора Ланглуа за письменным столом – тот сидел и читал.

– Шамплейн. На каждом клочке бумаги Шамплейн. Я и не представлял, что об этом человеке столько написано.

Гамаш взял журнал сверху стопки, старый номер «Нэшнл джиографик» со статьями о первых землепроходцах, открывших то, что теперь называлось Новой Англией. Там было упоминание о Шамплейне, чье имя присутствовало в топониме «озеро Шамплейн» в Вермонте.

– Мои ребята внимательно просмотрят все это, – сказал Ланглуа. – Но по моим оценкам, на это уйдет вечность.

– Помощь не требуется?

Ланглуа посмотрел на него с облегчением:

– Конечно. А вы сможете?

Гамаш улыбнулся и поставил на стол два пакета с разными сэндвичами и двумя бутылками пива.

– Отлично. Я даже еще на ланч не ходил.

– Да, дел много, – сказал Гамаш.

Ланглуа кивнул, откусил большой кусок сэндвича с ростбифом, горчицей и томатом, отхлебнул пива.

– Мы пока успели только снять отпечатки пальцев и отобрать образцы для определения ДНК. Даже на это ушло два дня. Криминалисты закончили, и теперь можно начинать нам.

Он огляделся вокруг.

Гамаш подтянул стул, взял сэндвич с сыром бри, салатом и ветчиной, обильно политой кленовым соком, открыл пиво. В течение двух следующих часов они вдвоем осматривали дом Огюстена Рено, перебирали документы, отделяли оригиналы от копий с работ других людей.

Гамаш обнаружил копии дневников Шамплейна и просмотрел их. Как и говорил отец Себастьян, они были всего лишь ежедневниками – расписанием предстоящих дел. Поразительно, как четыреста лет спустя можно было заглянуть в жизнь Квебека начала 1600-х годов, но такой дневник мог написать кто угодно. Никакой личной информации в этих записях не обнаружилось. Гамаш закончил читать, не проникнувшись никакими чувствами к автору.

– Нашли что-нибудь? – Ланглуа провел усталой рукой по лицу и поднял голову.

– Копии дневника Шамплейна, но ничего интересного.

– Как вы думаете, Рено сам не вел дневник?

Гамаш оглядел комнату, заглянул в другую – сплошные стопки бумаг. Книжные шкафы, забитые под завязку, кладовые, заполненные журналами.

– Может, и удастся что-то найти. Какие-нибудь личные бумаги вам попадались? – Гамаш снял очки и посмотрел на Ланглуа через стол.

– Несколько писем от людей, отвечавших Рено. Я сложил их в одну папку, но в большинстве с разной степенью вежливости говорится, что он ошибается.

– В чем?

– В разных теориях, которые у него были относительно Шамплейна.

Что он был шпионом, сыном короля, а то даже и протестантом. В одном письме говорилось, что если он был гугенотом, то почему завещал бóльшую часть своих денег католической церкви? Эта теория похожа на все остальные теории Рено. Не без правдоподобности, но слегка эксцентричные.

Гамаш подумал, что Ланглуа щадит Рено, говоря о «легкой эксцентричности». Он взглянул на часы. Без десяти восемь.

– Вы все еще хотите есть?

– Умираю с голоду.

– Отлично, позвольте я угощу вас обедом. Тут на улице есть одно заведение – давно хочу там побывать.

По пути они зашли в магазин, где Ланглуа купил бутылку хорошего вина, после чего они осторожно прошли несколько шагов по обледеневшему тротуару на рю Сент-Урсюль до ресторанчика, разместившегося в подвале.

Они вошли – и их встретил густой, теплый запах марокканских специй и хозяин, который представился, взял их куртки и вино и отвел в тихий уголок у стены из голого камня.

Минуту спустя хозяин вернулся с откупоренной бутылкой, двумя бокалами и меню. Сделав заказ, они принялись делиться новостями. Гамаш рассказал инспектору о том, как провел день, о своих беседах с членами Общества Шамплейна и отцом Себастьяном.

– Что ж, это согласуется и с моим днем. Я, помимо прочего, бóльшую его часть провел в подвале Литературно-исторического общества с одним очень рассерженным археологом.

– Обри Шевре?

– В точку. Он не очень любит, когда его вызывают по воскресеньям, хотя и признает, что это случается довольно часто. Я полагаю, он что-то вроде врача. Все время в ожидании: вдруг кто-то выкопает кости, или старую стену, или клочок бумаги со стихами. В Квебеке, судя по всему, это случается довольно часто.

Принесли обед – испускающие пар ароматные тарелки с тушеной ягнятиной, кускусом и тушеными овощами.

– Шевре привел двух сотрудников и доставил металлодетектор. Причем гораздо совершеннее, чем я когда-либо видел.

Гамаш отломил кусочек батона и обмакнул его в соус.

– А он не думал, что Рено, возможно, прав? Что Шамплейн и в самом деле там?

– Ни на одну минуту, но они чувствовали, что, по крайней мере,

проверить стоит. Хотя бы ради того, чтобы сообщить репортерам, что Рено ошибался. В очередной раз.

– И что больше ошибаться ему уже не суждено.

– Гм.

Ланглуа и Гамаш с удовольствием начали поглощать пищу.

– Насколько я понимаю, вы ничего не нашли?

– Картошку и немного репы.

– Прежде там был овощной погреб, так что ничего удивительного.

И все же, хотя Гамаш и был рад за англичан, он чувствовал некоторое разочарование. Какая-то часть его надеялась, что Рено наконец-то роковым для себя образом докопался до истины.

Так почему же его убили? И зачем он приходил в Лит-Ист?

О чем он хотел поговорить с советом?

Но вообще-то, подумал Гамаш, не имеет никакого значения, был там захоронен Шамплейн или нет. Имело значение лишь то, во что верил Рено. И то, в чем он мог убедить других, а способность убеждать у него была огромная.

После обеда Ланглуа и Гамаш отправились в разные стороны: инспектор – домой, к жене и семье, а старший инспектор – в дом Рено, чтобы просмотреть еще кое-какие бумаги.

Час спустя он нашел их, спрятанные за двумя рядами книг в шкафу. Дневники Огюстена Рено.

Глава двенадцатая

После посещения Оливье в тюрьме и антикварного магазина в Монреале Жан Ги Бовуар в середине дня вернулся в Три Сосны. Он остановился в ресторане быстрого питания «Тим Хортонс» на выезде с 55-го шоссе, купил сэндвич, пышку, облитую шоколадом, и четверной кофе.

Он чувствовал себя усталым.

После несчастья он еще не работал так много и знал, что теперь ему нужно отдохнуть. В гостинице он принял долгую роскошную ванну, размышляя над тем, что делать дальше.

Оливье ошеломил его. Теперь он утверждал, что Отшельника вовсе не звали Якобом и он не был чехом. И что он, Оливье, сказал так, только чтобы замести следы, навести подозрение на Парра и других чехов в округе.

Это было не только не по-соседски, но и не дало желаемых результатов. Следователи все равно признали Оливье убийцей, и суд с ними согласился.

Хорошо. С этим все. Бовуар соскользнул поглубже в ванну. Намыливаясь, он почти не замечал рваного шрама у себя на животе. Заметил только, что мышцы потеряли тонус. Он не то чтобы растолстел, но от бездеятельности мускулы стали дряблыми. Но все же он чувствовал, как силы медленно возвращаются к нему, правда медленнее, чем ему хотелось.

Он прогнал эти мысли и сосредоточился на том, о чем просил его шеф. Потихоньку заново открыть дело Оливье.

Ну и о чем говорят сегодняшние находки?

Но в голову ему ничего не приходило, кроме большой, зовущей кровати, которую он видел через открытую дверь ванной, кровати с хрустящими простынями, пуховым одеялом, мягкими подушками.

Через десять минут он спустил воду из ванны, повесил снаружи на ручку двери табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ» и погрузился в сон в тепле и безопасности.

Проснулся в темноте, удовлетворенно повернулся, посмотрел на часы у кровати. 5.30. Он сел. 5.30 утра или вечера?

Сколько он проспал – два часа или четырнадцать? Он чувствовал себя отдохнувшим, но это не помогало ему определить время.

Бовуар включил свет, оделся и вышел на площадку перед дверью. В гостинице стояла тишина. Горели две лампы, но они часто горели. Он был

сбит с толку, дезориентирован. Бовуар спустился по лестнице и, выглянув из эркерного окна, получил ответ.

В домах вокруг деревенского луга горел свет, ярким светом сияло бистро. Радуясь тому, что он идет на ужин, а не на завтрак, Жан Ги накинул куртку, натянул ботинки и поспешил через луг в бистро, где его встретил Габри, на котором неожиданно оказалась домашняя пижама.

И Гамаш вернулся к своему прежнему вопросу: вечер сейчас или утро? Но черт его побери, если он спросит.

– С возвращением. Я слышал, вы провели прошлую ночь в лесу со святым. И что, все так забавно, как об этом рассказывают? По вашему виду не скажешь, что вы перешли в новую веру.

Бовуар посмотрел на крупного Габри в пижаме и тапочках и решил не говорить ему, как тот выглядит.

– Что для вас? – спросил Габри, когда Бовуар не ответил на его первый вопрос.

А чего он хочет – яичницу или пива?

– Пиво – то, что надо, merci.

Бовуар взял эль из маленькой пивоварни и уселся в удобное кресло у окна. На столе лежала газета, и из нее он узнал об убийстве Огюстена Рено, этого сумасшедшего археолога, в Квебек-Сити.

– Можно к вам присоединиться?

Рядом с ним стояла Клара Морроу. На ней тоже была пижама и халат, а опустив взгляд, Бовуар увидел тапочки. Это что, какая-то новая сумасшедшая мода? Сколько он проспал? Он знал, что для англоязычных канадцев фланелевая одежда является афродизиаком, но для Бовуара эта материя ничего не значила. Он ее никогда не носил и носить не собирался.

Оглянувшись, он увидел, что каждый третий или четвертый человек здесь в халате. Бовуар всегда втайне подозревал, что это не деревня, а амбулаторное отделение сумасшедшего дома. Теперь он получил доказательство этого.

– Пришли принимать лекарства? – спросил он, когда она села.

Клара рассмеялась и подняла свой стакан с пивом:

– Как всегда. – Она кивнула на его пиво. – И вы тоже?

Бовуар наклонился к ней и прошептал:

– Который теперь час?

– Шесть. – Поскольку он продолжал смотреть с недоумением, она добавила: – Вечера.

– Тогда почему… – Он показал на ее одежду.

– Когда арестовали Оливье, Габри понадобилось какое-то время, чтобы

наладить работу в бистро, и некоторые из нас ему помогали. Он не хотел открываться по воскресеньям, но мы с Мирной убедили его, и он согласился, но при одном условии.

– Носить пижамы?

– Вы очень умны. – Она улыбнулась. – Ему не хотелось одеваться. И по прошествии какого-то времени кое-кто из нас стал делать то же самое – приходить сюда в пижамах. Это очень удобно. Я весь день хожу в пижаме.

Бовуар попытался принять неодобрительный вид, но должен был признать, что она действительно чувствует себя удобно. Он задержал взгляд на ее голове-клумбе: на сей раз там ничего не нашлось, ничего нового. Обычно ее волосы торчали во все стороны, возможно из-за того, что она часто проводила по ним пятерней. И это же, вероятно, объясняло присутствие там крошек и капелек краски.

Он мучительно придумывал дружелюбные слова, которые заставили бы ее поверить, что он здесь из любви к их компании.

– Как ваша выставка – скоро уже?

– Через два месяца. – Клара сделала большой глоток пива. – Когда я не готовлюсь к интервью для «Нью-Йорк таймс» или для «Опры», я стараюсь об этом не думать.

– Для «Опры»?

– Да. Будет организовано колоссальное шоу в мою честь. Все ведущие критики станут, разумеется, рыдать, восхищенные моим прозрением, мощью образов. Опра купит несколько картин по сто миллионов за каждую. За какие-то по пятьдесят миллионов, за какие-то по сто пятьдесят.

– Значит, у нее будет свой интерес.

– Ничего, я человек щедрый.

Бовуар рассмеялся, удивив самого себя. Он никогда толком не говорил с Кларой. Да и ни с кем он не говорил. У шефа были с ними контакты. Ему каким-то образом удалось подружиться с большинством из них, а Бовуару никак не удавалось преодолеть себя, видеть в людях не только подозреваемых, но и человеческие существа. Он никогда не хотел этого. Эта мысль вызывала у нее отвращение.

Он наблюдал, как Клара берет горсть ореховой смеси, прихлебывает пиво.

– Могу я спросить вас кое о чем? – спросил он.

– Конечно.

– Как по-вашему, это Оливье убил Отшельника?

Ее рука остановилась на полпути к вазе с орешками. Задавая этот вопрос, Бовуар понизил голос, чтобы его никто больше не услышал. Клара

опустила руку и целую минуту думала, прежде чем ответить:

– Не знаю. Хотелось бы мне с абсолютной уверенностью сказать, что не убивал, но улики против него так убедительны. И если это сделал не он, то должен быть кто-то другой.

Она вскользь оглядела зал, Бовуар проследил за ее взглядом.

В зале сидели Старик Мюнден и Жена. Красивая молодая пара обедала вместе с семейством Парра. Старику, несмотря на такое имя, не исполнилось еще и тридцати, и был он столяром. А еще он реставрировал старинную мебель Оливье и был среди последних людей, покинувших бистро в ту ночь, когда убили Отшельника. У Жены, насколько знал Бовуар, имелось и настоящее имя, хотя он забыл его, как, видимо, и большинство других. То, что началось как шутка – молодая пара посмеивалась над своим супружеством, – стало реальностью. Она стала Женой. У них был маленький сын Шарли, страдавший синдромом Дауна.

Посмотрев на ребенка, Бовуар вспомнил одну из причин, по которой доктора Винсента Жильбера называли святым. Его решение оставить успешную карьеру и жить среди людей, страдающих синдромом Дауна, заботиться о них. На основании этого опыта он написал книгу «Бытие». По всем отзывам это была книга потрясающей честности и смирения. Потрясающей потому, что ее написал такой мерзавец.

Что ж, как нередко говорила им Клара, такие качества свойственны великим произведениям искусства.

Со Стариком и Женой сидели Рор и Ханна Парра. Они были среди главных подозреваемых. Рор расчищал дорожки в лесу и мог найти домик Отшельника с его бесценным содержимым и жалким хозяином.

Но зачем забирать жизнь – и оставлять сокровища?

То же подозрение распространялось и на их сына, Хэвока Парру. Клара и Бовуар посмотрели на него – он обслуживал столик у камина. В ночь убийства Отшельника Хэвок работал в бистро допоздна и сам запер дверь.

Что, если он последовал по лесу за Оливье и обнаружил лесной домик?

Что, если он заглянул в домик, увидел сокровища и оценил их по достоинству? Завладеть этим – и больше не нужно жить на чаевые, убирать столики, улыбаться хамоватым клиентам. Не нужно думать о том, что принесет будущее.

По другую сторону сидели Марк и Доминик Жильбер. Владельцы гостиницы и спа-салона. В сорок с лишним лет они оставили высокооплачиваемую, но выматывающую работу в Монреале и приехали в

Три Сосны. Купили полуразрушенный дом на холме и переделали его в великолепный отель.

Оливье ненавидел Марка, и это чувство было обоюдным.

Не потому ли Жильберы купили старый дом, что к нему прилагался и лесной домик? Затерявшийся в лесу?

И наконец, был еще святой мерзавец доктор Винсент Жильбер, отец Марка, бросивший семью, но появившийся в тот самый момент, когда было найдено мертвое тело. Неужели это было простым совпадением?

Взгляд Клары снова обратился на Бовуара, когда хлопнула дверь бистро.

– Чертов снег.

Бовуару не нужно было поворачиваться, чтобы понять, кто это.

– Рут, – прошептал он Кларе, и та кивнула в ответ. – Все такая же сумасшедшая?

– После всех этих лет, – подтвердила Клара.

– Господи Исусе…

Рут появилась перед стулом Бовуара, на ее изборожденном морщинами лице гуляла ухмылка. Коротко подстриженные седые волосы словно прилипли к голове, отчего возникало впечатление, будто у нее голый череп. Она была высокой, сутулой, при ходьбе помогала себе тростью. Единственная хорошая новость: она не пришла в ночной рубашке.

– Добро пожаловать в бистро, – проворчала она, кинув беглый взгляд на Клару. – Где умирает благородство.

– И не только благородство, – заметил Бовуар.

Рут издала лающий смешок:

– Вы нашли еще одно тело?

– Видите ли, я не ищу тел. У меня есть жизнь и помимо работы.

– Господи, мне уже скучно, – сказала старая поэтесса. – Скажите что-нибудь умное.

Бовуар молчал, поглядывая на нее с отвращением.

– Как я и предполагала. – Она отхлебнула пива из его стакана. – Это же помои. Неужели не можете заказать что-нибудь пристойное? Хэвок! Принеси ему виски.

– Старая карга, – пробормотал Бовуар.

– А, подначка. Очень умно.

Она перехватила его виски и зашагала прочь. Когда она отошла достаточно далеко, Бовуар наклонился над столом к Кларе, которая тоже подалась вперед. В бистро было шумно от смеха и разговоров – идеальная обстановка для тихой беседы.

– Если не Оливье, то кто? – спросил Бовуар тихим голосом, обшаривая зал проницательным взглядом.

– Не знаю. Почему вы думаете, что это не Оливье?

Бовуар помедлил с ответом. Стоит ли переходить Рубикон? Но он знал, что уже перешел.

– Это должно остаться между нами. Оливье знает, что мы занимаемся этим, но я ему велел помалкивать. И вас о том же прошу.

– Можете не волноваться. Но почему вы мне об этом говорите?

И в самом деле, почему? Потому что она лучшая из этой дурной толпы.

– Мне нужна ваша помощь. Вы знаете здесь всех гораздо лучше меня. Старший инспектор обеспокоен. Габри все время спрашивает его, почему Оливье переместил тело. Это могло произойти только в том случае, если он нашел Отшельника уже убитым, ведь если человек убивает кого-то в отдаленном месте, то вряд ли он будет это рекламировать. Старший инспектор считает, что мы что-то упустили. Что вы думаете?

Этот вопрос явно застал Клару врасплох. Она ответила не сразу.

– Я думаю, – медленно начала она, – Габри никогда бы не поверил, что это сделал Оливье, даже если бы видел убийство своими глазами. Но еще я думаю, что это хороший вопрос. С чего мы начнем?

«„Мы“, – подумал Бовуар. – Нет никакого „мы“. Есть „я“ и „вы“. В таком порядке». Но она была ему нужна, поэтому он проглотил сказанное, фальшиво улыбнулся и ответил:

– Так вот, Оливье теперь говорит, что Отшельник не был чехом.

Клара закатила глаза и провела пятерней по волосам, торчащим во все стороны. Бовуар поморщился, но Клара либо не заметила, либо ей было все равно. Ее мысли были заняты другим.

– Вот это да. А еще в какой-нибудь лжи он признался?

– Пока нет. Он думает, что Отшельник был квебекец или, возможно, англичанин, но прекрасно владеющий французским. Все его книги были на английском, а те, что он просил Оливье найти для него, тоже были на английском. Но говорил он на идеальном французском.

– И чем я могу помочь?

Бовуар немного помедлил, потом принял решение:

– Я привез с собой материалы дела. Хочу, чтобы вы его прочитали.

Она кивнула.

– А поскольку вы знаете здесь всех и каждого, я бы хотел, чтобы вы позадавали людям вопросы.

Клара заколебалась. Ей не нравилось быть шпионом, но если ее

собеседник прав, то невиновный человек томится в тюрьме, а убийца ходит среди них. Почти наверняка сидит сейчас с ними в бистро.

Появились Мирна с Питером, и Бовуар подсел к ним, чтобы пообедать за компанию. Заказал себе бифштекс в соусе из голубого сыра с коньяком. Они болтали о разных событиях в деревне, о лыжне на Мон-Сен-Реми, о том, как «Канадиенс» сыграли предыдущим вечером.

На десерт к ним подсела Рут, съела бóльшую часть ватрушки Питера, а потом в одиночестве похромала в ночь.

– Она ужасно тоскует по Розе, – сказал Мирна.

– А что случилось с ее уткой? – спросил Бовуар.

– Улетела осенью.

«Утка оказалась умнее, чем можно было подумать», – мелькнула мысль у Бовуара.

– Я боюсь весны, – сказала Клара. – Рут будет ждать ее возвращения. А если она не вернется?

– Это не будет значить, что Роза погибла, – сказал Питер, хотя все они понимали, что это не так.

Утка Роза была выращена Рут, к которой попала крохотным утенком. И несмотря на все прогнозы, выжила, выросла, расцвела и повсюду следовала за Рут, словно на веревочке.

Птичка и чумичка – так называл их Габри.

Но прошлой осенью Роза сделала то, что делают все утки, что было заложено в нее природой. Как бы она ни любила Рут, но инстинкт оказался сильнее. И однажды днем, услышав кряканье пролетающей мимо стаи, Роза взлетела и заняла свое место в утином клине, направляющемся на юг.

И улетела.

После обеда Бовуар поблагодарил их и поднялся. Клара проводила его до двери.

– Я сделаю то, что вы просили, – шепнула она ему.

Бовуар протянул ей папку с делом и вышел в холодную, темную ночь. Возвращаясь в гостиницу, в теплую кровать, он остановился посреди деревенского луга и посмотрел на три высокие сосны в многоцветных рождественских гирляндах. Снежные наносы отливали разными цветами. Бовуар поднял голову, увидел звезды, ощутил свежий, морозный воздух. Он услышал у себя за спиной голоса, они желали друг другу доброй ночи, потом услышал хруст снега под ногами.

Жан Ги Бовуар изменил направление и, дойдя до старого, обитого вагонкой дома, постучал. Дверь чуть приоткрылась.

– Могу я войти?

Рут отступила назад и открыла дверь.

Арман Гамаш сидел за столом Рено, заваленным бумагами, и читал дневники. Он читал их несколько последних часов, время от времени делая заметки. Как и дневники Шамплейна, дневники Огюстена Рено говорили о событиях, а не о чувствах. Это были скорее ежедневники, но они несли информацию.

К сожалению, сделав запись о посещении заседания совета Литературно-исторического общества, он не объяснил, зачем ему это нужно. И больше не было никаких упоминаний о встрече с кем-либо позднее в этот день или вечером.

На следующий день не было никаких записей, хотя на следующую неделю имелась одна: «ОШ в час дня в четверг».

Дальнейшие дни были пусты. Страницы и страницы, белые и голые. Зимняя жизнь. Ни ланча с другом, ни встречи, ни личного замечания. Ничего.

Но что насчет его недавнего прошлого?

Были записи о книгах, ссылки на страницы, библиотечные ссылки, статьи. Рено делал заметки, наброски Старого города, записывал адреса. Может быть, места, в которых он намеревался проводить раскопки? Все вокруг базилики Нотр-Дам.

Выяснилось, что он никогда не рассматривал ни одного места за пределами довольно малой окружности. Тогда что же он делал в условных лесных дебрях Лит-Иста? И если он пришел туда просто за книгой, как предположил Эмиль, то зачем оказался в подвале с лопатой? И зачем просил встречи с советом?

Жан Ги Бовуар и Рут Зардо уставились друг на друга.

Они были похожи на участников боя без правил. Только один выйдет из него живым. Не в первый раз в обществе Рут Бовуар почувствовал неприятную реакцию ниже пояса.

– Чего вы хотите? – спросила Рут.

– Поговорить, – ответил Бовуар.

– А подождать это не может, придурок?

– Не может, идиотка. – Он помолчал. – Я вам нравлюсь?

Она прищурилась:

– Я думаю, вы суетливый, придурочный, жестокий и, возможно, немного умственно отсталый.

– То же самое я думаю и о вас, – с облегчением сказал Бовуар.

Все было, как он и предполагал, как надеялся.

– Ну слава богу, мы выяснили отношения. Спасибо, что заглянули. А теперь спокойной ночи.

Рут повернулась к двери.

– Постойте, – сказал Бовуар и протянул руку, почти касаясь ее высохшей кожи. – Постойте, – повторил он чуть ли не шепотом.

И Рут подчинилась.

Гамаш приблизил лицо к дневнику, и на его лице появилась слабая улыбка.

Литературно-историческое общество.

Вот где оно было. Написано совершенно четко, насколько это возможно в дневнике Рено. Но не в день заседания совета, то есть в день его смерти, а неделей ранее. А над записью – имена четырех человек, с которыми он хотел поговорить.

Некто Шин, некто ДжД и два человека по имени С. Патрик и Ф О’Мара. Ниже стояла цифра 18 – дальше неразборчиво. Гамаш поднес поближе настольную лампу, чтобы свет залил страницу. 1800, а может быть, 1869 или 1868.

– А может, это тысяча восемьсот девять? – пробормотал Гамаш себе под нос, прищурившись.

Он перевернул страницу – не яснее ли будет видно с задней стороны. Яснее не было.

Он снял очки и откинулся на спинку стула, задумчиво постукивая дужкой очков о колено.

1800 было бы разумно. Время – шесть часов вечера. Большинство квебекцев предпочитали двадцатичетырехчасовую шкалу. Но…

Старший инспектор уставился в пространство перед собой. Нет, ничего не складывалось. Лит-Ист закрывался в пять часов. 1700.

Зачем Рено договариваться о встрече с четырьмя людьми после закрытия общества?

Может быть, у одного из них был ключ и он собирался их впустить.

А может быть, Рено не знал, что библиотека будет закрыта.

А может, он договорился о встрече с кем-то другим, а кто-нибудь из волонтеров должен был открыть дверь.

Был ли когда-нибудь Огюстен Рено в Литературно-историческом обществе до дня своей смерти? Гамашу казалось, что был. Не входил туда, как любой другой клиент, – это, видимо, было не в стиле Рено. Нет, этому человеку требовалось что-то более театральное, таинственное. Ведь это

был тот самый человек, который проник в базилику и начал раскопки. Проникновение в Литературно-историческое общество не представлялось для него невозможным ни в физическом, ни в нравственном плане. Ни одна дверь не была закрыта перед Огюстеном Рено в его донкихотских поисках Шамплейна.

Гамаш посмотрел на часы. Скоро полночь. Слишком поздно, чтобы звонить Элизабет Макуиртер или кому-то другому из членов совета, а уж тем более заходить к ним. А ему нужно было видеть их лица во время разговора.

Он вернулся к дневнику. Что не подлежало сомнению, так это чувства Рено относительно предстоящей встречи. Он несколько раз обвел это место кружочком и поставил два восклицательных знака.

Казалось, археолог-любитель пребывал в приподнятом настроении, словно эта встреча была для него равна организации заговора. Гамаш нашел телефонную книгу и стал искать Шина. Это было похоже на китайское имя, и он вспомнил, что Огюстен Рено как-то раз в поисках Шамплейна подкопался под стену и оказался в подвале китайского ресторана.

Может быть, так назывался ресторан или так звался его владелец – Шин?

Но никакого Шина в телефонной книге Гамаш не нашел. Возможно, это была фамилия, а не имя. Китайцев в Квебек-Сити можно было по пальцам перечесть, выяснить будет нетрудно.

Никаких О’Мара он не нашел, но зато обнаружился С. Патрик – он жил на рю Де-Жарден в старом городе. Гамаш знал эту улицу рядом с монастырем урсулинок, а заканчивалась она прямо перед базиликой Нотр-Дам.

А его адрес? 1809, рю Де-Жарден. 1809. Значит, не время, а адрес. Значит, они собирались сначала встретиться там, а потом двинуться в Лит-Ист?

В дневнике Рено были и другие имена, главным образом имена чиновников, мешавших ему, или редакторов, отвергавших его рукописи. Несколько раз упоминался Обри Шевре, главный археолог, а рядом с ним неизменно присутствовало слов merde[46], он чуть ли не через черточку писал эти слова. Обри Шевре-Мерд.

Немалую роль в жизни Огюстена Рено играли книгопродавцы, в основном специализирующиеся на продаже старых книг. Если с кем у него и были дружеские отношения, то с ними. Гамаш выписал их имена, потом посмотрел на часы.

Была почти полночь, и Бовуар сидел на пластиковом садовом стуле в кухне Рут. Он никогда прежде не был в ее доме. Гамаш бывал несколько раз, но Бовуар всегда отговаривался, если нужно было допросить Рут.

Он питал к старой поэтессе невыносимое отвращение, поэтому и зашел к ней.

– Ну давай, пенек, говори.

Рут сидела напротив него, на белом столе стоял чайник с жидким чаем и одна чашка. Тонкие руки она скрестила на груди, словно боялась, что внутренности выскочат наружи. Только не ее сердце – это Бовуар знал. Оно бежало много лет назад, как эта ее утка. Дай только время – и от Рут все убежит.

Ему нужно было поговорить с кем угодно, но с человеком без сердца, без сострадания. С человеком, которому безразлично.

– Вы знаете, что случилось? – спросил он.

– Ну, я же читаю газеты.

– В газетах писали не все.

Последовала пауза.

– Продолжайте.

Голос ее звучал жестко, бесчувственно. Идеально.

– Я сидел в кабинете шефа…

– Мне уже скучно. Это долгая история?

Бовуар злобно посмотрел на нее:

– В одиннадцать часов восемнадцать минут позвонили.

Она фыркнула:

– Так точно?

Он встретился с ее взглядом:

– Да.

Перед его мысленным взором снова возник угловой кабинет шефа. Стоял ранний декабрь, и Монреаль за окнами был холодный и серый. Они обсуждали один трудный случай в Гаспе, когда секретарша шефа открыла дверь. Звонил инспектор из Сент-Агата, там случилась стрельба. Один агент был ранен, другой пропал.

Но на самом деле он не пропал, он был на телефоне и просил соединить его с Гамашем.

События после этого разворачивались быстро, и в то же время им казалось, что это длится вечность. Прибывали агенты, группы быстрого реагирования были приведены в боевую готовность. Спутники, съемка, анализ. Отслеживание. Все было задействовано. Не прошло и нескольких

минут, как в большом офисе началась бешеная деятельность, видимая сквозь окна в кабинете старшего инспектора. Все совершалось по протоколу, прописанному старшим инспектором Гамашем.

Но в его кабинете царили тишина. И спокойствие.

– Извините. Извините меня, – сказал агент Морен, когда его соединили с шефом.

– Это не твоя вина. Ты не ранен? – спросил Гамаш.

Теперь Бовуар говорил по другой линии. По причинам, которые ему пока были не ясны, они не смогли определить номер, И человек, который удерживал Морена и стрелял в другого агента, казалось, был невозмутим. Он передал трубку обратно молодому агенту, но прежде прояснил кое-что.

Он не собирался ни убивать Морена, ни отпускать его. Он просто оставит молодого агента связанным.

– Спасибо, – сказал Гамаш.

За стеклом Бовуар видел, как агенты работают за компьютерами, делают записи, слушают, устанавливают место звонка. Он почти что видел пальцы, летающие над клавиатурой.

Еще несколько секунд – и они будут знать, где находится агент Морен. Но Бовуар испытывал беспокойство. Почему на это уходит столько времени? Это должно делаться мгновенно.

– Вы сядете мне на хвост, я знаю, что сядете, – сказал фермер. – Поэтому я сделаю так, чтобы у вас отпало это желание.

– Ничего подобного я делать не собираюсь, – солгал Гамаш.

– Может быть, – сказал человек с густым деревенским акцентом. – Но я не собираюсь рисковать.

Что-то шевельнулось в Бовуаре, и он посмотрел на Гамаша. Шеф стоял, глядя перед собой сосредоточенно, прислушиваясь, думая.

– Что вы сделали? – спросил Гамаш жестким, непреклонным голосом.

Последовала пауза.

– Я связал вашего агента и прикрепил к нему кое-что.

– Что?

– Я эту штуку сам сделал.

Голос человека звучал оправдательно, слабо, он пытался объясниться. Это был испуганный голос, а значит, непредсказуемый, что могло привести к самым страшным последствиям. Худший тип преступника, берущего заложников. С такими трудно иметь дело. Они в любой момент могут впасть в панику. Разум покидает их, и они ведут себя исходя не из здравого смысла, а из страха.

– И что это такое? – спросил Гамаш.

Бовуар понимал, что делает шеф. Он пытался стать сильным центром, к которому может тяготеть слабый, испуганный человек. Чем-то надежным, твердым, предсказуемым. Властным.

– Это из удобрения. Я не хотел, но отделаться от вас я смогу только так.

Разбирать голос становилось все труднее и труднее. Сочетание акцента и слов, приглушенных отчаянием.

– Взрыв произойдет через двадцать четыре часа. В одиннадцать часов восемнадцать минут завтра утром.

Бовуар записал это, хотя не сомневался: он этого не забудет. И он был прав.

Он услышал, как шеф резко вздохнул, потом помолчал, пытаясь обуздать ярость.

– Это ошибка, – сказал он ровным голосом. – Вы должны обезвредить бомбу. Вы только ухудшаете собственное положение.

– Ухудшаю? Как его еще можно ухудшить? Тот другой агент мертв. Я убил полицейского.

– Мы этого не знаем.

– Я знаю.

– Тогда вы знаете, что мы рано или поздно найдем вас. Вы же не хотите всю жизнь провести в бегах? Все время спрашивая себя, не стоим ли мы уже за дверью.

В трубке на некоторое время замолчали.

– Сдайтесь, – сказал Гамаш низким, спокойным, рассудительным голосом. Умный друг с хорошим предложением. – Я обещаю, что вам не будет причинено никакого вреда. Скажите, где вас встретить.

Бовуар смотрел на шефа, а шеф смотрел на стену, на громадную карту Квебека. Оба посылали мысленные сигналы человеку увидеть резон в этом предложении.

– Не могу. Мне пора. Счастливо оставаться.

– Стойте, – выпалил Гамаш, потом с огромным трудом взял себя в руки. – Стойте. Подождите. Не делайте этого. Если убежите – будете потом жалеть всю жизнь. Если вы причините вред Полю Морену, вы об этом горько пожалеете.

Его голос был едва ли громче шепота, но даже у Бовуара мурашки побежали по коже от угрозы в голосе Гамаша.

– У меня нет выбора. И еще одно.

– Что?

За пределами офиса отдела по расследованию убийств приводилось в действие более современное оборудование. Бовуар увидел старшего суперинтенданта Франкёра – тот шел к кабинету Гамаша. Гамаш тоже увидел его и повернулся к нему спиной, целиком сосредоточившись на голосе в трубке.

– Я не хочу, чтобы вы преследовали меня.

Дверь открылась, и вошел старший суперинтендант Франкёр, на его красивом благородном лице застыло решительное выражение. Гамаш так и не повернулся к нему. Инспектор Бовуар взял Франкёра под локоть:

– Вам нужно выйти, сэр.

– Нет, мне нужно поговорить со старшим инспектором.

Они вышли за дверь.

– Шеф говорит с человеком, который взял заложника.

– С убийцей. Агент Биссонет умер от раны пять минут назад.

Он сунул правую руку в карман пиджака. Это был знак, который все знали, знак того, что старший суперинтендант ужасно разгневан. Офис, в котором только что кипела активность, погрузился в тишину, в нем звучали только два голоса, громких, отчетливых. Голоса старшего инспектора и убийцы, выведенные на динамики.

– Я принимаю командование на себя, – сказал Франкёр и снова направился к двери, но Бовуар встал перед ним:

– Вы можете принимать командование на себя, я не могу вас остановить, но это кабинет старшего инспектора, и ему сейчас необходима приватная обстановка.

Они уставились друг на друга, и в этот момент раздался голос Гамаша.

– Вы должны прекратить это, – сказал Гамаш. – Сдавайтесь.

– Не могу. Я убил копа. – Теперь голос этого человека звучал почти истерически.

– Тем больше у вас оснований сдаться мне. Я вам гарантирую безопасность. – Голос убедительный, рассудительный.

– Я должен бежать.

– Тогда почему же вы не ушли? Почему позвонили мне?

– Потому что мне пришлось.

Наступило молчание. Бовуар теперь видел лицо шефа в профиль. Его глаза были прищурены, брови насуплены.

– Что вы сделали? – чуть не прошептал Гамаш.

Гамаш собрал дневники и, оставив записку со своим адресом и

номером телефона на столе Рено, вышел на улицу и направился к дому.

Время перевалило за полночь, а гуляки все не успокаивались. Он слышал чуть поодаль гудение пластиковых рожков и неразборчивые крики.

Выпивали и дебоширили студенты.

Гамаш улыбнулся. Некоторые проснутся в полиции с больной головой. А со временем станут рассказывать о своих подвигах внукам, а те будут смотреть на них удивленными глазами и не верить.

Буйная стайка молодых людей появилась из-за угла и двинулась по рю Сент-Урсюль. Потом один из них увидел Гамаша и остановился. Другие, пьяные в стельку, уперлись ему в спину и принялись толкаться. Завязалась небольшая потасовка, но старший среди них растащил драчунов и кивнул в сторону Гамаша, который остановился посреди дороги.

Наблюдал.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Гамаш улыбнулся.

– Bonne nuit[47], – сказал он им и, проходя мимо, положил ладонь в рукавице на плечо старшего.

– Правда? – спросила Рут. – Но ведь нельзя же сделать бомбу из дерьма? – Это заинтересовало ее. – Ни за что не поверю.

– Химические удобрения – это не дерьмо. И можете не верить. Мне все равно, – сказал Бовуар.

Ему так было даже удобнее. Временами он и сам в это не верил. Это были лучшие времена.

– Старая карга, – пробормотал он.

– Олух царя небесного, – ответила Рут и налила ему чашечку чая, похожего на болотную воду. Потом села и снова обняла себя руками. – Так что сказал этот психованный фермер насчет того, что он еще сделал?

Бовуар продолжал видеть перед собой лицо Гамаша, он его до конца жизни не забудет. Выражение неверия, удивления. Но еще не смятения, не тревоги. Это придет через минуту.

– Что вы сделали? – спросил Гамаш.

– Я подсоединил ее к взрывателю.

– Как?

– Мне нужно, чтобы вы тут повозились, дали мне время. – Голос опять пресмыкался, заискивал, словно просил разрешения Гамаша или понимания, прощения.

Снаружи кабинета агенты склонялись к экранам компьютеров, стучали по клавиатурам, хватались за наушники. Отдавали и получали приказы.

Старший суперинтендант Франкёр некоторое время смотрел на Бовуара, потом развернулся и зашагал прочь. Бовуар вздохнул, даже не заметив, что все это время задерживал дыхание. Потом он быстро вернулся в кабинет.

– Скажите мне, – потребовал Гамаш властным голосом.

И человек сказал, потом вернул трубку агенту Полю Морену.

С тех пор они того человека больше не слышали; возможно, его уже не было среди живых.

– Извините, – повторил агент Морен. – Пожалуйста, извините.

– Это не твоя вина. Ты не ранен? – спросил Гамаш.

– Нет. – В голосе Морена слышался ужас, хотя он старался не показывать этого.

– Не беспокойся. Мы тебя найдем.

Молчание.

– Да, сэр.

– Но вы так и не ответили на мой вопрос, – нетерпеливо сказала Рут. – Вы думаете, я буду слушать вас целую ночь? Что сделал этот фермер, кроме бомбы из дерьма?

Жан Ги Бовуар некоторое время смотрел на белый пластиковый садовый стол, чувствуя его грубые кромки. Старая свихнувшаяся поэтесса наверняка нашла его где-нибудь у дороги или на помойке.

Никому не нужный мусор. А она притащила его домой.

Он долго пялился на стол, испытывая замешательство. Никто еще не говорил этого, публике об этом было неизвестно. И Бовуар знал, что не должен говорить об этом сейчас.

Но он должен был сказать кому-нибудь. А кто больше годится на роль слушателя, чем человек, которому все равно? Ни сочувствия, ни сожаления, ни настоящего понимания не будет. Они не почувствуют никакой неловкости, встретившись снова в деревне, потому что, хотя он и изливал перед ней душу, ее это не волновало.

– Бомба была подключена к телефонной линии, – сказал наконец Бовуар, продолжая смотреть на свои руки и на белую столешницу. – Она должна была взорваться, если произойдет отсоединение.

– Ясно, – сказала Рут.

– А отсоединение произойдет, если прервется разговор. Если на линии на несколько секунд воцарится молчание.

Пауза.

– И вы все по очереди говорили, – сказала Рут.

Бовуар набрал в грудь побольше воздуха. В углу возле стула Рут что-то

валялось, вот только что это, он никак не мог разобрать. Может, у нее упал туда свитер или кухонное полотенце.

– Нет, там было устроено иначе. Ему нужно было, чтобы Гамаш был привязан к Морену и не мог заниматься поисками убийцы.

– Что значит «привязан к Морену»?

– Он поставил распознаватель голоса. Так что по телефону могли говорить только эти двое – Гамаш и Морен.

– Да бросьте вы, – рассмеялась Рут. – Такого не бывает. Выдумываете.

Бовуар не ответил.

– Ну ладно, может, и не выдумываете. Но фермер точно выдумывал. Вы хотите мне впарить, что какой-то деревенщина из медвежьей дыры сделал бомбу, подключил к ней таймер, а потом еще и телефонную линию? Как вы там сказали – распознаватель голоса?

– А вы бы рискнули проверить? – прорычал Бовуар, сверля ее взглядом.

Он ненавидел ее еще и за то, что она видит его слабость. За то, что ей все равно, за то, что она высмеивает его. Но он и до этого ненавидел ее – ну так пусть к этому чувству добавится еще немного желчи.

Он закусил губу с такой силой, что ощутил привкус крови.

А тогда в кабинете Гамаша он смотрел на него в тот момент, когда шеф осознал, что означают слова фермера.

– Извините, извините, пожалуйста, – произнес молодой голос в трубке.

– Я тебя найду, – пообещал шеф.

– И они все это время говорили?

– Разговор не прерывался ни на мгновение. Двадцать четыре часа. До одиннадцати часов восемнадцати минут следующего утра.

Бовуар кинул взгляд в угол и понял, что там лежит. Одеяло, мягкое байковое одеяло, свернутое в форме гнезда. Готово. На всякий случай.

Арман Гамаш проснулся с тяжелой головой и посмотрел на часы.

Двадцать минут четвертого.

Он почувствовал прохладный воздух на своем лице и тепло простыней и пухового одеяла. Подумал, что, может быть, на сей раз если останется в кровати, то уснет. Но все же преодолел себя и встал. Медленно, скованно. Он включил свет и оделся. Посидел на краю кровати, собираясь. Кинул взгляд на маленький пузырек с таблетками у прикроватного столика. Анри смотрел на хозяина, виляя хвостом. Глаза у пса горели, флуоресцирующий желтый теннисный мячик был зажат в зубах. Гамаш стиснул пузырек в

руке, почувствовал его, потом сунул в карман и тихо, чтобы не разбудить Эмиля, спустился по лестнице. Внизу надел куртку, намотал шарф на шею, натянул шапочку и рукавицы. Взял клюшку и вместе с Анри вышел в ночь.

Они двинулись вверх по улице, притоптанный снег поскрипывал под ногами. На рю Сен-Луи Гамаш открыл калитку в стене застывшего города-крепости и прошел мимо ледяного дворца. Дворца снеговика Бонома.

Потом они свернули на Поля Авраама покидать там мячик и поразмыслить над роковыми ошибками генерала. Анри, старший инспектор Гамаш и агент Морен.

Глава тринадцатая

Гамаш пододвинул дневник к Эмилю Комо:

– Посмотрите, что я нашел вчера вечером.

Эмиль надел очки для чтения. Пока он рассматривал маленькую книжицу, Гамаш выглянул в окно и потрепал по загривку Анри, спящего под столом. Они завтракали в «Ле пти куан латин», крохотном ресторане на рю Сент-Урсюль. Ресторан был там целую вечность и пользовался успехом у местных жителей, которым нравился интерьер, отделка темными деревянными панелями, камин, простые столики. Он располагался достаточно далеко от главных улиц, и случайно его обнаружить было затруднительно. Туда приходили только те, кто знал о его существовании.

Хозяин принес им чашки кофе с молоком и удалился. Гамаш, прихлебывая кофе, смотрел в окно на падающий снег. В Квебек-Сити снег шел всегда, словно Новый Свет являл собой необыкновенно прекрасный снежный глобус.

Наконец Эмиль оторвался от дневника и снял очки:

– Бедняга.

Гамаш кивнул:

– Друзей почти нет.

– Никаких, насколько можно судить. Цена величия.

– Величия? Вы считаете Огюстена Рено великим? У меня создалось впечатление, что вы и другие члены Общества Шамплейна держали его за психа.

– Великие люди почти все такие. Разве нет? Я даже думаю, что большинство из них одновременно блестящие и душевнобольные. И почти наверняка в благородном обществе им нет места. В отличие от нас.

Гамаш помешал кофе и взглянул на своего наставника.

Он считал его великим человеком, таких среди его знакомых было немного. Эмиль был велик не целеустремленностью, а своим многообразием. Он научил своего молодого протеже не только работе следователя убойного отдела, но и много еще чему.

Гамаш помнил, как вошел в кабинет старшего инспектора Комо в первую свою рабочую неделю, уверенный, что его сейчас уволят за какое-нибудь неведомое ему нарушение. Но жилистый сдержанный человек несколько секунд смотрел на него, потом пригласил сесть и произнес четыре предложения, которые открывали путь к мудрости. Он произнес их

только раз и никогда больше не повторял. Но одного раза Гамашу хватило.

«Прошу прощения». «Я ошибался». «Мне нужна помощь». «Я не знаю».

Он никогда не забывал их и, став старшим инспектором, делился этой мудростью со всеми агентами. Некоторые запоминали эти слова, другие тут же забывали.

Это был их выбор.

Но эти четыре предложения изменили жизнь Армана Гамаша. Эмиль Комо изменил его жизнь.

Эмиль был великий, потому что он оставался хорошим человеком, что бы ни происходило вокруг него. Гамаш видел, как рядом с его шефом разрывались снаряды, он слышал обвинения в его адрес, он знал политиков-разрушителей, которые могли бы дать фору Макиавелли. Он видел, как его шеф пять лет назад похоронил любимую жену.

Эмиль был достаточно силен, чтобы стоически выносить страдания.

А когда несколько недель назад Гамаш шел в мучительно медленной колонне за гробами, укрытыми флагами, он на каждом шагу вспоминал своих агентов и своего первого шефа. Эмиль был его наставником тогда, он остался его наставником сегодня и пребудет таким всегда.

И когда боль Гамаша стала невыносима, он с Рейн-Мари приехал сюда. Не для того, чтобы излечиться, а чтобы получить помощь.

«Мне нужна помощь».

Хозяин ресторанчика принес им завтрак – омлет, свежие фрукты и круассаны.

– Я уважаю людей, одержимых подобной страстью, – сказал Эмиль. – Сам я не из таких. У меня разнообразные интересы, некоторым я отдаюсь со страстью, но не забываю обо всем остальном. Я иногда спрашиваю себя: может быть, гениям для достижения их целей необходима вот такая страстная целеустремленность. Мы же, простые смертные, просто мешаем им. Водим знакомство бог знает с кем, отвлекаемся от главного.

– «Тот первым доскачет, кто скачет один»[48], – процитировал Гамаш.

– Ты, кажется, не веришь в это.

– Все зависит от того, куда скачешь. Но вы правы, я не верю. Я думаю, что тут можно набрать слишком большую скорость, но в конечном счете завязнешь где-нибудь. Нам нужны другие люди.

– Для чего?

– Для помощи. Разве не это нашел Шамплейн? Все остальные первопроходцы не смогли создать колонию, а ему удалось. Почему? В чем было различие? Отец Себастьян мне сказал. У Шамплейна были

помощники. Почему его колония добилась процветания, почему мы сегодня сидим здесь? Да именно потому, что он не был один. Он попросил помощи у коренных американцев и добился успеха.

– Наверное, потом они пожалели об этом.

Гамаш кивнул. Это была ужасная потеря. Неверная оценка ситуации. Гуроны, алгонкины и кри слишком поздно поняли, что Новый Свет Шамплейна – это их старый.

– Да, – согласился Эмиль, медленно кивая. Его тонкие пальцы играли солонкой и перечницей. – Нам всем нужна помощь.

Он посмотрел на своего собеседника. Его радовало, что Гамаш проявляет к этому интерес. Это отвлекало его, уводило мысли в сторону от кровоточащей раны. Но вот сегодня в середине ночи, когда все кругом спят, он услышал, как Арман и Анри тихо выходят из дома. Опять.

– Это не твоя вина, ты же знаешь. Столько жизней было спасено.

– И потеряно. Я совершил слишком много ошибок, Эмиль. – Он в первый раз заговорил со своим наставником о тех событиях. – С самого начала.

– Например?

В ушах Гамаша снова зазвучал деревенский голос фермера. В этом были все ниточки, с самого начала.

– Я слишком поздно во всем разобрался.

– Никто другой даже близко не подошел к решению. Господи Исусе, Арман, это же просто ужас, когда я думаю о том, что могло произойти, если бы ты не сделал того, что сделал.

Гамаш глубоко вздохнул и посмотрел на стол, плотно сжав губы.

Эмиль помолчал.

– Хочешь поговорить об этом?

Арман Гамаш поднял на него глаза:

– Не могу. Пока. Но вам спасибо.

– Когда будешь готов. – Эмиль улыбнулся, отхлебнул крепкого, ароматного кофе и снова взял дневник Рено. – Я, конечно, прочел не все, но меня прежде всего поражает, что тут почти нет ничего нового. Все это мы слышали тысячу раз прежде. Зоны, которые он обозначил как возможные места захоронения Шамплейна, нам всем прекрасно известны. Кафе «Буад», рю Де-Трезор. Но все они были обследованы – и ничего не обнаружилось.

– Тогда почему он считал, что Шамплейн покоится там?

– Давай не будем забывать, что он еще считал, будто Шамплейн покоится под Лит-Истом. Ему повсюду мерещился Шамплейн.

Гамаш немного поразмыслил.

– По всему Квебеку находят могилы людей, похороненных сотни лет назад. Как можно быть уверенным, что найденные останки принадлежат Шамплейну?

– Это хороший вопрос. Он долгое время нас беспокоил. Будет ли на гробе надпись «Самюэль Шамплейн»? Будет ли стоять дата? Знаки различия? Может быть, его одежда многое скажет. Он носил заметный металлический шлем. Рено всегда считал, что по шлему он его и опознает.

– И что, открыв гроб и увидев скелет в шлеме, он сообщит миру, что нашел отца Квебека?

– И у гениев есть предел возможностей, – признал Эмиль. – Но ученые считают, что несколько верных знаков должны быть. Тогда все гробы изготовлялись из дерева. Было лишь несколько исключений. Специалисты утверждают, что для Шамплейна тоже было сделано исключение. Его гроб почти наверняка был освинцован. И теперь есть методы, позволяющие датировать останки.

Гамаша это не убеждало.

– Отец Себастьян сказал, что имя Шамплейна и его рождение окружают тайны. Что, возможно, он был гугенотом и шпионом французского короля. Или даже его незаконнорожденным сыном. Это просто романтические слухи или за ними что-то стоит?

– Частично романтика: ну как же, бастард королевских кровей. Но для таких слухов есть несколько оснований. Один – это его собственная маниакальная скрытность. Например, он был женат, но свою жену – а брак их длился двадцать пять лет – поминает в записках всего два раза. Да и то не по имени.

– А дети у них были?

Эмиль покачал головой.

– Но другие тоже держали рот на замке в том, что касалось Шамплейна. Два иезуита и послушник-францисканец упоминают его в своих дневниках, но и там нет никаких личных сведений. Только повседневные дела. Почему такая таинственность?

– И что вы об этом думаете? Вы почти всю жизнь изучали этого человека.

– Я думаю, отчасти дело было в особенностях времени – тогда почти не уделялось внимание личности человека. Не было той культуры «я», какая существует сегодня. Но еще я думаю, что он что-то пытался скрыть, а потому был очень закрытым человеком.

– Непризнанный сын короля?

Эмиль задумался на секунду.

– Ведь он много писал, ты знаешь? Тысячи страниц. И среди всех этих слов, этих страниц было скрыто одно предложение.

Гамаш внимательно слушал, представляя себе, как Шамплейн склонился над листом бумаги с пером в руке и чернильницей рядом. Спартанский дом, убогая обстановка, горит свеча. Четыре сотни лет назад и четыреста ярдов от того места, где они теперь сидят.

– «Своим рождением я обязан королю», – сказал Эмиль. – Историки несколько веков гадают, что это может значить.

Гамаш мысленно произнес эту фразу. «Своим рождением я обязан королю». Это наводило на всякие размышления. Потом ему пришла в голову одна мысль.

– Если тело Шамплейна будет найдено и мы наверняка будем знать, что это он, то ведь можно сделать анализ ДНК.

Произнося эти слова, он смотрел на Эмиля, но тот опустил глаза в стол. Преднамеренно? Избегал встречаться с ним взглядом? Возможно ли такое?

– Только какое это будет иметь значение? Предположим, тест покажет, что он сын Генриха Четвертого, но кому это сегодня интересно?

Эмиль поднял глаза:

– С практической точки зрения это не будет иметь никакого значения. Но символически? – Эмиль пожал плечами. – А с точки зрения пропаганды это очень мощная информация, в особенности для сепаратистов, которые уже видят в Шамплейне важный символ независимости Квебека. Это еще добавит ему блеска и романтического ореола. Он станет фигурой не только героической, но и трагической. А сепаратисты видят себя именно такими.

Гамаш несколько секунд сидел не двигаясь.

– А вы сепаратист, Эмиль?

Они никогда прежде не говорили об этом, считая, что это дело глубоко личное. Эта территория в квебекской полиции всегда считалась опасной.

Эмиль оторвался от омлета:

– Да.

Это был не вызов – просто признание факта.

– Тогда у вас, возможно, есть какие-то подозрения, – сказал Гамаш. – Могло бы сепаратистское движение использовать это убийство?

Эмиль помолчал, потом положил вилку:

– Это несколько больше, чем «движение», Арман. Это политическая сила. Более половины населения говорит, что они квебекские националисты. Сепаратисты много раз формировали правительство.

– Я не хотел преуменьшать их силу, – улыбнулся Гамаш. – Извините. И я знаю политическую ситуацию.

– Конечно знаешь. Из моих слов вовсе не вытекало, что не знаешь.

Атмосфера становилась напряженной.

– Я всю жизнь был сепаратистом, – сказал Эмиль. – С конца шестидесятых и до этого дня. Это не значит, что я не люблю Канаду. Люблю. Как можно не любить страну, которая допускает такое многообразие мысли, самовыражения? Но я хочу иметь собственную страну.

– Как вы говорите, многие с вами согласны. Но по обе стороны хватает фанатиков. Ревностные федералисты, которые боятся французских устремлений и не доверяют им…

– И ублюдочные сепаратисты, которые готовы на все, лишь бы отделиться от Канады. Включая насилие.

Оба вспомнили про октябрьский кризис несколько десятилетий назад, когда рвались бомбы, когда франкоязычные канадцы отказывались говорить по-английски, когда был похищен британский дипломат и убит член кабинета министров[49].

И все во имя независимости Квебека.

– Никто не хочет возвращения к тем дням, – сказал Эмиль, глядя прямо в глаза Гамашу.

– Вы уверены? – спросил старший инспектор.

Голос его звучал спокойно, но твердо. Воздух между ними на миг заискрился, потом Эмиль улыбнулся и взял вилку:

– Никто не знает, что скрывается под поверхностью, но я думаю, те дни – дело прошлого и никогда не вернутся.

– Je me souviens[50], – сказал Гамаш. – Как там Рене Далер называл Квебек? Общество гребцов? Двигается вперед, но оглядывается назад? Так ли уж далеко здесь прошлое?

Эмиль взглянул на него, улыбнулся и вернулся к еде, а Гамаш смотрел в тронутое инеем окно, и мысли его блуждали.

Если Самюэль Шамплейн – символ квебекского национализма, то не являются ли все члены Общества Шамплейна сепаратистами? Впрочем, имеет ли это значение? Как сказал Эмиль, в Квебеке большинство граждан – сепаратисты, в особенности среди интеллигенции. Квебекские сепаратисты снова сформировали правительство.

Потом ему в голову пришла еще одна мысль. Что, если Самюэль Шамплейн был найден и обнаружилось, что он не королевский сын? Тогда

его образ несколько тускнел, становился не столь героическим, менее мощным символом.

Может быть, сепаратисты предпочитали найденному Шамплейну с изъяном Шамплейна отсутствующего. Может быть, они тоже хотели остановить Огюстена Рено.

Гамаш решил переменить тему:

– Вы обратили внимание на запись от прошлой недели? – Он открыл дневник и показал запись.

Эмиль прочел, потом поднял глаза:

– Литературно-историческое общество? Значит, прошлая пятница была не первым его посещением общества? И тут написано один-восемь-ноль-ноль. Это время встречи?

– Я тоже так думал. Но библиотека в это время уже закрыта.

Эмиль снова перевел взгляд на страницу. Четыре фамилии, нечеткие, неразборчивые цифры. 18… Он прищурился:

– Может, это и не один-восемь-ноль-ноль.

– Может, и нет. Других людей я не нашел, но зато в доме тысяча восемьсот девять по рю Де-Жарден обнаружился С. Патрик.

– Вот тебе и ответ. – Эмиль махнул, чтобы принесли счет, и встал. – Идем?

Гамаш допил кофе и тоже встал.

– Я позвонил и оставил послание на автоответчике месье Патрика, предупредив, что мы будем около полудня. Перед этим я должен успеть в Лит-Ист и спросить у них об этой записи в дневнике Рено. Не могли бы вы сделать кое-что для меня, пока я занят?

– Absolument[51].

Гамаш кивнул в окно:

– Видите это здание?

– Девять и три четверти по рю Сент-Урсюль? – сказал Эмиль, прищурившись на означенный дом. – Там действительно так написано? Как может выглядеть квартира в три четверти?

– Хотите посмотреть? Это квартира Огюстена Рено.

Они расплатились и вместе с Анри пошли по заснеженной улице в квартиру.

– Боже милостивый, – сказал Эмиль. – Тут что, бомба взорвалась?

– Мы с инспектором Ланглуа весь вечер пытались навести тут хоть какой-то порядок. Видели бы вы, что тут творилось до этого.

Гамаш прошел по извилистой дорожке между кипами бумаг и книг.

– И все это о Шамплейне? – Эмиль взял наугад лист бумаги, пробежал

глазами.

– Единственное, что я пока нашел, – это его дневники. Были засунуты за книги на этой полке.

– Спрятаны?

– Похоже. Но я не уверен, что это о чем-то говорит. Он страдал жуткой подозрительностью. Вы не могли бы покопаться тут в бумагах, пока я буду в Лит-Исте?

– Ты шутишь?

У Эмиля был вид ребенка, потерявшегося на фабрике игрушек. Гамаш оставил своего наставника в тот момент, когда он уселся за обеденный стол и потянулся к кипе бумаг.

Через несколько минут старший инспектор уже стоял в пустом коридоре старой библиотеки.

– Чем вам помочить? – спросила по-французски Уинни с вершины дубовой лестницы.

– Я бы хотел поговорить с кем-нибудь, кто тут есть.

Он говорил по-английски в надежде, что библиотекарша перейдет на свой родной язык.

– Может, встретимся в книжном воссоединении? – Она явно не поняла намека.

– Хорошая мысль, – кивнул Гамаш.

– Да, прекрасная тень, – согласилась Уинни и исчезла.

Гамаш нашел мистера Блейка в библиотеке, и через несколько минут к ним присоединились Уинни, Элизабет и Портер.

– У меня всего два вопроса, – сказал Гамаш. – Мы нашли свидетельство того, что Огюстен Рено приходил сюда за неделю до смерти.

Произнося эти слова, он смотрел на них. У них, у всех до одного, был удивленный, любопытствующий, слегка взволнованный вид, но никто из них не казался виноватым. И все же кто-то один наверняка лгал ему. Кто-то из них почти наверняка видел, а возможно, даже встретил здесь Рено. Впустил его.

Но зачем? Зачем Рено нужно было сюда? Зачем он привел четверых других?

– Что он здесь делал? – спросил Гамаш.

Они посмотрели сначала на него, потом друг на друга.

– Огюстен Рено приходил в библиотеку? – удивился мистер Блейк. – Но я его не видел.

– И я тоже, – сказала Уинни, неожиданно переходя на английский.

Элизабет и Портер молча покачали головой.

– Он мог прийти после закрытия библиотеки, – сказал Гамаш. – В шесть часов.

– Тогда он не смог бы войти, – откликнулся Портер. – Дверь была бы закрыта на замок. Вы же знаете.

– Я знаю, что у вас у всех есть ключи. Я знаю, что любой из вас мог его впустить.

– Но с какой стати? – спросил мистер Блейк.

– Вам что-нибудь говорят имена Шин, ДжД, Патрик и О'Мара?

Они снова задумались и снова покачали головами. Как гидра. Одно тело, много голов. Но думающих на один манер.

– Может быть, это кто-то из членов общества? – не отступал Гамаш.

– Не знаю насчет ДжД, но остальных среди членов нет, – сказала Уинни. – У нас их так мало, я их всех назубок знаю.

– Вы позволите мне посмотреть список членов? – спросил он.

Уинни ощетинилась, Портер вскочил на ноги:

– Это конфиденциальная информация.

– Список членов клуба? Тайна?

– Не тайна, старший инспектор. Это конфиденциальная информация.

– И все же мне необходимо его увидеть.

Портер открыл было рот, но тут вмешалась Элизабет:

– Мы его принесем. Уинни?

И Уинни без колебаний сделала то, о чем просила Элизабет.

Уходя со списком в нагрудном кармане, Гамаш остановился на верхней ступеньке, чтобы надеть теплые перчатки. Оттуда он окинул взглядом пресвитерианскую церковь Святого Андрея и дом священника, смотрящий на старую библиотеку.

Кому было бы легче всего незаметно впустить в библиотеку посторонних? А если бы свет в обществе загорелся после закрытия, то кто бы заметил это в первую очередь?

Священник Том Хэнкок.

Не найдя никого в каменном доме, Гамаш обнаружил священника в его кабинете в церкви, тесной, но уютной комнатке.

– Извините, что беспокою вас, но мне необходимо знать, видели ли вы Огюстена Рено в Лит-Исте за неделю до его смерти.

Если их впустил Том Хэнкок, то он почти наверняка будет это отрицать. Гамаш не ждал правды, он только надеялся, что у священника на миг проглянет виноватый вид.

Но ничего такого не случилось.

– Рено был там за неделю до смерти? Я этого не знал. Откуда вам это

стало известно?

Хэнкок и не пытался оспорить утверждение Гамаша. Он был просто ошеломлен, как и сам старший инспектор.

– Из его дневника. Он должен был встретиться там с четырьмя другими. Мы считаем, что уже после закрытия.

Гамаш назвал ему имена, но священник помотал головой:

– К сожалению, эти слова для меня ничего не значат, но я могу поспрашивать, если хотите. – Он помолчал и внимательно посмотрел на Гамаша. – Могу я помочь чем-нибудь еще?

«Помощь. Мне нужна помощь». Гамаш ничего не ответил, поблагодарил священника и вышел.

Когда он вернулся на 9¾ по Сент-Урсюль, Эмиль все еще читал.

– Что-нибудь нашел?

Гамаш покачал головой и, сняв куртку, стряхнул с нее снег.

– А вы?

– Я вот размышлял над этим. Ты это видел?

Гамаш подошел к столу, посмотрел. Эмиль показывал на страницу дневника – на ту самую, где говорилось о встрече четырех человек в Лит-Исте. Внизу страницы очень мелким, но разборчивым почерком были написаны два числа.

9-8499 и 9-8572.

– Банковские счета? Регистрационные номера автомобиля? Это не похоже на идентификационные номера, – сказал Гамаш. – Во всяком случае, на десятичные индексы для классификации книг. Я на них тоже обратил внимание, но у него повсюду столько цифр написано. Весь дневник испещрен ими.

На телефонные номера эти цифры тоже не были похожи, уж точно не на квебекские. Координаты на карте? Да нет, он таких не видел.

Гамаш взглянул на часы:

– Я думаю, пора посетить месье Патрика. Не хотите присоединиться ко мне?

Эмиль закрыл дневник, встал и потянулся.

– Поразительно: столько бумаг – и ничего нового. Все уже исследовали до него. Как по-твоему, Огюстен Рено сумел найти что-то новое?

– Может, и сумел. Людей не убивают ни с того ни с сего. Что-то в его жизни случилось.

Гамаш закрыл квартиру, и они вместе с Анри двинулись по узкой улочке.

– Во времена Шамплейна здесь всюду был лес? – спросил Гамаш,

когда они шли по Сент-Урсюль.

Эмиль кивнул в ответ:

– Главное поселение заканчивалось приблизительно на рю Де-Жарден, но вскоре после смерти Шамплейна колония начала расширяться. Урсулинки построили монастырь, а когда стало ясно, что колония никуда не денется, стали приезжать новые поселенцы.

– И когда стало ясно, что здесь можно заработать много денег, – добавил Гамаш.

– Верно.

Они остановились на рю Де-Жарден. Как и большинство улиц Старого города, эта петляла и исчезала за углом. Ничего похожего на прямоугольную планировку здесь не было – беспорядочная мешанина маленьких, мощенных камнем улочек и старых домов.

– Куда теперь? – спросил Эмиль.

Гамаш замер. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, откуда это пришло. Когда в последний раз ему задавали этот вопрос. Жан Ги. Он тогда посмотрел вдоль коридора. Сначала в одном направлении, потом в другом. И спросил: «Куда теперь?»

– Сюда.

Это было наитие, как тогда, так и теперь. Гамаш чувствовал, как его сердце бьется от воспоминаний, и ему пришлось напомнить себе, что тот день давно прошел. Он принадлежал прошлому, и изменить там уже ничего было нельзя. Все кануло в Лету.

– Ты прав, – сказал Эмиль, показывая на серое каменное здание с красивыми резными дверями и номером наверху: 1809.

Гамаш позвонил, и они замерли в ожидании. Два человека и собака. Дверь открыл человек средних лет.

– Oui?

– Мистер Патрик, – сказал Гамаш по-английски. – Меня зовут Гамаш. Я оставил послание у вас на автоответчике. Это мой коллега Эмиль Комо. Вы позволите задать вам несколько вопросов?

– Quoi?

– Несколько вопросов, – произнес Гамаш громче, поскольку человек, казалось, их не слышал.

– Je ne comprends pas, – раздраженно сказал человек и начал закрывать дверь.

– Нет, постойте, – быстро проговорил Гамаш, на сей раз по-французски. – Désolé. Я думал, вы англоязычный.

– Все так думают, – возмущенно сказал человек. – Меня зовут Шон

Патри́к. – Он сделал ударение на последнем слоге. – Я не говорю по-английски. Извините.

Он еще раз попытался закрыть дверь.

– Но, месье, мой вопрос состоял не в этом, – поспешил Гамаш. – Я хотел спросить вас о смерти Огюстена Рено.

Дверь перестала закрываться, потом медленно открылась, и Гамаша, Эмиля и Анри впустили в дом.

Месье Патрик пригласил их пройти.

Гамаш приказал Анри лечь у входной двери, и они с Эмилем сняли ботинки и последовали за месье Патриком в гостиную – старомодный, но уютный мир. Комната была мало похожа на гостиную. Гамаш посмотрел на диван и не увидел на нем никаких следов: судя по всему, на этом диване давно никто не сидел и вряд ли теперь будет сидеть. Месье Патрик не пригласил их сесть. Они сгрудились в середине душной комнаты.

– Хорошая мебель, – заметил Эмиль, оглядываясь.

– Наследство от бабушки и дедушки.

– Это они? – спросил Гамаш, подходя к фотографиям на стене.

– Да. А это мои родители. Мои прабабушка и прадедушка тоже жили в Квебеке. Вот они.

Он показал на другую фотографию, и Гамаш посмотрел на двух сурового вида людей. Его всегда интересовало, что происходит после того мгновения, когда фотография снята. Люди делают выдох, радуясь концу процедуры? Поворачиваются друг к другу и улыбаются? Такими ли они были на самом деле, или просто примитивная технология фотосъемки требовала, чтобы они застыли в неестественном виде перед камерой?

И все же…

Внимание Гамаша привлекла другая фотография на стене. На ней была группа испачканных людей с лопатами возле огромной ямы. За ними – каменное здание. У большинства вид был мрачный, но двое улыбались.

– Как замечательно иметь такие вещи, – сказал Гамаш.

Однако по виду Патрика нельзя было сказать, что это замечательно или ужасно, – просто никак. И Гамаш подумал, что, наверное, тот десятилетиями не обращал внимания на эти фотографии. А может, и никогда.

Старший инспектор отвернулся от стены к хозяину:

– Вы хорошо знали Огюстена Рено?

– Я его вообще не знал.

– Тогда почему встречались с ним?

– Вы шутите? Встречался с ним? Когда?

– За неделю до его смерти. Он договорился о встрече с вами, с месье О’Мара и двумя другими – неким Шином и неким ДжД.

– В первый раз о них слышу.

– Но Огюстена Рено вы все же знаете, – сказал Эмиль.

– Конечно я знаю Огюстена Рено – кто же его не знает? Но я с ним не знаком.

– И вы утверждаете, что Огюстен Рено никогда не связывался с вами?

– Вы из полиции? – подозрительно спросил Патрик.

– Мы помогаем расследованию, – неопределенно ответил Гамаш.

К счастью, месье Патрик был не очень внимателен или любопытен, иначе он бы поинтересовался, почему Гамаш заявился к нему со стариком и собакой. Да, это могла быть полицейская собака, но все равно необычно. Однако Шона Патрика это, видимо, не волновало. Впрочем, именно так и вело бы себя большинство квебекцев: услышав имя Огюстена Рено, они забывали обо всем другом.

– Я слышал, его убили англичане и закопали в подвале своего дома.

– Это кто вам сказал? – спросил Эмиль.

– Вот кто. – Патрик махнул рукой в сторону прихожей, где на столе они видели номер «Ле журналист».

– Мы не знаем, кто его убил, – твердо заявил Гамаш.

– Да бросьте вы, – гнул свое Патрик. – Кто еще, кроме англичан? Они его убили, чтобы сохранить свою тайну.

– Шамплейна? – спросил Эмиль, и Патрик, повернувшись к нему, кивнул:

– Именно. Главный археолог говорит, что Шамплейна там нет, но он наверняка лжет. Покрывает убийц.

– Зачем ему это надо?

– Англичане его купили. – Патрик потер указательным пальцем о большой.

– Ничего подобного они не делали, месье, – сказал Гамаш. – Поверьте мне, Самюэль де Шамплейн не похоронен в здании Литературно-исторического общества.

– Зато там похоронили Огюстена Рено, – возразил Патрик. – Только не говорите мне, что les Anglais к этому непричастны.

– Почему ваше имя оказалось в дневнике месье Рено? – спросил Гамаш и увидел удивленное выражение на лице Патрика.

– Мое имя? – Теперь на лице Патрика появилось иное выражение: нечто среднее между презрением и раздражением. – Это что, шутка? Вы не покажете ваши удостоверения?

Гамаш залез в нагрудный карман и вытащил удостоверение. Человек взял его, прочел, долго разглядывал фотографию, потом ошеломленно посмотрел на Гамаша:

– Так это вы? Тот самый полицейский из Квебекской полиции? Господи Исусе. Из-за бороды вас не узнать. Вы старший инспектор Гамаш?

Гамаш кивнул.

Патрик подался ближе к нему. Гамаш не шелохнулся, только встал еще тверже на ногах. Более наблюдательный человек заметил бы, что он насторожился.

– Я, конечно, видел вас по телевизору. На похоронах.

Он смотрел на Гамаша так, будто тот был экспонатом с выставки.

– Месье… – начал Эмиль, пытаясь остановить Патрика.

– Вероятно, это было ужасно.

Несмотря на смысл слов, глаза человека возбужденно горели.

Гамаш по-прежнему молчал.

– Я сохранил журнал «Л’актюалите» с вами на обложке. Вы ведь знаете ту фотографию? Можете подписать его для меня?

– Ничего подобного я не сделаю.

Голос Гамаша звучал тихо, но предостерегающе. Даже Шон Патрик не мог этого не заметить. Он повернулся в дверях, с его губ был готов сорваться сердитый ответ, но он промолчал. Старший инспектор Гамаш смотрел на него пронзительным взглядом. Глаза его горели презрением.

Патрик помедлил, потом щеки его покрылись румянцем.

– Извините. Это было бестактно с моей стороны.

В комнате надолго воцарилась тишина. Наконец Гамаш кивнул.

– У меня к вам еще несколько вопросов, – сказал он, и Патрик, ставший более сговорчивым, повернулся к нему. – Вам кто-нибудь говорил о Шамплейне или об истории вашего дома?

– Люди этим всегда интересуются. Дом был построен в тысяча семьсот пятьдесят первом году. Мой прапрадед переехал сюда в конце девятнадцатого века.

– Вы знаете, что здесь было прежде? – спросил Эмиль.

Патрик покачал головой.

– А эти цифры вам что-нибудь говорят? – Гамаш показал ему цифры, переписанные из дневника. 9-8499 и 9-8572. – Они что-нибудь значат для вас?

Патрик опять покачал головой. Гамаш уставился на него. Почему имя этого человека оказалось в дневнике убитого? Гамаш был уверен, что хотя Патрик человек невоспитанный, но он не лжет. Он был искренне удивлен,

узнав, что Огюстен Рено назначил ему встречу.

– И что вы думаете? – спросил Гамаш у Эмиля, когда они вышли из дома. – Он лгал?

– Вообще-то, мне так не кажется. Либо Рено имел в виду другого С. Патрика, либо собирался встретиться с этим, но до встречи дело так и не дошло.

– Но его это так воодушевило. Может, стоило поднажать?

Несколько минут они шли молча, потом Эмиль остановился:

– Меня ждут друзья на ланч, хочешь к нам присоединиться?

– Non, merci. Я, пожалуй, вернусь в Литературно-историческое общество.

– Хочешь еще покопать?

– Вроде того.

Глава четырнадцатая

Некоторые квебекцы из числа наиболее упорных зевак продолжали ошиваться у Лит-Иста. Что они надеялись увидеть?

Услышав обрывки их разговоров об Огюстене Рено и Шамплейне, о заговорах, о les Anglais, Гамаш понял, что человеческая природа за сотни лет мало изменилась. Двести лет назад на этом самом месте стояла бы такая же толпа, сгрудившись потеснее, чтобы холод не пробирал до костей, в ожидании того момента, когда приговоренного выведут в большой проем над дверью, наденут петлю на шею и сбросят, столкнут, чтобы он раскачивался, мертвый или умирающий, перед собравшейся толпой.

Единственное отличие сегодня состояло в том, что смерть уже состоялась.

Была ли она тоже казнью?

Старший инспектор знал, что большинство убийц не считают свои действия преступлением. Они каким-то образом убеждают себя, что жертва должна умереть, что она сама виновата, что заслужила смерть. Это была частная казнь.

Может быть, и убийца Рено так считал. Гамаш знал, что силу самоубеждения не стоит недооценивать. Убийство никогда не начинается игрой мускулов – оно начинается и кончается игрой ума. А ум может оправдать что угодно.

Гамаш оглядел собравшихся. Мужчины и женщины разного возраста смотрели на здание, словно оно могло вдруг сделать что-нибудь занятное.

А сам-то он чем лучше? Простившись с Эмилем, он вместе с Анри пошел по узким, занесенным снегом улочкам, размышляя об этом деле. А еще о том, почему он все еще в нем участвует. Ведь все свои обязательства он выполнил? Инспектор Ланглуа был опытный и вдумчивый человек. Он расследует это дело – Гамаш не сомневался, и уж конечно сделает так, чтобы англичане не пострадали невинно.

Так почему же он по-прежнему занимается убийством Огюстена Рено?

«Теперь больше не будет одиночества».

– Вы знаете, у нас с Сюзанной есть собака.

– Правда? Какая?

– Ну, обычная дворняга, – ответил агент Морен.

Старший инспектор Гамаш говорил и слушал, сидя за своим столом перед компьютером, на экран которого выводились данные о прогрессе

поисков. Или об отсутствии такового.

Шесть часов прошло, а они так пока и не отследили номер. Привлекалось все более и более совершенное оборудование, все более продвинутые специалисты, а результата никакого.

Одна команда пыталась отследить телефон, другая анализировала голос фермера, специальные бригады прочесывали окрестности, искали следы. Все действия координировал старший суперинтендант Франкёр.

Хотя отношения между ними были не особо теплые, Гамаш не мог не признать, что он благодарен старшему суперинтенданту. Кто-то должен был руководить операцией, а сам Гамаш явно не мог это делать.

Когда Гамаш говорил с Мореном, голос его звучал спокойно, чуть ли не весело, но мысли его метались.

Что-то тут было не так. Отсутствовала логика, всякая логика. Морен рассказывал о своем щенке, а Гамаш думал, пытаясь сложить этот пазл.

И вдруг его осенило. Склонившись к компьютеру, он мигом отстучал письмо:

«Фермер был никакой не фермер. Это было притворство. Пусть специалист проанализирует и проверит произношение».

«Уже анализировали, – пришел ответ от агента Лакост. – Произношение подлинное».

Она была в Сент-Агате, собирала улики на месте стрельбы.

«Пусть проверят еще. Он не тот деревенщина, за которого себя выдавал. Это невозможно. Нужно понять, кто же он».

В наушнике он слышал голос Морена, который рассказывал про собачью еду.

«А вы что думаете?» – присоединился к переписке Бовуар. Он находился за стенами кабинета Гамаша, во временном оперативном штабе, помогал агентам.

«Что, если это было не случайно? – написал старший инспектор, быстро отстукивая пальцами по клавиатуре в такт мечущимся мыслям. – Что, если он действительно хотел убить агента и похитить другого? Что, если он все время действовал по этому плану?»

«Зачем?» – спросил Бовуар.

На телефонной линии возникла пауза.

– А как зовут твою собаку? – спросил Гамаш.

– Мы зовем ее Буа – Полено, потому что она и впрямь похожа на полено.

Морен рассмеялся, а вместе с ним и шеф.

– Расскажи мне все про нее.

«Не знаю», – отстучал на клавиатуре Гамаш, пока Морен рассказывал ему, как привез пса домой из Общества защиты животных от жестокого обращения, чтобы подарить Сюзанне.

«Но допустим, что все это было спланировано, включая и время. 11.18 завтрашнего утра. Они хотят, чтобы мы до этого момента были заняты. Хотят сбить нас с толку. Они хотят, чтобы мы двигались в одном направлении, а сами будут действовать в другом».

«То есть что-то запланировано на завтра на 11.18?» – написали оба, Лакост и Бовуар.

«Или, – отстучал Гамаш, – что-то должно закончиться завтра в 11.18. Что-то такое, что они готовят сейчас».

Последовала пауза. На спокойном мониторе Гамаша помигивал курсор, а в ушах звучал голос, рассказывающий о привычке Буа жевать носки или гадить на них.

«Так что нам делать?» – написал Бовуар.

Гамаш уставился на мигающий курсор. Что им делать?

«Ничего не делайте», – появилось на экране.

«Кто это?» – быстро отбил Гамаш.

«Старший суперинтендант Франкёр», – пришел не менее быстрый ответ. Гамаш поднял глаза и увидел Франкёра в офисе за компьютером – старший суперинтендант тоже смотрел на него через окно. «Вы, старший инспектор, продолжайте говорить с вашим агентом. Это ваша единственная задача. Инспектор Бовуар и агент Лакост будут выполнять мои приказы. У этого расследования может быть только один руководитель, вы это знаете. Мы вернем вашего агента, но вы должны сосредоточиться и выполнять четкие распоряжения. Не отвлекайтесь. Это только идет на помощь преступникам».

«Согласен, – написал Гамаш. – Но мы должны рассматривать и другие возможности, сэр. Включая и такое: все это – часть хорошо продуманного плана».

«Плана? Какого плана? Поставить на уши всех копов Северной Америки? Один агент убит, другой похищен. Идиотский план, вам не кажется?»

Гамаш прочитал, потом набрал: «Этот фермер не тот, кем кажется. Иначе мы бы его уже нашли. И агента Морена нашли бы. Тут что-то затевается».

«Вы паникуете, а это делу не поможет, старший инспектор. Исполняйте приказ».

«Это не паника, – написал Бовуар. – То, что он говорит, не лишено логики».

«Хватит. Старший инспектор Гамаш, оставайтесь на телефоне. Мы вызволим агента Морена».

Старший инспектор Гамаш оторвал взгляд от подмигивающего курсора и поднял голову. Франкёр смотрел на него. Не рассерженно. Напротив, в его взгляде читалось сочувствие, словно он представлял, что переживает Гамаш.

А возможно, и представлял. Гамаш только хотел, чтобы старший суперинтендант знал, о чем он, Гамаш, думает.

Все было плохо. На поиски агента Морена у них оставалось восемнадцать часов, и время шло. Ни один фермер не смог бы задействовать, фактически выключить из работы все ресурсы и технику Квебекской полиции, которые теперь были заняты одной-единственной проблемой. А следовательно, они имели дело не с фермером-одиночкой.

Гамаш кивнул старшему суперинтенданту, и тот благодарно улыбнулся старшему инспектору. Сейчас для двух начальников было неподходящее время выяснять отношения, но ни для кого не было секретом, что, хотя старший суперинтендант был выше Гамаша по званию, старший инспектор пользовался гораздо большим уважением.

Нет, раскол сейчас обернется катастрофой.

Но катастрофой обернется и игнорирование того, что казалось Гамашу очевидным. Они уходили все дальше от истины. С каждой минутой. Удалялись от агента Морена. От того террористического плана, который был задействован.

Гамаш улыбнулся в ответ и задумался. Следует ли ему сделать это? Если он сделает, то назад пути уже не будет. Могут быть погублены жизни и карьеры. Он посмотрел в окно.

– У вас ведь есть собака, сэр?

– Да. Анри. Тоже приемыш, как и Буа.

– Забавно, как они притягивают к себе. Я думаю, в тех, кого мы спасаем, есть что-то особенное.

– Да, – решительно сказал Гамаш.

Он выпрямился, написал записку на листе бумаги, поймал взгляд инспектора Бовуара. Тот встал, наполнил графин свежей водой и под надзором старшего суперинтенданта зашел в кабинет шефа.

Жан Ги Бовуар взял записку и сжал в кулаке.

У Гамаша занемели ноги от холода, пока он смотрел на здание Литературно-исторического общества. Анри рядом с ним поднимал по

очереди лапы. Снег и лед были так холодны, что по-настоящему обжигали, каким бы нелепым это ни казалось.

Почему он продолжал расследовать дело Рено? Может, это было его заблуждение? Может, он пытался отвлечься от того, что в противном случае навязчиво преследовало бы его? Его зрение, его слух, его чувства? Неужели такой была вся его карьера? Новый призрак заменял прежнего? А он на один шаг должен был опережать свою память.

Гамаш распахнул тяжелую деревянную дверь и вошел в Литературно-историческое общество, где англичане хранили и каталогизировали своих призраков.

В библиотеке мистер Блейк за длинным деревянным столом наливал себе чай и брал печенье из бело-голубой фарфоровой вазочки. Он посмотрел на Гамаша и показал на чайник. Гамаш кивнул, и к тому времени, когда он снял с себя куртку, растер и высушил лапы Анри, для него на столе уже стояла чашка чая с печеньем.

Мистер Блейк вернулся к чтению, и Гамаш решил, что и ему следует заняться тем же. В течение следующего часа он собирал книги, попивал чай, откусывал понемногу печенье и читал. Иногда делал заметки.

– Что вы читаете? – Мистер Блейк опустил книгу – тоненький том, посвященный травам Внешних Гебридских островов. – Это все по делу Рено?

Арман Гамаш заложил книгу листом бумаги и посмотрел на старика, сидящего напротив, – тот был одет идеально: серые шерстяные брюки, рубашка, галстук, свитер, пиджак.

– Нет, решил отдохнуть от этого часок-другой. Это, – Гамаш поднял книгу, – предмет моего интереса. Бугенвиль.

Мистер Блейк подался вперед:

– Как бугенвиллея? Цветок?

– Точно.

Они оба представили себе это роскошное яркое растение, так часто встречающееся в тропиках.

– Вы тоже интересуетесь ботаникой? – спросил мистер Блейк.

– Нет, я интересуюсь Полями Авраама.

– Ну, там бугенвиллей нет.

Гамаш рассмеялся:

– Абсолютно верно. А вот Бугенвиль был.

– Где был?

– Там, – сказал Гамаш. – Во время битвы на Полях Авраама.

– Мы говорим об одном и том же человеке? – удивился мистер

Блейк. – О мореплавателе, который из одного из своих путешествий привез бугенвиллеи?

– Именно о нем. Большинству людей неизвестно, что он был одним из адъютантов генерала Монкальма.

– Постойте, – сказал мистер Блейк. – Один из величайших картографов и мореплавателей его времени сражался на Полях Авраама?

– Ну, насчет «сражался» – это вопрос. Вот это-то я и пытаюсь выяснить.

«Новые призраки, – подумал Гамаш. – Моя жизнь наполнена ими». Мистер Блейк удивленно смотрел на него. И для удивления были основания. Это был малоизвестный и по странности почти не признанный исторический факт.

– И это еще не все. – Теперь вперед наклонился Гамаш. – Французы под командой Монкальма проиграли битву на Полях Авраама. А знаете почему?

– Потому что англичане поднялись по отвесной стене утеса. Теперь это признано блестящим тактическим ходом. – Пожилой джентльмен понизил голос, чтобы не услышали призраки и деревянная статуя генерала Вольфа. – Между нами говоря, я думаю, что Вольф накачался каким-то наркотиком и просто не понимал, что делает.

Гамаш удивленно рассмеялся. Генерал Вольф, герой баталии с английской стороны, был действительно болен все дни перед сражением.

– То есть вы не считаете, что он блестящий стратег?

– Я считаю, что он впал в маразм и ему просто повезло.

Гамаш помолчал, прежде чем заговорить:

– Может быть. Вы знаете, что в английской победе присутствует еще один фактор?

– Правда? Неужели Монкальм тоже накачался?

– Он совершил несколько ошибок, – сказал Гамаш. – Но я говорю не об этом. Нет, я думал о другом. Когда Монкальм понял, откуда атакует противник, он сделал две вещи. Он поспешил навстречу противнику и отправил послание своему адъютанту Бугенвилю с приказом немедленно явиться. После этого Монкальм вступил в схватку с англичанами.

– Если я не ошибаюсь, то он сделал это слишком быстро. Кажется, бытует мнение, что он должен был дождаться подкрепления.

– Да. Одна из его ошибок. Он ринулся в схватку, не имея достаточно людей.

Гамаш помолчал, собираясь с мыслями. Мистер Блейк, глядя на него, спрашивал себя, почему это давно проигранное сражение так занимает его

собеседника. Но ведь занимало же.

– Это стоило Монкальму жизни, – заметил Блейк.

– Да, он умер. Хотя и не на поле боя. Генерал Вольф умер на поле, а Монкальм – нет. Он получил несколько ранений и был отвезен в монастырь урсулинок за стены укрепления – это здесь, рядом. Монахини пытались его спасти, но он умер на следующее утро и был похоронен вместе с некоторыми из его людей в подвале монастыря.

Мистер Блейк задумался на секунду.

– А что адъютант? Бугенвиль? Он где был?

– Вот об этом-то и речь, – сказал Гамаш. – Где он был? Он ждал англичан выше по реке. Все рассчитывали, что первая волна атаки будет оттуда. Но когда Монкальм, которому отчаянно требовалось подкрепление, послал за Бугенвилем, почему тот не появился?

– И почему?

– Я не знаю. Никто не знает. Он появился, но с опозданием, а появившись, отошел. Официальное его объяснение состояло в том, что сражение, на его взгляд, уже было проиграно. Он не хотел уничтожать остатки армии и проигрывать все.

– Разумно.

– Согласен. Но вероятно ли? Его генерал приказал ему вернуться. Он мог видеть эту бойню. На самом ли деле он остановился? Некоторые историки говорят, что если бы полковник Бугенвиль вступил в сражение, то определенно одержал бы победу. Англичане были в замешательстве, их главнокомандующий был убит или ранен.

– И какова ваша теория? Ведь у вас же есть теория? – Мистер Блейк смотрел на Гамаша внимательным взглядом.

– Вряд ли она будет популярна. К тому же она не очень вероятна. Но со стороны англичан был человек, тоже участвовавший в сражении, человек, которого не очень часто вспоминает история, и в то же время он самый знаменитый из всех, кто там был. Всемирно знаменитый.

– Кто?

– Джеймс Кук.

– Капитан Кук?

– Он самый. Он нанес на карту бóльшую часть Южной Америки, Австралии, Новой Зеландии и Тихого океана. Он был самым знаменитым картографом из современников. Да и по сей день остается. Но до этого он командовал кораблем, с которого высадились солдаты, поднявшиеся по утесу и занявшие для англичан Квебек раз и навсегда. Квебек больше никогда не был независим от англичан.

– В чем же состоит ваша теория?

– Я полицейский, а потому, когда встречаю совпадения, у меня срабатывает профессиональная подозрительность. Да, совпадения случаются, но нечасто. И когда вы видите совпадение, вы начинаете задавать вопросы.

– А тут серьезное совпадение, – согласился мистер Блейк. – Два знаменитых картографа с мировым именем дерутся по разные стороны в одном сражении в далекой колонии.

– Один из них медлит, и его медлительность, судя по всему, приводит к катастрофе.

– Вы думаете, что он сделал это намеренно? – Это был не вопрос.

– Я думаю, они, возможно, знали друг друга. Не исключено, что капитан Кук, который был старшим из них двоих, дал обещание Бугенвилю в обмен на услугу.

– Медлительность. Неторопливость, – сказал мистер Блейк. – Вроде бы немного. Но цена этому – целая колония.

– И немало жизней, включая и жизнь генерала Монкальма, – добавил Гамаш.

– А в обмен? Что получил Бугенвиль в обмен?

– Возможно, Кук указал ему на Вест-Индию. Возможно, Кук закрыл глаза на то, что Бугенвиль перерисовал у него на свою карту несколько важных мест. Не знаю. Поэтому-то я и здесь. – Гамаш приподнял свою книгу. – Но подозреваю, что я ошибаюсь и все это только совпадения.

– Однако это позволяет скоротать время, – сказал мистер Блейк. – А это нередко такое благо.

«Avec le temps», – подумал Гамаш.

– А вы? – спросил он старика.

Мистер Блейк протянул ему книгу о древних шотландских травах:

– По иронии судьбы, теперь, когда моя жизнь подошла к концу, у меня, кажется, появилась для этого целая вечность времени.

Гамаш посмотрел на тоненький томик, притворившись, что ему интересно. Когда читаешь такую книгу, час может показаться вечностью. Это растягивает, если не убивает время. Он открыл книгу. Отметил, что это первое издание, но поврежденное водой и такое выцветшее, что наверняка цена ему теперь грош. Напечатано в 1845 году.

И было там что-то еще, еще одна цифра, частично скрытая библиотечной карточкой.

– Вы не знаете, что это? – Гамаш встал и показал мистеру Блейку книгу.

Тот в ответ пожал плечами:

– Эти цифры не имеют значения. Вот здесь те, которые важны. – Мистер Блейк показал на библиотечный шифр, каталожный номер.

– И все же мне бы хотелось увидеть эти цифры. – Гамаш оглянулся, не найдется ли помощников.

– Может быть, позвать Уинни? – предложил мистер Блейк.

– Хорошая мысль.

Мистер Блейк взял телефон, и через несколько минут появилась библиотекарша, крохотная и подозрительная. После объяснений она обратилась к старшему инспектору:

– Ну хорошо, идемте со мной.

Втроем они пошли по петляющим, извилистым коридорам, вверх по одним лестницам, вниз по другим, пока не оказались в большом кабинете где-то в задней части здания. Там они увидели Портера Уилсона и Элизабет Макуиртер.

– Здравствуйте, старший инспектор.

Элизабет шагнула вперед и пожала Гамашу руку. Следом за ней то же самое сделал Портер.

Потом Уинни наклонилась над книгой и, как хирург, подрезала канцелярским ножом верхушку библиотечной карточки, приклеенной к книге сто лет назад.

Под карточкой оказались цифры – целехонькие, яркие, как в тот день, когда их нанесли на это скучное первое издание.

6-5923.

– Что значат эти цифры? – спросил Гамаш.

Уинни ответила:

– Я думаю, это старая каталожная система. Что скажете, Элизабет?

– Полагаю, вы правы, – сказал Портер, который явно не знал, что это за цифры.

– А что это за старая система? – спросил старший инспектор.

– Система девятнадцатого века. Мы больше ею не пользуемся, – ответила Элизабет. – Но когда Литературно-историческое общество было только сформировано, все книги имели такие пометки.

– Продолжайте.

Элизабет смущенно засмеялась:

– Да в общем, и системы-то никакой толком не было. Литературно-историческое общество было организовано около тысяча восемьсот двадцатого года…

– Если быть точным, то в тысяча восемьсот двадцать четвертом, –

сказал мистер Блейк. – Где-то тут есть устав.

Он принялся его искать, а Элизабет продолжила:

– В то время было сделано обращение ко всему английскому сообществу: присылать памятные вещи, которые могут иметь историческое значение. – Она рассмеялась. – Люди явно воспользовались этим, чтобы очистить свои чердаки, подвалы, сараи. Приносили чучела ящериц, бальные платья, старые шкафы. Письма, списки покупок. Наконец общество уточнило свой устав и стало главным образом библиотекой. Но и в этом случае его фонды оставались переполненными.

Гамаш представил горы старых книг в кожаных переплетах и даже с необрезанными страницами.

– Новые книги маркируются годом поступления в библиотеку. – Элизабет взяла томик про шотландские травы и показала: – Вот, цифра шесть, а все остальные – номер книги. Номер этой – пять тысяч девятьсот двадцать три.

Гамаш совершенно запутался.

– Alors[52] первая цифра, шесть, означает год. Но какого десятилетия? И принадлежит ли эта нумерация только данному году или вообще? Боюсь, что я ничего не понимаю.

– Нелепая система, – фыркнула Уинни. – Потрясающе. Они не понимали, что делают.

– Может быть, у них было большое поступление книг, – сказала Элизабет.

– А это только добавляло путаницы. – Уинни повернулась к старшему инспектору. – Нужно хорошо пораскинуть мозгами, чтобы расшифровать этот код. Поскольку эта книга была издана в тысяча восемьсот сорок пятом году, можно предположить, что ее подарили в тысяча восемьсот сорок шестом. Или пятьдесят шестом. Или шестьдесят шестом и так далее.

– А что такое пять-девять-два-три? – спросил Гамаш.

– С этим еще хуже, – признала Уинни. – Они начали с единицы, а дальше просто прибавляли цифры.

– Значит, это пять тысяч девятьсот двадцать третья книга? – спросил Гамаш.

– Это было бы слишком разумно, старший инспектор. Так что – нет. Перейдя через десять тысяч, они снова вернулись к единице.

Она вздохнула. Ей было трудно признаваться в этом.

– Они каталогизировали все. Некоторые книги оказывались на полке, некоторые получали современный библиотечный шифр, а другие – нет.

– Вот, нашел, – сказал мистер Блейк, показывая потертую папку. – Это

текст первоначального устава. – Он начал зачитывать: – «Дабы обнаружить и спасти от безжалостной руки времени все еще существующие документы о ранней истории Канады. Дабы сохранить, насколько в наших силах, те документы, что могут быть выявлены среди праха еще неисследованных архивов и могут быть важными для общей истории и для истории конкретной провинции».

Гамаш слушал старый голос, читающий старые слова, и его глубоко трогала их простота и благородство. Внезапно его переполнило желание помочь этим людям, спасти их от безжалостной руки времени.

– Что может значить вот это?

Он показал им переписанные из дневника Огюстена Рено цифры.

9-8499 и 9-8572.

– А современного библиотечного шифра там не было? – спросила Уинни.

У Гамаша создалось впечатление, что если бы она могла найти тут современный шифр, то воспарила бы до небес. Но ему пришлось разочаровать ее:

– Нет. Эти цифры вам что-нибудь говорят?

– Мы можем посмотреть в каталоге.

Гамаш повернулся и уставился на мистера Блейка.

– А есть каталог? – спросил он.

– Да, есть. Для этого и ставились каталожные номера, – с улыбкой сказал мистер Блейк. – Он здесь.

Каталог оказался восемью огромными томами, исписанными от руки и подобранными по десятилетиям. Они все взяли по одному тому и принялись искать. Первое попадание пришлось на 1839 год. Портер нашел там оба числа: 9-8499 и 9-8572.

– Под первым был журнал путешествия по Африканскому Рогу, написанный полковником Эфрамом Хоскинсом, а под номером девять-восемь-пять-семь-два была внесена в каталог книга проповедей, подаренная некой Кэтлин Уильямс.

Ни то ни другое ничего Гамашу не обещало.

Старший инспектор закрыл один том и взялся за другой, побежал пальцем по длинным страницам.

– Нашла одну, – сказала Элизабет несколько минут спустя. – Это номера от девять-восемь-четыре-шесть-шесть до девять-восемь-пять-девять-четыре. Подарены в тысяча восемьсот девяносто девятом году некой мадам Клод Маршан из Монреаля.

– Ничего конкретного? – спросил Гамаш упавшим голосом.

Нужны были только те книги, которыми мог заинтересоваться Огюстен Рено, но Гамашу трудно было поверить, что для специалиста по Шамплейну представлял какой-то интерес дневник путешественника по Африке в 1830 году или собрание проповедей. Еще менее обещающим был дар из более чем сотни книг от женщины из Монреаля. И все же других нитей у него не имелось.

– Эти книги все еще в библиотеке?

– Сейчас посмотрим, – сказала Уинни, перенося информацию на их «современную» систему каталожных карточек.

Несколько минут – и она подняла голову:

– Книга проповедей в библиотеке, хотя она еще не каталогизирована по новой системе. А про Африканский Рог, видимо, где-то в коробках.

– А монреальский дар? – спросил Гамаш.

– Не знаю. У нас здесь есть только номер дарения. Здесь не сказано, что случилось с отдельными книгами.

– Могу я взглянуть на проповеди?

Уинни нашла книгу и выдала Гамашу. Он был первым, кто ее открыл. Гамаш поблагодарил их и ушел. Он двинулся с Анри вниз по холму, их ноги оставляли следы друг подле друга на припорошенной снежком улице.

Придя домой, Гамаш сел за ноутбук и начал искать. Вернулся Эмиль и приготовил простой обед – цыпленка в горшочке и овощи. После обеда Гамаш вернулся к работе. Он пытался узнать что-нибудь про полковника Эфрама Хоскинса и Кэтлин Уильямс. Полковник Хоскинс умер от малярии и был похоронен в Конго. В те времена его книга казалась важной, но вскоре была забыта.

Абсолютно никаких связей с Шамплейном, Квебеком или Рено.

Кэтлин Уильямс оказалась многолетним жертвователем в англиканский собор Святой Троицы в Старом городе Квебек-Сити. Ее муж был процветающим торговцем галантереей, а сын стал капитаном корабля. Гамаш читал эту скудную информацию и жаждал, чтобы что-нибудь осенило его, какая-нибудь связь, которую он пропустил.

Не вставая из-за стола, он просматривал книгу проповедей, собрание строгих викторианских лекций. Ни слова о Квебеке, Шамплейне или Боге, насколько об этом мог судить Гамаш.

Наконец он принялся искать мадам Клод Маршан из Монреаля. На это ушло некоторое время, даже для мощных компьютеров полицейского управления это оказалось нелегкой задачей, но все-таки он нашел и ее.

– Собираешься ложиться? – спросил Эмиль.

Гамаш поднял голову. Была почти полночь.

– Пока нет. Но уже скоро.

– Глаза береги.

Гамаш улыбнулся и махнул рукой, желая старику спокойной ночи, потом продолжил поиск.

Мадам Маршан была замужем за Клодом Маршаном. Он умер в 1925 году, она – в 1937-м.

Так почему они пожертвовали более сотни книг в 1899-м? Были ли эти книги частью их состояния? Умер ли кто-то из родителей?

Но зачем отправлять книги в Квебек? Ведь это наверняка было непросто. И почему в эту маленькую библиотеку? В английскую библиотеку, тогда как Маршаны были французами.

Гамаш не мог не признать, что это вызывало вопросы.

Поискав в генеалогических записях, он выяснил, что ни родители месье Маршана, ни родители мадам Маршан не умирали около 1899 года. Так откуда же взялись эти книги?

Давно старший инспектор Гамаш не проводил разысканий подобного рода. Обычно он поручал такие дела инспекторам или агентам. Особенно удавались поиски инспектору Бовуару, который любил порядок, информацию.

Они приносили Гамашу разрозненные несвязанные факты и вместе пытались извлечь из них зерно истины. Найти нити и связи, объединяющие их.

Старший инспектор почти забыл охотничий азарт поисков, но вот он попробовал потянуть за одну ниточку, за другую – и увлекся, все остальное отступило на второй план.

Откуда у этой пары взялись книги? И почему они не пожалели трудов и расходов, чтобы доставить их в Квебек?

Гамаш задумался, глядя на экран,

Книги были подарены супругой, не супругом, но последний в то время был еще жив. Как там сказано? Гамаш потрепал себя за бородку, к которой еще не успел привыкнуть.

Так как там сказано?

А сказано, что она дарит свои книги. Они принадлежали именно ей, а не были в общем владении. В переписи она названа экономкой, вот только ее наниматель не указан. Правда, есть адрес.

Экономка в конце девятнадцатого века, подумал Гамаш. Тогда было не так уж много грамотных женщин, не говоря уже о владелицах сотни или более книг.

Он подался вперед и застучал по клавиатуре, пытаясь получить

информацию более чем столетней давности о людях, которые почти наверняка не совершили ничего выдающегося. Вносить их в какие-то реестры не было никакой причины.

Он попробовал пойти одним путем, потом другим. Адрес ничего не дал. В те времена не выпускались телефонные книги, не выписывались счета за электричество. Бумажных следов не осталось почти никаких.

Гамаш снова начал стучать по клавиатуре. Архивы страховых компаний. И там нашел владельца дома; экономка мадам Клод Маршан назвала его, указывая свой адрес в переписном бланке.

Шиники. Шарль Паскаль Телесфор Шиники.

Умер в 1899 году.

Гамаш откинулся на спинку и широко улыбнулся.

Он нашел, что искал.

Но что это означало?

Глава пятнадцатая

– Ты вчера засиделся допоздна.

Эмиль Комо обнаружил Армана на кухне – тот ставил кофейник на стол, где уже стояли тарелка с круассанами и джем. У Армана был счастливый вид, и это не ускользнуло от взгляда старика. Заметил он и пружинистую походку.

– Засиделся.

– И что там у тебя за дела?

Эмиль отхлебнул крепкий ароматный кофе и потянулся за круассаном. Он разломил его пополам, и несколько крошек слоистого теста упали на стол.

– Кажется, я разгадал, что означают эти цифры в дневнике Рено.

– Правда? Что же?

– Вы были правы. В Литературно-историческом обществе он искал вовсе не тело Шамплейна. Я думаю, он искал книги. А эти цифры – каталожные номера. Они относятся к книгам, подаренным обществу в тысяча восемьсот девяносто девятом году.

Эмиль опустил круассан, глаза его загорелись. Следователь никогда не бывает бывшим. Его снедала потребность знать.

– И что это за книги?

– Не знаю. – Гамаш сделал глоток кофе. – Но я знаю, что они были среди книг, подаренных литературно-историческому обществу некой мадам Клод Маршан. Он служила экономкой у семейства Шиники. Шарль Паскаль Телесфор Шиники. Умер в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Скорее всего, книги принадлежали ему.

– Шиники, – медленно произнес Эмиль. – Необычная фамилия.

Гамаш кивнул:

– Очень необычная. Я проверял. В наши дни никаких Шиники нет. После завтрака я попытаюсь по данным переписи узнать, жили ли они в Квебеке в прошлом.

– Жили.

Вид у Эмиля был расстроенный. Не то чтобы обеспокоенный, но взволнованный.

– Правда? – спросил Гамаш, глядя на Эмиля.

Тот задумался.

– Не вижу смысла, – наконец заговорил он. – Ты упоминал, что Рено

искал книги, принадлежавшие Шиники?

– Я так предполагаю. У него в дневнике выписаны их каталожные номера.

Эмиль почесал шею, его глаза приняли какое-то отсутствующее выражение – он подыскивал приемлемый ответ.

– Не вижу смысла, – снова пробормотал он.

– Вам известна эта фамилия? – наконец спросил Гамаш.

– Да, я знаю эту фамилию, но все это странно.

– Почему?

– Странно, что Огюстена Рено интересовало что-то принадлежавшее Шиники.

Эмиль замолчал, размышляя.

– Кто был этот Шиники? – спросил Гамаш. – Откуда вы его знаете? Он тоже был членом общества Шамплейна?

– Нет, я его не знаю. Почти наверняка не знаю. Насколько мне известно, он к Шамплейну никакого отношения не имеет.

– Так кем же он был?

– Священником, – сказал Эмиль. – Мгновение в истории Квебека. Но в свое время очень громкое мгновение. Недюжинный характер. Известен кампаниями в поддержку трезвого образа жизни. Это было давно – в шестидесятые-семидесятые годы девятнадцатого века. Шиники ненавидел алкоголь, считал, что он ведет к разным социальным и духовным болезням. Насколько мне известно, у него была единственная страсть в жизни – отучить несчастных квебекских рабочих от потребления алкоголя. Некоторое время он был очень знаменит, потом рассорился с католической церковью. Подробностей я сейчас не помню, но он вышел из католицизма и стал ярым протестантом. Ходил по барам и борделям на Пти-Шамплейн в Нижнем городе, пытался убедить пьяниц отказаться от алкоголя. Некоторое время содержал лечебницу неподалеку от города.

– Рено был одержим Шамплейном, а Шиники – отказом от алкоголя, – отметил Гамаш.

Потом покачал головой. Как и его наставник, он не видел связи между отцом Квебека в тысяча шестьсот тридцать пятом году, трезвенником из девятнадцатого века и трупом, найденным три дня назад в подвале Литературно-исторического общества.

Вот разве что книги. Что это были за книги?

– Зачем исследователю Шамплейна могли понадобиться книги, собранные отошедшим от церкви священником? – спросил он, но ответа не получил. – Шиники проявлял какой-нибудь интерес к Шамплейну?

Эмиль недоуменно пожал плечами:

– Нет. Правда, я мало что о нем знаю, и, возможно, то, что я тебе сейчас наговорил, далеко от действительности. Хочешь, чтобы я покопался в этом?

Гамаш поднялся:

– Очень. Но сначала я возвращаюсь в квартиру Рено. Может быть, книги там. Хотите со мной?

– Конечно.

Они надевали теплые зимние куртки, а Эмиль думал, насколько это естественно – подчиняться такому человеку. Когда-то старший инспектор Эмиль Комо принял в свою команду по расследованию убийств молодого агента по имени Гамаш, парня с горящими глазами. Он видел, как с годами редеют волосы у Гамаша, как они седеют, как он обрастает жирком, как у него появляются дети, как он растет по служебной лестнице. Комо повысил его до инспектора. Он видел, как молодой человек занял начальственную должность, заслужив ее. Видел, как более возрастные, более опытные агенты отступают перед ним, ищут его совета, готовы ему подчиняться.

Но Эмиль знал и еще кое-что. Гамаш не всегда оказывался прав. Никто не бывает прав всегда.

Они стали подниматься по холму, дыхание вырывалось из их ртов облачками тумана. Эмиль поглядывал на Армана, а Анри семенил рядом. Выглядит ли он лучше? Стало ли ему лучше? Эмилю казалось, что да, но еще он знал, что самый большой вред наносят внутренние раны. Худшее всегда скрыто от взгляда.

Несколько минут спустя они снова оказались в тесной квартирке, пробираясь между грудами журналов, пачками корреспонденции и мебелью, заваленной книгами и брошюрами.

Они быстро сняли куртки и ботинки, каждый взял себе по комнате, и приступили к работе.

Два часа спустя Эмиль вошел в столовую, в которой наверняка никогда не собирались люди за обедом. Вдоль стен здесь стояли шкафы, а в них – книги в два, а то и в три ряда. Гамаш осмотрел уже половину книг – он брал каждую и, не находя в ней того, что искал, возвращал на место.

Он устал. Два месяца назад такая работа далась бы ему легко, но теперь он почти выдохся. Он видел, что и Эмиль как-то сник. Гамаш откинулся на спинку стула, стараясь не подавать вида, что он на пределе.

– Готовы к перерыву? – спросил он.

Эмиль посмотрел на него с благодарностью:

– Если ты настаиваешь. Я мог бы продолжать целый день, но, если ты

хочешь остановиться, я возражать не буду.

Гамаш улыбнулся:

– Merci.

И все же его удивила собственная слабость. Ему удавалось обманывать себя, уговаривать, будто прежняя физическая форма к нему вернулась. Его состояние и в самом деле улучшилось, прибавилось энергии, возвращалась сила, даже дрожание рук вроде бы уменьшилось.

Но если требовалось прикладывать усилия, то он сдувался скорее, чем предполагал.

Они нашли столик у окна в «Ле пти куан латин» и заказали пиво с сэндвичами.

– Что-нибудь нашли? – спросил Гамаш, вгрызаясь в сэндвич с вкусным мясом фазана, салатом и клюквенным соусом.

Перед ним стояло пиво из мини-пивоварни, с пенной шапочкой.

– Ничего такого, чего я не ожидал найти. Две редкие книги о Шамплейне, – Общество с удовольствием получило бы их в собственность, но, поскольку ты был здесь, я не решился их украсть.

– Мудрое решение.

Эмиль наклонил голову и улыбнулся:

– А что у тебя?

– То же самое. Ничего напрямую связанного с Шамплейном или началом семнадцатого века. Ничего про Шиники, про воздержание от алкоголя, ничего связанного с концом девятнадцатого века. Но нужно досмотреть остальное. Любопытно, откуда у него все эти книги.

– Возможно, купил у букиниста.

– Это верно. – Гамаш вытащил из сумки дневник Рено и перелистал его. – Он часто заглядывал в магазины старой книги и на блошиные рынки летом.

– А где же еще найти старые книги? – заметил Эмиль.

Арман Гамаш наклонил голову и прищурился:

– Интересно, а где берут свой товар владельцы магазинов старой книги?

– Покупают у людей, которые переезжают или наводят порядок в доме. На распродажах – покупают оптом. А что?

– Я думаю, когда мы закончим в доме, нужно посетить несколько таких магазинов.

– Ты это к чему? – спросил Эмиль и сделал большой глоток пива.

– Вспоминаю кое-что. Мне об этом сказала Элизабет Макуиртер.

Но тут он взглянул на своего друга. Эмиль пристально смотрел на

дневник. Он пододвинул тетрадь к себе и перевернул. Его тонкий палец остановился на странице под четкой записью Огюстена Рено. Под обведенными кружочком и подчеркнутыми словами, под предполагавшейся встречей с Патриком, О’Марой, ДжД и…

– Шином, – сказал Гамаш. – Но никаких Шинов в Квебеке нет. Я думал поспрашивать в китайском ресторане на улице Буад и…

Гамаш оборвал себя и уставился в горящие глаза своего наставника, затем крепко, до боли, зажмурился:

– Не может быть! – Он открыл глаза, посмотрел в дневник. – Неужели? Шин? Шиники?

Эмиль Комо улыбнулся и кивнул:

– А что же еще?

Жан Ги Бовуар взял у Клары чистую тарелку и вытер ее. Он стоял в большой открытой кухне и занимался посудой. Дома он редко делал это, хотя и помогал несколько раз шефу и мадам Гамаш. Ему это не казалось занудным делом. И к его удивлению, не показалось занудным и теперь. Это успокаивало, позволяло расслабиться. Как и сама деревня.

По окончании совместного ланча Питер Морроу вернулся в свою студию и сел за работу, а Клара и Жан Ги остались мыть посуду после супа и сэндвичей.

– Вы успели просмотреть дело?

– Да, – ответила Клара, протягивая ему еще одну мокрую тарелку. – Должна сказать, что все убедительно свидетельствует против Оливье. Но допустим, он не убивал Отшельника. Тогда кто-то другой должен был знать, что Отшельник прячется в лесу. Но как его там могли найти? Мы знаем, что он сам обратился к Оливье, чтобы продавать свои вещи и потому что ему требовалось хоть какое-то общество.

– И ему был нужен кто-то, чтобы исполнял его поручения, привозил из города то, что ему требуется, – сказал Бовуар. – Он использовал Оливье, а Оливье использовал его.

– Взаимовыгодные отношения.

– Вам кажется правильным, когда люди используют друг друга?

– Это как посмотреть. Вот возьмите нас. Всю нашу совместную жизнь Питер обеспечивает меня финансово, но я поддерживаю его эмоционально. Разве это называется использовать друг друга? Наверно, да, но это работает. Мы оба счастливы.

«Так ли это?» – спросил себя Бовуар. Он подозревал, что Клара была бы счастлива почти всюду, а вот ее муж – другое дело.

– Мне это не кажется равенством, – сказал Бовуар. – Оливье приносил Отшельнику еду каждые две недели, а Отшельник за это давал Оливье бесценные вещи. Кто-то оставался обворованным.

Они взяли кофе и перешли в светлую гостиную. Зимний свет свободно проникал через окна; они сели в большие удобные кресла у огня.

Клара наморщила лоб, глядя на пляшущие язычки пламени.

– Но мне кажется, большой вопрос, главный вопрос вот в чем: кто еще знал об Отшельнике? Он ведь долгие годы прятался в лесу, почему вдруг его убивают?

– По нашей гипотезе, Оливье убил его, потому что ездовая дорожка приближалась к домику и Отшельник с его сокровищами вот-вот был бы обнаружен.

Клара кивнула:

– Оливье не хотел, чтобы кто-то еще узнал об Отшельнике и похитил сокровища, поэтому он и убил старика. Под влиянием момента, без всякого плана. Схватил семисвечник и ударил его по голове.

Она слышала все это на процессе и перечитала дело предыдущим вечером.

Она пыталась представить себе, как ее друг убивает Отшельника, и если ее разум противился этому образу, сама она готова была поверить в то, что утверждало следствие. Сомнительно, чтобы Оливье строил планы убить кого-нибудь, а вот в приступе корысти, ярости – да, в это она могла поверить.

После этого Оливье забрал семисвечник. Схватил окровавленную вещь, лежащую рядом с трупом, потому что на ней остались его отпечатки пальцев. Он боялся. Но еще он знал, что эта вещь бесценна. Корысть в сочетании со страхом в один миг привели его к глупому поступку. Это было действие, обусловленное корыстью, а не виной.

Ни судья, ни присяжные ему не поверили. Однако теперь Бовуар должен был по меньшей мере рассмотреть вероятность того, что Оливье хотя и совершил глупость, но говорил правду.

– Что же изменилось? – размышлял вслух Бовуар. – Вероятно, кто-то другой нашел Отшельника?

– Кто-то, долгие годы искавший Отшельника, кто-то обворованный им.

– Но как он его нашел?

– Либо выследил Оливье, либо прошел по расчищенной дорожке, – предположила Клара.

– А это выводит нас на одного из Парра, – сказал Бовуар. – Либо на Рора, либо на Хэвока.

– Это мог сделать и Старик Мюнден. Ведь он и столяр, и резчик. Он мог однажды ночью, забрав поломанную мебель, пойти следом за Оливье. Он и слово мог вырезать. «Воо».

– Но Старик Мюнден профессиональный столяр, – возразил Бовуар. – Я видел его работу. А «Воо» было вырезано любителем. Кто-то просто покромсал дерево ножом.

Клара задумчиво произнесла:

– Может, это был кто-то новенький здесь, может быть, это и изменилось. Убийца, недавно приехавший в Три Сосны.

– Жильберы, – сказал Бовуар. – Это единственные новички.

Марк и Доминик Жильбер, мать Марка Кароль и отец, бросивший семью, – Винсент. Святой мерзавец, знаменитый доктор, который теперь, как это ни странно, жил в лесном домике Отшельника. Бовуар больше не хотел, чтобы убийцей оказался доктор Винсент Жильбер, но в глубине души беспокоился, а вдруг это все же он.

– Я думаю, нам нужно снова поговорить с подозреваемыми, – сказал Бовуар. – Пожалуй, заеду сегодня к Мюнденам – сделаю вид, что хочу присмотреть кой-какую мебель.

– Хорошо. А я попытаюсь поговорить с другими. – Она помедлила. – Убийца мог найти Отшельника и иным способом.

– Каким?

– Может быть, он узнал сокровища, когда Оливье приезжал продавать их. Здесь сказано, – она постучала пальцем по папке, – что Оливье много вещей продавал на интернет-аукционе. Его предложения могли видеть люди во всем мире, включая и жителей Восточной Европы. Что, если кто-то узнал какую-нибудь из вещей и нашел Оливье?

– И увидел, как он ходит к Отшельнику, – подхватил Бовуар. – Я займусь этим.

Он начал понимать, почему старший инспектор Гамаш всегда пытался завоевать доверие тех людей, в сообществе которых произошло преступление. Это давно беспокоило Бовуара, и в глубине души он не одобрял поведение шефа. Это стирало грань между следователем и объектами следствия.

Но теперь он начал сомневаться: а так ли уж это плохо?

Когда он вышел из небольшого дома Клары, снег блестел от солнца, ослепляя его. Бовуар надел солнцезащитные очки.

Рей-Бен[53]. Старая школа. Он их любил, они придавали ему крутой вид в холодные дни.

Он сел в машину, прогрел двигатель, почувствовал, как набирает тепло

сиденье под ним. В морозный зимний день это было не хуже секса. Потом он включил передачу и поехал вверх по холму из деревни.

Пять минут спустя Бовуар подъехал к старой ферме. Полицейская бригада была здесь в конце прошлого лета, когда все было в цвету. Вернее, когда цветы уже начали увядать. Растения роняли семена, листья начинали желтеть, а осы допьяна напивались соком перезрелых фруктов.

Но теперь все тут спало мертвым сном, и ферма, прежде полная жизни, казалась заброшенной.

Однако, когда Бовуар медленно подъехал к дому, дверь открылась, и он увидел Жену, которая держала за руку маленького Шарли Мюндена.

Он вышел из машины, и она помахала ему, потом он увидел Старика Мюндена – тот подошел к открытой двери, вытирая о полотенце свои большие, выразительные руки.

– Добро пожаловать.

Жена улыбнулась и поцеловала Бовуара в обе щеки. Его не часто встречали вот так, когда он вел дело. Впрочем, он вспомнил, что сейчас дела не вел.

Как и Старик Мюнден, Жена была молодой, поразительно красивой. Но не в стиле журнала «Вог»; ее красота происходила из бросающихся в глаза здоровья и добродушия. Ее черные волосы были коротко подстрижены, большие темно-карие глаза смотрели дружески. Улыбалась она легко, улыбка в любую минуту была готова сорваться с ее губ, как у Старика или Шарля.

– Входите, а не то замерзнете, – сказал Старик. – Хотите горячего шоколада? – спросил он, закрыв дверь за Бовуаром. – Мы с Шарли только что вернулись – катались на санках – и не откажемся от горячего шоколада.

Шарли, чье личико покраснело с мороза, а глаза горели, посмотрел на Жана Ги, словно они знали друг друга всю жизнь.

– С удовольствием, – согласился Бовуар и пошел за ними в дом.

– Вы уж извините нас за обстановку, инспектор, – сказала Жена, заходя в теплую кухню. – Мы все еще в ремонте.

Об этом можно было и не говорить: кое-где еще виднелась голая кладка, в других комнатах стены были оштукатурены, но не покрашены. Кухня была словно из 1950-х, но сделана неудачно. Безвкусно, а не в стиле ретро.

– Мне нравится, – солгал Бовуар.

Но вот что здесь чувствовалось, так это удобство и тепло. Дом.

– Вы не поверите, – сказал Старик, помогая Жене с горячим шоколадом, – но мы тут много поработали. Посмотрите наверху – там

просто здорово.

– Старик, я не думаю, что инспектор приехал к нам, чтобы посмотреть наш ремонт, – рассмеялась Жена.

Она поставила на кухонный стол дымящиеся чашки с горячим шоколадом и к каждой – большую тающую пастилку.

– Мы видели вас вчера в бистро, – сказал Старик. – Габри говорит, что вы приехали отдохнуть. Это хорошо.

Они дружелюбно посмотрели на него. Все было гостеприимно, по-дружески, но Жану Ги хотелось, чтобы это скорее закончилось, хотя он и понимал, что эта молодая пара расположена к нему.

К счастью, их дружелюбие дало ему возможность начать то, для чего он и приехал.

– Да, я не был здесь после смерти Отшельника. Какой удар по сообществу.

– Арест Оливье? – спросила Жена. – Мы никак не можем в это поверить.

– Насколько я помню, вы его хорошо знали, – обратился Бовуар к Старику. – Он дал вам вашу первую работу здесь.

– Да, реставрация и ремонт мебели.

– Гоо, гоо, гоо, – проговорил Шарль.

– Молодец, – похвалила его Жена. – Горячий. Горячий шоколад. Шесть месяцев назад он не говорил, но доктор Жильбер стал приходить раз в неделю к обеду и заниматься с ним.

– Правда? Винсент Жильбер?

– Да. Вы ведь знали, что он работал с детьми, у которых синдром Дауна.

– Oui.

– Строо, – сказал Шарль Бовуару и, не получив ответа, повторил: – Строо.

– Строо-строо! – сказал Бовуар, поворачивая к мальчику голову и надеясь, что тот отнесется к этому жесту как к игривому, а не устрашающему.

– Он говорит – «строгать», – объяснил Старик. – Да, Шарли, сынок, скоро пойдем. Мы по вечерам строгаем с ним на пару дерево.

– Кажется, Хэвок Парра строгал игрушки для Шарля? – вспомнил Бовуар.

– Да, – ответил Старик. – Деревья он рубит прекрасно, а вот вырезать из них что-то – с этим у него неважно, хотя ему и нравится этим заниматься. Иногда приходит сюда, помогает мне с мебелью. Я ему

немного подыгрываю.

– И что он делает? Реставрирует?

– Нет, это слишком специальная работа. Он мне помогает, когда я делаю новую мебель. В основном красит.

Они поболтали о местных событиях, о реставрационных работах Старика и о старинных вещах, которые ждут, когда у него дойдут до них руки. Бовуар делал вид, что испытывает интерес к изделиям Старика Мюндена, и почти купил книжный шкаф, думая, что сможет выдать его за собственное творение. Но он знал, что даже Энид ему не поверит.

– Разве вы не останетесь на обед? – спросила Жена, когда Бовуар сказал, что ему пора.

– Merci, не могу. Просто заглянул посмотреть вашу мебель.

Они стояли у двери и махали ему. Бовуар поборол в себе искушение остаться на обед в этом маленьком семействе. Отъезжая, он вспоминал о том, что мимоходом сказал ему Старик о Хэвоке и его умении резчика на уровне Шарля. Вернувшись в Три Сосны, он пошел в бистро и заказал tarte au sucre[54] и капучино. К нему присоединилась Мирна с эклером и кружкой кофе с молоком. Они поболтали несколько минут, потом Бовуар принялся делать записи в ноутбуке, а Мирна – читать лондонский «Сэтерди таймс трэвел мэгазин», причем время от времени она постанывала, наслаждаясь вкусом эклера или восхищаясь описаниями спа-салонов.

– Как по-вашему, стоит оно того, чтобы лететь туда двенадцать часов?

Она повернула журнал, чтобы показать Бовуару пляж белого песка, домики с соломенными крышами, цветущих молодых мужчин с обнаженным торсом, разносящих напитки с фруктами.

– Где это?

– На Маврикии.

– И сколько стоит?

Мирна посмотрела:

– Пять двести.

– Долларов? – Бовуар чуть не задохнулся.

– Фунтов. Но это включая авиабилеты. Мои накопления на сегодняшний день – пять тысяч фунтов. Так что немного не хватает.

– Книжный бизнес, вероятно, позволяет неплохо зарабатывать?

Мирна рассмеялась:

– Даже если бы я продала все книги в моей лавке, мне это было бы не по карману.

Она накрыла рукой яркую картинку. За подернутым инеем окном детишки возвращались из школы. Родители ждали, когда они пройдут по

заснеженной, обледеневшей дороге от того места, где их высадил автобус. Все они были краснолицые и различались только по цвету объемистой зимней одежды. Они были похожи на гигантские цветные мячики, катящиеся вниз по склону холма.

– Это воображаемые деньги за вымышленное путешествие. Дешево, но забавно.

– Тут кто-то сказал «дешево, но забавно»? – К ним присоединился Габри, и Бовуар закрыл свой ноутбук. – Куда мы едем на этой неделе?

– Он тоже вымышленный. – Мирна кивнула головой в сторону Габри.

– Да, я иногда бываю искусственный, – признал Габри.

– Я рассматриваю Маврикий.

Она протянула один журнал Габри, другой предложила Бовуару. Он помедлил, потом заметил сосульки, свисающие с крыш домов, снег, нанесенный на кровли, людей, с трудом идущих против ветра и спешащих в тепло.

Он взял журнал.

– Отпускная порнография, – прошептал Габри. – В комплекте с резиновыми костюмами.

Он закрыл страницу с полуобнаженным мускулистым мужчиной в облегающем костюме для подводного плавания.

Бовуар представил себе вымышленные накопления в пять тысяч долларов и потерялся на Бали, Бора-Бора и Сен-Люсии.

– Вы ездили когда-нибудь в круизы? – спросил он Мирну.

– Да вот на прошлой неделе. Взяла каюту получше. В следующий раз, думаю, буду брать по максимуму.

– А я мечтаю о каюте владельца.

– И вы можете себе это позволить?

– Пусть даже я стану банкротом, оно того стоит.

– О боже, я бы взял круиз, – сказал Габри, опуская журнал.

– Устал? – спросила Мирна.

У Габри и в самом деле был усталый вид.

– Très fatigué[55].

– Это верно. – Рут подтащила четвертый стул, сумев всех задеть своей тростью. – Смотрите, какой жирный гей.

Двое других проигнорировали ее, но Бовуар не удержался – хохотнул. Вскоре двое остальных ушли: Мирна – в свою книжную лавку, а Габри – обслужить двух клиентов.

– Так почему вы все же приехали сюда? – Рут наклонилась к Бовуару.

– Ради вашей веселой компании, старая карга.

– Кроме этого, недоумок. Тебе здесь никогда не нравилось. Гамашу – другое дело. Но ты? Ты же нас презираешь?

Каждый час каждого дня Бовуар искал не просто факты, он искал истину. Но прежде он не понимал, насколько это ужасно – находиться в обществе человека, который все время изрекает истины. По крайней мере, собственные истины.

– Вовсе нет, – ответил Бовуар.

– Ерунда. Ты ненавидишь страну, ненавидишь природу, думаешь, что мы деревенщина, идиоты. Подавленные, пассивно-агрессивные и к тому же англичане.

– Я знаю, что вы – англичанка. – Он рассмеялся.

Она – нет.

– Не промывай мне мозги. У меня осталось не так много времени, и я не хочу терять его попусту.

– Тогда уходите, если со мной вы попусту теряете время.

Они смерили друг друга сердитыми взглядами. Вчера вечером он открылся ей, рассказал то, о чем знали немногие. Он боялся, что это приведет к какой-то неловкости, но, когда они встретились на следующее утро, она, конечно же, посмотрела на него так, будто видела в первый раз.

– Я знаю, почему вы здесь, – сказал наконец Бовуар. – Чтобы узнать конец истории. Выслушать все кровавые подробности. Это для вас хлеб насущный. Страх и боль. Я, Гамаш, Морен или кто другой вам безразличны. Все, чего вы хотите от меня, – это конец той истории. Вы старая карга, больная на голову.

– А чего хочешь ты?

«Чего хочу я? – подумал он. – Я хочу довести рассказ до конца».

Глава шестнадцатая

Жан Ги огляделся. В бистро стояла тишина. Он оперся ладонями о подлокотники кресла и подтянул себя вперед. Кресло было теплым от огня. В топке лежали большие поленья, искры от них летели через чугунную решетку и тихо, медленно умирали на каменной подстилке внизу.

Кленовые поленья издавали приятный аромат, кофе был крепкий и густой, с кухни доносился знакомый запах.

Не домашний, а здешний.

Он подался ближе к Рут, заглянул в ее холодные голубые глаза. Зимние глаза на ледяном лице. Эти глаза смотрели с вызовом, жестко, невозмутимо.

Идеальный случай.

Он помолчал и через мгновение снова оказался там, потому что «там» всегда было рядом.

– Мой любимый сезон, наверное, зима, – сказал Гамаш.

– Я всегда любил зимы, – ответил молодой голос из монитора. – Потому что можно надевать теплый свитер и куртку и никто не видит, какой я тощий.

Морен рассмеялся. Гамаш тоже засмеялся.

Но больше инспектор Бовуар ничего не услышал. Он вышел из кабинета, прошел по офису к лестнице. Там остановился на мгновение, раскрыл кулак и прочел записку Гамаша:

«Найди агента Иветт Николь. Передай ей это».

К записке была приложена еще одна, сложенная, с именем Николь на ней. Бовуар раскрыл ее и застонал. Шеф что, с ума сошел? Потому что Иветт Николь почти наверняка сошла. Она была из тех агентов, которые никому не нужны. Агента, которого нельзя уволить, потому что в некомпетентности ее обвинить было трудно да и неподчинение ее не выходило за определенные рамки. Но она была интриганкой. В конечном счете шеф отправил ее заниматься телекоммуникациями. В окружение приборов, а не людей. Туда, где не с кем взаимодействовать. Некому причинить вред. Некого доводить до белого каления. Сиди себе, слушай, мониторь, записывай.

Любой нормальный человек на ее месте давно бы ушел. Любой порядочный агент подал бы в отставку. Как на процессах ведьм в старину. Если утонет – невиновна, если выживет – ведьма.

Агент Николь выжила.

Но все же Бовуар ни минуты не колебался. Побежал вниз по лестнице через две ступеньки, пока не оказался в подвале. Распахнул дверь, заглянул внутрь. В комнате царил полумрак, и ему потребовалось несколько мгновений, чтобы разглядеть чьи-то очертания перед зелеными экранами. Стоило произнести слово, как линии на овальных экранах приходили в неистовство.

Потом к нему повернулось лицо. Зеленое лицо и глаза, отливающие зеленым светом. Агент Иветт Николь. Бовуар не видел ее какое-то время и теперь почувствовал, что его кожу словно иголками колет. Предупреждение. Не входить. В эту комнату. В жизнь этого человека.

Но старший инспектор Гамаш приказал ему. И он вошел. Он был удивлен, услышав голос шефа по громкоговорителю, – теперь они говорили о разных собачьих игрушках.

– Вы когда-нибудь пользуетесь игрушкой «Принеси мячик», сэр? – спросил агент Морен.

– Никогда про такое не слышал. А что это?

– Ну, такая палка с чашечкой на конце. Помогает закидывать теннисный мячик. Анри у вас любит мячики?

– Больше всего на свете, – рассмеялся Гамаш.

– Идиотский разговор, – раздался женский голос. Зеленый голос. Молодой, созревший, наполненный желчью. – Чего вы хотите?

– Вы мониторили этот разговор? – спросил инспектор Бовуар. – Он идет по зашифрованному каналу. Считается, что к нему ни у кого нет доступа.

– Но вы тем не менее пришли, чтобы просить меня мониторить его, верно ведь? Не смотрите таким удивленным взглядом, инспектор. Не нужно быть гением, чтобы сообразить это. Сюда приходят только те, кому что-то нужно. Что нужно вам?

– Старшему инспектору Гамашу нужна ваша помощь. – Он чуть не поперхнулся этими словами.

– А старший инспектор получает то, что ему нужно. Верно?

Сказав это, она снова повернулась к экрану. Бовуар пошарил по стене и нащупал выключатель. Включил его – и яркий флуоресцентный свет затопил комнату. Женщина, которая казалась такой угрожающей, такой потусторонней, вдруг обрела обычные человеческие черты.

Теперь на него смотрела невысокая, чуть грузная молодая женщина с серой кожей и отметинами от старых прыщей. Волосы у нее были тусклые, мышиного цвета, глаза она прищурила, привыкая к яркому свету.

– Зачем вы это сделали? – спросила она.

– Сэр! – рявкнул он. – Вы позор полиции, но вы все еще служите в ней. Вы должны обращаться ко мне «сэр», а к старшему инспектору – по его полному званию. И вы будете делать то, что вам говорят. Читайте.

Он швырнул записку агенту Николь, выглядевшей теперь очень молодой и очень рассерженной. Как капризный ребенок. Бовуар улыбнулся, вспомнив то беспокойство, которое испытал, войдя сюда. Она была такой жалкой. Маленькая женщина, вызывающая сочувствие. Ничего более.

Потом он вспомнил, зачем пришел.

Пусть она и маленькая, жалкая, но старший инспектор рискнул всей своей карьерой, решив привлечь ее к расследованию.

Почему?

– Скажите мне, что вам известно. – Она понизила голос и посмотрела прямо в глаза Бовуару. – Сэр.

Этот взгляд выбивал из колеи. Гораздо умнее, гораздо ярче, чем он предполагал. Внимательный взгляд, глубокий, спокойный, вспышка зеленого.

Он ощетинился, услышав ее слова. Формулировку фразы. «Скажите мне, что вам известно». С этой фразы обычно начинал шеф, появившись на месте преступления. А потом слушал – внимательно, уважительно. Вдумчиво.

Настоящая антитеза этому своевольному, перекореженному агенту.

Она наверняка таким образом подсмеивалась над шефом. Но сейчас были вещи и поважнее, чем устраивать ей выволочки.

Стрельба, похищение, сообщение фермера о бомбе, которая взорвется завтра утром в 11.18.

Они оба инстинктивно посмотрели на часы. Половина седьмого вечера. Осталось семнадцать часов.

– Старший суперинтендант Франкёр полагает, что похититель – испуганный фермер из какого-то медвежьего угла, приторговывающий марихуаной. Он считает, что этот тип запаниковал. Он полагает, что нет никакой бомбы и подспудного плана.

– Но старший инспектор Гамаш с этим не согласен, – сказала агент Николь, читая записку. – Он хочет, чтобы я внимательно промониторила разговор. – Она несколько мгновений переваривала содержимое записки, потом подняла голову. – Насколько я понимаю, наверху тоже идет мониторинг?

Она была не в силах или не хотела прогонять горечь из своего голоса. Говорила раздражающим и раздраженным писклявым тоном. Увидев

короткий кивок Бовуара, она улыбнулась и тщательно сложила записку:

– Что ж, я думаю, старший инспектор обо мне лучшего мнения.

Агент Николь сверкнула взглядом на Бовуара, словно бросая ему вызов. Он сердито посмотрел на нее и наконец выдавил:

– Вероятно.

– Тогда ему придется сделать нечто большее, чем говорить о собачьих игрушках. Скажите ему, чтобы он делал паузы.

– Вы что, не слышали? При паузе бомба взрывается.

– Неужели кто-то действительно верит, что там бомба?

– А вы готовы проверить?

– А что? Мне здесь тепло и безопасно. Почему бы и нет?

Увидев взбешенный взгляд Бовуара, она продолжила:

– Слушайте, я не предлагаю ему пойти и приготовить чашечку кофе. Просто пусть делает паузы. Секунду здесь, секунду там. Чтобы я зафиксировала фоновые звуки. Вы поняли? Сэр?

Агент Иветт Николь начинала работу в отделе по расследованию убийств. Ее выбрал лично старший инспектор Арман Гамаш. Он стал ее наставником. И потерпел почти полную неудачу. Бовуар умолял шефа уволить ее. Но Гамаш после нескольких провалов перевел ее. Чтобы она занималась тем, что должна усвоить.

Тем, что явно было ей не по силам.

Слушать.

В этом и состояла ее нынешняя работа. Единственная работа. А теперь старший инспектор Гамаш отдавал свою карьеру и, возможно, жизнь агента Морена в эти неумелые руки.

– Почему они до сих пор не проследили номер? – спросила агент Николь.

Она придвинулась к монитору и нажала несколько клавиш. Голос шефа стал звонче, четче. Словно он стоял рядом с ними.

– Кажется, не могут его засечь, – сказал Бовуар, наклоняясь над ее креслом и зачарованно глядя на рябь волны на экране. – А когда вроде бы засекают, то оказывается, что он в другом, новом месте, будто он двигается.

– Может, и так.

– То он у американской границы, а в следующий раз – в Арктике. Нет, он не двигается. Двигается сигнал.

Николь поморщилась:

– Вероятно, старший инспектор прав. Непохоже, чтобы такую штуку смастерил впавший в панику фермер. Что думает об этом шеф? –

спросила она у Бовуара.

– Он не знает.

– Это должно быть что-то крупное, – пробормотала Николь, вглядываясь в экран и вслушиваясь в голоса. – Убить одного агента, похитить другого, а потом еще позвонить старшему инспектору.

– Мы должны общаться с ним так, чтобы это проходило мимо старшего суперинтенданта Франкёра, – сказал инспектор Бовуар. – Сейчас все послания ему отслеживаются.

– Нет проблем. Дайте мне пароль его компьютера, и я смогу образовать защищенный канал.

Бовуар помедлил, глядя на нее.

– Ну? – сказала агент Николь и улыбнулась. Улыбка у нее была непривлекательная, и Бовуар снова ощутил остерегающее покалывание. – Ведь вы пришли ко мне, не забывайте. Вам нужна помощь или нет? Сэр?

– …У Зоры уже целая куча, – зазвучал голос Гамаша. – Зубки прорезаются. Она обожает одеяло, которое прислали вы с Сюзанной.

– Я рад, – сказал Морен. – Я хотел прислать ей барабаны, но Сюзанна сказала, что лучше попозже.

– Превосходно. Еще можешь прислать немного кофеина и щенка, – рассмеялся Гамаш.

– Вы, наверное, скучаете по ним, сэр. По сыну и внучкам.

– И по невестке, – добавил Гамаш. – Да. Но им нравится Париж. Трудно на них за это обижаться.

– Черт побери. Ему нужно помедленнее, – проговорила раздраженно Николь. – Он должен давать мне паузы.

– Я ему скажу.

– Тогда поторопитесь, – велела Николь. – И добудьте его пароль.

Она повернулась спиной к инспектору Бовуару, а тот, выйдя за дверь и поднимаясь по лестнице, пробурчал себе под нос:

– Сэр. Сэр, идиотка.

На восьмом этаже он, тяжело дыша, остановился перевести дыхание. Приоткрыв дверь, он увидел неподалеку старшего суперинтенданта Франкёра. Из мониторов доносились знакомые голоса.

– Кто-нибудь говорил с моими родителями? – спросил молодой человек.

– Мы регулярно информируем их о ситуации. Я отправил агента, чтобы он оставался с твоей семьей и Сюзанной.

Последовала чуть более долгая пауза.

– Ты в порядке? – вскрикнул Гамаш.

– В полном, – ответил голос, прозвучавший слабо и напряженно. – Я за себя не волнуюсь. Я знаю, со мной все будет хорошо. Но моя мать…

Опять наступило молчание, но старший инспектор не дал ему затянуться, успокоил молодого агента.

Старший суперинтендант Франкёр переглянулся с инспектором.

На стене комнаты Бовуар видел часы.

Оставалось шестнадцать часов и четырнадцать минут. Он слышал, как агент Морен и старший инспектор разговаривают о том, что бы они хотели изменить в своих жизнях.

Но никто из них не говорил о том, что происходит с ними сейчас.

Рут выдохнула:

– Вот той истории, что ты мне сейчас рассказал, ее не было в новостях.

Она произнесла «истории» так, будто это было чем-то вроде сказочки для детей.

– Не было, – подтвердил Бовуар. – Об этом знают единицы.

– Тогда зачем ты рассказал ее мне?

– Кто вам поверит, если вы начнете это разносить? Все подумают, что вы просто выпили лишнего.

– И будут правы.

Рут хохотнула, и Бовуар выдавил еле заметную улыбку.

С другого конца бистро за ними наблюдали Клара и Габри.

– Что, будем его спасать? – спросила Клара.

– Слишком поздно, – возразил Габри. – Он заключил сделку с дьяволом.

Они вернулись к бару и выпивке.

– Значит, где-то между Маврикием и греческими островами на «Куин Мэри», – сказал Габри.

Следующие полчаса они обсуждали воображаемый отдых, пока в нескольких футах от них Жан Ги Бовуар рассказывал Рут о том, что случилось.

Арман Гамаш и Анри зашли в третий, и последний, магазин в их списке, списке Огюстена Рено, который при жизни часто наведывался в магазины старой книги Квебек-Сити, где покупал все, что могло иметь хоть самое отдаленное отношение к Самюэлю Шамплейну.

Когда они вошли, звякнул маленький звоночек над входом, и Гамаш быстро закрыл дверь, чтобы не напустить внутрь холода. Многого для этого не требовалось: маленькая щель – и холод пробирался внутрь, как

привидение.

В помещении было темно, большинство окон заложено книгами. Стопки пыльных томов громоздились на подоконниках не столько для рекламы, сколько потому, что больше их некуда было складывать. Никто страдающий клаустрофобией не спустился бы на три ступеньки в полуподвал этого магазина. И без того узкие проходы были еще больше сужены книжными шкафами, набитыми до такой степени, что грозили рухнуть, а кроме того, стопки книг стояли и на полу. Анри осторожно пробирался по проходу следом за Гамашем. Плечи старшего инспектора задевали книги, и он решил, что лучше ему снять пуховую куртку, иначе он уронит тут все шкафы.

Но снять куртку тоже оказалось не просто – настоящий акробатический номер.

– Что для вас? – раздался голос откуда-то из магазина.

Гамаш оглянулся, то же самое сделал и Анри, его чуткие уши заходили туда-сюда.

– Я бы хотел поговорить с вами об Огюстене Рено, – ответил Гамаш потолку.

– А в чем дело?

– А в том, – ответил Гамаш.

Последовала пауза, поэтом раздался звук шагов, спускающихся по приставной лестнице.

– Что же вы хотите? – спросил книгопродавец, появившийся из-за книжного шкафа и маленькими быстрыми шажками двинувшийся навстречу Гамашу.

Он был невысоким, жилистым, на его рыбацком свитере виднелись подтеки и пятна. Из воротника торчала почти белая футболка. Волосы были седые и сальные, руки пыльные от старых книг. Он вытер ладони о грязные штаны и уставился на Гамаша, потом увидел Анри, который смотрел на него из-за спины хозяина.

Прятался.

Хотя Гамаш никогда бы не сказал это Анри в лицо, они оба знали, что он не самый смелый из собак. К этому нужно было добавить и то, что Анри не слишком уж сообразителен. Но он был предан без меры и знал, что имеет значение в этой жизни: еда, прогулка, мячики. Но самое главное – его семья. Его сердце наполняло грудную клетку и простиралось до самого хвоста и до кончиков здоровенных ушей. Оно наполняло его голову, вытесняя мозг. Но приемыш Анри был человеколюбцем и, не будучи особо умным, оставался самым толковым из псов, каких знал Гамаш. Все, что он

знал, он знал сердцем.

– Bonjour. – В совершенно непроизвольном порыве хозяин магазина присел и протянул руку к Анри.

Гамашу был знаком этот жест. У него и самого появлялась такая же слабость в присутствии собак, как и у Рейн-Мари. Потребность наклониться, погладить.

– Можно? – спросил человек.

Так поступали опытные владельцы собак: сначала спрашивали. Это было не только уважительно, но и благоразумно. Никогда не знаешь, как будет реагировать та или иная собака.

– Вы рискуете, месье. Он, возможно, не захочет уходить от вас, – улыбнулся Гамаш, когда хозяин магазина достал печенье.

– Меня это устраивает.

Он дал Анри лакомство, потрепал его по ушам под радостное повизгивание собаки.

И в этот момент Гамаш заметил подушки на полу и имя Мэгги на боку собачьей миски. Но следов собаки не было.

– Давно это случилось? – спросил Гамаш.

– Три дня назад, – ответил человек.

Он встал на ноги и отвернулся. Гамаш не торопил его. Этот жест тоже был ему знаком.

– Итак, – произнес наконец человек, поворачиваясь к Гамашу и Анри, – вы сказали, что хотите поговорить об Огюстене Рено. Вы репортер?

У Гамаша и в самом деле был вид репортера, хотя и не радио- или телевизионного, а скорее из какого-нибудь интеллектуального ежемесячного журнала. Одного из тех мало кому известных университетских изданий, что специализируются на умирающих идеях и умерших людях, которые их поддерживали.

На Гамаше была рубашка с галстуком, кардиган цвета жженого сахара и вельветовые темно-серые брюки. Если хозяин и заметил шрам на лице Гамаша, то ничего не сказал.

– Non, я не репортер, я помогаю полиции, хотя и неофициально.

Анри прижался к маленькому владельцу магазина, который гладил его, трепал по голове.

– Вас зовут Ален Дусе? – спросил Гамаш.

– А вас – Арман Гамаш? – спросил Дусе.

Оба кивнули.

– Чаю? – предложил месье Дусе.

Через несколько минут оба сидели в задней части маленького магазина, среди залежей книг, слов, идей и историй. И месье Дусе, разлив душистый чай и предложив гостю диетическое печенье, начал рассказывать свою историю:

– Огюстен заходил минимум раз в две недели, иногда чаще. Иногда я звонил ему, если попадалась книга, которая могла его заинтересовать.

– А что его интересовало?

– Шамплейн, конечно. Все, что связано с ранним периодом колонизации, другие землепроходцы, карты. Он любил карты.

– Он не нашел здесь у вас чего-нибудь такого, что его особенно бы порадовало?

– Ну, теперь уже трудно сказать. Его, кажется, все радовало, но он почти никогда не давал волю чувствам. Я знал его сорок лет, но мы ни разу не присели вот так, ни разу не поговорили. Он покупал книги, бывал оживлен, воодушевлялся, но если я у него что-то спрашивал, он сразу замыкался в себе. Он был странный человек.

– Это точно, – сказал Гамаш, откусывая печенье. – Он вам нравился?

– Он был хорошим клиентом. Никогда не торговался. Правда, я никогда этим не пользовался – цену не заламывал.

– Но нравился ли он вам?

Забавно: Гамаш задавал этот вопрос всем владельцам книжных лавок, и все отвечали уклончиво.

– Я его не знал. Но вот что я вам скажу. У меня и не было никакого желания узнать его поближе.

– Почему?

– Он был фанатиком, а я фанатиков побаиваюсь. Я думаю, он на что угодно был готов, если бы это хоть на дюйм приблизило его к обнаружению тела Шамплейна. Поэтому я был с ним вежлив, но сохранял дистанцию.

– У вас нет каких-либо предположений о том, кто мог его убить?

– У него был дар настраивать всех против себя. Но ведь людей не убивают за то, что они вызывают у вас раздражение. Иначе весь мир был бы усеян трупами.

Гамаш улыбнулся и неторопливо отхлебнул крепкого чая. Немного помолчал.

– Вы не знаете, была ли у Рено какая-нибудь новая идея? Новая теория о месте захоронения Шамплейна?

– Вы имеете в виду Литературно-историческое общество?

– Я имею в виду любое место.

Месье Дусе задумался, потом покачал головой.

– А вы покупали у них книги?

– У Лит-Иста? Конечно. Прошлым летом. У них была большая распродажа. Я купил три или четыре коробки.

Гамаш поставил кружку.

– И что в них было?

– Если откровенно, то не знаю. Обычно я просматриваю книги, но стояло лето, и я был слишком занят на блошином рынке. Масса туристов, масса книголюбов. У меня не было времени разобраться с этими коробками, и я убрал их в кладовку. Потом пришел Рено и купил две.

– Книги?

– Коробки.

– Он их просматривал, прежде чем купить?

– Нет, просто купил. Некоторые так делают. В особенности коллекционеры. Хотят разобраться с ними наедине. Я думаю, это часть удовольствия. Я потом купил еще две коробки у Лит-Иста, прошлой осенью это было, но затем они решили прекратить распродажи. Я позвонил Рено, спросил, интересует ли его. Сначала он сказал, нет, не интересует, но вот три недели назад объявился и спросил, у меня ли все еще эти книги.

– Гм. – Старший инспектор отхлебнул чаю и задумался. – И о чем это вам говорит?

Ален Дусе посмотрел на него удивленным взглядом. Он явно не задумывался об этом, а вот теперь пришлось.

– Возможно, он нашел что-то в первой партии и решил, что может обнаружиться еще что-нибудь.

– Но почему с таким опозданием? Если он купил первые коробки летом, то зачем ждать до Рождества?

– Вероятно, он был похож на большинство коллекционеров. Покупает кучу книг, собирается их просмотреть, но они лежат месяцами без дела, пока у покупателя не дойдут руки.

Гамаш кивнул, вспомнив тесноту в квартирке Рено.

– Вам эти цифры говорят что-нибудь?

Он показал Дусе выписанные каталожные номера из дневника Рено. 9-8499 и 9-8572.

– Нет. Но на старых книгах чего только не бывает написано. Некоторые имеют цветовой шифр, другие цифровой, некоторые подписаны. Их цена от этого только понижается, если, конечно, это не подписи Бодлера или Марселя Пруста.

– Как он выглядел, когда пришел за этими книгами?

– Рено? Как всегда. Бесцеремонный, озабоченный. Похожий на наркомана, которому нужна доза. Книгофилы, они все такие, причем не только старики. Посмотрите на детишек, которые выстраиваются в очередь за новой серией похождений их любимого героя. Да, истории – тот же наркотик.

Гамаш знал, что это правда. Но на какую историю напал Огюстен Рено? И где были две эти книги? Не в его квартире и не на его теле. А что случилось с другими книгами из этой коробки? В квартире их тоже не обнаружилось.

– Назад он книг не приносил?

Дусе покачал головой:

– Но вы можете поспрашивать в других книжных лавках. Я знаю, он во все захаживал.

– Я у них спрашивал. Вы последний. И единственный, кто делал закупки в Лит-Исте.

– Только глупцы пытаются продать английские книги в Старом городе.

Зазвонил телефон Гамаша, и он достал его, посмотрел – звонил Эмиль.

– Вы не возражаете? – спросил он у Дусе, и тот кивнул. – Салют, Эмиль. Вы дома?

– Нет, я в Лит-Исте. Удивительное место. Даже понять не могу, как это я не бывал здесь раньше. Ты можешь зайти ко мне сюда?

– Нашли что-нибудь?

– Я нашел Шиники.

– Сейчас буду.

Гамаш поднялся, вместе с ним поднялся и Анри, готовый следовать за Гамашем хоть на край света.

– Фамилия Шиники вам что-нибудь говорит? – спросил он, когда хозяин провожал его до двери.

Было почти четыре часа, и солнце уже зашло. Теперь магазинчик выглядел уютно, он был освещен изнутри, а книги казались всего лишь тенями, которые могут обернуться чем угодно.

Дусе подумал и ответил:

– Нет, к сожалению.

Время, подумал Гамаш, снова выходя в темноту, которая окутала почти все. События, людей, воспоминания. Шиники исчез в бездне времени. Когда за ним последует Огюстен Рено?

Но вот ведь Шамплейн остался и даже вырос.

Однако Гамаш знал, что вырос не человек – тайна. Отсутствие Шамплейна было куда более действенным, чем его присутствие.

Ускорив шаг, они с Анри обгоняли прохожих с пластиковыми канистрами, наполненными «карибу»; на их пуховых куртках светились веселые значки. Они носили улыбки, громадные рукавицы и пушистые яркие шапочки, словно восклицательные знаки на головах. Вдалеке раздавался почти что сказочный звук пластикового рожка. Призыв к оружию, призыв к веселью, призыв к юности.

Гамаш слышал этот звук, но рожок звал не его. Его звали другие дела.

Через несколько минут они с Анри стояли у ярко освещенного здания Литературно-исторического общества. Маленькая толпа зевак уже рассеялась, наверное, их приманили рожки и они решили, что там происходит что-то более интересное. Их звали к жизни, не к смерти.

Гамаш вошел и увидел своего старого наставника в библиотеке, окруженного маленькими стопками книг. Мистер Блейк переместился со своего кресла на диван, и теперь двое стариков оживленно о чем-то разговаривали. Они посмотрели на вошедшего старшего инспектора, помахали ему.

Мистер Блейк встал и указал на свое место.

– Нет-нет, оставайтесь, пожалуйста, – сказал Гамаш, но опоздал.

Вежливый старик уже стоял у своего насиженного кресла.

– У нас состоялся замечательный разговор, – сказал мистер Блейк. – И все о Шарле Шиники. Удивительный человек. Правда, мы склонны к некоторым преувеличениям, – произнес он со смехом.

– Я нашла еще одну, месье Комо, – громко сообщила Элизабет Макуиртер с антресоли и, увидев Гамаша, помахала ему.

Гамаш встретился взглядом с Эмилем и улыбнулся. Его наставник успел одержать здесь несколько побед.

Вскоре все четверо сидели за кофейным столиком.

– Итак, – сказал Гамаш, глядя на три нетерпеливых пожилых лица. – Скажите мне, что вам известно.

– В первую очередь я позвонил Жану, – начал Эмиль. – Ты его помнишь? Мы с ним обедали несколько дней назад в «Шато-Фронтенак».

Гамаш помнил: Лорел и Харди в исполнении Рене Далера.

– Член вашего Общества Шамплейна.

– Правильно. Но он также изучает квебекскую историю. Большинство членов общества заняты этим. Он знал Шиники, но немногим больше, чем я. Шиники был своего рода фанатиком в том, что касается трезвости, он ушел из католицизма и стал протестантом. Он считался немного чокнутым. Сделал хорошее дело, а потом все испортил, ударившись в экстремизм. Я шел домой и проходил мимо Лит-Иста, когда мне вдруг пришло в голову,

что они здесь могут знать Шиники. Ведь это же Литературно-историческое общество, и предположительно оно связано с протестантизмом. Вот я и зашел.

Элизабет подхватила нить монолога:

– Он спросил про Шиники. Мне эта фамилия незнакома, но я нашла кое-какие книги в нашем собрании. Его перу принадлежат несколько. Потом подошел мистер Блейк, и я направила месье Комо к нему.

Мистер Блейк подался вперед:

– Шарль Шиники был великим человеком, старший инспектор. Сильно оклеветанный и непонятый. Его нужно числить среди великих героев Квебека, а он по существу забыт, и о нем помнят только за его чудачества.

– Чудачества?

– Нужно признать, что он в некотором роде занимался саморекламой. Вел экстравагантный образ жизни и речи произносил довольно экстравагантные. Харизматик. Но он спас немало людей, построил лечебницу. Когда он был на вершине популярности, десятки тысяч людей, прослушав его лекцию, давали зарок не пить. Он был неутомим. Мм… – Мистер Блейк слегка запнулся. – Потом он зашел слишком далеко, и католической церкви это не понравилось. Ради справедливости нужно сказать, что они несколько раз остерегали его, но он в конечном счете отошел от церкви. Он в гневе покинул ее и стал пресвитерианцем.

– Он не заявлял, что Рим плетет заговоры, чтобы занять владычествующее положение в Северной Америке, и посылает иезуитов, чтобы убить Линкольна? – спросил Эмиль.

– Возможно, он и говорил об этом, – сказал мистер Блейк. – Но он совершал и много добрых деяний.

– И что с ним случилось? – спросил Гамаш.

– Он переехал в Иллинойс и там восстановил против себя столько людей, что ему пришлось уехать и поселиться в Монреале, где он и умер. Да, он женился, у него было двое детей, кажется, девочек. Он умер в возрасте девяноста лет.

– В тысяча восемьсот девяносто девятом году, – уточнил Гамаш и, увидев удивленный взгляд Элизабет, пояснил: – Я нашел это вчера вечером, но там были только даты рождения и смерти и никакой информации о самом человеке.

– «Нью-Йорк таймс» разместила огромный некролог, – сказал мистер Блейк. – Многие считали его героем.

– А многие – сумасшедшим, – добавила Элизабет.

– А с какой стати Огюстен Рено стал бы вдруг интересоваться

Шиники?

Все трое недоуменно покачали головой. Гамаш стал размышлять вслух:

– Тут рядом большая пресвитерианская церковь, а в Лит-Исте есть несколько его книг, так можно ли предположить, что одно как-то связано с другим? Что тут существовали какие-то взаимоотношения?

– Между Шарлем Шиники и Лит-Истом? – спросила Элизабет.

– Ну, там был еще Джеймс Дуглас, он, возможно, и был такой связью, – сказал мистер Блейк.

– А кто это? – спросил Гамаш.

Элизабет и мистер Блейк повернулись на своих стульях и уставились в окно. Гамаш и Эмиль тоже посмотрели туда, но увидели только свое отражение.

– Это Джеймс Дуглас, – пояснил мистер Блейк.

Но они продолжали смотреть в окно, и все, что они видели, – это только свое отражение.

– Окно? – спросил наконец Гамаш, прождав достаточно долго и опасаясь, что Эмиль перейдет к другой теме.

– Не окно, а бюст, – сказала, улыбнувшись, Элизабет. – Это Джеймс Дуглас.

И в самом деле, на подоконнике стоял белый гипсовый бюст викторианского джентльмена. Такие бюсты всегда действовали на нервы Гамашу – его пугали эти белые пустые глаза, словно скульптор изображал призрака.

– Он был одним из основателей Литературно-исторического общества, – сказал мистер Блейк.

Элизабет наклонилась к Эмилю:

– Знаете ли, он к тому же был расхитителем могил. Коллекционировал мумии.

Ни Гамаш, ни Эмиль не знали. Но хотели узнать.

Глава семнадцатая

– Боюсь, вам придется пояснить, мадам, – с улыбкой сказал Эмиль. – Мумии?

– Вот кто был настоящим оригиналом. – Мистер Блейк, которого эта тема задела за живое, вскочил с места. – Джеймс Дуглас был доктором, очень талантливым врачом. Он мог ампутировать конечность меньше чем за десять секунд. – Увидев их лица, он продолжил не без некоторой укоризны в голосе: – В те времена это было важно. Анестезии тогда не знали. Каждый миг был мучителен. Доктор Дуглас избавил многих людей от лишних мучений. А еще он был блестящим учителем.

– Отсюда и тела с кладбища, – произнесла Элизабет с бóльшим удовольствием, чем можно было ожидать в таком контексте. – Он начал еще где-то в Штатах…

– В Питтсбурге, – вставил мистер Блейк.

– Но его выгнали из города, когда застали на кладбище.

– Тогда было не то что сейчас, – сказал мистер Блейк. – Он был врачом, и ему требовались тела для проведения вскрытий. Тогда было обычным делом выкапывать трупы из безымянных могил.

– Необычно только, что этим занимался сам врач, – произнес Гамаш под приглушенный смешок Элизабет.

– Наверно, вы правы, – после некоторой паузы согласился мистер Блейк. – Так что вопрос о каких-то личных интересах тут не стоял. Он никогда их не продавал, всего лишь использовал тела для обучения студентов, большинство из которых сделали выдающуюся карьеру.

– Но его поймали? – спросил Эмиль у Элизабет.

– Он совершил ошибку. Выкопал известного гражданина, и его узнал один из студентов.

Теперь на всех лицах появилась гримаса отвращения.

– И он приехал в Квебек? – спросил Гамаш.

– Начал обучать студентов здесь, – ответил мистер Блейк. – И еще открыл больницу для душевнобольных рядом с городом. Он, видите ли, был фантазером. Это было время, когда отверженные помещались в места похуже тюрем, запирались там на всю жизнь.

– Бедлам[56], – сказала Элизабет.

Мистер Блейк кивнул:

– Джеймс Дуглас считался немного странным человеком, потому что

считал, что к душевнобольным нужно относиться с уважением. Его больница помогла сотням, может быть, тысячам людей. Людей, которые были никому не нужны.

– Вероятно, он был выдающийся человек, – заметил Эмиль.

– По всем сведениям, это был несчастный, своевольный, самоуверенный человек. Скандалист. Но с бедными и обездоленными он становился совсем другим. Он демонстрировал удивительное сострадание. Странно, не правда ли?

Гамаш кивнул. Вот что делало его работу столь захватывающей и столь трудной. Как один и тот же человек может быть одновременно добрым и жестоким, сострадательным и несносным. Распутать убийство означало скорее узнавать людей, чем события и улики. Людей, которые противоречили друг другу, опровергали друг друга и которые, возможно, даже не знали себя.

– Но где тут мумии? – спросил Эмиль.

– Доктор Дуглас явно продолжал извлекать тела из могил в Квебек-Сити и окрестностях, – сказала Элизабет. – Только в учебных целях. К счастью, он не выкопал премьер-министра или какого-то архиепископа, но его очарование покойниками и в самом деле выходит за рамки просто обучения.

– Просто он был любопытен, – сказал мистер Блейк с обиженной ноткой в голосе.

– Это верно, – согласилась Элизабет. – Доктор Дуглас поехал в Египет и привез оттуда две мумии. Держал их у себя дома и рассказывал про них в той же комнате. Ставил их у стены. – Она повела рукой, показывая на дальнюю стену.

– Что ж, – неторопливо произнес Гамаш, пытаясь представить это, – в те времена было много расхитителей могил. Расхищение, пожалуй, слишком сильное слово, – быстро поправился он, чтобы успокоить мистера Блейка. – В то время все эти могилы только открывали. Фараон Тутанхамон, Нефертити. – На этом его познания о Египте иссякли. – И другие.

Эмиль недоуменно посмотрел на него.

– Покажите мне какой-нибудь музей, – сказал мистер Блейк, – и я вам покажу ценности, извлеченные из могил. В Британском музее переизбыток гробниц, но что бы мы были без них? Слава богу, что их вывезли, иначе все бы погибло или было разграблено.

Гамаш хранил молчание. Силовые действия одного народа оборачивались нарушением прав других. Такова была история. И гордыня.

В данном случае знаменитая викторианская гордыня, которая явила столько мужества, сделала столько открытий, столько осквернений.

– Как бы это ни называлось, но это странно, – сказала Элизабет. – Мои бабушка и дедушка ездили в молодости в Египет и вернулись назад с коврами. Но без единого тела.

Эмиль улыбнулся.

– Вообще-то, одна мумия была отправлена в музей в Онтарио, а несколько лет назад ее вернули в Египет, когда обнаружилось, что это мумия фараона Рамзеса, – продолжила Элизабет.

– Pardon? – переспросил Гамаш. – Доктор Дуглас привез в Канаду тело египетского фараона?

– Судя по всему, – сказал мистер Блейк, который разрывался между смущением и гордостью.

Гамаш тряхнул головой:

– Так какое отношение этот замечательный доктор Дуглас имеет к Шиники?

– Ой, разве мы не сказали? Они были хорошими друзьями, – заторопился мистер Блейк. – Еще будучи священником, Шиники ходил в больницу доктора Дугласа для душевнобольных и ухаживал там за католиками. Именно Дуглас и побудил Шиники к действию. Многие пациенты были пьяницами. Доктор Дуглас обнаружил, что если их запереть, хорошо кормить и не давать алкоголя, то они нередко выздоравливают. Но они должны были оставаться трезвенниками. Или, еще лучше, никогда не пить сверх меры. Он сказал об этом отцу Шиники, и Шиники немедленно ухватился за эту идею. Это стало делом его жизни, его способом спасать души, пока они не прокляты.

– Воздержание от алкоголя, – кивнул Гамаш.

– Зарок воздержания, – подтвердил мистер Блейк. – Вынудить их отказаться от алкоголя или никогда не начинать пить. И десятки тысяч сделали это благодаря отцу Шиники. Его выступления стали знаменитыми. Он был Билли Грэмом[57] своих дней, привлекал к себе людей из всего Квебека и восточной части США. Люди наперебой спешили давать зарок.

– И вдохновителем всего этого стал Джеймс Дуглас, – подчеркнул Эмиль.

– Они дружили всю жизнь, – добавила Элизабет.

Краем глаза Гамаш заметил какое-то движение в тени. Он кинул взгляд на антресоль, но увидел только статую генерала Вольфа, смотрящую на них, слушающую. Однако старшего инспектора не отпускало ощущение, что генерал там не один. Кто-то еще стоит в тени. Прячется среди книг,

историй. Слушает. Историю двух вдохновенных сумасшедших, двух старых друзей.

Но в этой истории был и еще один сумасшедший. Огюстен Рено, одержимый мертвецом.

– Эта распродажа книг в прошлом году, – начал Гамаш и тут же почувствовал перемену настроения: Элизабет Макуиртер и мистер Блейк насторожились. – Насколько я понимаю, она была не очень успешной.

– Да, она не была успешной в английском сообществе, – признала Элизабет. – В конечном счете нам пришлось приостановить продажи.

– Почему?

– Общество оказало сопротивление, – сказал мистер Блейк. – Наверное, не стоит удивляться, что энергичнее всего возражали те, кто никогда не бывал в Лит-Исте. Просто их не устраивала сама идея в принципе.

– И в чем же состоит этот принцип? – спросил Эмиль.

– В том, что общество было создано для сохранения английской истории, – сказала Элизабет. – И любой клочок бумаги с английскими буквами на нем, любой список покупок, любой дневник, любое письмо священны. Продавая даже самую малость, мы предаем наше наследие. Люди считали, что это неправильно.

Чувства. Сколько люди ни пытались рационализировать свои действия, оправдывать их, объяснять, в конечном счете все сводилось к чувствам.

– Кто-нибудь просматривал книги? Как вы решали, что стоит продавать? – спросил Гамаш.

– Мы начали с подвала, с тех книг, которые считались неважными при поступлении, а потому оставались в коробках. Таких было много. К сожалению, наши фонды переполнены, и мы были рады продавать их коробками, лишь бы избавиться.

– У вас были две распродажи? – спросил Гамаш.

– Да. Первая летом, а потом, позднее, у нас была распродажа поменьше, поспокойнее. Покупали в основном магазины и люди, которые сочувствовали тому, что мы делаем.

– Книги, подаренные миссис Клод Маршан в тысяча восемьсот девяносто девятом году, были среди тех, что вы продали, – сказал Гамаш.

– Это точно? – спросила Элизабет.

– Это имеет значение? – спросил мистер Блейк.

– Мы так считаем. Миссис Маршан была экономкой Шарля Шиники в Монреале. После его смерти родственники, вероятно, поделили вещи и дали ей часть книг. А может быть, он сам просил, чтобы их отправили

сюда. Как бы там ни было, она, вероятно, знала, что он был связан с Литературно-историческим обществом, а потому прислала книги. Судя по всему, здесь они хранились в коробках и, скорее всего, были помещены в подвал. Их не удосужились разобрать, поскольку не думали, что они представляют собой какую-то ценность.

– Вы хотите сказать, что у нас было собрание книг Шиники, а мы об этом не знали? – возбужденно произнес мистер Блейк. – Это именно то, чего люди и боялись. Что в спешке мы распродадим сокровища. Что это были за книги?

– Мы не знаем, – признал Гамаш. – Но часть их была куплена Огюстеном Рено, и его в особенности заинтересовали две из них.

– Какие?

– И опять мы не знаем. У нас есть каталожные номера, но больше ничего. Ни названий, ни представления, о чем они.

– Что могло у отца Шиники быть такого, что заинтересовало Огюстена Рено? – спросила у себя самой Элизабет. – Шиники не интересовался Шамплейном. По крайней мере, нам об этом не известно.

«Вообще-то, сейчас есть два важных вопроса, – подумал Гамаш. – Что это были за книги? И почему мы не можем их найти?»

Эмиль и Гамаш задержались у здания Лит-Иста.

– Ну и что ты думаешь? – спросил Эмиль, надевая варежки и шапочку.

– Я думаю, что если в дневнике Рено Шин – это Шиники, то ДжД – Джеймс Дуглас.

– А Патрик и О’Мара тоже давно мертвы, – завершил его мысль Эмиль.

Дыхание вырывалось облачками изо рта, почти сразу замерзая в воздухе. Но эти двое продолжали стоять и разговаривать.

Гамаш кивнул:

– Рено не собирался встречаться с этими четырьмя, он просто сделал отметку о том, что они уже встретились. Вот здесь. Больше ста лет назад.

Они посмотрели на здание.

– А восемнадцать с чем-то? Число в его дневнике? – спросил Эмиль. – Время? Дата?

Гамаш улыбнулся:

– Узнаем.

– Непременно, – согласился Эмиль. Ему было хорошо оттого, что они снова работают вместе. – Идем?

– Мне только нужно заглянуть кое-куда на несколько минут. Вы

можете отвести Анри домой?

Гамаш проводил взглядом Анри и Эмиля, который осторожно, чтобы не поскользнуться на льду и снегу, спускался по рю Сен-Станисла.

Старший инспектор прошел несколько метров до пресвитерианской церкви Святого Андрея. Попробовал дверь и удивился, поняв, что она открыта. Он просунул внутрь голову. Потолок лазурного цвета был едва освещен, а все остальное погружено в сумрак.

– Добрый вечер, – громко произнес Гамаш, слыша собственный голос, который прогремел по церкви и смолк.

Он собирался поговорить с молодым священником, но почувствовал, что его тянет в это тихое пространство. Он снял куртку и посидел тихо несколько минут, время от времени делая глубокий вдох, а потом долго выдыхая воздух.

«Теперь больше не будет одиночества».

Закрыв глаза, Гамаш впустил в уши голос, позволил ему заговорить. Наполнить его мозг, смеяться и снова и снова рассказывать о том, как он сломал свою первую скрипку, маленькую скрипку, которую ему дали в школе. Она стоила больших денег – у них таких не было, и мать отремонтировала ее и отдала расстроенному мальчику со словами: «Прочнее всего то, что было сломано. Не беспокойся».

– Какие добрые слова, – искренне сказал Гамаш.

– Для неловкого мальчишки, – согласился Морен. – Я ломал все. Скрипки, пылесосы, разбивал стаканы, тарелки – все, что попадало под руку. Один раз даже молоток сломал. А если чего не ломал, то терял. – Морен рассмеялся.

Гамаш чувствовал, что чуть ли не кивает согласно в тепле и спокойствии, слыша дружеский смех, а открыв глаза, он с удивлением обнаружил, что больше не один. Молодой священник тихо сидел на другом конце скамьи и читал.

– Вам сегодня, кажется, весело, – сказал Том Хэнкок.

– Да? Так, вспомнил кое о чем. Что вы читаете? – спросил Гамаш голосом чуть громче шепота.

Том Хэнкок посмотрел на книгу, которую держал в руках.

– «Держи курс на третий по высоте дуб на вершине Фишерс-Пойнт, – прочел он. – Пройдя полпути, скорректируй курс, с учетом течения, ветра и льда. И всегда держись ледяных полей, никогда – чистой воды».

– Малоизвестное Евангелие, – заметил Гамаш.

– После реформ их стало труднее узнавать, – согласился преподобный мистер Хэнкок.

Он вложил закладку, закрыл книгу и передал своему собеседнику. Гамаш взял ее и посмотрел название:

ДОСТАВКА ПОЧТЫ ЧЕРЕЗ МОГУЧУЮ РЕКУ СВЯТОГО ЛАВРЕНТИЯ ЗИМОЙ

РУКОВОДСТВО…

Открыв обложку, он просмотрел титульную страницу и нашел дату: 1854.

– Трудная для чтения книга. – Он вернул ее священнику. – Где вы ее нашли?

– Одно из преимуществ близости к Лит-Исту. Нужно только пошарить там по полкам. Наверное, я второй человек, который брал ее за сто пятьдесят лет.

– А другие интересные книги вы там нашли?

– Кое-что нашел. Не менее трудное для понимания. Я, когда только приехал, нашел там книги старых проповедей и стал их читать в надежде, что на часть моих прихожан это произведет впечатление, но никто ничего не заметил, и я перестал. – Он рассмеялся. – Но вот эта довольно полезная. Описаны стратегии пересечения реки зимой.

– Гонки на каноэ? Наверно, есть времяпрепровождение и полегче.

– Вы шутите? Пересечь реку на каноэ – это игрушки по сравнению с тем, чем я обычно занимаюсь.

Гамаш повернулся лицом к Тому Хэнкоку:

– Так трудно?

Молодой человек помрачнел:

– Временами.

– Вы что-нибудь знаете об отце Шиники?

Том Хэнкок покачал головой:

– Кто он такой?

– Он умер больше сотни лет назад. Знаменитый католический священник, который ушел от католиков к пресвитерианам.

– Правда? Шиники? – Он задумался ненадолго, потом снова покачал головой. – Увы. Я бы должен его знать, но я нездешний.

– Не переживайте. Его мало кто знает. Я о нем тоже никогда не слышал.

– Он важен для вашего расследования?

– Я не понимаю, как это возможно, но его имя всплыло в дневнике Рено. Похоже, он купил книги Шиники на распродаже в Лит-Исте.

Преподобный мистер Хэнкок поморщился:

– Эта распродажа до сих пор не дает нам покоя.

– Вы не одобряли ее?

– Как не одобрять? Это казалось очевидным. Дом нужно ремонтировать. Вопрос стоял так: можно ли продать несколько никем не используемых книг, чтобы спасти остальные. Решение не должно было вызывать сомнений.

Гамаш кивнул.

Вопрос часто стоял именно так: отдать малое, чтобы спасти многое. С расстояния это казалось таким простым, таким очевидным. И в то же время с расстояния ты видел более широкую картину, но не всю, детали от тебя ускользали. Не все можно было увидеть с расстояния.

– Сопротивление вас удивило? – спросил Гамаш.

Том Хэнкок ответил не сразу:

– Скорее разочаровало. Английское сообщество сокращается, но зачем же ему совсем вымирать? Оно сейчас балансирует на краю. Может двинуться в ту или другую сторону. Сейчас важно сохранить на плаву его общественные институты. Они – якоря любого сообщества. – Он помолчал немного – выбор слов пришелся ему не по вкусу. – Нет, не якоря. Гавани. Места, куда приезжают люди и чувствуют себя в безопасности.

В безопасности, подумал Гамаш. Как это важно, как это критически необходимо. Что готовы сделать люди, чтобы сохранить безопасную гавань? Они будут делать то, что делали веками. Что делали французы, чтобы сохранить Квебек, что делали англичане, чтобы его захватить. Что делают страны, чтобы защитить свои границы, что делают люди, чтобы защитить свои дома.

Убивают. Чтобы чувствовать себя в безопасности. Но это почти никогда не приносит желаемого результата.

Том Хэнкок снова заговорил:

– Очень важно слышать родной язык, видеть его слова на бумаге, видеть, что его ценят. Вот одна из причин, по которой я обрадовался, когда меня пригласили в совет Литературно-исторического общества. Хотел попытаться спасти его общественные институты.

– Они разделяют вашу озабоченность?

– О да. Они знают, насколько все это шатко. Вопрос на самом деле состоит в том, как сохранить Лит-Ист, англиканскую кафедру, эту церковь,

среднюю школу и дом престарелых. Си-би-си. Газету. Им всем грозит закрытие.

Молодой священник посмотрел на Гамаша озабоченным взглядом. Не горящими глазами фанатика, не глазами Рено, Шамплейна или Шиники, а глазами человека, чье призвание важнее его самого. Простое желание помочь.

– Все люди искренни, весь вопрос в стратегии. Некоторые считают, что главный враг – перемены, некоторые считают, что их спасут только перемены, но все они знают, что стоят спиной к утесу.

– Повторение Полей Авраама?

– Нет, не повторение. Битва ни на минуту не прекращалась. Англичане выиграли только первую схватку, а французы выиграли войну. Долгосрочный план.

– Одряхление? – спросил Гамаш. – Месть колыбели?[58]

Это был знакомый аргумент и знакомая стратегия. Католическая церковь и политики на протяжении поколений требовали, чтобы квебекцы рожали побольше детей для заселения громадных территорий и выдавливания малочисленных англичан.

Но в конечном счете оказалось, что дело не только в количестве французского населения, которое уменьшало влияние англичан, но и в собственно английской гордыне. В их отказе делиться с французским большинством властью, богатством, влиянием.

Если они стоят спиной к утесу, то пропасть, как и враги, – творения их собственных рук.

– Если английское сообщество хочет выжить, – сказал Том Хэнкок, – то оно должно пойти на некоторые жертвы. Предпринять какие-то действия. Приспособиться.

Он помолчал, глядя на книгу в своих руках.

– Изменить курс? – спросил Гамаш, тоже глядя на книгу в руках священника. – Они направляются в открытую воду? Хотят сначала попробовать простой путь?

Том Хэнкок покосился на Гамаша, и напряжение немного уменьшилось. Он даже коротко рассмеялся:

– Touché[59]. Я думаю, мы все это делаем. Люди видят во мне физически развитого молодого парня. Даже поразительно красивого. – Он украдкой посмотрел на своего удивленного собеседника. – Но дело в том, что я вовсе не силен. Каждый новый день пугает меня. Поэтому я участвую в гонках на каноэ. Нелепое занятие. Нет, правда, то гребешь, то бежишь по

полузамерзшей реке при температуре минус тридцать градусов. Знаете, почему я это делаю?

Гамаш покачал головой, и молодой человек ответил на свой вопрос:

– Чтобы люди думали, будто я силен. – Голос его упал, как и взгляд. – Я совсем не силен. Там, где это важно. По правде говоря, я бы лучше, потея, гнал каноэ по шуге и по льду, чем сидел бы один на один, исповедуя больного и умирающего прихожанина. Меня от этой мысли ужас пробирает.

Гамаш подался вперед, голос его был приглушен, как свет в церкви.

– А что вас в этом пугает?

– Я не буду знать, что ему говорить, я боюсь, что обману его ожидания. Что не оправдаю своего призвания.

«Я тебя найду. Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось».

«Да, сэр. Я вам верю».

Они сидели в церкви и глядели в никуда, погруженные в свои мысли.

– Сомнение, – сказал наконец Гамаш, и это слово заполнило громаду пустого пространства вокруг них.

Он уставился перед собой, видя закрытую дверь. Не ту дверь.

Том Хэнкок посмотрел на своего собеседника, позволил ему посидеть в молчании несколько секунд.

– Сомнение – вещь естественная, старший инспектор. Оно делает нас сильнее.

– А прочнее всего то, что было сломано? – спросил Гамаш с улыбкой.

– Так и должно быть, я на это рассчитываю, – ответил преподобный мистер Хэнкок.

Гамаш кивнул, задумался.

– Но вы все же делаете это, – сказал он наконец. – Вы сидите с больными и умирающими прихожанами. Это вас пугает, но вы делаете это каждый день. Не убегаете.

– У меня нет выбора. Чтобы добраться туда, куда мне надо, я должен направлять свой курс на лед, а не на открытую воду. И вы тоже.

– И куда вы хотите добраться?

– До берега, – после некоторой паузы ответил Хэнкок.

Гамаш глубоко вздохнул. Хэнкок посмотрел на него.

– Не всем удается пересечь реку, – тихо сказал Гамаш.

– Так и устроена жизнь.

Гамаш кивнул.

«Я вам верю», – прошептал молодой голос.

Гамаш наклонился вперед, упер локти в колени, переплел сильные

пальцы, и дрожь стала почти незаметна. Потом он положил подбородок на сцепленные руки.

– Я совершил несколько ужасных ошибок, – сказал он, глядя в сумеречное пространство церкви. – Не разглядел всю картину, хотя для этого были все возможности. Не охватил взглядом все, пока не стало почти слишком поздно. Но и тогда я совершил ужасную ошибку.

Коридор, запертая дверь. Не та дверь. Неверно выбранное направление. Секунды истекают. Они несутся к другой двери, сердце вырывается из груди.

«Не волнуйся сынок. Все будет хорошо».

Они врываются внутрь и видят его худую спину – вот он сидит лицом к стене. Смотрит на часы. А они тикают.

«Да, сэр, я вам верю».

Время.

Заставив себя вернуться в тихую церковь, Гамаш посмотрел на Тома Хэнкока.

– Иногда жизнь идет не по нашему сценарию, – мягко сказал священник. – Вот почему нам нужно приспосабливаться. Никогда не поздно изменить направление.

Гамаш промолчал. Он знал, что молодой священник ошибается: иногда бывает слишком поздно. Генерал Монкальм знал это. И он, Арман Гамаш, знал это.

– Им нужно было продать все эти коробки с книгами, – сказал наконец Том Хэнкок, забывшись в собственных воспоминаниях. – Но вот теперь это символ для вас. Лит-Ист, заполненный до отказа никому не нужными английскими словами. Придавленный прошлым.

– «Je me souviens», – прошептал Гамаш.

– Он погребет их под собой, – печально сказал преподобный мистер Хэнкок.

Гамаш начинал понимать это сообщество и это дело.

И себя.

Глава восемнадцатая

– Еще десять.

Клара застонала и одновременно задрала обе ноги.

– Спину держать ровно!

Клара проигнорировала приказ. Это было некрасиво. Определенно далеко от идеала, но она, черт побери, все равно была полна решимости сделать это.

– Один, хрип, два, стон, три…

– Я тебе рассказывала, как каталась на лыжах на Мон-Сен-Реми?

Пине, их инструктору, явно и дышать не требовалось. Ее руки и ноги жили независимо от остального тела, двигались с военной точностью, пока она лежала на коврике и болтала, словно они расслаблялись на пляже.

Мирна без умолку бранилась и потела, а иногда производила и другие звуки, а Рики Мартин пел «Livin' la Vida Loca». Клара всегда была рада возможности заниматься рядом с Мирной, поскольку любое число грехов и звуков можно было списать на нее. И за ней было легко спрятаться. За Мирной мог спрятаться весь класс.

– Если ты ее подержишь, я ее убью, – сказала Мирна Кларе.

– Но как? Нам это не сойдет с рук, – задумчиво ответила Клара.

Ей удалось еще двенадцать раз поднять ноги, хотя Пина объявила только о десяти, и теперь инструктор горько жаловалась на сноубордистов, а ее пневматические ноги тем временем без устали ходили вверх-вниз.

– Никто и слова не скажет, – пробормотала Мирна, на миллиметр приподнимая ноги. – А если будут грозить, мы и их убьем.

На взгляд Клары, план был неплох.

– Ну, как там у нас с ногами? – спросила Пина. – Три, четыре…

– Уговорила, толстуха, я согласна, – фыркнула Клара.

– И я тоже, – сказала Доминик Жильбер по другую сторону от Клары.

Ее голос стал почти неузнаваемым, как и ее пунцовое лицо.

– Боже милостивый, – взмолилась Жена с другого конца комнаты, – сделайте уже это поскорее!

– Что сделайте? – спросила Пина, начиная вращать ногами, как на велосипеде.

– Убить тебя, что же еще, – выдохнула Мирна.

– Ах, это, – рассмеялась Пина, которая так и не осознала, насколько близко ее группа подходила к этому на каждом занятии.

Еще двадцать минут – и все закончилось последним движением тайцзицюань, во время которого Клара сосредоточилась на убийстве. Это было здорово, она восхищалась Пиной, и занятия были ей необходимы.

Вытершись полотенцем и свернув коврик, Клара подошла к группке женщин, собравшихся в центре комнаты. Через несколько секунд она поняла, что разговор вертится вокруг нужной ей темы.

– Вы видели, что инспектор Бовуар вернулся в деревню? – спросила она как бы невзначай, вытирая капельки пота на шее.

– Бедняга, – пожалела его Ханна Парра. – Но ему вроде бы уже лучше.

– Мне кажется, он такой симпатичный, – сказала Жена.

Глаза у нее были большие, выразительные, без всякого намека на лукавство.

– Ничего тебе не кажется, – рассмеялась Мирна. – Он слишком тощий.

– Я бы его откормила, – сказала Жена.

– В этом инспекторе что-то есть, – заметила Ханна. – Я хочу его спасти, вылечить, чтобы он начал улыбаться.

– Мистер Спок, – сказала Клара. Разговор уходил не совсем в ту сторону, как ей хотелось, и оттого, что она выводила его в космическое пространство, толку было мало. – Вулкан! – пояснила она, глядя на недоумевающих женщин. – Да бога ради, вы еще скажите мне, что не смотрели «Звездный путь». Все влюбляются в мистера Спока, потому что он такой крутой и держится уединенно. Они хотели разбить этот лед и добраться до его сердца.

– Мы вовсе не до его сердца хотим добраться, – сказала Ханна, и все рассмеялись.

Они оделись и побежали по заснеженной дорожке в гостиницу и спа на обычные после занятий чай и булочки.

Клара все еще каждый раз удивлялась при входе в гостиницу, вспоминая полуразвалившийся старый дом Хадли в те времена, когда Доминик и ее муж Марк еще не купили его. Теперь хозяйка, расслабленная и элегантная, улыбаясь, наливала чай.

Может быть, Доминик и убила Отшельника? Нет, Клара не могла себе такого представить. Нет, если уж честно, то наиболее вероятным подозреваемым как тогда, так и теперь оставался Марк Жильбер, муж Доминик.

Клара снова вернула разговор к теме убийства.

– Трудно поверить, что Оливье нет с нами вот уже шесть месяцев, – сказала она, принимая у Доминик чашку ароматного чая.

За окном стоял ясный день под голубым небом – в такие дни всегда

холодно. Ветер закрутил вихрем снежную порошу, и до них донесся слабый рассыпающийся звук, будто кто-то бросил в окно горсть песка.

В гостинице царили покой и тишина. Комната была наполнена антикварными вещами – не громоздкими викторианскими, из дуба, а простой мебелью из сосны и вишни. Стены были покрашены в пастельные тона, что навевало ощущения покоя и безмятежности. В камине горел огонь, и в комнате пахло дымком кленового дерева, увлажнителями и чайным отваром. А еще ромашкой, лавандой и корицей.

Пришла молодая женщина с подносом теплых булочек, взбитых сливок и джема домашнего приготовления.

– Как поживает Оливье? – спросила Жена.

– Пытается приспособиться, – ответила Мирна. – Я его видела несколько недель назад.

– Он по-прежнему утверждает, что не убивал Отшельника, – сказала Клара, внимательно всех оглядывая.

Она чувствовала себя самозванкой, проводя это маленькое расследование, притворяясь. Но ее ждали вещи еще более неприятные. Клара размазала сливки по теплой булочке, а сверху еще добавила клубничного джема.

– Но если не он, то кто?

Ханна Парра была неколебима, тверда и привлекательна. Клара знала ее не один десяток лет. Способна ли Ханна совершить убийство? Можно и спросить.

– Вот ты бы могла кого-нибудь убить?

Ханна посмотрела на нее с удивлением, но без злобы или подозрительности:

– Занятный вопрос. Я точно знаю, что могла бы.

– Откуда такая уверенность? – спросила Доминик.

– Если бы кто-то вломился в наш дом и угрожал Хэвоку или Рору? Я бы его убила, не задумываясь.

– Сначала убей женщину, – сказала Жена.

– Что-что? – спросила Доминик.

Она подалась вперед и поставила хрупкую чашку на блюдечко.

– Это из брошюрки, выпускаемой Моссадом, – пояснила Жена.

Даже оператор, которая делала педикюр Мирне и Ханне, замерла и уставилась на эту привлекательную молодую женщину, говорившую такие ужасы.

– Откуда ты это знаешь? – спросила Мирна.

Жена широко улыбнулась:

– Что, напугала вас?

Они все рассмеялись, но, по правде говоря, им было немного не по себе. Жена дала им несколько секунд переварить это, потом хохотнула:

– Я слышала это по Си-би-си. Была передача про терроризм. Согласно теории, женщины почти никогда не убивают. Чтобы подвигнуть женщину на убийство, нужно бог знает что, но уж если она решится, то ее не остановить.

Наступило молчание – они осмысливали услышанное.

– Да, разумно, – сказала наконец Мирна. – Если уж женщина на что-то решается, она делает это сердцем и головой. А это сильное оружие.

– В этом и состояла суть интервью, – сказала Жена. – Женщины редко входят в террористические ячейки, но агенты Моссада получают такую инструкцию: если они совершают налет на гнездо террористов и видят там женщину, то ее нужно убивать в первую очередь, потому что она никогда не сдается. Она самая опасная из всех, кто там есть. Безжалостная.

– Мне это ужасно не нравится.

– И мне тоже, – согласилась Жена. – Но я думаю, что так оно и есть. Почти ничто не может заставить меня нанести кому-нибудь физический или эмоциональный вред, но я отдаю себе отчет в том, что если возникнет необходимость, то я это сделаю. И это будет ужасно.

Последнее предложение было произнесено с грустью, и Клара понимала, что так оно и есть.

Может быть, Отшельника все же убила одна из этих женщин? Но зачем? Что могло заставить их сделать это? И что она знает о них?

– Вы знаете, что Шарли теперь начал говорить? – сменила тему Жена. – И всё благодаря доктору Жильберу. Он приходит раз в неделю и работает с ним.

– Как это мило с его стороны, – раздался мужской голос от дверей.

Женщины повернулись.

В дверях стоял Марк Жильбер, высокий, длинноногий, его светлые волосы были коротко подстрижены, голубые глаза смотрели пронзительно.

– Шарли теперь может говорить «гоо» и «строо», – с воодушевлением сказала Жена.

– Примите мои поздравления, – улыбнулся Марк.

В его словах слышались сарказм и удивление.

Клара насторожилась. Проникнуться ненавистью к этому человеку было проще простого.

Она пыталась проникнуться к нему симпатией ради Доминик, но ничего из этого не получилось.

– Я помню, мое первое слово было «пу», – сказала она Жене, которая смущенно смотрела на Марка.

– «Пу»? – переспросила Мирна, нарушая неловкую тишину. – И что это значило?

Клара рассмеялась:

– Я пыталась сказать «песик». А получалось «пу». Потом это стало моим прозвищем, и долгие годы меня так и называли. Отец до сих пор иногда называет меня Пу. У вашего отца было для вас прозвище, когда вы росли? – спросила Клара у Марка, пытаясь снять напряжение.

– Он редко бывал дома. А потом вообще исчез – и делу конец. Так что нет, не было у него никакого прозвища для меня.

Напряжение стало еще сильнее.

– А теперь говорят, что он нашел другую семью. – Марк уставился на Жену.

«Значит, вот оно что, – подумала Клара. – Ревность».

Жена смотрела на Марка, и Клара увидела, как румянец залил ее щеки. Марк улыбнулся и вышел.

– Извините… – начала Доминик, повернувшись к Жене.

– Ничего. В том, что он сказал, есть свой смысл. Старик без ума от вашего свекра. Я думаю, он видит в нем нечто вроде суррогатного деда для Шарля.

– А его собственный отец не заходит?

– Нет. Он умер, когда Старик был еще мальчишкой.

– Наверно, умер довольно молодым, – сказала Мирна. – Несчастный случай?

– Как-то весной он вышел на речной лед, а тот оказался не таким прочным, как он рассчитывал.

Она замолчала, но этого было вполне достаточно. Все в комнате понимали, что случилось дальше. Лед под ногами хрустнул, пошел трещинками, человек посмотрел вниз. Остановился. Замер.

Каким далеким должен казаться берег, когда ты стоишь на тонком льду.

– Его нашли? – спросила Мирна.

Жена покачала головой:

– Я думаю, это хуже всего. Мать Старика до сих пор ждет мужа.

– О боже, – простонала Клара.

– А Старик? – спросила Мирна.

– Считает ли он его живым? Нет, слава богу, но он не думает, что это был несчастный случай.

И Клара тоже не думала. Ей это казалось преднамеренным. Все знали,

что ходить по льду весной – это все равно что звать смерть.

И лед, конечно, проломился под ногами его отца, как тот и рассчитывал, но его сын в тот день тоже потерял опору под ногами. А Винсент Жильбер восстановил справедливость. Святой мерзавец пришел на помощь Шарлю и помог Старику. Но какой ценой?

Не отзвук ли этого слышала она несколько минут назад в голове Марка Жильбера? Не сарказм, а тоненькую трещинку?

– А ваши родители, Клара? – спросила Доминик, наливая еще чая. – Они живы?

– Отец жив. Мать умерла несколько лет назад.

– Вам ее не хватает?

«Хороший вопрос, – подумала Клара. – Не хватает ли мне ее?»

– Иногда. У нее был Альцгеймер к концу жизни. – Увидев их лица, она поспешила сказать: – Нет-нет. Последние несколько лет были чуть ли не лучшими в нашей с ней жизни.

– Это когда она впала в слабоумие? – спросила Доминик.

– Вообще-то, это было каким-то чудом. Она забыла все: свой адрес, своих сестер. Забыла отца, даже нас забыла. Но еще она забыла, что такое злиться. Это было замечательно. – Клара улыбнулась. – Такое облегчение. Она не могла вспомнить длинный список своих претензий. Она стала такой легкой в общении.

Она забыла, что такое любовь, но забыла и что такое ненависть. Клара была рада такой сделке.

Женщины в комнате болтали о любви, о детстве, о потере родителей, о мистере Споке, о хороших книгах, что они читали.

Они были как дружная семья. А к ланчу готовы были встретить зимний день. Клара шла домой с крошками в волосах, чувствуя на губах вкус ромашки. Она думала об отце Старика, вмерзшем во время. И о выражении лица Марка Жильбера, когда появилась трещина.

Арман Гамаш сидел в пекарне Пайяра на рю Сен-Жан и просматривал дневник Огюстена Рено. Анри свернулся под столом, а снаружи люди шли сквозь снег и мороз, втянув голову в плечи.

Какая связь могла быть между Шиники, этим священником, отрекшимся от сана, и археологом-любителем Огюстеном Рено? Гамаш вглядывался в экзальтированные пометы Рено, в восклицательные знаки и кружки, которыми он обвел имена четырех человек: Шина, ДжД, Патрика, О’Мары. Кружки такие яростные, что перо чуть не порвало бумагу. А ниже – каталожные номера.

9-8499.

9-8572.

Эти номера почти наверняка относились к книгам, проданным библиотекой. Книгам, полученным в дар от экономки Шиники и больше века пролежавшим в подвале. Пока Огюстен Рено не купил их у Алена Дусе, владельца магазинчика старой книги. Двумя частями. Первая – летом, вторая – несколько недель назад.

Что было в этих книгах?

Что такого было у Шиники, что привело в возбуждение Огюстена Рено?

Гамаш отпил горячий шоколад.

Это наверняка имело какое-то отношение к Шамплейну, но священник ничуть не интересовался основателем Квебека.

Шин, Патрик, О’Мара, ДжД. 18…

Если Шиники во время смерти в 1899 году было девяносто, то родился он в 1809-м. Мог ли этот номер означать 1809? Или 1899? Возможно. Но что это давало Гамашу?

Ничего.

Он прищурился.

Внимательнее вгляделся в 1809, потом захлопнул свою записную книжку, допил горячий напиток, положил деньги на столик и вместе с Анри поспешил на холод. Делая широкие шаги, он видел, как на его глазах увеличивается в размерах базилика.

На углу он помедлил, оставаясь в своем мире, где снег и лютый мороз не доставали его. В мире, в котором Шамплейн умер и был похоронен недавно, а потом и перезахоронен.

В мире улик многовековой давности, канувших в Лету так же, как и тело.

Гамаш повернулся и быстро пошел вверх по Де-Жарден, но остановился перед красивой старой дверью с цифрами из литого чугуна.

1809.

Он постучал и принялся ждать. Теперь до него добрался холод, да и Анри приник к его ноге, ища тепла и поддержки. Гамаш уже собирался уходить, когда дверь приоткрылась, потом распахнулась.

– Entrez, – пригласил его Шон Патрик, быстро отступая назад, подальше от пронизывающего ветра, ворвавшегося в дом.

– Извините, что снова беспокою вас, месье Патрик, – сказал старший инспектор, войдя в темную, тесную прихожую. – Но у меня есть к вам два вопроса, если позволите. – Он показал внутрь дома.

– Хорошо, – сказал Патрик, неохотно направляясь в указанном направлении. – Куда?

– В гостиную, пожалуйста.

Он оказался в знакомой комнате, в окружении аскетического прошлого Патрика.

– Это ваши прабабушка и прадедушка, верно? – спросил Гамаш, показывая на пару, сфотографированную перед домом, в котором они теперь находились.

Это был замечательный снимок: два строгих коричневатых изображения людей, одетых в лучшие выходные одежды.

– Да. Снято в тот год, когда они купили этот дом.

– В прошлый раз вы нам сказали, что это случилось в конце девятнадцатого века.

– Верно.

– Вы не возражаете? – Гамаш снял фотографию со стены.

– Пожалуйста.

Было видно, что Патрику любопытно.

Перевернув фотографию, Гамаш увидел, что сзади она запечатана оберточной бумагой. На ней была наклейка с именем фотографа, но дата отсутствовала. Как отсутствовали и имена.

Гамаш надел очки и внимательно вгляделся в фото. И в нижнем правом углу разглядел то, что искал, – оно выглядывало из-под рамки.

Год съемки.

1870.

Повесив на место фотографию, он двинулся вдоль стены и остановился перед другой фотографией – прапрадедушки Патрика. Тот стоял в группе других рабочих возле большой ямы. Здание сзади было едва видно.

Прапрадедушка Патрик улыбался, как и человек, стоящий рядом с ним. Однако у всех остальных вид был мрачный. А почему нет? Их жизнь, как и жизнь их отцов, была безрадостна.

Ирландские иммигранты, они ехали в Канаду за лучшей жизнью, но умирали по дороге в трюмах переполненных судов. А выжившие всю жизнь занимались тяжелым трудом. Жили в убожестве Басс-Вилля, Нижнего города под тенью утеса, под могучим «Шато-Фронтенак».

Эта жизнь была полна отчаяния. Так почему улыбались эти двое? Гамаш перевернул фотографию. Она тоже была запечатана.

– Я бы хотел снять задник, если вы не возражаете.

– Зачем?

– Мне кажется, это поможет следствию.

– Как?

– Не могу вам сказать, но я обещаю, что не поврежу снимка.

– Меня что, из-за этого ждут неприятности? – Патрик впился взглядом в задумчивые глаза Гамаша.

– Ни в коем случае. Напротив, я буду рассматривать это как услугу с вашей стороны.

После короткой паузы Патрик кивнул.

– Bon, merci. Вы не могли бы включить весь свет и дать мне ваш самый острый нож?

Патрик сделал, что просил Гамаш, и они склонились над фотографией. Рука Гамаша с ножом чуть подрагивала, и он ухватил его покрепче. Патрик посмотрел на старшего инспектора, но ничего не сказал. Гамаш опустил нож и осторожно подвел его под ветхую старую бумагу, приподнимая ее над рамкой. Понемногу бумага стала отходить.

Противясь искушению сорвать бумагу одним рывком, он осторожно поднимал ее, пока не снял всю и обратная сторона фотографии не обнажилась впервые с того времени, как была заделана в рамку более ста лет назад. И там четким шрифтом были написаны имена людей, включая и двух улыбающихся.

Шон Патрик и Фрэнсис О’Мара.

1869.

Гамаш смотрел, не отрывая взгляда.

В записи Огюстена Рено был не 1809, а 1869 год.

Шиники познакомился с этим Патриком, этим О’Марой и Джеймсом Дугласом в 1869 году.

Почему?

Гамаш обвел взглядом стену с предками, стоящими перед домом. Большой путь от Басс-Вилля, целая вселенная. Гораздо больше, чем расстояние между Ирландией и Канадой. Это была непреодолимая бездна между НАМИ и ИМИ.

Грубый ирландский рабочий в великолепном доме Верхнего города в 1870 году. Такое было невозможно. Но это случилось.

Гамаш снова взглянул на улыбающихся людей перед домом. О’Мара и Патрик. Чему они так радовались?

У Гамаша имелись соображения на этот счет.

Глава девятнадцатая

– Доктор Шевре?

Гамаш увидел, как напряглась спина человека. Это было красноречивое маленькое движение, непроизвольное и часто встречающееся. Перед ним был человек, погруженный в свои занятия и недовольный тем, что его прервали. Гамаш знал, что такая реакция вполне понятна. Кто сам не испытывал этого время от времени?

Но еще более красноречивой была последовавшая за этим долгая пауза. Гамаш практически видел, как Обри Шевре облачается в доспехи, как латы закрывают спину археолога, как кольчуга с колючками и шипами защищает его тело. А потом, защитившись и вооружившись, он впал в ярость.

– Что вам угодно? – строго спросила напрягшаяся спина.

– Я бы хотел поговорить с вами.

– Договоритесь о встрече.

– У меня нет времени.

– У меня тоже. Всего доброго.

Обри Шевре наклонился над столом, рассматривая что-то.

Гамаш знал: имеется причина тому, что главный археолог Квебека предпочитает работать с осколками гончарных изделий, наконечниками стрел и старыми каменными стенами. Он мог задавать им вопросы, и если они время от времени противоречили ему, то в этом не было ничего личного, ничего грязного, эмоционального.

– Меня зовут Арман Гамаш. Я помогаю расследованию убийства Огюстена Рено.

– Вы из Квебекской полиции, город не в вашей юрисдикции. Идите и занимайтесь своими делами.

Напряженная спина по-прежнему не двигалась.

Гамаш несколько мгновений смотрел на нее.

– Вы отказываетесь помочь следствию?

– Я уже помог. – Обри Шевре повернулся и сердито зыркнул на Гамаша. – Я весь день провел с инспектором Ланглуа, мы раскапывали подвал в Литературно-историческом обществе. Потратил на это целое воскресенье – и что мы нашли?

– Картошку?

– Картошку. Но Огюстен Рено даже этого не обнаружил в своих

поисках Шамплейна. Не хочу показаться грубым, но оставьте меня. Мне нужно работать.

– Над чем? – Гамаш подошел к нему ближе.

Они находились в часовне монастыря урсулинок. Здесь горел прожектор, и в центре главного помещения были поставлены длинные столы. Доктор Обри Шевре стоял рядом с самым длинным из них.

– Здесь продолжаются раскопки.

Гамаш заглянул в отверстие в одной из грубых стен:

– Здесь были похоронены генерал Монкальм и его люди?

– Нет, их нашли там.

Шевре показал в другой угол подвала и вернулся к работе. Гамаш сделал несколько шагов и заглянул внутрь. Он прежде не спускался в этот подвал, но читал о нем еще школьником. Героический генерал, скачущий на великолепном коне, вдохновляющий войска. Потом залп – и генерал ранен, но все еще держится в седле. Когда стало ясно, что сражение проиграно, что Бугенвиль не придет на помощь, французские силы отступили в Старый город. Монкальм поехал туда, поддерживаемый с двух сторон пешими солдатами. Он добрался вот до этого самого места, где и умер. Мирно.

Примечательно, что он продержался до следующего дня и ушел уже тогда.

Монахини, опасаясь, что англичане осквернят тело, опасаясь репрессий, захоронили генерала на том месте, где он умер. Спустя какое-то время сестры выкопали его череп и кость ноги и захоронили их в склепе часовни, чтобы они были защищены и над ними можно было молиться.

Мощи.

Такие вещи имели силу в Квебеке.

Генерал Монкальм лишь недавно воссоединился с теми людьми, которыми командовал. Несколько лет назад его останки были захоронены в братской солдатской могиле. В этой могиле находились останки всех, кто погиб в тот страшный час на полях, принадлежавших некогда фермеру Аврааму.

Французские и английские солдаты, навечно упокоившиеся вместе. Достаточно, чтобы замириться.

Гамаш посмотрел на главного археолога, который склонился над кусочком металла, очищая его от земли. Можно ли считать это ограблением могил? Неужели люди никак не могут оставить мертвецов в покое? Зачем откапывать генерала и торжественно перезахоранивать его, воздвигать громадный монумент в сотне ярдов отсюда? Каким целям это служило?

Но Гамаш знал цель. Все знали.

Чтобы никто не забыл этих смертей и принесенных жертв. Кто погиб и кто убил. Пусть город был построен на вере и мехах, на шкурах и костях, но питался он символами. И памятью.

Гамаш повернулся и увидел, что доктор Шевре смотрит в ту же сторону – туда, где прежде был захоронен генерал и откуда его выкопали.

– «Dulce et Decorum est», – сказал археолог.

– «Pro patria mori», – закончил Гамаш.

– Вы знаете Горация? – спросил Шевре.

– Я знаю эту цитату.

– «Смерть за родину сладка и прекрасна». Великолепно, – сказал Шевре, глядя за спину Гамаша.

– Вы так думаете?

– А вы – нет, месье? – Шевре подозрительно покосился на Гамаша.

– Нет. Это старая и опасная ложь. Смерть бывает необходима, но никогда не сладка и редко справедлива. Это трагедия.

Они смотрели друг на друга, разделенные пространством земляного пола.

– Чего вы хотите? – спросил Шевре.

Он был высок, худощав, жёсток и резок. Боевой топорик. К тому же нацеленный в голову Гамаша.

– Почему Огюстен Рено мог интересоваться некоторыми книгами, принадлежавшими Шарлю Шиники?

Доктор Шевре взглянул на Гамаша так, будто тот был сумасшедший, но это не вызвало удивления у старшего инспектора.

– Что это должно значить? Я даже не понимаю вашего вопроса.

– Незадолго до смерти Рено нашел две книги, которые заинтересовали его. Это книги из Литературно-исторического общества. Но когда-то они принадлежали отцу Шиники. Вы знаете, кого я имею в виду?

– Конечно знаю. Кто его не знает?

Весь мир понятия о нем не имеет. Забавно, как одержимые люди считают и других такими же одержимыми или хотя бы заинтересованными. И археологам, и историкам, погруженным в прошлое, невозможно было понять, как это другие живут иначе.

Для них прошлое было не менее живым, чем настоящее. И если люди, забывающие прошлое, рискуют его повторить, то те, кто принимает прошлое слишком близко к сердцу, обречены вечно в нем вариться. Здесь перед Гамашем был человек, который принимал прошлое слишком близко к сердцу.

– Какая могла быть связь между Шиники и Шамплейном? – спросил Гамаш.

– Никакой.

– Подумайте, пожалуйста. – Гамаш говорил любезным тоном, но добавил в него чуточку стали. – У Шиники было что-то, заинтересовавшее Огюстена Рено. Мы знаем, что у Рено была только одна страсть – Шамплейн. Значит, Шарль Шиники в конце девятнадцатого века, вероятно, нашел что-то, какие-то книги о Шамплейне, и когда Рено обнаружил их, то понял, что они выводят его на место захоронения Шамплейна.

– Вы шутите? Его выводили туда птицы. Его выводили туда тоненькие голоса, звучавшие в его голове, его выводил туда рисовый пудинг. Он повсюду видел знаки и неоспоримые факты. Этот человек был психом.

– Я не говорю, что в книгах Шиники и в самом деле содержался ответ на тайну захоронения Шамплейна, – пояснил Гамаш. – Но Рено мог поверить, что в них такой ответ есть.

Шевре прищурился, но Гамаш видел, что археолог больше не отметает его вопроса. Наконец Шевре отрицательно покачал головой.

– У меня есть еще один вопрос, – сказал старший инспектор. – Шиники и Джеймс Дуглас были друзьями, верно?

Шевре кивнул, ему даже стало интересно, к чему клонит собеседник.

– Зачем им понадобилось встречаться с двумя ирландскими рабочими-иммигрантами в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году?

– Рабочие были либо пьяны, либо спятили. Либо и то и другое. Тут нет никакой тайны.

– В данном случае есть. Он встречались в Литературно-историческом обществе.

Шевре задумался.

– Да, действительно тайна, – признал он. – Ирландцы ненавидели англичан. Они ни за что не пошли бы в Литературно-историческое общество добровольно.

– Вы хотите сказать, что инициатива не могла принадлежать им?

– Откровенно говоря, я сомневаюсь, что они умели читать и писать. Вероятно, они и не подозревали о существовании Литературно-исторического общества, а если и подозревали, то это последнее место, куда они пошли бы по доброй воле.

– И тем не менее они пошли. Чтобы встретиться с отцом Шиники и доктором Джеймсом Дугласом. Зачем?

Когда ответа не последовало, Гамаш извлек из своего нагрудного кармана старую фотографию.

– Вот эти рабочие. Те, которые улыбаются. Вскоре после этого вот он, – Гамаш показал пальцем на фигуру Шона Патрика, – купил дом в Верхнем городе, за углом отсюда, на Де-Жарден.

– Невероятно.

– Но факт.

Шевре посмотрел в глаза Гамашу, потом снова на фотографию.

– Вы не знаете, что за земляные работы проводились в то время?

– В тысяча восемьсот шестьдесят девятом? Ну, я думаю, много работ проводилось.

– Судя по их одежде, это лето. И дело, вероятно, происходит в Старом городе. Посмотрите на каменную кладку.

Шевре впился взглядом в зернистую фотографию и кивнул:

– Я могу попытаться выяснить.

– Bon, – сказал Гамаш, протягивая руку за фотографией.

Шевре явно не хотелось с ней расставаться, но все-таки он отдал снимок Гамашу.

– А как вы узнали об этой встрече между Шиники, Дугласом и рабочими? – спросил археолог.

– Из дневника Рено. Понятия не имею, как ему стало известно. Предположительно об этом сказано в одной из книг из коллекции Шиники, которую он приобрел. Они хранились в Литературно-историческом обществе. В них были какие-то сведения, вот только мы не можем их найти. Кажется, Рено их спрятал. Что такого может содержаться в книге столетней давности, чтобы из-за этого убить человека? – с недоумением спросил Гамаш.

– Вы удивитесь, но не все похороненное на самом деле мертво, – сказал археолог. – Для многих прошлое живо.

«Что за истлевшая история затесалась среди нас? – спросил себя Гамаш. – Что потревожил Огюстен Рено?»

Он вспомнил одну из записей в дневнике Рено. Не ту, что была обведена кружочком, а более спокойную – о встрече, которая так и не состоялась. С неким ОШ.

– Вы не собирались встретиться с Огюстеном Рено?

Шевре замер, потом повернулся и уставился на Гамаша:

– Что?

– Во вторник в девять часов. У Огюстена Рено была назначена встреча с неким ОШ.

– ОШ? Это мог быть кто угодно.

– Ну да, с инициалами ОШ. Это были вы?

– Чтобы я встречался за ланчем с Рено? Уж я бы постарался, чтобы меня не видели вместе с этим человеком в публичном месте. Нет. Он все время просил, требовал, хотел встретиться со мной, но я никогда не соглашался. Он был отвратительным типом, который думал, что разбирается во всем лучше кого-либо другого. Он был мстительным интриганом. И глупцом.

– Но возможно, он все-таки оказался прав, – сказал Гамаш. – Возможно, он нашел Шамплейна. Вы *этого* опасались? Что он может добиться успеха? Вы потому на каждом повороте пытались его остановить?

– Я пытался его остановить, потому что он был круглый идиот, который своими фантазиями уничтожал совершенно нормальные и ценные площадки для археологических раскопок. Он был опасен.

Голос Обри Шевре зазвучал надрывно, резкие слова отлетали от каменных стен, как мячи, и возвращались в центр, к двум мужчинам.

Но последнее слово Шевре проскрежетал. Едва слышное, оно проскребло земляной пол, у Гамаша даже холодок пробежал по спине.

– Вы пытались его остановить. И вам это удалось?

– Вы хотите сказать, что я его убил?

Они уставились друг на друга.

– Я не договаривался с ним о встрече. И уж совершенно точно не убивал его.

– Вам известно, где захоронен Шамплейн? – спросил Гамаш.

– Что вы сейчас спросили?

– Вам известно, где захоронен Самюэль де Шамплейн?

– Что вы имеете в виду? – Шевре почти шипел и смотрел на Гамаша ненавидящим взглядом.

– Вы знаете, что я имею в виду. Вопрос ясен.

– Вы считаете, что я знаю, где захоронен Шамплейн, и держу это в тайне? – Каждое слово, каждый слог были произнесены с крайним презрением.

– Я считаю невероятным, что нам известно, где похоронен каждый третьестепенный священник, где могилы героев войны, фермеров, – сказал Гамаш, не сводя глаз с главного археолога, – но при этом мы не знаем, где похоронен основатель страны, ее отец. Я думаю, что вы и археологическое сообщество выставляли Огюстена Рено на посмешище не потому, что он делал глупости, а, напротив, потому что не делал. Он что, подобрался слишком близко к тайне? На самом деле нашел Шамплейна?

– Вы с ума сошли? Зачем мне прятать величайшую археологическую находку нации? Это бы сделало мне карьеру, обеспечило репутацию. Я бы

остался в истории человеком, который вернул Квебеку часть его пропавшего прошлого.

– Эта часть не пропала, месье. Пропало только тело. Почему?

– Был пожар. Первоначальная церковь сгорела, сгорели документы…

– Я знаю официальную версию, но она ничего не объясняет, и вам это прекрасно известно. Почему не было найдено это тело? Тут что-то не складывается. И поэтому я задаю себе другой вопрос. Не «почему он не был найден?», а «не был ли он найден?». Зачем это скрывать? – Гамаш с каждым словом подходил ближе к главному археологу, пока они не уперлись лоб в лоб. И тогда Гамаш прошептал: – Не останавливаясь даже перед убийством?

Они простояли так несколько секунд, и наконец Шевре отступил.

– Но зачем кому-то это могло понадобиться? – спросил Шевре.

– Для этого есть только одна причина, верно? – сказал Гамаш. – Шамплейн не был тем, чем казался. Он не был героем, отцом нации, великим человеком. Шамплейн стал символом величия Квебека, ярким символом того, чем могла бы стать колония, если бы не победа англичан. И это использовали в своих целях сепаратисты. Шамплейн ненавидел англичан, высмеивал их, говорил, что они невежественные деревенщины. Как ни посмотри, Шамплейн – идеальный инструмент для квебекских сепаратистов. Но что, если он совсем не такой, каким его выставляют?

– Что это вы такое говорите?

– Многое из того, что мы знаем как историю, вовсе и не история, – продолжал Гамаш. – Вам это известно. И мне это известно. Это служит определенной цели. События преувеличиваются, герои фабрикуются, цели переиначиваются, чтобы выглядели они благороднее, чем на самом деле. И все это для манипуляции общественным мнением, для создания общей цели, общего врага. И основы для воистину великого движения, да? Мощный символ. Уберите его, очистите ото лжи – и все начнет крошиться, все станет спорным. Этого нельзя допустить.

– Но что может быть плохого в Шамплейне? – спросил Шевре.

– Когда он родился?

– Нам это не известно.

– Как он выглядел?

Шевре открыл было рот, но тут же закрыл.

– Кто был его отец?

Шевре даже не попытался ответить.

– Может, он был шпионом? Он был умелым картографом, но на многих его картах присутствуют какие-то нелепые существа, отмечены

события, которых не было.

– Таков был стиль времени.

– Лгать? Это, по-вашему, стиль времени? Мы знаем, кто хотел его отыскать, доктор Шевре. А вот кто хотел, чтобы он оставался похороненным?

Простившись с главным археологом, Гамаш пожалел, что встреча с ним не была более дружеской, если только такое возможно с Обри Шевре. Он бы хотел внимательнее разглядеть этот легендарный подвал, поспрашивать о битве на Полях Авраама, о ядрах, которые все еще можно было найти в деревьях Старого Квебек-Сити.

Ему хотелось бы порасспрашивать о странном совпадении – участии капитана Кука и Бугенвиля в одной битве и о почти немыслимом решении Бугенвиля не помогать своему генералу.

Но эти вопросы могли подождать, и, возможно, ответа на них не было.

Прежде чем вернуться в холод квебекской зимы, Гамаш позвонил инспектору Ланглуа и договорился с ним о встрече. Десять минут спустя он шел по коридорам полицейского управления в поисках кабинета инспектора Ланглуа – шел как приглашенный профессор, ученый, приехавший читать лекции.

– Старший инспектор, – шагнул ему навстречу Ланглуа и протянул руку.

Остальные полицейские, находившиеся в большом кабинете, тоже поднялись при появлении Гамаша. Он кивнул им, улыбнулся, и Ланглуа проводил его в свой кабинет.

– Вы, вероятно, уже привыкли к этому, – сказал Ланглуа.

– К вниманию? Ну, это приложение к званию, так что да, я к этому привык. – Гамаш протянул Ланглуа свою куртку. – Но все это, разумеется, изменилось после похищения и других событий.

Бесполезно делать вид, что все осталось по-старому.

Инспектор Ланглуа повесил куртку Гамаша.

– Я, конечно, отслеживал последствия случившегося. Главный вопрос, на мой взгляд: почему мы не понимали, что готовится нападение такого рода?

Ланглуа вгляделся в лицо Гамаша в поисках ответа. Но не нашел его.

– У людей, которые сделали это, достало терпения. Этот план возник давно, – сказал наконец Гамаш. – И продвигался медленно, а потому оставался невидимым.

– Но преступление такого масштаба…

Инспектора Ланглуа мучил тот же вопрос, что и всех остальных. Как они могли не заметить этого?

Введение в заблуждение. И хитрость. И способность нападающих приспосабливаться. Вот почему, думал Гамаш.

Он сел на предложенный ему стул, но ничего не сказал.

Ланглуа уселся напротив него.

– Когда вы поняли, что это нечто большее, чем простое похищение?

Гамаш сидел не двигаясь. Он снова видел инспектора Бовуара, который возвращался от агента Николь из подвала в управлении полиции. Туда старший инспектор отправил Николь примерно год назад. Он знал, что она будет ненавидеть эту работу, но это было для нее уроком. Она должна была научиться слушать других людей, а не говорить.

Научиться владеть собой.

Бовуар не был доволен, когда Николь привлекли к расследованию. Да и сам Гамаш не был доволен. Но он не видел другого варианта. Старший суперинтендант Франкёр преследовал похитителей по маршрутам, которые, как все больше убеждался Гамаш, были проложены самими похитителями. А те водили полицию за нос. Морена засекали то в одном, то в другом углу громадной провинции. Отслеживание превратилось в фарс.

Нет. Им требовалась помощь. И озлобленный молодой агент из подвала был единственным, к кому мог обратиться Гамаш.

Старший суперинтендант Франкёр никогда бы и не вспомнил о ней. Как, впрочем, и никто другой. И поэтому Гамаш мог тайно действовать через нее.

«Она говорит, ей нужен пароль вашего компьютера, – нацарапал Бовуар. – Чтобы никто другой не мог видеть нашу переписку. Еще она просит вас делать максимально долгие паузы, чтобы она могла определить фоновые шумы».

Гамаш кивнул и без колебаний дал свой пароль. Он знал, что таким образом открывает доступ ко всей имеющейся на его компьютере информации, но еще он знал, что выбора у него нет. Они были как слепые котята. Даже Морен ничем не мог им помочь. Он был связан и видел перед собой только стену и часы. Он как мог описал обстановку. Цементный пол, грязь. По его впечатлению, это было какое-то заброшенное место. Поль Морен описал тишину.

Но он ошибался. Это место не было заброшено. И тишина там стояла относительная. Его вводили в заблуждение наушники, из которых звучал далекий голос Гамаша, но звуки, источник которых был в нескольких футах

от него, до Морена не доходили.

Их обнаружила агент Николь. Тихие звуки в тишине.

– Кажется, премьер-министр рад, что это пока не вышло на политический уровень, – сказал Ланглуа, закинув ногу на ногу. – Масштаб ущерба удалось скрыть.

Увидев выражение лица Гамаша, он тут же пожалел, что сделал это замечание:

– Désolé, я не это имел в виду. Я был в траурном кортеже. Конечно, далеко позади.

Гамаш слегка улыбнулся:

– Ничего, иногда не знаешь, что и сказать. Подозреваю, что нужные слова находятся не всегда. Не извиняйтесь.

Ланглуа кивнул. Приняв решение, он подался вперед:

– Так когда вы поняли, *что* происходит?

– Вы ведь на самом деле не ждете от меня ответа на этот вопрос, правда?

Сказано это было с шутливой интонацией, чтобы сгладить острые углы слов.

– Да, вы правы. Извините. Я знаю, вы приносили показания под присягой, но мне как полицейскому любопытно. Как же мы все это пропустили? Ведь оно же было очевидно. Спланированная атака была такой… – Ланглуа никак не мог найти нужное слово.

– Примитивной? – помог ему Гамаш.

Ланглуа кивнул:

– Такой простой.

– Именно это и делало ее столь эффективной, – сказал Гамаш. – Мы годами искали высокотехнологическую угрозу. Бомбу последней модели. Биологическое оружие, генетическое, ядерное. Мы просматривали Интернет, использовали телекоммуникации. Спутники.

– А ответ все время был рядом. – Ланглуа потрясенно покачал головой. – И мы его не заметили.

«Я тебя найду. Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось».

«Я вам верю, сэр».

За время коротких пауз, внедряемых Гамашем в разговор с Полем Мореном, удалось установить далекие фоновые звуки, похожие на шепоток призраков.

Агент Морен был не один. «Фермер» все-таки не оставил его одного. Там были другие. И они разговаривали. Тихо. Очень тихо. Ходили тихо. Очень тихо. Они почти не производили шума. А если и производили, то

очень незначительный. Но достаточный для того, чтобы совершенное оборудование и удивительно чуткие уши уловили его.

А слова, которые произносились? На это ушли часы. Драгоценные часы. Но Николь все-таки удалось разобрать критические слова.

«Ла Гранд».

Снова и снова прокручивала она это для Бовуара, исследовала каждый слог, каждую фонему. Тональность, дыхание. И наконец они пришли к однозначному выводу.

«Ла Гранд». Плотина электростанции, сдерживающая триллионы тонн воды. Гигантская плотина, в десять раз крупнее любой другой плотины в Северной Америке. Гидроэлектростанция, обеспечивавшая электричеством миллионы, сотни миллионов людей.

Без нее бо́льшая часть Канады и Штатов погрузится в темноту.

Гидроэлектростанция «Ла Гранд» находилась бог знает в какой глуши. Попасть туда без специального разрешения было практически невозможно.

Гамаш посмотрел на часы как раз в тот момент, когда Бовуар и Николь прислали ему из подвала эти несколько строк, кричавшие так громко, что могли взорваться перепонки.

Было три часа ночи. Оставалось восемь часов. Они с Мореном обсуждали образцы красок и названия: «кремовая банбери», «прибрежная волна», «мышиный волос».

Широким шагом Гамаш подошел к громадной официальной карте Квебека на стене. Его палец быстро нашел реку Ла-Гранд и черточку на ней – плотину, которая перегородила водный поток и погубила тысячи акров старых лесов, стада карибу, оленей и лосей. Взбаламутила беспокойные местные сообщества индейцев.

Но еще плотина была чудом инженерного искусства и вот уже не одно десятилетие обеспечивала людей электричеством. А если она вдруг исчезнет?

Палец старшего инспектора Гамаша прочертил опустошающий путь на юг, прослеживая направление потока, который возникнет, когда вся эта масса воды, вся эта энергия будут внезапно освобождены. Это будет подобно ядерной бомбардировке провинции.

Его палец прошелся по деревням индейцев кри, потом по более крупным городкам, по городам. Валь-д’Ор. Руэн-Норанда.

Как далеко дохлынет поток, прежде чем иссякнет его напор, прежде чем он рассеется? Сколько трупов принесет он с собой?

Теперь Поль Морен рассказывал о том, как кот напи́сал в отцовский принтер.

Неужели Поля Морена отвезли туда, на дамбу?
«Я тебя найду».
«Я вам верю, сэр».
– Сэр?
Гамаш перевел взгляд на инспектора Ланглуа.
– С вами ничего не случилось?
Гамаш улыбнулся:
– Я в порядке. Мои извинения.
– Так чем могу быть полезен?
– Я по поводу дела Рено. Вы нашли коробки с книгами, которые могли принадлежать Рено, но не были найдены в его квартире?
– Несколько книг есть у его бывшей жены. Несколько недель назад он отвез их в ее подвал. А в чем дело?
– Вы не дадите мне ее адрес?
– Конечно. – Ланглуа записал адрес, протянул бумажку старшему инспектору. – Что-нибудь еще?
– Нет, этого достаточно. Merci.
Гамаш сложил бумажку, сунул ее в карман, поблагодарил инспектора и вышел. Его ботинки целеустремленно отбили размеренную дробь в длинном коридоре, и наконец он вышел в мороз.
Поймав такси, он позвонил Эмилю. Водитель по его просьбе сделал крюк к дому Комо, и они вдвоем поехали через старые ворота по Гранд-Алле с ее нарядно подсвеченными барами и ресторанами. Машина свернула на авеню Картье, потом еще раз направо, в маленькую улочку рю Абердин.
Гамаш из такси позвонил мадам Рено, чтобы убедиться, что она дома. Минуту спустя она открыла дверь, и Гамаш с Эмилем вошли в дом. Это была квартира на первом этаже уютного таунхауса с наружной чугунной лестницей, ведущей в верхние апартаменты.
Полы в доме были из темного дерева, комнаты просторные, прекрасная планировка. Белый поясок оригинального карниза шел по стенам в месте сочленения с высоким потолком. Каждая люстра свисала из гипсовой розетки. Этот дом принадлежал к разряду модных домов в квартале, где недвижимость неизменно пользовалась спросом. Не все хотели жить в тесных стенах, построенных давно умершими архитекторами. Здесь же улицы были широкие, засаженные старыми деревьями, а перед каждым домом имелся маленький садик, сейчас занесенный снегом.
Мадам Рено оказалась невысокой веселой женщиной. Она взяла их

куртки, предложила кофе, пригласила в гостиную.

– Мы приносим вам наши соболезнования, мадам, – сказал Гамаш, садясь за стол в уютной гостиной.

– Merci. Он был, конечно, невыносим. Упертый эгоист. И все же…

Гамаш и Эмиль дождались, когда она возьмет себя в руки.

– И все же теперь, когда его нет, жизнь стала пустой, не такой яркой. Я завидовала его страсти. Пожалуй, именно это и вызывало у меня самые сильные чувства. И знаете, он был вовсе не глуп, понимал, какую цену платит, но был готов ее платить.

– И что же это за цена? – спросил Эмиль.

– Над ним смеялись, издевались, но самое главное, никто его не любил.

– Кроме вас, – сказал Гамаш.

Она ничего не ответила на это.

– Он ведь был одиноким человеком в конце жизни. Но все равно не мог остановиться, не мог променять мертвого первооткрывателя на живых друзей.

– Когда он принес вам эти книги? – спросил Гамаш.

– Недели три назад. Четыре коробки. Сказал, что у него в квартире шагнуть негде.

Эмиль и Гамаш переглянулись. Да, квартира Рено была заполнена книгами, но в том кошмаре четыре лишние коробки не делали погоды.

Нет. Он привез эти книги к бывшей жене по другой причине. Чтобы они были в безопасности.

– А больше он ничего не принес? – спросил Эмиль.

Она покачала головой:

– Он по натуре был скрытным человеком, некоторые даже говорили, параноидально скрытным.

Она улыбнулась. Мадам Рено была женщиной с юмором, и Гамаш спрашивал себя, почему же Огюстен Рено выбрал именно ее. Возможно, в течение нескольких ярких лет он знал счастье? Возможно, это была его блестящая попытка изменить свою жизнь? Найти место в тихой гавани с этой веселой, доброй женщиной? Но у него, конечно, ничего не получилось.

Гамаш наблюдал, как мадам Рено болтает с Эмилем, и думал, что она все еще любит Огюстена Рено, любит, несмотря ни на что. Так что же это – благословение или проклятие?

И еще он спрашивал себя, пройдет ли это со временем. Заглохнет ли в памяти голос, сотрутся ли черты? Уйдут ли воспоминания, вымещенные

другими приятными, но нейтральными событиями прошлого?

Avec le temps. Любим ли мы слабее?

– Вы не возражаете, если мы посмотрим эти книги? – спросил Гамаш.

– Бога ради. Другие полицейские тоже смотрели, но их, похоже, ничто не заинтересовало. Что именно вы ищете?

– Две книги, – сказал Гамаш, проходя вслед за ней по квартире в большую старомодную кухню. – К сожалению, мы не знаем названий.

– Надеюсь, вы их найдете.

Она открыла дверь и включила свет.

Гамаш и Эмиль увидели деревянные ступеньки, уходящие в темный подвал с земляным полом. В нос ударил слабый едкий запах, а когда они спускались по лестнице, ощущение было такое, будто они уходят под воду. Гамаш чувствовал, как холодный воздух обволакивает его ноги, грудь, и наконец он весь, с головой, погрузился во влажную прохладу.

– Берегите головы! – крикнула сверху мадам Рено, но они были знакомы с такими старыми домами и уже пригнулись. – Коробки стоят у дальней стены.

Глазам Гамаша потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться, но наконец он увидел четыре картонные коробки. Он подошел и опустился на колени перед одной из них. Эмиль – перед другой.

В коробке Гамаша лежали книги разного размера. Сначала он проверил их каталожные номера – все они принадлежали прежде Литературно-историческому обществу, на нескольких было даже написано имя Шарля Шиники, но ни на одной не обнаружилось номеров, совпадающих с номерами в дневнике Эмиля. Он перешел к другой коробке.

Эта была заполнена переплетенными проповедями, справочниками и старыми семейными Библиями, как католическими, так и пресвитерианскими. Он открыл первую книгу и проверил номер. 9-8495. Сердце его учащенно забилось. Это была та самая коробка. Он открывал одну книгу за другой – числа возрастали. 9-8496, 8497, 8498. Гамаш вытащил следующую книгу, собрание проповедей в черном кожаном переплете, и открыл ее. 9-8500.

Он смотрел на нее, словно побуждая цифры измениться, потом осторожно, медленно открыл снова и вернул в коробку все двадцать книг. Одна отсутствовала.

9-8499.

Прежде она лежала между этой книгой проповедей и Библией Шиники, которой он пользовался при конфирмации.

– Maudits[60], – ругнулся Гамаш вполголоса.

Почему книга отсутствует?

– Ну, вам повезло? – обратился он к Эмилю.

– Ничего. Эта чертова книга должна быть здесь. – Эмиль показал на пустое пространство между двумя томами. – Но она исчезла. Девять-восемь-пять-семь-два. По-твоему, кто-то побывал здесь до нас?

– Мадам Рено сказала, что только люди Ланглуа.

– И все же даже то, что мы имеем, может оказаться полезным, – заметил Эмиль.

Гамаш заглянул в его коробку. Там было несколько томов в кожаном переплете, корешками наружу, все одного размера. Гамаш вытащил один и открыл. Это был дневник. В этой коробке были дневники и записки Шарля Паскаля Телесфора Шиники.

– По книге на каждый год, – сказал Эмиль. – Отсутствует том за тысяча восемьсот шестьдесят девятый год.

Гамаш сидел на корточках и смотрел на своего улыбающегося наставника.

Даже в слабом свете подвала Гамаш видел, как светятся глаза Эмиля.

– Ну, старший инспектор, – сказал тот, поднимаясь. – Что дальше?

– Теперь осталось только одно, старший инспектор, – улыбнулся Гамаш и подхватил коробку с дневниками Шиники. – Пойти и выпить.

Они поднялись наверх и с разрешения мадам Рено забрали коробку с собой. За углом было кафе, и минуту спустя они уже сидели за угловым столиком, подальше от других клиентов. Было шесть часов вечера, и люди только начали прибывать. Чиновники, политики из близлежащих правительственных учреждений, профессора, писатели и художники. Это было богемное заведение и вот уже несколько десятилетий – приют сепаратистов.

Официантка в джинсах и свитере принесла им вазочку и две порции виски. Они пили виски, закусывали орешками и читали дневники Шиники. Это было очаровательно – знакомство с умом сколь благородным, столь и одержимым. С человеком, который абсолютно не понимал себя, с личностью целеустремленной и полной заблуждений.

Он спасал души и проклинал сильных мира сего.

Завибрировал телефон Гамаша, и он ответил.

– Старший инспектор?

– Привет, Жан Ги. Как поживаешь?

Этот вопрос перестал быть просто данью вежливости.

– Вообще-то, неплохо. Лучше.

И голос у него тоже изменился. Такой энергичности в голосе своего

подчиненного Гамаш не слышал вот уже несколько месяцев.

– А вы? Где вы? Я слышу какой-то шум.

– В кафе.

В трубке раздался смех Бовуара.

– Понимаю, глубоко погружаетесь в дело.

– Bien sûr[61]. А ты? – Он тоже слышал фоновый шум.

– В бистро. Расследую.

– Конечно. Бедняга.

– Мне нужна ваша помощь, – сказал Бовуар. – В связи с убийством Отшельника.

Глава двадцатая

Старшему инспектору Гамашу потребовалось несколько секунд, чтобы отрешиться от Квебека 1860-х годов и от дневников Шарля Шиники и перенестись в сегодняшнюю эксцентричную деревеньку Три Сосны.

И все же прыжок через время был не таким уж большим. Гамаш полагал, что Три Сосны, вероятно, не очень изменились за последние сто пятьдесят лет. Если бы отец Шиники мог сегодня посетить эту крохотную деревеньку, то увидел бы те же старые каменные или деревянные дома со слуховыми окнами и дымящимися каминными трубами. Он прошел бы через деревенский луг в магазины, построенные из розового кирпича, возможно, остановился бы перед троицей деревьев в самом центре деревни.

Вот только люди в Трех Соснах изменились за сто пятьдесят лет. Кроме, наверное, Рут Зардо. Гамаш представил себе, как Рут приветствовала бы отца Шиники. Он улыбнулся этой картине: помешанная на пьянстве поэтесса встречает помешанного на трезвости священника:

«Что ж, примите случившееся. Это писала Рут. Наберите несколько лишних фунтов. Пейте и ешьте.

Иначе доведете себя до болезни. Еще большей болезни.

Неизлечимой».

Излечил бы ее Шиники? От чего? От привычки выпивать? Писать стихи? От ее ран? От ее слов?

– Так чем я могу тебе помочь? – спросил он Бовуара, представляя своего заместителя в бистро перед камином, со стаканом пива из мини-пивоварни и вазочкой соленых чипсов.

– Если Оливье не убивал Отшельника, то у нас остаются пять подозреваемых, – сказал Бовуар. – Хэвок Парра и его отец Рор, Винсент Жильбер и его сын Марк. И Старик Мюнден.

– Продолжай, – сказал Гамаш, глядя в окно на машины, ползущие по заснеженной вечерней улице, и на праздничные огни.

Столица никогда не выглядела прекраснее.

– Есть два вопроса. У кого была возможность и у кого был мотив? Насколько я представляю, возможность была у Рора, Хэвока и Марка. Рор расчищал дорожку к дому Отшельника, а дом находился на земле Марка, и он мог в любой день пройти по этим дорожкам и найти там Отшельника.

– C’est vrai, – сказал старший инспектор, кивая, словно Бовуар мог его

видеть.

– Хэвок каждую субботу работает допоздна, и он мог незаметно последовать за Оливье к домику.

Гамаш помолчал, вспоминая дело, подробности той ночи, когда был убит Отшельник.

– Но в бистро был не только Хэвок, Старик Мюнден тоже приходил каждую субботу вечером, к закрытию, чтобы взять мебель для ремонта. Он был там в ночь убийства.

– Это верно, – согласился Бовуар. – Хотя он сразу же отправлялся домой еще до закрытия бистро. Но да, он тоже среди подозреваемых.

– Значит, Рор и Хэвок Парра, Старик Мюнден и Марк Жильбер. Все они могли найти лесной домик и убить Отшельника. Но почему Винсент Жильбер все еще остается в числе подозреваемых? Ты вроде говорил, что у него не было возможности найти домик.

Бовуар помолчал, прежде чем сказать:

– Да как-то уж все сходится. Его сын покупает старый дом, который прежде был никому не нужен. Они переезжают туда, потом кто-то убивает Отшельника, и появляется пропавший отец Марка. Почти в тот же самый момент.

– Но у тебя нет доказательств, – сказал Гамаш, чуть подвинувшись. – Одни лишь эмоции.

Он почувствовал, как ощетинился его заместитель. Жан Ги Бовуар не имел ничего общество с «эмоциями», с «интуицией». Это была сфера Гамаша.

– Но возможно, ты прав, – добавил старший инспектор. – А как насчет мотива?

– С этим труднее. Мы знаем, почему Оливье мог убить Отшельника, а вот почему все остальные? Если мотивом было ограбление, то убийца ничего на этом не приобрел. Насколько нам известно, украдено ничего не было.

– Какие еще могли быть мотивы? – спросил Гамаш.

– Месть. Отшельник совершил что-то ужасное, убийца нашел его и отомстил. Может быть, искал его несколько лет. Этим объясняется и то, почему Отшельник стал затворником. Он прятался. Эти сокровища – они ведь не с неба свалились. Он почти наверняка их украл.

– Тогда почему убийца не взял их, покончив с Отшельником? Почему ничего не тронул?

Перед мысленным взором Гамаша снова возник лесной домик. Снаружи он казался сельской хижиной с ящиками для цветов и трав на

окнах, с огородом, ручейком вблизи. Но внутри? Первые издания с автографами авторов, гобелены, панель из знаменитой Янтарной комнаты, хрусталь, золото и серебряные подсвечники. И скрипка.

Он снова увидел агента Морена в лесном домике, такого неловкого, как марионетка, длиннорукого и длинноногого. Но как только тот заиграл на бесценной скрипке, его тело изменилось.

Навязчивые ноты «Колм Куигли» снова зазвучали в ушах Гамаша.

– Есть и еще одна возможность, – сказал Бовуар. – Может быть, мотив убийства – это не ценности, а нечто, совершенное Отшельником в прошлом.

– Значит, ты полагаешь, что мы отвлеклись на сокровища. Я отвлекся.

– Никто из тех, кто заходил в домик, даже и не думал о том, что убийца мог руководствоваться чем-то иным, кроме желания заполучить сокровища. Это казалось таким очевидным.

Но старший инспектор понимал, что Бовуар проявляет невероятный, нехарактерный для себя такт. Ответственным за следствие был он, Гамаш. Он руководил действиями агентов и криминалистов и руководствовался собственными ощущениями. Зачастую вопреки решительным возражениям инспектора Бовуара, который все время твердил, что убийцу и мотив нужно искать в Трех Соснах.

Теперь Гамаш полагал, что Бовуар был прав, а он ошибался. И возможно, посадил в тюрьму невинного человека.

– Ну хорошо, допустим, ценности не имеют отношения к убийству, – согласился старший инспектор. – Предположим, единственная ценная вещь, которую хотел забрать убийца, – это жизнь Отшельника. И, забрав ее, он скрылся.

– Так вот, – сказал Бовуар, перекидывая ногу через подлокотник и кладя затылок на подголовник. Из бистро его не было видно – только нога. Но если его никто не видел, то и он не видел никого. – Убираем сокровища, и остаются еще две ниточки. Слово «Воо» на этой деревяшке красного кедра и в паутинке. Оно, видимо, несет в себе какой-то смысл. И Шарлотта – повторяющееся имя. Вы помните?

Гамаш, конечно же, помнил. Из-за этого он летал на другой берег континента, на окутанный туманом архипелаг на севере Британской Колумбии, хотя теперь эта затея казалась ему бесплодной.

– В твоем списке подозреваемых есть одна особенность, – сказал Гамаш, припомнив еще раз все подробности.

– Oui?

– Они все мужчины.

– Вы опасаетесь, что Бюро за равноправие женщин может подать на нас жалобу? – рассмеялся Бовуар.

– Я просто думаю, не включить ли нам в него кое-кого из женщин, – сказал Гамаш. – Женщины терпеливы. Некоторые из самых злодейских преступлений, какие я расследовал, были совершены женщинами. Это случается редко, но женщины больше склонны выжидать удобное время.

– Забавно, но Клара сегодня днем говорила то же самое.

– Это почему?

Гамаш насторожился. Все, что говорила Клара Морроу, стоило того, чтобы к этому прислушаться.

– Она провела утро в компании женщин из деревни. Судя по всему, жена Старика ляпнула что-то странное. Процитировала какую-то инструкцию, которая рекомендовала антитеррористическим подразделениям первыми убивать женщин.

– Это инструкция Моссада, – сказал Гамаш. – Я ее читал.

Бовуар замолчал. Старший инспектор часто его удивлял. Иногда невнятными цитатами из стихотворений Рут, но по большей части вот такими откровениями – обширностью своих знаний.

– Значит, вы понимаете, о чем идет речь, – сказал Бовуар. – О способности женщин убивать.

– Да, но в первую очередь это одержимость. Некоторые женщины если что берут в голову, то их не остановить, они становятся безжалостными. – Гамаш помолчал несколько секунд, глядя в окно, но уже не видя потока людей, закутавшихся потеплее от холода. – Почему у них зашел такой разговор? Почему Жена сказала это?

– Они разговаривали об этом деле. И Клара спросила у Ханны Парра, способна ли та на убийство.

– Кларе нужно быть осторожнее, – сказал Гамаш. – Кто-нибудь на это прореагировал?

– Клара сказала, что все прореагировали. Но после короткой дискуссии пришли к выводу, что, возможно, Моссад прав.

Гамаш нахмурился:

– О чем еще говорили женщины?

Бовуар посмотрел в свои записки и передал Гамашу остальную часть разговора. Об отцах и матерях, об Альцгеймере, о Шарли Мюндене и докторе Жильбере.

– И еще кое-что. Клара считает, что Марк Жильбер отчаянно завидует Старику Мюндену.

– Почему?

– Его отец, судя по всему, немало времени проводит у Мюнденов. Жена сказала, что между ним и Стариком установились теплые отношения. Замена отца.

– Ревность – мощная эмоция. Она может привести к убийству.

– Вот только жертва не та. Старик Мюнден жив.

– И как все это может быть связано со смертью Отшельника? – спросил Гамаш.

На том конце воцарилось молчание. Наконец Бовуар признал, что не имеет ответа на этот вопрос.

– Кароль Жильбер и Старик Мюнден оба родом из Квебек-Сити. Вы бы не могли поспрашивать о них?

Гамаш согласился, и Бовуар, помолчав немного, задал последний вопрос:

– Как у вас дела?

Он не хотел спрашивать, опасался, что в один не самый прекрасный день шеф скажет ему правду.

– Я сижу в кафе с Эмилем Комо, перед нами вазочка с орешками и виски. Разве это может быть плохо? – спросил Гамаш дружеским, теплым голосом.

Но Жан Ги Бовуар на своем опыте знал, как бывает плохо и как было плохо.

Чувство беспокойства, перед глазами одна и та же картинка, незваная, нежданная, нежеланная.

Шеф с пистолетом в руке, внезапно его подбрасывает в воздух, разворачивает, раскручивает. Потом он падает и замирает на холодном цементном полу.

Гамаш и Эмиль остановили такси и отвезли дневники домой. Эмиль принялся готовить простой ужин – тушеное мясо. Гамаш покормил Анри и вышел с ним прогуляться до пекарни, где купил свежий батон.

Потом они уселись в гостиной, в корзинке лежал хлеб с корочкой, на столе стояли тарелки с тушеной бараниной, а на диване между ними были разложены дневники Шиники.

Вечер они провели за едой и чтением, делали заметки, время от времени зачитывали друг другу особо интересные, трогательные или неожиданно забавные пассажи.

В одиннадцать Арман Гамаш снял очки и потер усталые глаза. Записки Шиники, хотя и примечательные с исторической точки зрения, не рассказывали ни о чем имеющем отношение к делу. Никакого упоминания

об ирландских рабочих Патрике и О’Маре. И хотя о Джеймсе Дугласе он писал в ранних дневниках, в более поздних упоминал его лишь мельком. Нашлась даже запись – Эмиль зачитал ее Гамашу – о том, что Дуглас упаковал три мумии и направляется в Питтсбург, где собирается жить вместе со своим сыном.

Гамаш выслушал и улыбнулся. В дневнике Шиники это выглядело как мелкое событие, словно мальчик собрал камушки и пошел домой. Может быть, отец Шиники делал это специально, чтобы приуменьшить значение Дугласа? Может быть, они рассорились. И имело ли это какое-то значение?

Час спустя он посмотрел на Эмиля и увидел, что старик уснул, а дневник лежит открытым у него на груди. Осторожно приподняв руку Эмиля, Гамаш вытащил дневник, потом подложил своему наставнику подушку под голову и укрыл пледом.

Он подбросил в камин большое вишневое полено и отправился спать. Анри последовал его примеру.

На следующий день перед завтраком Гамаш получил электронное письмо от главного археолога.

– Что-то интересное? – спросил Эмиль.

– Очень. Хорошо спали? – Гамаш с улыбкой оторвался от монитора.

– Жаль, не могу сказать, что я в первый раз задремал у камина, – рассмеялся Эмиль.

– Значит, это не разговор со мной нагнал на вас сон?

– Нет. Я же тебя никогда не слушаю – ты это знаешь.

– Мои подозрения подтвердились. Но послушайте вот что. – Гамаш снова повернулся к монитору. – Письмо от Обри Шевре. Я просил его узнать, какие земляные работы проводились в Старом городе летом тысяча восемьсот шестьдесят девятого года.

Эмиль подсел к своему другу за стол:

– В тот год Шиники и Дуглас встретились с ирландскими рабочими.

– Именно. И это тот самый год, который отсутствует в дневнике. Доктор Шевре пишет, что работы велись в трех местах. Одни – у цитадели с целью укрепления стены. Другие – для расширения больницы «Отель-Дье». И третьи… Третьи раскопки велись в подвале местного ресторана «Старая ферма».

Эмиль секунду сидел без движения, потом откинулся на спинку стула, поднес руку к лицу, задумался. Гамаш вскочил на ноги:

– Я, пожалуй, подам вам завтрак, Эмиль.

Комо тоже встал, теперь и его глаза загорелись.

– Я думаю, что знаю, где это.

Через двадцать минут они пустились в путь вверх по крутому и скользкому склону Кот-де-ла-Фабрик, останавливаясь, чтобы передохнуть и поглазеть на величественную базилику Нотр-Дам. На месте которой когда-то стояла первая церковка, построенная священниками и братьями иезуитами при поддержке Шамплейна. Скромная часовня Нового Света, посвященная Деве Марии в ознаменование возвращения Квебека из под власти англичан в их проходящей с переменным успехом войне за стратегическую колонию.

Именно там и состоялись похороны великого человека, там было погребено его тело, пусть и ненадолго. Огюстен Рено когда-то был убежден, что Шамплейн все еще покоится там, в маленькой часовне Святого Иосифа, где археолог-любитель нашел освинцованный гроб и несколько старых монет. И начал раскопки, не получив разрешения, чем вызвал бурю, в которую была вовлечена даже церковь. К ярости главного археолога, отец Себастьян принял сторону Рено.

Но ничего не было найдено. Никаких следов Шамплейна.

Хотя гроб почему-то так и не открыли. Все сошлись на том, что это не может быть Шамплейн. Это был редкий случай уважения к мертвым со стороны главного археолога, Рено и церкви, которые были счастливы откопать генерала Монкальма, но не какое-то безымянное тело.

Таким образом, подумал Гамаш, продолжая восхождение, Шамплейн изначально был похоронен не в часовне, а на кладбище. Согласно архивам, точное место упокоения отца Квебека было потеряно после пожара, даже точное местонахождение кладбища оставалось неизвестным. Но если оно находилось рядом с часовней, то, видимо, было приблизительно…

Здесь.

Гамаш остановился. Над ним высился «Шато-Фронтенак», а чуть в стороне – сам Шамплейн, внушительный и невероятный герой, взирающий на город.

А перед Гамашем? «Старая ферма», нынешний ресторан.

Сняв перчатки, он вытащил из кармана старую фотографию, сделанную в 1869 году.

Старший инспектор отступил на несколько шагов, отошел чуть правее, остановился. Оторвал взгляд от фотографии, перевел его на реальный мир, потом снова на фотографию. Его пальцы покраснели и горели от холода, но он для вящей уверенности продолжал держать фотографию.

Да.

Это было то самое место, та точка, где сто пятьдесят лет назад в жаркий летний день стояли Патрик и О’Мара.

Они копали под «Старой фермой», и то, что они нашли, заставило этих обычно хмурых людей улыбаться. Прежде чем стать рестораном, это место, как ясно из названия, было частным домом. А до этого? До этого здесь было поле или лес.

А может быть, кладбище при церкви.

Ресторан «Старая ферма» медленно, но верно катился под уклон. Он знавал лучшие времена. Даже бомбардировка английскими ядрами не была для него такой катастрофичной, как последние годы.

Официантки в старинных костюмах, приблизительно принадлежащих той эпохе, наливали слабый кофе в дешевые белые кружки. Жесткие неудобные деревянные стулья под старину привлекали туристов, которые полагали, что очаровательный экстерьер обещает такой же очаровательный интерьер.

Их ждало разочарование.

Перед Эмилем и Гамашем поставили кружки с кофе, налитым до края. Им удалось найти скамью в углу, обитую дешевой потрепанной мебельной тканью с прорезями, заделанными серебристым скотчем.

Гамаш перехватил взгляд Эмиля. Оба испытывали неловкость оттого, что произошло с этим знаковым заведением. Старый Квебек-Сити сражался, французы доблестно защищали свое наследство, свое patrimoine[62]. Они снова и снова вырывали его из рук англичан, но только для того, чтобы столетия спустя уничтожить собственными руками.

И все же для Гамаша и его спутника сейчас имело значение не то, что внутри. И даже не то, что снаружи. Для них имело значение то, что под ними. Заказав простой завтрак – яичницу с беконом, – они принялись обсуждать различные теории. Принесли завтрак с гарниром из картошки фри и печеных бобов. Как это ни удивительно, яичница была превосходная, бекон с хрустящей корочкой, а домашние хлебцы по-настоящему домашние, теплые и вкусные. Они поели, расплатились, а потом Гамаш снова подозвал официантку:

– У меня есть еще одна просьба.

– Какая?

Она спешила. Чаевые она уже получила и теперь торопилась к другому клиенту, потом к новому, потом к следующему, чтобы заработать достаточно для крыши над головой и еды для детей. А эти зажиточные мужчины, хорошо одетые, источавшие ароматы мыла и еще чего-то, задерживали ее.

Сандалового дерева, вспомнила она. Запах был приятный, и более

крупный человек смотрел на нее добрыми, задумчивыми глазами и улыбался. Но она не могла расплачиваться с домовладельцем улыбками, хотя Господь знает, она пыталась. Не могла она накормить детей добротой клиентов. Ей нужно было, чтобы эти поскорее ушли, а на их место сели новые.

– Не могли бы мы поговорить с директором? – Гамаш заметил тревогу на ее лице и поспешил успокоить: – Никаких жалоб, об этом речь не идет. Мы хотим попросить его об услуге. А может быть, и вы сумеете нам помочь. Вы знали Огюстена Рено?

– Это помешанного на Шамплейне? Которого убили? Конечно знала.

– Вы знали его лично?

– Что вы хотите этим сказать?

– Он приходил в ваш ресторан?

– Несколько раз. Его все знали. Один раз я его обслуживала. Несколько недель назад.

– Он был один?

– Всегда один.

– Вы помните всех своих клиентов? – спросил Эмиль и заслужил ее пристальный взгляд.

– Не всех, – пренебрежительно ответила она. – Только тех, кто чем-то выделяется. Огюстен Рено выделялся. Местная знаменитость.

– Но приходить он начал недавно? – спросил Гамаш.

– Пожалуй, в последние несколько недель. А что?

– Он говорил с вашим директором?

– Вы можете сами у нее спросить. – Она показала кофейником на молодую женщину за кассовым аппаратом.

Гамаш дал ей двадцать долларов на чай и пошел к женщине за кассой. Директор, вежливая молодая женщина, ответила на его вопросы. Да, она помнила Огюстена Рено. Да, он просил ее показать ему подвал. Она боялась, что он захочет начать там раскопки.

– И вы ему показали? – спросил Эмиль.

– Да. – Она смотрела на него настороженным взглядом наивной молодой женщины, которая боится ошибиться и плохо понимает, что некоторым людям можно и возразить.

– Когда это было? – спросил Эмиль спокойным, обезоруживающим голосом.

– Несколько недель назад. А вы из полиции?

– Мы помогаем расследованию, – сказал Гамаш. – Покажите нам, пожалуйста, ваш подвал.

Немного поколебавшись, она согласилась. Гамаш был рад, что не нужно получать ордер на обыск или просить Эмиля изобразить сердечный приступ, чтобы он тем временем мог незаметно проскользнуть вниз.

Подвал был низкий, и им снова пришлось пригибаться. Стены были выложены шлакобетоном, а пол залит цементом. Ящики с вином и коробки с пивом стояли в прохладных уголках, в задней комнате была сложена сломанная мебель.

Как скелеты, только не скелеты. Они не увидели никаких признаков того, что здесь когда-то было что-то иное, кроме подвала жалкого ресторанчика. Гамаш поблагодарил ее, и она поспешила наверх, а когда Эмиль добрался до середины лестницы, старший инспектор вдруг остановился.

– Что с тобой? – спросил Эмиль.

Гамаш стоял неподвижно. Невзирая на все эти флуоресцентные лампы, запах пива, картон и паутину, невзирая на ощущение усталости, навеваемое этим помещением, у Гамаша возник вопрос.

Неужели это оно? Неужели Шамплейн был похоронен здесь?

Эмиль спустился к нему.

– Что с тобой? – повторил он.

– Могу я поговорить с вашим Обществом Шамплейна?

– Конечно можешь. У нас сегодня встреча в половине второго.

– Замечательно, – сказал Гамаш и, воодушевленный, направился наверх.

Прежде чем выключить свет наверху, он снова заглянул в подвал.

– Мы встречаемся в отдельной комнате в баре «Сен-Лоран» в «Шато», – сказал Эмиль.

– Я не знал, что там есть такая комната.

– Об этом мало кто знает. Нам известны все тайны.

«Видимо, не все», – подумал Гамаш, выключая свет.

Глава двадцать первая

Они расстались у дверей «Старой фермы»: Эмиль пошел по своим делам, а Гамаш повернул направо, в пресвитерианскую церковь. У него возникло желание войти внутрь, побыть в этой спокойной обстановке, поговорить с молодым священником, у которого за душой было больше, чем даже предполагал Гамаш.

Том Хэнкок нравился старшему инспектору. И вообще, думая об этом деле, он понимал, что все его участники ему нравятся. Все члены литературно-исторического общества, члены Общества Шамплейна, даже главный археолог ему нравился. Ну или, по меньшей мере, он был готов его понять.

И все же один из них почти наверняка был убийцей. Один из них ударом лопаты пресек жизнь Огюстена Рено и закопал его в подвале в надежде, что тело зальют цементом. Если бы он при этом не перерезал телефонную линию, Огюстен Рено мог бы исчезнуть без следа, так же как и Шамплейн.

Гамаш помедлил перед фасадом Литературно-исторического общества, задумавшись о деле.

Бовуар говорил о мотиве и возможности, и, конечно, он был прав. У убийцы должны были быть причина и возможность сделать это.

Гамаш ошибся в деле Отшельника, его ослепили сокровища, он видел только фасад этого преступления, но не смог разглядеть, что прячется за ним.

Не совершает ли он ту же ошибку и сейчас? Может быть, могила Шамплейна служит тем очевидным, ярким, безусловным мотивом, который лишь скрывает истинную причину преступления? Может быть, все это не имеет никакого отношения к поискам основателя Квебека? А если нет, то что остается? Жизнь Рено была посвящена одной страсти, разве не эта же страсть стала причиной его смерти?

Гамаш поднялся по ступенькам и подергал ручку, но дверь Лит-Иста оказалась заперта. Он посмотрел на часы. Еще не было и девяти – конечно, она должна быть заперта. Положение было затруднительным, и, разумеется, потребность попасть внутрь стала еще сильнее.

Он вытащил телефон и набрал номер. После второго звонка ответил женский голос, сильный и чистый:

– Oui allô?

– Мадам Макуиртер, это Арман Гамаш. Désolé, надеюсь, я вас не разбудил?

– Нет-нет, я завтракаю. Чем могу помочь?

Гамаш замешкался с ответом.

– Понимаете, вы уж меня извините, но я как-то промахнулся со временем. Я стою перед Литературно-историческим обществом, но оно, конечно, закрыто.

Элизабет рассмеялась:

– У нас никогда еще не было такого нетерпеливого члена. Это что-то новенькое. У меня есть ключ…

– Не хочу отрывать вас от завтрака.

– Ну не можете же вы стоять на крыльце и ждать – замерзнете от холода.

Гамаш знал, что это не фигура речи. Каждую зиму замерзали десятки людей. Находились слишком долго на холоде, и это их убивало.

– Заходите ко мне, выпьете кофе, и через несколько минут мы отправимся в общество.

Гамаш сразу узнавал приказ, стоило только его услышать. Элизабет назвала ему адрес – дом находился за углом, на рю Д’Отейль.

Подойдя к дому через две минуты, он остановился в восхищении. Дом, как Гамаш и предполагал, был великолепен. В Старом городе Квебек-Сити великолепие измерялось не квадратными футами, а деталями. Блоки серого камня, резьба над дверью и окнами, простые, ясные линии. Прекрасный и изящный дом в ряду таких же домов.

Гамаш не раз проходил по рю Д’Отейль. Это была необыкновенно красивая улица в городе, где множество красивых улиц. Она шла вдоль старых каменных стен, защищавших столицу, но была чуть отодвинута от них, и между улицей и стеной образовалась лента зеленой зоны, а по другую сторону улицы стояли дома.

Здесь жили первые семьи Квебека, французы и англичане. Премьер-министры, промышленники, генералы и архиепископы. Все они жили в этих элегантных домах, смотрящих на стены, словно бросая вызов врагам.

Гамаш бывал на коктейлях в нескольких из этих домов, на нескольких приемах и по меньшей мере на одном государственном обеде. Но в том доме, перед которым стоял сейчас, он еще не бывал. Камень был красиво обработан, дерево покрашено, чугун хорошо сохранился, а где надо, был отремонтирован.

Когда он поднялся на крыльцо, дверь открылась. Гамаш быстро вошел в дом, принеся с собой уличный холод. Холод цеплялся к нему и в этой

прихожей темного дерева, но постепенно сошел с него, как снятая куртка.

Элизабет повесила его куртку, а он снял ботинки. У входа ровным рядом стояли бархатные тапочки, мужские и женские.

– Выбирайте, какие нравятся.

Он выбрал пару, думая о том, на скольких ногах за много поколений они успели побывать. Тапочки вроде были эдвардианские и удобные.

Обои на стенах были яркие, замысловатые, красивые. Сверкающие панели красного дерева перекрывали треть стены снизу. На великолепных деревянных полах тут и там лежали индейские коврики.

– Прошу за мной. Я завтракаю в маленькой столовой.

Они оказались в светлой просторной комнате. В камине горел огонь, вдоль стен стояли книжные шкафы, в ящиках с землей росли папоротники и рождественский кактус. На столике перед огнем стоял поднос с завтраком. Тосты и джем и две фарфоровые чашечки.

– Вы позволите? – спросила Элизабет.

– Прошу.

Она налила ему чашку, добавила немного сливок и сахара. Гамаш сел в удобное кресло напротив дивана, на который села она, обратил внимание на книги на полу и три газеты. «Ле девуар», «Ле долель» и «Газетт».

– Что привело вас так рано в Литературно-историческое общество, старший инспектор?

– Мы уже начинаем понимать, какие книги купил у вас Огюстен Рено на распродаже.

– Неловкая ситуация. – Элизабет слабо улыбнулась. – Наши критики правы. Очень неловкая. Мы продали книги, которые не должны были покидать стены библиотеки?

Гамаш взглянул ей в глаза. Она смотрела не мигая, вероятно страшась ответа, но все равно горя желанием знать его. Краем глаза Гамаш заметил еще кое-что. Выцветшую и даже потертую обивку дивана и кресла, на котором сидел. Несколько вздыбившихся паркетин. Их легко можно было вернуть на место. На одной из дверей шкафа отсутствовала ручка.

– Боюсь, что так оно и есть. Это были дневники и записки отца Шиники.

Она закрыла глаза, но не опустила головы. Когда мгновение спустя ее глаза снова открылись, они смотрели твердо, но, возможно, немного печально.

– О боже, это плохие новости. Нужно будет сообщить совету.

– Они теперь стали вещественным доказательством, но я думаю, если вы поговорите с бывшей женой месье Рено, она продаст их вам за

разумную цену.

Элизабет вздохнула с облегчением:

– Это было бы замечательно. Спасибо.

– Но один из дневников отсутствует. За тысяча восемьсот шестьдесят девятый год.

– Правда?

– А это как раз одна из книг, которые мы ищем, одна из книг, которую Огюстен Рено упоминает в своем дневнике.

– Почему тысяча восемьсот шестьдесят девятый?

– Не знаю.

И это было в какой-то степени верно. Вообще-то, он прекрасно знал почему, но пока не был готов говорить об этом.

– А другая книга?

– Она тоже отсутствует. Мы нашли коробку, в которой она была продана, но что за книга – понятия не имеем. – Гамаш осторожно поставил чашку на поднос. – Вы никогда не слышали о встрече в Литературно-историческом обществе между отцом Шиники, Джеймсом Дугласом и двумя ирландскими рабочими?

– В конце девятнадцатого века? – Элизабет удивленно посмотрела на него. – Нет. Ирландские рабочие, вы говорите?

Гамаш кивнул. Она ничего не ответила, но нахмурилась.

– Вы что-то вспомнили?

– Вряд ли в те времена сюда могли прийти ирландцы. Сегодня – да, у нас много членов-ирландцев. Слава богу, сейчас нет таких противоречий. Но боюсь, в те времена между ирландцами и англичанами существовала вражда.

Гамаш знал, что в этом состояла слабость Нового Света. Люди привозили в него старую вражду.

– Но сегодня отношения наладились?

– Да, со временем старые претензии забываются. И потом, мы слишком малы, не можем себе позволить враждовать.

– Спасательная лодка? – улыбнулся Гамаш и снова взял чашку с кофе.

– Вы не забыли эту аналогию? Да, именно так. Неужели найдутся глупцы, которые будут раскачивать спасательную лодку?

«И что должны делать пассажиры, чтобы поддержать мир?» – спросил себя старший инспектор. Он отхлебнул кофе и оглядел комнату. Она была повыцветшая и уютная, он мог бы жить в такой комнате. А Элизабет замечала эту потертую ткань, отслоившуюся краску? Маленькие поломки накапливаются. Он знал людей, которые всю жизнь прожили в одном доме

и переставали видеть его таким, каким он стал, – они видели его таким, каким он был когда-то.

Но снаружи дом сохранился хорошо. Покрашен, отремонтирован.

– Если уж мы заговорили о маленьких сообществах… вы знаете семью Мюнден?

– Мюнден? Конечно. У них много лет был успешный антикварный магазин на Пти-Шамплейн. Там продавались прекрасные вещи. Я туда кое-что отнесла.

Гамаш посмотрел на нее с недоумением.

– На продажу, старший инспектор.

Сказав это, она не поморщилась, не покраснела. И стыдно ей, судя по всему, не было. Она просто констатировала факт.

И он знал почему. Она, конечно, все замечала, но использовала свой скромный доход только на ремонт фасада. Чтобы выглядело прилично. Огромное состояние Макуиртеров исчезло, стало легендой, которую она решила поддерживать.

Перед Гамашем была женщина, для которой важен был внешний вид, фасад. На какие жертвы она была готова, чтобы поддерживать его в приличном состоянии?

– Там случилась какая-то трагедия, насколько мне известно, – сказал он. – В семействе Мюнден.

– Да, очень печальная история. Он покончил с собой. Это случилось весной. Вышел на лед реки и утонул. Это объяснили несчастным случаем, но мы-то знали правду.

– Тонкий лед.

Она едва заметно улыбнулась:

– Да-да.

– И почему он это сделал, как думаете?

Элизабет ответила не сразу:

– Не могу себе представить. Он казался счастливым. Но то, что нам кажется, не всегда отвечает действительности.

Как сверкающая краска, полированный камень, идеальный фасад этого дома.

– У него было двое детей, но я видела только одного. Сына. Восхитительный мальчик со светлыми кудрявыми волосами. Повсюду ходил за отцом. У него было какое-то прозвище. Нет, не могу вспомнить.

– Старик.

– Что-что?

– Старик – такое у него прозвище.

– Да, верно, старичок – так его отец называл. Интересно, что стало с мальчиком.

– Он живет в деревне Три Сосны, изготовляет и ремонтирует мебель.

– То, чему мы учимся от своих родителей, – с улыбкой сказала Элизабет.

– Отец научил меня играть на скрипке, – сказал агент Морен. – А ваш отец не учил вас играть?

– Нет, он любил петь. Мой отец привил мне любовь к поэзии. Он брал меня на долгие прогулки по Утремону и на Мон-Руаяль и там читал стихи. А я за ним повторял. У меня это плохо получалось. Большинства слов я не понимал, но запомнил их все. Только потом я понял, что они означали.

– И что они означали?

– Они означали мир, в котором мы живем, – ответил Гамаш. – Мой отец умер, когда мне было девять.

Морен помолчал.

– Соболезную. Я даже сейчас не могу себе представить, что потеряю отца. Это, наверно, было ужасно.

– Да, ужасно.

– А ваша мать? Наверно, очень переживала.

– Она тоже умерла. Погибла в автокатастрофе.

– Сочувствую, – сказал Морен еле слышно.

Он переживал за большого человека, удобно устроившегося в своем кабинете, тогда как сам молодой агент оставался в одиночестве, сидел перед часами, привязанный к стулу и бомбе.

Время шло. Оставалось шесть часов двадцать три минуты.

И на компьютере Гамаша мелькали сообщения от членов его команды, которые тайно выполняли его приказы.

Теперь было ясно, что молодого агента удерживают не на дамбе гидростанции «Ла Гранд», а где-то в другом месте. Агент Николь и инспектор Бовуар не смогли уловить звука мощных турбин. Но другие звуки они слышали. Поезда. Некоторые из них товарные, как сказала Николь. Другие пассажирские. Звуки летящих самолетов.

Агент Николь снимала слои звуков один за другим. Выделяла отдельные фрагменты.

«Мы не можем отследить телефон, потому что он экранирован», – написала она.

«Что это значит?» – послал вопрос Гамаш.

«Это как если бы по телекоммуникационной линии двигался какой-нибудь бродяга. Появлялся то здесь, то там. Вот почему кажется, что он

одновременно в разных местах».

«А можно определить, что это за линия?»

«На это нужно слишком много времени», – ответила Николь.

Оставалось шесть часов. И тогда одновременно произойдут две вещи. Бомба уничтожит крупнейшую дамбу в Северной Америке. И агент Морен будет убит.

Время уходило, и старший инспектор Арман Гамаш понимал, что момент принятия страшного решения неуклонно приближается. Момент выбора.

– И что, сын Мюндена счастлив? – спросила Элизабет.

Гамашу потребовалось мгновение, удар сердца, чтобы вернуться.

– Думаю, да. У него сын. Шарль.

– Шарль. – Она улыбнулась. – Я всегда думала, что это правильно – называть ребенка в честь отца.

Элизабет встала, убрала тарелки. Гамаш отнес поднос на кухню.

– Я хотел вас спросить еще об одном человеке, – сказал Гамаш, вытирая тарелки. – Вы знаете Кароль Жильбер?

– Это жена Винсента Жильбера?

– Oui.

Впрочем, он сильно сомневался, чтобы мадам Жильбер понравилось такая ее идентификация по беглому докучливому мужу.

– Я ее знала немного, мы состояли в одном бридж-клубе. Но она, кажется, уехала. Квебек-Сити совсем небольшой город, старший инспектор. А Старый город и того меньше – уместился в стенах.

– А социальные круги еще меньше? – улыбнулся Гамаш.

– Именно. Некоторые объединяются по языку, другие по финансовому и социальному положению, третьи по общим интересам. И нередко они перекрывают друг друга, и большинство людей принадлежат более чем к одному кругу друзей и знакомых. Кароль Жильбер была знакомой по бриджу.

Она тепло улыбнулась ему. Они прошли в прихожую.

– А почему вы спрашиваете?

Они оделись – теплые куртки, ботинки, шапки, шарфы, и в конце старшего инспектора отдела по расследованию убийств трудно было отличить от семидесятипятилетней женщины.

– Несколько месяцев назад мы расследовали одно дело в деревне Три Сосны. Кароль Жильбер теперь живет там. Как и Старик Мюнден.

– Правда?

Но ее это мало интересовало. Вежливое удивление, и только.

Они вышли на солнечный свет и двинулись бок о бок по середине узких улочек. Впереди они видели молодых альпинистов во всей оснастке, подвешенных в тридцати футах над землей. Они работали всю зиму – скидывали снежные козырьки с металлических крыш. Смотреть на них страх брал: они молотили своими топориками и ломами, сбивая лед, сбрасывая накопившийся снег, угрожающий проломить крышу.

Каждую зиму крыши и в самом деле проламывались, и каждую зиму снег и лед падали с крыш на невезучих пешеходов. Соскальзывающий с крыши лед производил особый звук, не похожий ни на что другое, – нечто среднее между неторопливым, низким стоном и визгом. Каждый квебекец знал этот звук, напоминающий вой пикирующего самолета.

Но одно дело услышать, и другое – успеть предпринять что-то. Звук эхом отдавался от старых каменных зданий, а потому точно определить, откуда исходит опасность, было затруднительно. Сосулька могла находиться у вас над головой, а могла – на соседней улице.

Истинный квебекец ходил по середине дороги. Туристы считали квебекцев людьми любезными, ведь они освобождали для них тротуары, – но только до тех пор, пока не слышали звук падающей сосульки.

– И что, в Квебек-Сити все друг друга знают? – спросил Гамаш.

– Возможно. Кароль, вероятно, покупала какие-то старинные вещи у месье Мюндена или что-то ему продавала. Я помню, у нее были замечательные вещи. Старая квебекская семья, вы же понимаете.

– Жильберы?

– Нет, семья мадам Жильбер. Волошины.

Они подходили к Литературно-историческому обществу.

– Мне всегда нравилась Кароль. Очень разумная женщина, – сказала Элизабет, доставая ключ, отогретый в ее перчатке. – Играть с ней в бридж было одно удовольствие. Она никогда не делала глупостей. Очень терпеливая, очень спокойная, замечательный стратег.

Они вошли внутрь, и Гамаш помог Элизабет включить свет и обогреватель, потом она отправилась в свой кабинет, оставив старшего инспектора одного в великолепной библиотеке. Он постоял несколько секунд, как скряга в банке, потом подошел к винтовой чугунной лестнице и поднялся наверх. Наверху он снова остановился. В библиотеке было тихо, как бывает только в старых библиотеках, и он остался наедине со своими мыслями.

– «Ла Гранд»? Да вы что, шутите, что ли? – воскликнул старший суперинтендант Франкёр.

Инспектор Бовуар уже вернулся в кабинет к Гамашу с уликами,

которые они нашли с агентом Николь. Улик было не ахти как много, но достаточно. Так они думали. Надеялись. Бовуар опять несся по лестнице через две ступеньки, предпочитая заявиться без предупреждения по задней лестнице. Через дверь он снова увидел старшего суперинтенданта Франкёра, возглавлявшего поисковую операцию. Тот наблюдал. Отдавал приказы. Создавалось впечатление, будто человек делает все, что в его силах.

И он, вероятно, делал все, что было в его силах. Просто силы его были невелики, и Бовуар знал это.

Он слышал по громкоговорителю разговор старшего инспектора – Гамаш рассказывал о своих студенческих годах в Кембридже. Как он приехал туда, почти не зная английского. Только некоторые фразы, которых он набрался из телепрограмм, выходивших в Квебеке в 1960-е.

– Какие, например? – спросил Поль Морен. Голос был усталый, каждое слово давалось с трудом.

– «Огонь по клингонам» [63] *, – сказал старший инспектор.*

Агент Морен рассмеялся, оживившись:

– Вы и правда говорили это кому-то?

– Как это ни прискорбно. Либо это, либо «Боже мой, адмирал, это ужасно»[64]*.*

Агент Морен взорвался смехом, и Бовуар увидел улыбки на лицах полицейских в оперативном штабе, включая и старшего суперинтенданта Франкёра. Бовуар тоже улыбался, глядя на старшего инспектора.

Он видел шефа через стекло. Глаза его были закрыты, на лице проступила седая щетина. И тут Гамаш сделал нечто такое, чего Бовуар не видел никогда прежде. За все годы, во всех делах, при всех смертях, и отчаянии, и усталости прошлых расследований.

Старший инспектор опустил голову на руки.

Всего на одно мгновение, но инспектор Бовуар никогда не забудет этого мгновения. Молодой Поль Морен смеялся, а старший инспектор Гамаш прятал лицо.

Потом он поднял голову, встретился взглядом с инспектором Бовуаром. И маска вернулась на лицо. Уверенность. Энергичность. Он держал ситуацию в руках.

Жан Ги Бовуар вошел в кабинет шефа с уликами и по просьбе Гамаша пригласил старшего суперинтенданта Франкёра, которому дал прослушать запись.

– Да вы что, на хрен, шутите, что ли?

– Разве похоже, что я шучу?

Шеф вскочил на ноги. Он попросил Поля Морена продолжать говорить. Резко снял наушники, закрыл микрофон рукой.

– Где вы взяли эту запись? – спросил Франкёр.

Издалека доносился голос Поля Морена – он рассказывал об огороде отца, о том, сколько времени уходит на то, чтобы вырастить спаржу.

– Это фоновые звуки в помещении, где находится Морен, – сказал Гамаш.

– Но откуда вы это взяли? – раздраженно проговорил Франкёр.

– Это не имеет никакого значения. Вы слушаете? – Гамаш снова проиграл фрагмент, записанный агентом Николь. – Они упоминают электростанцию два или три раза.

– Да, я слышу, «Ла Гранд», но это может значить что угодно. Может быть, так они называют человека, организовавшего похищение.

– «Ла Гранд»? Нет, это вам не кино. – Гамаш глубоко вздохнул, пытаясь скрыть раздражение.

В громкоговорителе было слышно, как Морен завел монолог о негибридных томатах.

– Я так считаю, сэр, – сказал Гамаш. – Это похищение было осуществлено не фермером из глубинки с грузом марихуаны. Это планировалось давно…

– Да, вы уже говорили об этом прежде. Нет никаких подтверждений.

– Вот подтверждение. – Огромным усилием Гамаш заставил себя не сорваться на крик, напротив, понизил голос до рыка. – Фермер не оставил Морена в одиночестве, как говорил. На самом деле Морен не только не один, с ним находятся два, а то и три человека.

– И что? Вы думаете, его удерживают на дамбе?

– Я думал так поначалу, но мы не слышим фонового шума работающих турбин.

– Тогда в чем же ваша теория, старший инспектор?

– Я предполагаю, что они собираются взорвать дамбу, а агента Морена они похитили, чтобы мы занимались его поисками.

Старший суперинтендант Франкёр уставился на Гамаша. Полиция готовилась к такому сценарию, разработала план действий на этот случай. Этого боялись. Угрозы могучей дамбе.

– Вы заблуждаетесь. На основании чего вы делаете этот вывод? На основании двух слов, которые еле слышны на записи. Да может, там проводки соединились. Вы полагаете, что через… – Франкёр повернулся и посмотрел на часы, – через шесть часов кто-то собирается уничтожить

дамбу «Ла Гранд»? Но их там даже нет. Они сидят с вашим молодым агентом где-то в другом месте.

– Это ложный след. Они хо…

– Хватит, – отрезал старший суперинтендант. – Если это ложный след, то вы на него купились. Они хотят, чтобы вы пошли по глупейшей наводке. Я думал, вы умнее. И вообще, кто эти таинственные «они»? Кто хочет уничтожить дамбу? Нет, это нелепость.

– Да послушайте же, Франкёр, – сказал Гамаш голосом низким и сиплым от усталости, – что, если я все же прав?

Эти слова заставили остановиться старшего суперинтенданта, который уже направился к двери. Он повернулся и уставился на старшего инспектора Гамаша. В последовавшей за этим долгой паузе можно было услышать лекцию о преимуществах конского навоза против коровьего.

– Мне нужно больше доказательств.

– Агент Лакост пытается их собрать.

– Где она?

Старший инспектор стрельнул взглядом в сторону Бовуара. Они отправили агента Лакост два часа назад. В отдаленный поселок индейцев кри, расположенный рядом с дамбой. Именно они больше всего возражали против ее строительства. И именно они пострадали бы сильнее всего в случае катастрофы. Ей было приказано явиться к старейшине кри, женщине, с которой Гамаш познакомился несколько лет назад. На скамье рядом с «Шато-Фронтенак».

Они надеялись, что сейчас от агента Лакост поступят какие-нибудь сведения и они убедят старшего суперинтенданта Франкёра прекратить свои поиски на основе высоких технологий и спуститься с небес на землю. Изменить курс. Перестать смотреть в настоящее и оглянуться в прошлое.

Но пока никакой информации от агента Лакост не поступало.

– Я прошу вас, сэр, – сказал Гамаш. – Отправьте туда несколько человек. Тихая проверка безопасности дамбы. Посмотрите, какие силы могут быть у противной стороны.

– И выставить себя идиотом?

– Выставить себя предусмотрительным начальником.

Старший суперинтендант Франкёр сердито посмотрел на Гамаша:

– Хорошо. Это я сделаю.

Франкёр ушел, и Гамаш увидел, как тот говорит со своим заместителем. Гамаш много в чем подозревал Франкёра, но в желании убить десятки тысяч квебекцев – нет.

Он снова надел наушники и присоединился к агенту Морену. Тот рассказывал о споре, который когда-то состоялся у него с сестрой и закончился киданием горошинами друг в друга. Голос его снова звучал медленно, устало.

Гамаш подхватил разговор и стал рассказывать Морену о спорах между его собственными детьми, Даниэлем и Анни, когда они были маленькими. О том, что Даниэль был более чувствительным, более умеренным из двоих. О том, как Анни, юная и умненькая, всегда брала верх над братом. О соревновании между ними, которое со временем сошло на нет, переросло в родственную любовь.

Он говорил, но ни на миг не забывал о двух вещах.

Меньше чем через шесть часов, в 11.18 громадная плотина электростанции будет взорвана. И агент Поль Морен будет убит. И старший инспектор Гамаш знал еще кое-что. Если появится возможность предотвратить одно из этих двух преступлений, то он понимал, какое из двух.

– Как ваш друг?

– Друг? – Гамаш повернулся и увидел Элизабет, которая внесла в библиотеку книги и положила их в тележку возврата.

– Месье Комо, – уточнила она. – Эмиль. – Она наклонилась над тележкой, перебирая книги и не глядя на Гамаша.

– Он в полном порядке. Я встречаюсь с ним через несколько часов в «Шато». Там состоится заседание Общества Шамплейна.

– Интересный мужчина, – сказала она и ушла, оставив Гамаша одного в библиотеке.

Он дождался, когда ее шаги смолкнут, потом оглядел бесконечные ряды книг. С чего начать?

– Вы уже рядом? Успеете?

Усталость в конце концов одолела Морена, и его страх, так долго сдерживаемый, прорвался наружу через натянутые нервы и телефонную линию.

– Успеем. Не сомневайся.

Наступило молчание.

– Вы уверены? – Голос звучал натужно, почти визгливо.

– Уверен. Ты боишься?

Ответа не последовало – только молчание, а потом звук рыданий.

– Агент Морен, – сказал Гамаш, вставая из-за стола.

Он ждал, но ответа так и не услышал, только звук, который сказал обо всем.

Гамаш говорил несколько минут, подбирая утешительные слова ни о чем конкретном. О весенних цветах, о покупке подарков для внуков, о ланчах в бистро «Лемеак» на рю Лорье, о любимой песне его отца. А в ответ – только рыдание, стоны, кашель, вой: агент Морен в конце концов сломался. Гамаша поразило, что молодой парень так долго держал себя в руках, невзирая на весь этот ужас.

Но теперь нервы сдали, и слезы затопили телефонную линию.

Старший инспектор Гамаш говорил о катании на лыжах на Мон-Сен-Реми, об искусстве Клары Морроу и поэзии Рут Зардо, и постепенно рыдания становились все тише и тише, дыхание выравнивалось.

Гамаш помолчал.

– Ты боишься? – снова спросил он.

Через большое окно он видел, как в большом офисе агенты, аналитики, следователи и старший суперинтендант Франкёр замерли, глядя на него и слушая агента, который был так отважен, а теперь не выдержал.

В своей полутемной комнате агент Иветт Николь записала все это и прослушала еще раз в зеленоватом свете ламп.

– Ты меня слышишь, агент Морен?

– Да, сэр. – Но голос звучал слабо, неуверенно.

– Я тебя найду. – Каждое слово чеканное, медленное. Слова из металла и камня, твердые слова. – Прекрати воображать худшее.

– Но…

– Слушай меня, – потребовал Гамаш. – Я понимаю, как тебе тяжело. Это естественно, но ты должен прекратить. Ты представляешь себе, как истекает время, представляешь, как взрывается бомба. Я правильно говорю?

– Вроде как.

Дыхание в трубке было тяжелым, словно Морен только что пересек финишную черту после долгого бега.

– Прекрати. Если уж хочешь думать о будущем, то думай, как ты встретишься с Сюзанной, увидишь мать и отца, думай о тех историях, которые ты будешь рассказывать своим детям. Управляй своими мыслями, и тогда сможешь управлять и эмоциями. Ты мне веришь?

– Да, сэр.

Голос теперь звучал сильнее.

– Ты мне веришь, агент Морен? – еще тверже спросил старший инспектор.

– Да, сэр. – В голосе появилась уверенность.

– Неужели ты думаешь, что я тебе лгу?

– Нет, сэр, никогда.

– Я тебя найду. Ты мне веришь?

– Да, сэр.

– Так что я сделаю?

– Вы меня найдете.

– Ни на секунду не забывай об этом.

– Да, сэр. – Голос агента Морена звучал твердо, не менее уверенно, чем голос инспектора. – Я вам верю.

– Хорошо.

Гамаш заговорил, давая возможность своему агенту передохнуть. Он говорил о своей первой работе, о том, как он соскребывал жевательную резинку с платформ монреальского метро, как он познакомился с мадам Гамаш. Говорил о том, как влюбился.

«Теперь больше не будет одиночества».

Он говорил, одновременно читая поступающую почту. Информация. От инспектора Бовуара и агента Николь – они анализировали записи и сообщали о своих находках. Самолеты, птицы, поезда. Звук эхо. И то, чего не слышно. Легковушки и грузовики.

Агент Лакост наконец докладывала из поселка индейцев кри. Наводки, которые она нашла на земле, приближали их к цели.

Гамаш посмотрел на часы. Оставалось четыре часа семнадцать минут.

Поль Морен говорил о «Канадиенс», об их хоккейном сезоне.

– Кажется, у нас наконец-то появился шанс завоевать кубок.

– Да, – сказал Гамаш. – Я тоже думаю, что шанс есть.

На антресоли Литературно-исторического общества Арман Гамаш потянулся к первой книге. Прошло несколько часов, библиотека открылась, появились волонтеры, занялись делом, пришел мистер Блейк и сел на свое место. Появилось еще несколько посетителей, находили нужные им книги, читали периодику, уходили.

А тем временем на антресоли старший инспектор вытаскивал одну за другой книги, осматривал их. Вскоре после полудня он занял привычное место напротив мистера Блейка. Они обменялись любезностями и погрузились в чтение.

В час дня Арман Гамаш поднялся, кивнул мистеру Блейку и вышел, унося в сумке две книги.

Глава двадцать вторая

Мирна протянула Кларе книгу:

– Я думаю, тебе это понравится. Одна из моих самых любимых.

Клара покрутила книгу в руках. Мордехай Рихлер. «Здесь был Соломон Гурски»[65].

– Хорошая книга?

– Нет, дерьмо. Я здесь продаю только дерьмо. И конечно, рекомендую его.

– Значит, Рут была права, – сказала Клара. Она наклонила книгу в сторону Мирны. – Спасибо.

– О'кей, – сказала Мирна, садясь против подруги. – Выкладывай.

В плите горел огонь, обогревая книжную лавку и постоянно поддерживая на нужном уровне температуру в чайнике. Клара отпила из своей любимой чашки и прочла аннотацию на обложке, словно и не слыша подруги.

– Что происходит? – не отставала Мирна.

Клара посмотрела на нее невинными глазами:

– С чем происходит?

Мирна смерила ее испепеляющим взглядом:

– Что-то тут заваривается. Я тебя знаю. Что это было такое вчера у Доминик после занятий?

– Искрометный разговор.

– Ничего подобного.

У Мирны уже несколько дней зрел этот вопрос, но эпизод в гостинице и спа убедил ее.

Клара что-то задумала.

– Это было так очевидно? – Клара положила книгу и посмотрела на Мирну обеспокоенным взглядом.

– Вовсе нет. Сомневаюсь, что кто-то это заметил.

– Ты заметила.

– Верно. Но я очень хитра. – Улыбка исчезла с ее лица, и она подалась вперед. – Не беспокойся, я уверена, больше это никому не показалось странным. Но ты задавала очень необычные вопросы. Почему ты говорила о Жане Ги, об Оливье и всей этой истории?

Клара задумалась. Она не ожидала таких вопросов и не приготовила правдоподобной лжи. Глупо с ее стороны. Какие у нее были припасены

обманы?

«Я сегодня занята. Мир искусства слишком консервативен, чтобы по достоинству оценить мои работы. Это собака съела, или (как вариант) это Рут виновата». Это годилось на все случаи жизни – от запахов и съеденной еды до грязи в доме. И иногда до ее искусства.

Но для данного случая у нее ничего не было заготовлено.

– Я думаю, приезд инспектора напомнил мне про Оливье.

– Вранье.

Клара вздохнула. Она уже успела напортачить. Обещание, которое она дала Бовуару, уже было нарушено:

– Ты никому не должна ничего говорить.

– Не скажу.

И Клара поверила Мирне, но, с другой стороны, Бовуар поверил ей. Ну что ж, это была его ошибка.

– Инспектор Бовуар приехал не поправляться после ранения. Он приехал, чтобы неофициально заново открыть дело Оливье.

Мирна улыбнулась:

– Я так и думала. Единственное другое объяснение предполагало, что у тебя съехала крыша.

– И ты сомневалась, что из двух верно?

– Трудно сказать. – Глаза Мирны сверкали. – Это самая хорошая новость последнего времени. Значит, они думают, что Оливье, может быть, и не убивал Отшельника? Но тогда кто?

– В этом-то и вопрос. Похоже, круг подозреваемых сводится к Рору, Хэвоку, Марку, Винсенту или Старику Мюндену. И должна тебе заметить, что Жена сказала очень странную вещь об убийстве.

– Это верно, – кивнула Мирна, – но…

– Но если бы она или Старик Мюнден и в самом деле были в этом замешаны, она бы этого никогда не сказала. Она бы помалкивала.

– Вот вы где.

Две женщины виновато вздрогнули. В дверях, соединяющих книжную лавку и бистро, стоял инспектор Бовуар.

– Я вас искал. – Он смерил их хмурым взглядом. – О чем вы тут говорили?

В отличие от Гамаша, который умел вести допрос так, что допрашиваемому могло показаться, будто это светский разговор, Бовуар мог подать обмен любезностями так, что они выглядели как обвинения.

Впрочем, обе женщины знали, что в данном случае у него были для этого основания.

– Чаю? – предложила Мирна и принялась за дело: налила чай в чашку, потом долила воды в заварной чайник на плите, положила туда еще один пакетик.

Клара тем временем старалась не встречаться взглядом с инспектором Бовуаром, который сел рядом и недовольно посмотрел на нее.

«Это собака съела, собака».

– Я все рассказала Мирне. – Клара помолчала. – Это Рут виновата.

– Всё? – вполголоса спросил Бовуар.

– Значит, насколько я понимаю, среди нас все еще бродит убийца, – сказала Мирна.

Она поставила кружку перед Бовуаром и села.

– Почти что так, – сказала Клара.

Бовуар покачал головой. Что ж, неожиданного в этом ничего не было, как, вероятно, и ничего плохого. Мирна в прошлом помогала шефу, и хотя у Бовуара прежде никогда не возникало желания просить местных жителей о помощи, он подозревал, что они могут быть полезны. А теперь у него уже не оставалось выбора.

– Ну и что вы думаете? – спросил он.

– Я бы хотела узнать кое-что. Вам удалось найти что-то новое?

Он рассказал им о разговоре с Гамашем и о том, что удалось узнать шефу в Квебек-Сити о семье Старика Мюндена и Кароль Жильбер.

– Волошин? – повторила Клара. – Воо?

– Возможно, – кивнул Бовуар.

– В гостинице и спа-салоне много старинных вещей, – заметила Мирна. – Они не могли купить их на рю Нотр-Дам?

– В том же магазине, где Оливье продавал вещи Отшельника? – спросил Бовуар. – Вы думаете, если они заходили туда, то могли узнать некоторые из вещей Оливье?

– Именно, – сказала Мирна. – Кароль Жильбер оставалось только спросить у хозяина магазина, как к нему попали эти вещи. А он указал ей на Оливье и Три Сосны. И вуаля.

– Не складывается.

– Все прекрасно складывается, – сказала Клара.

– Вы подумайте, – обратился к ней Бовуар. – Оливье продавал эти вещицы антиквару много лет назад. Если Кароль Жильбер их обнаружила, то зачем почти на десять лет откладывать покупку старого дома Хадли?

Все трое задумались. Клара и Мирна стали предлагать другие теории, но Бовуар оставался погруженным в собственные мысли.

Он думал об именах. О семьях. О терпении.

Арман Гамаш отогнул рукав куртки, чтобы посмотреть на часы.

Четверть второго. Рановато – заседание еще не началось. Он уронил руку, обхватил сумку, защищая ее.

Он не пошел прямо в «Шато-Фронтенак», а решил пройтись по Дюфферен-террас, длинному деревянному настилу, который шел вдоль отеля и заканчивался площадкой, откуда открывался вид на реку Святого Лаврентия. Летом здесь стояли тележки с мороженым, играли музыканты, в беседках отдыхали люди. Зимой лютый влажный ветер носился по реке, набрасывался на прохожих. У людей от этого ветра перехватывало дыхание, чуть кожа не слезала с лица. И все же люди ходили по этим мосткам – настолько захватывающим был открывающийся с них вид.

Было там и еще одно зрелище. La glissade. Ледяная горка. Ее, возвышающуюся над мостками, каждый год отстраивали заново. Гамаш завернул за угол «Шато», и ветер ударил ему в лицо. Из глаз потекли слезы, которые тут же замерзали на щеках. Впереди на средней части мостков он видел горку в три полосы для съезда и ступеньки, вырезанные в снегу для подъема.

Даже в такой морозный день детишки тащили свои санки наверх. Да что там говорить, чем холоднее, тем лучше: лед будет гладкий и санки стрелой помчатся по крутому склону и далеко-далеко по пологой дорожке. Некоторые санки мчались так быстро и так далеко, что прохожим приходилось отпрыгивать в сторону. Гамаш увидел, что на горку поднимаются не только дети, но и взрослые. Заметил несколько молодых пар. Прекрасный повод обняться покрепче, как в какой-нибудь киностраншилке, и он отчетливо помнил, как в самом начале их отношений пришел на ледяную горку с Рейн-Мари. Они забирались наверх, таща за собой длинные санки, потом ждали своей очереди. Гамаш смертельно боялся высоты, но делал вид, что ему это нипочем, выставляя себя храбрецом перед девушкой, которая раз и навсегда похитила его сердце.

«Ты хочешь, чтобы я села спереди?» – спросила она, глядя на людей, которые усаживались в санки и мчались вниз.

Он посмотрел на нее, собираясь возразить, но тут понял, что это человек, которому не нужно лгать, перед которым не нужно притворяться. С ней он может быть самим собой.

Их санки понеслись к Дюфферен-террас внизу, хотя впечатление было такое, будто они мчатся к реке. Арман Гамаш взвизгнул и обхватил Рейн-Мари. Когда их санки остановились, они с Рейн-Мари смеялись так, что Гамашу показалось, у него что-то порвалось внутри. Он больше никогда

этого не делал. Когда у них росли Даниэль и Анни, то на горку их водила мама, а Гамаш стоял внизу с камерой.

Теперь старший инспектор Гамаш стоял и смотрел на детей, на молодые пары, на пожилого мужчину с женщиной, которые поднимались по узким снежным ступенькам, а потом катились вниз.

Его несколько утешило, что эти двое тоже визжали. И смеялись.

Внезапно он услышал другой крик, доносившийся не с ледяной горки, а снизу, с реки.

Он не один обратил внимание на этот крик. Несколько человек бросились к перилам. Гамаш тоже подошел и не удивился, когда увидел команды лодочников, тренирующихся на льду. До воскресных гонок оставалось два дня.

– И-и раз, и-и раз, – доносились слова команды.

На реке были три лодки, но голос раздавался один, громкий и четкий.

– Левый р-раз, левый р-раз. – Английский голос.

Гамаш прищурился, но не смог разглядеть, с какой лодки доносится этот голос. И узнать его он тоже не сумел. Но это был не Том Хэнкок. И вряд ли Кен Хэслам. На мостках стояла подзорная труба, и хотя она замерзла не меньше Гамаша, он все же сунул монетку в щель и навел трубу на реку.

Не первая лодка.

И не вторая: он видел, как движется рот загребного, но слов его не слышал.

Гамаш направил трубу на самую дальнюю лодку. Нет, этого не могло быть. Слишком уж далеко. Неужели голос способен преодолевать такое расстояние?

Лодка была на середине реки, шестеро человек сидели на веслах. Грести разрешалось разными способами, кроме того, лодку можно было тащить по льду. Эта команда двигалась по открытой воде, направляясь вверх по течению к плавучим льдинам.

– И раз, и раз, – снова донеслись до Гамаша слова команды.

И теперь, когда лодочники двигались вперед, но сидели лицом назад, Гамаш увидел, кто это.

Он смотрел в окуляр, не решаясь прикоснуться к его металлу – кожа могла примерзнуть.

Громогласный, чистый голос принадлежал Кену Хэсламу.

Возвращаясь в «Шато», Гамаш думал об этом. Почему этот человек всю жизнь в любых обстоятельствах разговаривает шепотом, хотя на самом деле способен громко кричать?

Громче, чем кто-либо другой. Голос его звучал пронзительно.

Может быть, Хэслам был удивлен не меньше Гамаша? Может быть, Хэслам в свои шестьдесят восемь лет обрел голос на льду реки, делая то, на что мало кто отважился бы?

Оказаться в тепле всегда облегчение, в особенности если это тепло «Шато-Фронтенак». В великолепном фойе Гамаш снял рукавицы, куртку, шапочку и шарф, сдал в гардероб. Потом, по-прежнему защищая сумку руками, прошел по длинному широкому коридору к двойным стеклянным дверям, сквозь которые пробивался свет.

Войдя в бар «Сен-Лоран», он остановился. Перед ним были круговая стойка бара, круглые столики, громадные окна. В двух каминах пылал огонь.

Но его ждали не здесь.

Посмотрев направо, Гамаш с удивлением увидел дверь, которую не замечал прежде. Открыв ее, он вошел в светлую просторную комнату, напоминающую солярий. Здесь тоже горел огонь в камине.

Когда он вошел, говоривший замолчал. К Гамашу повернулось двенадцать лиц. Все мужчины, пожилые, седоволосые. Они сидели на удобных диванах с обивкой в цветочек и креслах. Он ожидал увидеть более официальную обстановку – кабинет, длинный стол, трибуну.

Он предполагал, что заседание еще не началось. Его часы показывали 1.25, а Эмиль сказал, что заседание начнется в 1.30, но было ясно, что заседание уже идет полным ходом.

Гамаш посмотрел на Эмиля, и тот улыбнулся, но почти сразу отвел глаза.

– Bonjour, – сказал старший инспектор. – Надеюсь, я не очень вам помешал.

– Вовсе не помешали, – ответил ему Рене Далер, такой же крупный и приветливый, как и в прошлый раз.

Другие тоже встали. Гамаш обошел всех, каждому пожал руку, любезно улыбнулся.

Все были дружелюбны, вежливы, но все же у него создалось впечатление, что в комнате царит какое-то напряжение, словно он вошел во время спора.

– Итак, вы хотели поговорить с нами? – сказал месье Далер, показывая на большое кресло.

– Да. Надеюсь, вас не удивит, что речь пойдет об Огюстене Рено. – Гамаш сел.

Некоторые сочувственно кивнули, другие просто настороженно

смотрели на него. Хотя это и не было какое-то тайное общество, но дух таинственности витал над ними.

– Но начать я бы хотел с разговора о Шарле Шиники.

Это вызвало ожидаемую им реакцию. Некоторые выпрямились, другие переглянулись, потом не без раздражения посмотрели на Гамаша.

И снова бразды правления взял в свои руки Рене Далер:

– Простите, месье Гамаш, но вы понимаете, что мы не историческое общество?

– Oui, merci. Я знаю, что вы Общество Шамплейна. – Он сказал это, и что-то прояснилось. Общество Шамплейна. – Но моя история начинается не с Самюэля Шамплейна, не с Огюстена Рено, а где-то между ними. Точнее говоря, в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, с отца Шиники.

– Он был психом, – откликнулся пожилой человек из заднего ряда.

– Значит, вы его знаете, – сказал Гамаш. – Да, для кого-то он был психом, для кого-то – героем. В нашей истории он был кем-то совершенно другим.

Гамаш бросил взгляд на Эмиля, который смотрел в окно. «Дистанцируется от того, что происходит?» – подумал Гамаш.

– Отец Шиники был знаменит одним, – сказал старший инспектор. – Он пытался спасать алкоголиков. Для этого он отправился туда, где их легко можно было найти. В Квебеке тысяча восемьсот шестидесятых годов их можно было найти на рю Пти-Шамплейн, прямо под нами.

И в самом деле, если бы он мог выпрыгнуть из окна и перелететь через Дюфферен-террас, то приземлился бы на рю Пти-Шамплейн внизу. Теперь это была очаровательная мощеная улочка с множеством кафе, сувенирных лавочек, магазинчиков, торгующих кружевами, но в те времена это был печально известный Нижний город, кишащий пьяницами, негодяями всех мастей и проститутками, переполненный сточными водами и разными болезнями.

Переполненный французскими рабочими и ирландскими иммигрантами. И отрекшийся от сана священник решил спасти их и, может быть, себя.

– Однажды летним вечером Шиники зашел в бар в поисках заблудших душ и услышал разговор двух ирландцев – Патрика и О’Мары. Их наняли на земляные работы в Верхнем городе – выкопать подвал под старым домом. На строительстве было занято более двадцати рабочих, но находка была сделана Патриком и О’Марой. Они нашли что-то, показавшееся им ценным.

Члены Общества Шамплейна против желания почувствовали интерес к рассказу. Правда, кое-кто еще казался раздраженным и нетерпеливым, но и они слушали. Один лишь Эмиль продолжал смотреть в окно.

О чем он думает? Неужели он предчувствует, знает, что последует?

Но это не имело значения. Было слишком поздно.

– Шиники слушал этих двоих, и чем дольше слушал, тем больше проникался интересом. Наконец он подсел к ним. Те двое знали, кто такой Шиники, и поначалу были не очень дружелюбны, но когда священник предложил купить им выпивку, он оттаяли. И после двух-трех порций они сказали ему, что это за находка. Гроб. Поначалу Шиники был разочарован. Старый Квебек-Сити был по большому счету построен на гробах, на костях. Странным было, если ты при земляных работах не находил гроба. И рабочие, конечно, знали об этом. Но этот гроб был особенный, говорили они, тяжелый. Эти двое решили, что находка не только необычная, но и, вероятно, ценная. Они вытащили гроб и отволокли его в дом Патрика. Его жена сказала, что не желает видеть гроб в доме. Он настоял, но при этом понимал, что все равно долго держать гроб дома не получится. Дом его был не больше, чем сарай, и уже и без того переполнен: Патрик, его жена, шестеро детей. А теперь еще и покойник в гробу.

Гамаш оглядел своих слушателей. Теперь слушали все, включая Эмиля. Они, как и Гамаш, представляли себе эту сцену. Измученная трудами ирландка, пережившая опасный переезд в Новый Свет, обнаружила, что, убежав от унижения и голода в Старом Свете, она попала из огня да в полымя. А теперь, словно ей было мало всего, что выпало на ее долю, муж еще и гроб притащил в дом.

– Мужчины стали открывать его, осторожно сняли освинцованную крышку, – продолжал свой рассказ Гамаш. – Они думали, что гроб набит золотом, серебром, драгоценностями, оттого он такой тяжелый. Вероятно, это гроб очень богатого человека, думали они. Но их ждало горькое разочарование. Внутри не было ничего, кроме потрепанной старой книги, Библии, и останков. Кости, клочки одежды. А тяжесть объяснялась свинцом.

По комнате общества прошло движение. Неужели они знали, чем это закончится?

– Патрик и О’Мара в баре обсуждали, как лучше отделить свинец и продать его, а потом выкинуть останки в реку вместе с Библией. Читать они не умели, так что Библия была им ни к чему. Шиники попросил показать ему Библию. В этот момент ирландцы насторожились. Тогда священник попытался подойти с другой стороны. Если они завтра принесут гроб и

Библию в Литературно-историческое общество, то получат небольшое вознаграждение. «Это вам зачем?» – спросили ирландцы. «Потому что они собирают всякие старые вещи, в особенности книги. А этот гроб явно старый», – резонно заметил Шиники. Патрик и О'Мара были уже пьяны, и их мало все это волновало. Если им обещали деньги – хорошо. На следующий вечер они пришли, и их встретил отец Шиники и еще один человек. Джеймс Дуглас.

– Вы к чему все это рассказываете? В чем суть? – спросил один из членов Общества Шамплейна.

– Прошу вас, Бенуа, – поморщился Рене Далер. – Ведите себя цивилизованно.

– Я буду вести себя цивилизованно, когда он перестанет попусту тратить мое время.

– Суть есть, месье, и я уже почти закончил, – сказал Гамаш. Он чувствовал, как вибрирует его телефон, но сейчас не мог на него посмотреть. – Вы наверняка слышали о докторе Дугласе?

Кивки.

– Он открыл гроб и осмотрел его содержимое, а отец Шиники тем временем рассматривал Библию. И тут Джеймс Дуглас совершил ошибку. Он предложил Патрику и О'Маре по пятьсот долларов каждому. Шиники впал в ярость, но ничего не сказал. Рабочие тут же поняли, что дело здесь нечисто. Это было целое состояние, слишком много за останки, которые не одну сотню лет гнили в земле, и потрепанную Библию. Они отказались. Потребовали по тысяче долларов каждому, и они получили эти деньги, но только после того, как поклялись хранить все в тайне и сообщили, где живут. Ирландцы, которые ненавидели англичан, еще и побаивались их. Они знали, что может обнаружиться под цивилизованной оболочкой. Они знали, на что способны англичане, если их рассердить. Патрик и О'Мара согласились, потом перенесли гроб в подвал и ушли.

Телефон завибрировал снова, но Гамаш проигнорировал его.

– Откуда вы все это знаете? – спросил кто-то.

– Я нашел вот это.

Гамаш нагнулся и вытащил из сумки книгу в кожаном переплете. Поднял ее и посмотрел на Эмиля, который явно был удивлен, и не только. Что это было – улыбка? Ухмылка? Или гримаса?

– Это дневник отца Шиники за тысяча восемьсот шестьдесят девятый год. Огюстен Рено нашел его и, поняв, насколько он важен, спрятал.

– И где он был?

– В библиотеке Литературно-исторического общества, – сказал Гамаш,

в упор глядя на своего наставника.

– Огюстен Рено спрятал дневник в библиотеке? – спросил Рене Далер.

– Нет, – сказал Гамаш. – Это сделал его убийца.

– Почему вы нам рассказываете все это? – спросил Жан Амель, стройный и сдержанный старик, сидевший, как всегда, рядом с Рене Далером.

– Я думаю, вы знаете почему, – сказал Гамаш, глядя ему прямо в глаза, и Амель не выдержал – опустил взгляд.

– А где, вы сказали, копали ирландские рабочие? – спросил один из членов.

– Я пока этого не говорил, но могу вам сказать. Под «Старой фермой».

– Ты и второй дневник нашел, верно? – спросил Эмиль в тишине.

– Нашел.

Гамаш залез в сумку, которая теперь лежала у него на коленях. Сумку, которую он так оберегал в последние несколько часов.

– В прошлом году Литературно-историческое общество продало несколько коробок книг, даже не потрудившись осмотреть их содержимое. Некоторые из них приобрел Огюстен Рено. Когда он начал с ними знакомиться, обнаружилось, что они из коллекции отца Шарля Шиники. Не очень обещающе для ученого, посвятившего себя Шамплейну…

Слово «ученый» вызвало презрительные фырканье.

– …а потому он не спешил их прочесть. Но вот, случайно просматривая их, он натолкнулся на нечто экстраординарное. Он упомянул об этом в своем дневнике, но по давней привычке он… – Гамаш задумался, подыскивая подходящие слова, – был осторожен.

– Вы хотели сказать, испытал приступ слабоумия? – спросил Жан Амель. – Ничему из того, что он говорил или писал, верить нельзя.

– Нет, я хотел сказать «осторожен». И он был прав. Его находка была поразительна.

Гамаш вытащил еще одну книгу в кожаном переплете, бóльшую по размерам, чем первая. Хоть и потрепанная и ветхая, она еще вполне сохранилась. Она не видела солнца сотни лет, была извлечена из земли и стояла неприметная на полке в доме отца Шиники до его смерти.

– Вот это, – Гамаш поднял книгу, – и было тайной отца Шиники, а потом тайна умерла вместе с ним, и, когда его экономка более века назад собрала его книги и отправила в Лит-Ист, никто не знал, какие там хранятся сокровища. Читая дневники Шиники, Огюстен Рено наткнулся на запись о судьбоносной встрече в июльский вечер тысяча восемьсот шестьдесят девятого года. И среди множества религиозных книг,

псалтырей, проповедей, семейных Библий и коробок со старыми книгами он нашел вот это.

Гамаш накрыл своей крупной ладонью простой кожаный переплет, за которым трудно было распознать истинное содержимое книги.

Снова завибрировал его телефон. Его частная линия. Знали ее немногие, но вот именно по ней в течение десяти минут не переставали звонить.

– Позволь? – Эмиль протянул руку.

– Oui.

Гамаш встал, подал книгу своему наставнику и стал наблюдать, как тот делает то же самое, что часом ранее сделал он. И именно то, что, по его представлению, сделал месяц назад Огюстен Рено. Что сделал век назад отец Шиники.

Эмиль открыл книгу в простом кожаном переплете на странице с выходными данными.

Было слышно, как он охнул, потом выдохнул со словами:

– Bon Dieu.

– Да, – сказал старший инспектор. – Боже милостивый.

– Что это? – спросил Жан Амель, выходя из удобной тени своего друга Рене.

Теперь стало ясно, кто настоящий лидер в Обществе Шамплейна.

– Они нашли Шамплейна, – сказал Эмиль, глядя на Гамаша. Это был не вопрос – вопросы отпали. – Под «Старой фермой» ирландские рабочие нашли гроб с останками Шамплейна.

– Это смешно, – заявил раздражительный член общества. – Каким образом тело Шамплейна могло оказаться под «Старой фермой»? Мы все знаем, что он был похоронен либо в часовне, которая сгорела, либо на кладбище, в поле, в сотне ярдов от часовни.

– Шамплейн был гугенотом, – произнес Эмиль еле слышно. – Протестантом.

Он показал всем книгу. Библию.

– Но это невозможно, – отрезал Жан.

Раздались одобрительные возгласы. Руки потянулись к Библии, и шум стал стихать, по мере того как книгу передавали из рук в руки и они видели подтверждение.

«Самюэль Шамплейн», – было написано чернилами. И стоял год: 1578.

Это был оригинал гугенотской Библии, редкий экземпляр. Большинство было уничтожено инквизицией, сгорело вместе с владельцами. Это была опасная книга. Для тех, кто владел ею, и для

церкви.

Шамплейн, вероятно, был набожный человек, если хранил книгу и просил похоронить ее вместе с ним.

В комнате воцарилась тишина, раздавалось только потрескивание огня в камине. Гамаш взял Библию и положил ее в сумку вместе с дневником Шиники, потом сказал, обращаясь к группе людей, погрузившихся в свои мысли:

– Excusez-moi.

С этими словами он вышел из комнаты.

Он вытащил телефон, и увидел на экране порядка двадцати вызовов от разных людей. От Рейн-Мари, своего сына Даниэля и дочери Анни. От суперинтендантов Брюнеля и Франкёра и агента Лакост. От разных друзей и коллег и от Жана Ги Бовуара, который и звонил сейчас.

– Bonjour, Жан Ги. Что случилось?

– Шеф, где вы были?

– На заседании. Что происходит?

– В Интернет запущен видеоролик. Мне про него сказал Питер Морроу, потом позвонила Лакост и несколько друзей. И звонки не прекращаются. Я этот ролик пока не видел.

– И что там? – Но он уже знал ответ и почувствовал, как пустота внедрилась в его желудок.

– Это из записей, сделанных во время рейда.

У всех тогда были миниатюрные камеры, вделанные в переговорные гарнитуры. Записывалось все происходящее. Следователи давно поняли, что словесный отчет недостаточен. Даже самые дисциплинированные полицейские забывали какие-то детали, в особенности в горячке операции, а если дела принимали плохой оборот, что случалось довольно часто, то полицейский мог забыть о дисциплине и начать лгать.

Камеры препятствовали этому, а то и делали ложь совсем невозможной.

Каждая камера показывала, что видел каждый полицейский, что он делал, фиксировала, что говорил. И как и любая запись, эта могла редактироваться.

– Шеф? – проговорил Бовуар.

– Да, понимаю.

Он знал, что чувствует Бовуар. Расстроенный, внезапно опустошенный, сбитый с толку тем, что кто-то мог сделать это, что кто-то захочет это смотреть. Это было жестоко, в особенности по отношению к семьям. К семьям его полицейских.

– Я позвоню.

– Я могу и сам, если хотите.

– Нет, спасибо. Я сам.

– Кто мог это сделать? – спросил Бовуар. – У кого вообще есть доступ к записям?

Гамаш опустил голову. Неужели это возможно?

Ему сказали, что там всего три стрелка. Но их оказалось больше, гораздо больше. Гамаш решил, что это ошибка. Ужасная, но не преднамеренная.

Он увеличил это число и исходил из того, что их встретят шестеро.

С запасом.

Он ошибся.

Он взял с собой шестерых агентов. Отобрал лучших. И взял инспектора Бовуара. Но не агента Иветт Николь. А она стояла, уже облаченная в бронежилет. Пистолет на поясе. Смотрела пронзительным взглядом. Она хотела вместе с ними на фабрику. В то место, которое она нашла, исследуя звуки. Слушала так внимательно, как никогда прежде за всю жизнь.

Слушала поезда. Их частоту. Их ритм. Грузовые. Пассажирские. Самолеты в небе. Гудки вдалеке. Фабрика.

И шепот. Призраки на заднем фоне.

Их трое, сказала она.

С неистовой помощью инспектора Бовуара они сужали и сужали поиск. Отсеивали. Отсекали. Они просматривали расписания поездов, рейсы авиакомпаний над фабрикой настолько старой, что там использовались гудки.

И наконец они вычислили, где находится агент Поль Морен.

Но была и другая цель. Дамба «Ла Гранд». Спасти молодого агента означало дать им понять, что их замысел относительно дамбы раскрыт. А если они поймут это, то могут тут же начать воплощать свой план по уничтожению дамбы, пока еще не прибыли бойцы антитеррористического подразделения.

Нет. Нужно было сделать выбор. Принять решение.

Гамаш представлял себе агента Николь в дверях. В готовности. И ее бешенство, когда он сказал о своем решении.

– Вы будете смотреть? – спросил Бовуар.

Гамаш подумал и ответил:

– Да. А ты?

– Может быть. – Он тоже задумался. – Да, буду.

Наступила пауза, оба думали о том, что это означает для них.

– Боже мой, – простонал Бовуар.

– Когда станешь смотреть, пусть рядом будет кто-нибудь, – посоветовал Гамаш.

– Я хочу…

– И я тоже, – сказал Гамаш.

Они оба хотели одного: если им нужно пережить это, то по крайней мере вместе.

Тяжело опустившись в кожаное кресло бара «Сен-Лоран», старший инспектор Гамаш позвонил Рейн-Мари.

– Пыталась до тебя дозвониться. – У нее был расстроенный голос.

– Я знаю. Извини, не мог ответить. Жан Ги только что мне рассказал. Ты как узнала?

– Даниэль позвонил из Парижа. Ему сказал коллега. Потом позвонила Анни. Это явно появилось в полдень – и пошло-поехало. Последние полчаса звонят журналисты. Арман, это ужасно.

Он услышал напряжение в ее голосе и почувствовал желание убить того, кто это сделал. Кто заставил всех переживать случившееся заново – Рейн-Мари, Анни, Даниэля и Энид Бовуар. Хуже того. Семьи тех, кто погиб.

Ему хотелось через телефонную линию дотянуться до Рейн-Мари, прижать ее к себе. Убаюкать, сказать, что все будет хорошо, что это всего лишь призрак прошлого. Что худшее позади.

Но так ли это?

– Когда ты вернешься?

– Завтра.

– Кто мог это сделать, Арман?

– Не знаю. Мне нужно посмотреть. Но ты не смотри. Дождись меня, посмотрим вместе.

– Я подожду, – сказала она.

Она умела ждать.

Тот день она помнила отрывками. Армана не было дома. Изабель Лакост позвонила и сказала, что шеф занят расследованием и даже не может поговорить с ней. И не сможет целый день.

Она не помнила дня, когда бы не слышала голоса мужа в течение двадцати четырех часов. Ни одного дня за последние тридцать лет. А на следующее утро ее коллега по Национальной библиотеке пришла на работу с серым от ужаса лицом.

Бюллетень по Радио-Канада. Перестрелка. Погибли канадские

полицейские, включая и одного старшего офицера. Рейн-Мари помчалась в больницу, не слушая сообщений. Боялась слушать. Не было ничего важнее сейчас, чем добраться до больницы. Добраться. В отделении скорой помощи она увидела Анни. Та только что приехала.

«По радио сказали, что папа…»

«Я не хочу это слышать».

Они утешали друг друга. Утешали Энид Бовуар. Потом появились другие, которых она не знала. Сюрреалистическая пантомима: незнакомые люди утешали друг друга, втайне отчаянно и стыдливо молясь о том, чтобы плохие вести пришли не к ним.

Из распашных дверей отделения скорой помощи появился санитар, посмотрел на них, отвел взгляд. На халате у него были пятна крови. Анни сжала ее руку.

Среди мертвых.

Доктор отвел их в сторону, отделив от остальных. Рейн-Мари была как в бреду, она пыталась держать себя в руках, готовясь к худшему. А потом эти слова.

Он жив.

Остального она почти не слышала. Ранение груди. Ранение головы. Пневмоторакс. Кровотечение.

Он жив, а это главное. Но были и другие.

«Жан Ги? – спросила она. – Жан Ги Бовуар?»

Доктор медлил.

«Вы должны нам сообщить», – сказала Анни с гораздо большей настойчивостью, чем Рейн-Мари ждала от нее.

«Ранение брюшной полости. Ему сейчас делают операцию».

«Но он будет жить?» – не успокаивалась Анни.

«Мы не знаем».

«Вы сказали, у моего отца кровотечение. Что это значит?»

«Ранение в голову, – стал перечислять доктор. – Внутреннее кровотечение. Инсульт».

Рейн-Мари не слушала. Он жив. Она повторяла эти слова про себя, и повторяла потом каждый день. И неважно, что там, на этом треклятом видеоролике. Он жив.

– Не знаю, что там на нем может быть, – сказал Гамаш.

И это было правдой. Он заставлял себя вспомнить подробности для следствия, но в основном в памяти остались какие-то фрагменты, хаос, шум, крики, вопли. И повсюду автоматчики. Гораздо больше, чем они предполагали.

Выстрелы один за другим. Бетон и дерево взрываются осколками у них на глазах. Автоматные очереди. Незнакомое ощущение бронежилета на груди. Карабин в его руках. Люди в прицеле. Отдача при выстреле. Стрельба на поражение.

Он оглядывает пространство в поисках стрелков, отдает приказы. Поддерживает порядок даже во время атаки.

Видит, как падает Жан Ги. Как падают другие.

По ночам он просыпался от этих образов. От этих звуков. И этого голоса.

«Я успею найти тебя вовремя. Верь мне».

«Я верю. Я вам верю, сэр».

– Я буду дома завтра, – сказал Гамаш жене.

– Береги себя.

Таких слов она прежде не говорила ему. Прежде, до того как все это случилось. Она думала об этом каждый раз, когда он уходил на работу, но никогда не произносила этих слов вслух. А теперь сказала.

– Хорошо. Я тебя люблю.

Он отключился и посидел какое-то время, беря себя в руки. Рука нащупала в кармане пузырек с таблетками. Пальцы сомкнулись вокруг него.

Гамаш закрыл глаза.

Потом, вытащив пустую руку из кармана, начал звонить тем, кто остался в живых, и семьям тех, кого уже нет.

Он говорил с матерями, отцами, женами и мужьями погибших. И на заднем плане слышал детский голос, просящий молока. Он звонил снова и снова, выслушивал их негодование, их боль – они не могли себе представить, чтобы кто-то выставил в Интернете видео всего этого. Но ни один из них не упрекнул его, хотя Арман Гамаш знал, что основания для этого у них были.

– Тебе нехорошо?

Гамаш поднял взгляд и увидел Эмиля Комо в соседнем кресле.

– Что случилось? – спросил Эмиль, заметив, как смотрит на него Гамаш.

Старший инспектор помедлил. Впервые в жизни у него возникло искушение солгать этому человеку, который солгал ему.

– Почему вы сказали, что заседание Общества начинается в половине второго, хотя оно начиналось в час?

Эмиль помолчал. Неужели солжет снова? Но Эмиль покачал головой:

– Извини, Арман. Нам нужно было обсудить кое-что до твоего

прихода. Я думал, так будет лучше.

– Вы мне солгали, – сказал Гамаш.

– Всего на полчаса.

– За этим стоит нечто большее, и вы это знаете. Вы сделали выбор, встали на определенную сторону.

– На сторону? Ты хочешь сказать, что Общество Шамплейна стоит не на той стороне, что ты?

– Я говорю, что у нас у всех есть свои привязанности. Вы свою обозначили.

Эмиль посмотрел на него.

– Извини. Я не должен был лгать тебе. Этого больше не случится.

– Это уже случилось, – сказал Гамаш, вставая и кладя на столик сто долларов за воду и тихое место у огня. – Что вам сказал Огюстен Рено?

Эмиль тоже поднялся:

– Что ты имеешь в виду?

– ОШ в дневнике Рено. Я думал, так обозначена грядущая встреча с Обри Шевре. Встреча, которая так и не состоялась, потому что Рено убили. Но я ошибался. ОШ означает Общество Шамплейна, и встреча была назначена на сегодня, на час дня. Зачем он хотел встретиться с членами Общества?

Эмиль смотрел на него убитым взглядом и молчал.

Гамаш развернулся и пошел прочь по длинному коридору. Его телефон снова вибрировал, сердце учащенно билось.

– Постой, Арман, – услышал он за спиной, но не остановился.

Потом он вспомнил о том, что значил для него Эмиль и продолжает значить. Неужели одна ложь способна уничтожить все, что было между ними?

В этом была опасность. Не в том, что случались предательства, не в том, что случались жестокости, а в том, что они могли перевесить все хорошее. В том, что мы можем забывать хорошее и помнить только плохое.

Но не сегодня. Гамаш остановился.

– Ты прав. Рено хотел встретиться с нами, – сказал Эмиль, догнав Гамаша, когда тот забирал куртку из гардероба. – Он сообщил, что нашел что-то. Что-то такое, что нам не понравится, но он будет готов забыть об этом, если мы дадим то, что ему надо.

– И что ему было надо?

– Он хотел вступить в общество и иметь престиж наравне с другими членами. А когда гроб будет найден, он требовал, чтобы мы признали его правоту.

– И все?

– И все.

– И вы согласились?

Эмиль покачал головой:

– Мы решили не встречаться с ним. Никто не верил, что он и в самом деле нашел Шамплейна, и никто не верил, что он нашел какие-то компрометирующие материалы. Мы пришли к мнению, что принятие Рено в члены общества пойдет нам во вред. В общем, мы ему отказали.

– К вам приходит пожилой человек и просит принять его, просто принять. А вы отказываете?

– Я не горжусь этим решением. Это мы и должны были обсудить в твое отсутствие. Я хотел, чтобы они обо всем тебе рассказали, и предупредил, что если они этого не сделают, то сделаю я. Извини, Арман, я совершил ошибку. Просто я знал, что это не может иметь значение для следствия. Никто не верил Рено. Ни один человек.

– Кто-то ему поверил. И убил.

На заседание Общества Шамплейна собрались одни пожилые квебекцы. Что объединяло их? Безусловно, их очарование Шамплейном и первыми годами существования колонии. Но оправдывало ли это их пожизненное нежелание видеть правду? Не стояло ли за этим нечто большее?

Самюэль де Шамплейн был не просто одним из первопроходцев, он был отцом Квебека, а потому считался символом квебекского величия. И свободы. Нового Света и новых стран.

Суверенитета. Независимости от Канады.

Гамаш вспомнил волнения конца 1960-х. Бомбы, похищения, убийства. Все это совершали молодые сепаратисты. Но молодые сепаратисты 1960-х стали теперь пожилыми сепаратистами, они вступали в общества, заседали в шикарных залах и попивали аперитивы.

И строили заговоры?

Останки Самюэля Шамплейна были обнаружены, а с ними обнаружилось, что он был протестантом. Как отнесется к этому церковь? Как отнесутся к этому сепаратисты?

– Как ты нашел эти книги? – спросил Эмиль, показывая глазами на сумку Гамаша.

– Это была сумка Рено. Зачем он ее взял, если в ней была только маленькая карта? В ней должно было лежать еще что-то. И когда мы не смогли найти эти книги, я понял, что он, вероятно, держал их при себе. Огюстен Рено не желал выпускать их из рук ни на секунду. Он принес их в

Литературно-историческое общество, когда встретился со своим убийцей. Но книг в его сумке не обнаружилось. А это означало, что их взял убийца. И что он сделал с ними?

Эмиль прищурился, его мысли устремились тем путем, который проложил Арман. Потом он улыбнулся:

– Убийца не мог взять их с собой. Если бы они обнаружились у него дома, это указывало бы на него как на убийцу.

Гамаш наблюдал за своим наставником.

– Я думаю, он мог бы их уничтожить, – продолжил Эмиль, размышляя. – Бросить в огонь, сжечь. Но не сумел заставить себя сделать это. Так как же он поступил?

Они смотрели друг на друга, стоя в переполненном холле отеля. Люди обтекали их, словно река; кто-то, закутавшись, выходил на улицу, кто-то в костюме направлялся на коктейль. На некоторых были традиционные цветастые кушаки карнавала, les ceinture fléchée. И все они словно и не замечали двух мужчин, стоявших неподвижно посреди холла.

– Он спрятал их в библиотеке, – сказал довольным голосом Эмиль. – Где же еще? Спрятал среди тысяч других старых, нечитанных, неоцененных томов в кожаных переплетах. Все просто.

– Я все утро искал их и все же нашел.

Они вышли из «Шато», и на них накинулся холодный ветер.

– Книги ты нашел, но что случилось с Шамплейном? – спросил Эмиль, мигая на обжигающем холоде. – Что сделали с ним Джеймс Дуглас и Шиники?

– Мы скоро это узнаем.

– Ты говоришь о Лит-Исте? – уточнил Эмиль, когда они свернули налево и пошли мимо каменных зданий, деревьев, из которых все еще торчали ядра, мимо прошлого, которое они оба любили. – Но почему главный археолог не нашел Шамплейна, когда искал его несколько дней назад?

– Откуда мы знаем, что он не нашел?

Глава двадцать третья

Когда старший инспектор и Эмиль Комо пришли в Литературно-историческое общество, у входа их ждали Элизабет, Портер Уилсон, крохотная Уинни и мистер Блейк.

– Что происходит? – с места в карьер пустился Портер, не успели Гамаш и Эмиль закрыть за собой дверь. – Главный археолог вернулся с техническим персоналом. И этот инспектор Ланглуа тоже здесь. Он потребовал, чтобы мы не подходили к подвалу.

– А вы собирались туда? – спросил Гамаш, снимая куртку.

– Да нет.

– Вам туда нужно?

– Совсем не нужно.

Они уставились друг на друга.

– Бога ради, Портер, это так неловко, – сказала Элизабет. – Пусть люди занимаются своим делом. Но, – обратилась она к Арману Гамашу, – мы бы хотели, чтобы нас держали в курсе. Расскажите, что можете.

Гамаш и Эмиль переглянулись.

– Мы думаем, что Огюстен Рено был прав, – сказал старший инспектор.

– В чем? – спросил Портер.

– Не валяйте дурака, – оборвал его мистер Блейк. – Он нашел Шамплейна, вот в чем.

Гамаш кивнул, и мистер Блейк нахмурился:

– Вы считаете, что останки Шамплейна лежат у нас в подвале? И все время там были?

– По крайней мере, в течение последних ста сорока лет.

Гамаш и Комо протиснулись сквозь столпившихся в холле людей и направились по длинным коридорам к люку, ведущему в подвал, спустились по крутой металлической лестнице, потом еще по одной на самый нижний уровень.

Через щели в половых досках верхнего уровня пробивался яркий свет, словно в подвале было заключено солнце. Но, спустившись, они увидели другое: несколько мощных промышленных светильников, направленных на земляной пол и каменные стены.

Главный археолог стоял в центре помещения, обхватив себя длинными руками и безуспешно пытаясь сдержать гнев. Двое рабочих, те же, что

были с ним в первый раз, стояли рядом, как и инспектор Ланглуа, который тут же отвел Гамаша в сторону.

– Я могу объяснить, – поспешил сказать Гамаш.

– Я знаю, но я не об этом. Пусть Шевре покипит какое-то время, что с него взять, с недоумка. Вы уже знаете? – Ланглуа вгляделся в лицо Гамаша.

– Про видео? Oui. Но я его не смотрел. – Гамаш в свою очередь вгляделся в лицо собеседника. – А вы?

– Я видел. Все видели.

Это, конечно, было преувеличением, но, возможно, не очень сильным. Гамаш продолжал изучать лицо Ланглуа – что оно выражает? Нет ли в нем намека на жалость?

– Мне жаль, что это случилось, сэр.

– Спасибо. Я посмотрю его сегодня позже.

Ланглуа помолчал, словно хотел сказать что-то, но не сказал. Бросив быстрый взгляд в сторону главного археолога, он спросил:

– И что все это значит, patron?

– Я вам объясню, – улыбнулся Гамаш.

Он взял Ланглуа под руку и вернулся вместе с ним в большее помещение, где стояли люди. Там он обратился к Обри Шевре:

– Я знаю, вы были здесь почти неделю назад, чтобы понять, есть ли здесь еще одно тело, кроме Огюстена Рено. Проверить, не был ли прав человек, в котором вы видели угрозу, и не покоятся ли здесь останки Шамплейна. Неудивительно, что вы ничего не нашли.

– Мы нашли картофельные клубни, – пробурчал Шевре под смех рабочих.

– Я хочу, чтобы вы проверили еще раз, – сказал старший инспектор, тоже улыбаясь и глядя в глаза археологу. – Проверили, нет ли здесь Шамплейна.

– Я не буду это делать. Бесполезная трата времени.

– Если не будете вы, то это сделаю я. – Гамаш взял лопату. – Но вы должны знать, что археолог я никакой – еще хуже Рено.

Он снял кардиган, протянул его Эмилю, закатал рукава и оглядел подвал. Земля здесь всюду была перелопачена, везде вырыты, а потом закопаны ямы.

– Начну, пожалуй, отсюда.

Он всадил лопату в землю, надавил ногой на штык.

– Постойте, – сказал Шевре. – Это нелепо. Мы перекопали весь подвал. С чего вы взяли, что Шамплейн здесь?

– Вот с чего.

Гамаш кивнул в сторону Эмиля, который открыл сумку и протянул Обри Шевре старую Библию. На их глазах жизнь старшего археолога изменилась. Начался этот процесс крохотным движением. Его глаза немного расширились, потом он моргнул, потом выдохнул.

– Merde, – прошептал он. – Oh merde.

Оторвав взгляд от Библии, Шевре уставился на Гамаша:

– Где вы ее нашли?

– Наверху, она была спрятана там, где прячут драгоценные старые книги. Среди других старых книг. В библиотеке, которой никто не пользуется. Ее наверняка засунул туда убийца. Не хотел ее уничтожать, но и при себе не хотел оставлять. А потому спрятал. Но до этого она была у Рено, а еще раньше – у Шарля Шиники.

Гамаш видел, как мечутся мысли главного археолога, образуют связи через года, через столетия. Соединяют движения, события, личностей.

– А как она оказалась у Шиники?

– Патрик и О’Мара, два ирландских рабочих, о которых я вам говорил, нашли ее и продали Шиники.

– Вы в связи с этим делом просили меня узнать о раскопках в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году? Они работали на одном из этих участков?

Гамаш кивнул, ожидая, когда Шевре сделает следующее умозаключение.

– «Старая ферма»? – спросил наконец главный археолог, потом ударил себя по лбу. – Ну конечно! «Старая ферма». Мы всегда исключали ее из наших поисков – считали, что это место находится за пределами освященной земли. Но Шамплейна похоронили на неосвященной земле, потому что он был гугенотом.

Шевре сжимал Библию, и казалось, его сердце тоже сжато чем-то: восторгом и волнением.

– Слухи, конечно, ходили, но в этом весь Шамплейн: о нем почти ничего не известно, одни слухи. И мы считали: ну вот еще один слух, к тому же маловероятный. Неужели король доверил бы протестанту, гугеноту руководить Новым Светом? Но если король не знал? Хотя нет, вероятнее всего, знал, и это многое объясняет.

Главный археолог был теперь похож на подростка, влюбившегося в первый раз: голова кружится, язык заплетается.

– Это объясняет, почему Шамплейн так и не получил высокого титула, почему не был официально назван губернатором Квебека. Почему ему так и не воздали должного за его достижения, тогда как другие заслуживали

награды куда за меньшее. Это всегда было тайной. И может быть, это объясняет, почему его вообще отправили сюда. Эта миссия считалась почти самоубийственной, а гугенота Шамплейна было не жалко.

– А иезуиты знали об этом? – спросил один из рабочих.

Этот вопрос не давал покоя и Гамашу. Католическая церковь играла важнейшую роль в становлении колонии, в обращении индейцев, в поддержании порядка среди колонистов.

Иезуиты не отличались терпимостью.

– Не знаю, – ответил Шевре, подумав. – Должны были знать. Иначе его похоронили бы на католическом кладбище, а не за его пределами.

– Но иезуиты ни за что не допустили бы, чтобы Шамплейна похоронили вот с этим. – Гамаш показал на гугенотскую Библию, которую все еще сжимал в руке Шевре.

– Правда. Но кто-то должен был знать, – сказал Шевре. – Есть много свидетельств того, как Шамплейна хоронили в часовне – в часовне, которую он сам поддерживал деньгами, оставив ей половину своего состояния.

Главный археолог замолчал, но было видно, что его мысль продолжает работать.

– Неужели? Неужели эти деньги были подкупом? Неужели он отдал церкви половину своего состояния для того, чтобы ему устроили публичные похороны в часовне с последующим перезахоронением за пределами католического кладбища, в поле? И вот с этим? – Он поднял руку с Библией.

Гамаш слушал, представляя себе, как великого человека выкапывают ночью из могилы и тащат за пределы освященной земли.

Почему? Потому что он был протестантом. Все его деяния, все его мужество, все его прозрения, решительность и достижения в конечном счете не стоили ничего. После смерти от него осталось одно.

Его гугенотство. Он был чужаком в стране, которую создал, в мире, который построил. Гуманист Самюэль де Шамплейн был опущен в землю Нового Света, неосвященную землю, но и неопороченную.

Может быть, Шамплейн приехал сюда в надежде, что здесь все будет иначе? Но обнаружил, что Новый Свет ничем не лучше Старого. Вот только холоднее.

Самюэль де Шамплейн покоился в освинцованном гробу со своей Библией, пока два ирландских рабочих, живших в нищете и отчаянии, не откопали его. Он стал их богатством. Один из них, О’Мара, покинул город. Другой, Патрик, переехал из Нижнего Квебека, купил дом на Де-Жарден,

среди богачей.

Стал ли он там счастливее?

– И теперь вы считаете, что он здесь? – спросил Обри Шевре.

– Да, считаю, – ответил Гамаш.

Он рассказал им остальную часть истории. О встрече с Джеймсом Дугласом, о продаже.

– Значит, Шиники и Дуглас похоронили его здесь? – спросил Шевре.

– Думаю, да. Шамплейн был слишком мощным символом для французского Квебека, его вдохновением. Лучше бы его никогда не нашли. В тысяча восемьсот шестьдесят девятом всего два года прошло после образования Конфедерации[66]. Многие квебекцы были недовольны присоединением к Канаде, уже тогда начались призывы к отделению. Нахождение останков Шамплейна не принесет пользы делу Канады, а вот вреда может принести немало. Шиники, возможно, это мало волновало, в отличие от Дугласа. Дуглас чувствовал политические течения и, будучи консерватором по своей природе, решил: чем меньше шума, тем лучше.

– А обнаружение останков Шамплейна произвело бы немало шума, – кивнул инспектор Ланглуа. – Мертвых нужно хоронить и не ворошить прошлое.

– Но у мертвецов была привычка выходить из могил, – заметил Шевре. – В особенности вокруг Джеймса Дугласа. Вам известно о его деятельности?

– В качестве расхитителя могил? – спросил Гамаш. – Да, известно.

– И о мумиях, – добавил Шевре.

– О мумиях? – переспросил Ланглуа.

– Как-нибудь потом я расскажу вам все об этом, – сказал старший инспектор. – А пока нам нужно найти еще одно тело.

В течение следующего часа главный археолог и его помощники снова перекапывали подвал, нашли еще несколько освинцованных ящиков и несколько картофелин.

Но под лестницей, как раз в том месте, куда упирались металлические ступени, они нашли что-то еще. Это место пропустили во время первых поисков недельной давности. Тогда они решили, что металлодетектор реагирует на сами ступени, но теперь, при более внимательном обследовании, обнаружили кое-что еще.

Рабочие копали осторожно, хотя без энтузиазма и убежденности. Лопаты вдруг уткнулись во что-то большее, чем освинцованные ящики. Нет, там было что-то еще – не свинец, а дерево.

Рабочие стали копать еще осторожнее, вынимали землю, делали

фотографии, фиксировали происходящее, и вот так медленно, методично они откопали гроб. Все встали вокруг и машинально перекрестились.

Инспектор вызвал своих судмедэкспертов, и они появились через несколько минут. Отобрали образцы, сделали фотографии, сняли оттиски.

Под объективами камер подняли гроб, и главный археолог с помощниками вытащили гвозди, длинные и побуревшие от ржавчины. Они выходили из дерева со скрипом, не желая предъявлять миру то, что так долго было от него скрыто.

Наконец все гвозди были вытащены, и можно было снимать крышку, Обри Шерве протянул было к ней руки, но остановился, посмотрел на Гамаша и жестом подозвал его. Гамаш хотел отказаться, но главный археолог проявил настойчивость, и старший инспектор подчинился.

Он встал перед траченным временем гробом. Простое кленовое дерево из древних лесов, сведенных четыреста лет назад, чтобы построить Квебек. Гамаш чувствовал дрожь в правой руке и понимал, что она видна другим.

Он вытянул руки – и дрожь прекратилась. Взявшись за крышку, он представил себе, что сейчас случится. После нескольких сотен лет поисков, после жизней, потраченных на то, чтобы найти останки отца Квебека, после его собственного детства, которое прошло в чтении книг, в переживании прошлого, воссоздании его вместе с одноклассниками. С жезлом в руке стоял он среди камней в парке Мон-Руаяль, отдавал команды громадным кораблям, возглавлял армию, идущую в благородное сражение, выходил живым из страшных штормов. Герой. Вот кем был для него и всех других школьников Квебека Самюэль де Шамплейн.

Землепроходец, картограф. Создатель Квебека.

Гамаш посмотрел на свои большие руки, касающиеся старого дерева.

Самюэль де Шамплейн.

Гамаш отошел в сторону и жестом пригласил Эмиля занять его место. Старик покачал головой, но Гамаш подвел его к гробу, отступил назад и улыбнулся своему наставнику.

– Merci, – одними губами сказал Эмиль.

Вместе с главным археологом они медленно, осторожно подняли тяжелую освинцованную крышку.

В гробу лежал скелет. Наконец обретенный.

После долгого молчания главный археолог, глядя в гроб, произнес:

– Если только у Шамплейна не было еще одной большой тайны, то это не он.

– Почему? – спросил Гамаш.

– Это женщина.

Что-то изменилось. Жан Ги Бовуар чувствовал это. Люди теперь смотрели на него иначе. Они словно видели его обнаженным, видели человека уязвимого, ранимого – и больше ничего.

Не того человека, каким он был на самом деле. А другого, отредактированного Жана Ги Бовуара с видеоролика.

Этот ролик просмотрели все. Это было очевидно. Бовуар единственный в Трех Соснах не видел его. Он да, может быть, Рут, которая едва ли вышла из каменного века.

Но если обитатели Трех Сосен думали, что знают кое-что про него, то и он знал кое-что про них. Что-то такое, чего не знали другие. Он знал, кто убил Отшельника.

Пятница клонилась к вечеру. Клара, Питер и Мирна сидели со Стариком Мюнденом и Женой, на руках которой спал Шарли. За другим столиком прихлебывали пиво Марк и Доминик Жильбер, а мать Марка, Кароль, пила белое вино. Были тут и Рор и Ханна Парра. А их сын Хэвок обслуживал столики.

Рут сидела одна. За стойкой бара стоял Габри.

Распахнулась дверь, и в бистро ввалился кто-то еще – человек стряхивал снег с шапки, топал об пол ногами. Винсент Жильбер, святой мерзавец, доктор, который так гуманно обошелся с Бовуаром и был так жесток с другими.

– Я опоздал? – спросил он.

– Опоздал? – удивилась Кароль. – Куда?

– Ну, меня же пригласили. А вас что, нет?

Все повернулись к Бовуару, потом к Кларе и Мирне. Старика и Жену, как и супругов Парра, пригласили на выпивку эти две женщины. Жильберы пришли по приглашению Бовуара, а Рут была частью интерьера.

– Patron, – произнес Бовуар, и Габри запер входную дверь, а потом и боковые двери, через которые в бистро можно было попасть из соседних магазинов.

– Что это у нас тут намечается? – спросил Рор Парра, который выглядел раздраженным, но не встревоженным.

Он был невысок, коренаст и силен, и можно было только радоваться тому, что он не встревожен. Пока.

Все уставились на Бовуара.

Перед этим он перемолвился несколькими словами с Габри, попросил его выпроводить всех остальных клиентов, чтобы остались только те, кто был ему нужен. За окном пошел снег и начал задувать ветер, снежные

вихри виднелись в свете, льющемся из окон. Когда придет время расходиться, метель разыграется не на шутку.

Внутри было тепло и уютно, и хотя ветер и снег бились в окно, это только увеличивало ощущение безопасности. В каминах горел огонь, и пусть ветер наседал на стены, но старое здание стояло прочно.

Как и все остальные дома в Трех Соснах и как их обитатели, этот дом был готов ко всему. И теперь все глаза смотрели на Бовуара.

Не было ли в их глазах жалости?

– Ну ладно, психи, так чего собрались-то? – спросила Рут.

Арман Гамаш сидел в библиотеке Литературно-исторического общества и не мог поверить, что еще неделю назад едва знал о его существовании и не был знаком с его членами, а теперь ему казалось, что он знает их, как себя самого.

Совет собрался еще раз.

Напряженный, подозрительный Портер Уилсон восседал во главе стола, пусть при этом он и не был лидером по природе. Настоящий лидер сидел рядом с ним и всю их жизнь, неторопливую, размеренную, подбирал обломки того, что сломал и бросил Портер. Элизабет Макуиртер, наследница громадного состояния Макуиртеров, состояния, давно канувшего в вечность и оставившего от себя только фасад.

Но Гамаш знал, что фасад имеет значение, в особенности для Элизабет Макуиртер. В особенности для английского сообщества. И истина состояла в том, что они были одновременно и сильнее, и слабее, чем казались.

Английское сообщество было, конечно, мало и продолжало сжиматься, вымирать. О чем не догадывалось франкоязычное большинство, которое, несмотря ни на что, продолжало видеть в англичанах угрозу – если оно вообще их видело.

А в самом деле, почему бы и нет? Многие англичане все еще смотрели на себя как на законную властную силу. Предначертание, право, врученное им при рождении самой судьбой. Генералом Вольфом за две сотни лет до этого дня на полях, принадлежавших фермеру Аврааму.

Как белые в Южной Африке или южных штатах, которые понимали, что жизнь изменилась, и даже приняли эти перемены, но так и не смогли отделаться от глубоко спрятанной уверенности в том, что они по-прежнему отвечают за все.

За столом сидела Уинни, крохотная библиотекарша, которая любила библиотеку, любила Элизабет, любила работу среди вещей и идей, давно утративших всякий смысл.

Здесь сидел мистер Блейк в костюме и галстуке. Кроткий пожилой джентльмен, чей дом сжался от всего города до квартиры и, наконец, до этого великолепного зала. А на что готов человек, чтобы защитить свой дом?

Том Хэнкок сидел молча, наблюдал. Молодой, полный сил, умный, но чужой. Не здешний. Но это давало ему возможность яснее видеть происходящее, которое и видно разве что издалека.

И наконец, Кем Хэслам. Голос которого был либо не слышен, либо разрывал перепонки.

Человек крайностей, который либо сидел тихонько на стуле, либо пересекал замерзшую реку.

Человек, чьи жена и дочь были похоронены в Квебеке, но который не считался квебекцем, хотя ничего другого и ожидать было нельзя.

Они собрались в библиотеке, когда гроб был извлечен и посторонние ушли, оставив Эмиля, Гамаша и совет.

Гамаш оглядел членов совета, и его взгляд остановился на Портере Уилсоне, который, судя по всему, был готов взорваться, потребовать информации, примешав к этому требованию обвинение в несправедливости.

Но вместо этого все они смотрели на старшего инспектора, вежливо смотрели. Что-то изменилось, и Гамаш знал что.

Тот треклятый видеоролик. Они его видели, а он – нет. Пока еще не видел. Они знали о нем что-то такое, чего не знал он. Но и он знал кое-что, о чем не знали они, – кое-что, о чем они хотели узнать.

Что ж, им придется подождать.

– Вы, кажется, тренировались сегодня утром? – спросил Гамаш у преподобного мистера Тома Хэнкока.

– Да, – ответил тот, слегка удивленный вопросом.

– Я вас видел, – сообщил старший инспектор Кену Хэсламу.

Хэслам улыбнулся и сказал что-то – Гамаш не разобрал что. Все закивали. И тогда Гамаш обратился к остальным:

– Что сейчас сказал мистер Хэслам?

Несколько лиц покрылись румянцем. Он ждал.

– Дело в том, – проговорил Гамаш, – что я не разобрал ни слова, и, думаю, вы тоже. – Он снова повернулся к этому подтянутому, благородному джентльмену: – Почему вы шепчете? Впрочем, я думаю, это и шепотом-то нельзя назвать.

Гамаш говорил уважительно, размеренно, без нотки гнева или обвинения, – он просто хотел знать.

Губы Хэслама зашевелились, и опять никто ничего не услышал.

– Он говорит… – начал было Том Хэнкок, но Гамаш поднял руку, останавливая его:

– Я думаю, пора мистеру Хэсламу самому сказать за себя, как вы считаете? И может быть, вы единственный, кто знает, что он это умеет.

Теперь настала очередь покраснеть преподобному мистеру Хэнкоку. Он посмотрел на Гамаша, но ничего не сказал.

– Я слышал, – сказал Гамаш Хэсламу, – как вы отдавали команды на льду. Никого другого не было слышно, ни одного человека – только вас.

Вид у Кена Хэслама стал испуганный. Он открыл рот, потом помотал головой, в глазах у него стояли слезы.

– Не могу, – произнес он еле слышно. – Мне всю жизнь говорили, чтобы я не шумел.

– Кто говорил?

– Мать, отец, братья. Мои учителя. Все. Даже моя жена, благослови ее Господь, просила меня говорить тише.

– Почему?

– Потому.

Это слово было произнесено отчетливо, слишком отчетливо. Оно прозвучало не столько пронзительно, сколько объемно, заполнило собой все пространство. Этот голос сметал, оглушал, угнетал все, что было рядом. Больше не было никаких других голосов, оставался только этот. Английский голос, подавляющий все остальные.

– И поэтому вы научились молчать? – спросил Гамаш.

– Если я хотел иметь друзей, – сказал Хэслам, оглушая их словами. Что это было такое, что так усиливало звук его голоса, – изгиб нёба, форма черепной коробки, особенность голосовых связок? – Если я хотел быть своим – да, я должен был научиться никогда не повышать голос.

– Но это означало, что вы вообще не должны говорить, что вас никто не должен слышать, – сказал Гамаш.

– А что бы вы предпочли? – спросил Хэслам, превратив невинный вопрос в атакующий громогласный выпад. – Говорить, отпугивая людей, или помалкивать в обществе?

Теперь молчанием ответил Гамаш, он смотрел на мрачные лица за длинным столом, зная, что не только перед Кеном Хэсламом стоял этот вопрос, не только он делал такой выбор.

Молчать. В надежде, что не обидишь. В надежде, что тебя примут.

Но что случается с людьми, которые всегда молчат, никогда не возвышают голос? Все держат в себе?

Гамаш знал, что случается с ними. Все, что они проглатывали, каждое слово, каждая мысль ворочались внутри их, выхолащивая все человеческое. И в эту пропасть изливали они свои слова, свой гнев.

– Может быть, вы объясните происхождение этого гроба в нашем подвале? – сказала Элизабет.

– Как вам известно, я приехал сюда, чтобы восстановиться после ранения.

Бовуар не желал, чтобы они думали, будто он не знает, что у них на уме. Некоторые опустили глаза, некоторые покраснели, словно Бовуар оголился перед ними, но большинство продолжали с интересом смотреть на него.

– Но была и другая причина. Старший инспектор Гамаш поручил мне дорасследовать дело Отшельника.

Эти слова вызвали движение в зале. Люди переглянулись. Один Габри стоял недвижимо.

– Он вас прислал? Он поверил мне?

– Разве дело не было расследовано? – спросила Ханна. – Разве вы принесли недостаточно вреда?

– Старший инспектор не был удовлетворен, – сказал Бовуар. – Поначалу я думал, что он ошибается, что его убедил Габри, который выдавал желаемое за действительное, который каждый день после ареста Оливье отправлял старшему инспектору письмо с одним-единственным вопросом: «Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

– Да, это мое недоуменное письмо, – сказал Габри, глядя на Клару.

– Мы все знаем, что ты сплошное недоумение, – вмешалась Рут.

Габри распирало от радости, он светился. Чего нельзя было сказать обо всех остальных.

– Чем глубже я погружался в это дело, тем яснее мне становилось, что Оливье, возможно, не убивал Отшельника. Но если не Оливье, то кто?

Он встал, положил руки на спинку кресла. Теперь уже скоро.

– Мы полагали, что мотив убийства – сокровища. Это казалось очевидным. Но если таким и был мотив, то почему убийца ничего не взял? И я решил пойти по другому пути. Что, если сокровища почти не имеют отношения к убийству Отшельника? За исключением одного критического пункта. Именно они привели убийцу сюда, в Три Сосны.

Они все уставились на него, даже Клара и Мирна. Даже с ними он не поделился своими выводами. Не мог рисковать, находясь в такой близости к убийце.

– Если он прятал все свои ценности в лесном домике, то как они могли привести кого-то в Три Сосны? – спросил Старик Мюнден откуда-то сзади.

– Они не оставались спрятанными, – объяснил Бовуар. – Во всяком случае, не все. Отшельник начал отдавать их понемногу Оливье в обмен на еду и общество, а Оливье, зная им цену, продавал их. Через интернет-аукцион, но еще и через антикварный магазин в Монреале, на рю Нотр-Дам.

Он обратился к Жильберам:

– Насколько я понимаю, вы покупали вещи на рю Нотр-Дам.

– Это длинная улица, инспектор, – сказала Доминик. – Там много магазинов.

– Верно. Но у большинства людей вырабатывается привычка к одному антикварному магазину, так же как большинство предпочитает ходить в одну мясную лавку или пекарню.

Он оглядел собравшихся. Все, кроме Габри, опустили глаза.

– Ну, повода беспокоиться нет. Я уверен, хозяин магазина опознает ваши фотографии.

– Ну да, мы покупали вещи в «Ле тан пердю», – сказала Кароль.

– «Ле тан пердю» – популярный магазин. Кстати, именно там Оливье продавал вещи Отшельника. – Бовуар не был удивлен. Он уже говорил с хозяином магазина о Жильберах.

– Мы не знали, что он туда ездил, – произнесла Доминик сдавленным голосом. – Там продаются хорошие вещи. Туда многие приезжают.

– И потом, – сказал Марк, – мы купили здесь дом только в прошлом году. До этого у нас не было нужды в антиквариате.

– Вы могли заезжать туда, чтобы посмотреть. Люди все время ходят по этой улице и глазеют на витрины.

– Но вы говорите, что Отшельник был убит не из-за его сокровищ, – сказала Ханна Парра. – Тогда почему же он был убит?

– Вот именно, почему? – повторил Бовуар. – Когда я убрал мотив сокровищ, другие улики стали более весомыми. Главным образом я говорю о двух. Слово «Воо» и часто повторяемое другое слово – «Шарлотта». Там была «Паутинка Шарлотты», книга Шарлотты Бронте, Янтарная комната была сделана для Шарлотты, к тому же имя жены и музы изготовителя скрипки было тоже Шарлотта. Конечно, мы можем вкладывать в это больше, чем оно того заслуживает. Но по крайней мере это заслуживало более пристального внимания.

– И что вы нашли? – спросила Жена.

– Я нашел убийцу, – ответил Бовуар.

Усталость одолевала Армана Гамаша. Он хотел вернуться домой, к Рейн-Мари. Но сейчас было не время показывать слабость. И для усталости время было неподходящее. Сейчас, когда он подошел так близко к развязке.

Он рассказал им о Шиники, о Джеймсе Дугласе. О Патрике и О'Маре. И показал им книги – те, что они бездумно продали.

Включая, возможно, самый ценный том в нынешней Канаде.

Оригинальное издание гугенотской Библии, принадлежавшей Самюэлю де Шамплейну.

Это вызвало стоны у членов совета, но никаких взаимных упреков Гамаш не услышал. Его слова только сплачивали их, стирали различия.

Прочнее всего то, что было сломано, сказал когда-то агент Морен, и Арман Гамаш знал, что так оно и есть. И еще он знал, что перед ним сломленное сообщество, раздробленное недобрым временем и событиями, а также, видимо, не очень приспособленное к переменам.

Но сейчас это сообщество цементировалось, залечивало раны и обещало стать воистину сильным, потому что прежде было сломлено. Как был сломлен годами молчания Кен Хэслам. Как утомили Элизабет Макуиртер годы лакировки фасада. Как были выбиты из колеи Портер Уилсон, Уинни и мистер Блейк, видевшие, что исчезают семьи, друзья, влияние, общественные институты.

Только молодого Тома Хэнкока время еще не успело ранить.

– Значит, когда на прошлой неделе к нам приходил Огюстен Рено, он хотел получить разрешение на раскопки? – спросил мистер Блейк.

– Я так думаю. Он был убежден, что Джеймс Дуглас и отец Шиники захоронили Шамплейна у вас в подвале.

– И он был прав, – сказал Портер, с которого сошла вся его спесь. – Что теперь с нами сделают, когда станет известно, что мы все эти годы прятали Шамплейна?

– Мы его не прятали, – возразила Уинни. – Мы даже не знали, что он там.

– Попробуйте убедить в этом таблоиды, – фыркнул Портер. – И даже если большинство поверит нам, факт остается фактом: это был английский заговор.

– Заговор двух человек, – уточнил мистер Блейк. – Более сотни лет назад. Двух человек, а не сообщества.

– И вы думаете, что, если бы Джеймс Дуглас спросил мнения сообщества, они бы не согласились? – вопросил Портер, который спорил гораздо более аргументированно, чем предполагал в нем Гамаш.

В одном не было сомнения: он знал английское сообщество, как и мистер Блейк, который в конце концов согласился с тем, что Портер прав.

– Это катастрофа, – сказала Уинни, и никто, кроме Гамаша, ей не возразил.

– Я бы так не сказал. Гроб, который нашли, был гробом Шамплейна, но вот тело в нем лежало другое.

Ошеломленные, они уставились на него. Тонущему бросили веревку, пусть и ненадежную.

Все молчали, пока не заговорил Кен Хэслам, заполняя голосом комнату, выдавливая присутствующих в углы:

– Так кто же он был?

– Она. Судя по всему, тело в гробу принадлежит женщине.

– Она? Что она делала в гробу Шамплейна? – прокричал Хэслам.

– Мы не знаем. Пока не знаем.

Сидевший рядом с ним Эмиль перевел взгляд с Хэслама на Элизабет Макуиртер. Вид у нее был печальный, испуганный. Фасад потускнел. Эмиль слегка улыбнулся ей. Одобрительный взгляд человека, который знает, что такое разбитые надежды.

– Прочнее всего то, что было сломано, – рассмеялся агент Морен. – И хорошие вещи тоже. Я ведь все время что-нибудь роняю. Да и Сюзанна тоже такая неловкая. Придется заворачивать наших детей в пузырчатую пленку. Для вящей надежности. А?

– Не помешает, – сказал Гамаш, и Морен снова рассмеялся:

– Ну, я думаю, у нас будут сильные дети.

– Не сомневаюсь.

– Началось все с допущения, что убийца увидел одно из сокровищ Отшельника в антикварном магазине, – сказал Бовуар. – И выяснил, что ниточка ведет в Три Сосны.

В бистро воцарилась тишина, только потрескивали поленья в каминах да ветер и снег бились в окна.

От пламени на стенах гуляли странные тени, но среди них не было угрожающих. Для Бовуара. Правда, он подозревал, что по меньшей мере одному человеку в зале становилось тесно, душно, невыносимо.

– Но кто бы это мог быть? Жильберы покупали много старинных вещей в этом самом магазине. Парра? Они получили неплохое наследство от своей семьи в Чехословакии и сумели его вывезти, когда стена рухнула. По их собственному признанию, бóльшую часть наследства они распродали и на вырученные деньги построили дом. Возможно, они

продавали вещи через «Ле тан пердю». Старик Мюнден? Да, он реставрирует антиквариат. Связан ли он с великолепным магазином на рю Нотр-Дам? Все это практически не сужало круг подозреваемых, поэтому я обратился к другой улике. «Воо». Оливье говорил, что Отшельник нашептывал это слово, когда был в особенно угнетенном состоянии. Это слово расстраивало его. Так что значит «воо»? Что это – имя, прозвище?

Он бросил взгляд на столик Жильберов. Как и остальные, они смотрели на него зачарованно и настороженно.

– Может быть, «воо» – сокращение имени, которое трудно произнести, особенно ребенку. Именно в детстве и дается большинство прозвищ. Я был у Мюнденов и слышал, как говорит маленький Шарль. «Гоо» вместо «горячий». Дети поступают так с трудными словами, которые не даются их языку. Так Волошин превращается в Воо.

Клара наклонилась к Мирне и прошептала:

– Вот этого-то я и боялась с того момента, как узнала, что ее девичья фамилия – Волошина.

Брови Мирны взметнулись, и она, как и все остальные, повернулась к Кароль Жильбер.

Кароль не шелохнулась, но в движение пришел Винсент Жильбер. Он поднялся в полный рост, его высокая фигура словно заполнила собой зал.

– Прекратите эти инсинуации. Если вам есть что сказать – говорите.

– И вы, сэр, – обратился к нему Бовуар. – Великолепный доктор Жильбер. Великий человек, великий целитель. – Он говорил, отдавая себе отчет в том, что старший инспектор Гамаш вел бы этот разговор иначе, никогда не прибег бы к сарказму, вряд ли вышел бы из себя, а Бовуар чувствовал, что именно это с ним сейчас и происходит. Он сделал над собой усилие и отошел от края. – Одна из главных загадок этого дела всегда заключалась в вопросе: почему убийца не взял сокровища. Кто мог бы противиться этому? Даже если это не было мотивом убийства – вот они, перед тобой. Почему не взять какую-нибудь мелочь? Редкую книгу? Золотой подсвечник?

– И к какому же блестящему выводу вы пришли? – презрительно спросил доктор Жильбер.

– Вывод, похоже, напрашивается один. Убийце это было не нужно. Применимо ли это к Оливье? Нет. Он являл собой воплощение корысти. Ваш сын Марк? То же самое: корыстный, мелочный. Уж он бы весь домик унес с собой.

Он видел, как Марк Жильбер пыжится, хочет сказать что-нибудь в свою защиту, но внезапно понимает, что эти оскорбительные слова

фактически снимают с него подозрения.

– Парра? Один лесничий, другой официант? Не очень-то купаются в деньгах. Любой предмет из коллекции Отшельника озолотил бы их. Нет, если бы кто-то из них убил Отшельника, то украл бы что-нибудь. То же можно сказать и про Старика Мюндена. Дохода столяра пока хватает, но что будет, когда Шарли вырастет? За ним потребуется уход. Мюндены взяли бы ценности если не для себя, то для сына.

Он повернулся к Винсенту Жильберу:

– Но одному человеку не нужны были сокровища, сэр. Вам. Вы и без того богаты. И потом, вы считаете, что деньги для вас не важны. У вас другая мотивация, другой бог. Деньги для вас всегда мало что значили. Нет, вы собираете комплименты. Уважение. Восхищение. Вы собираете уверенность в том, что лучше вас никого нет. Что вы святой. Ваше эго, ваша самооценка – их нужно подкармливать, они требуют восхищения, а не счета в банке. Как и остальные подозреваемые, вы не тронули бы ценности, потому что для вас они ничего не значат.

Если бы доктор Жильбер умел испепелять взглядом, то от Бовуара осталась бы лишь кучка пепла. Но инспектор Бовуар, улыбаясь, продолжил свой монолог, голос его внезапно стал спокойным, доходчивым.

– Однако тут была и еще одна тайна. Кто такой Отшельник? Оливье сказал, что он был чехом и его звали Якоб, но потом признал, что это выдумки. Он понятия не имел, кто этот человек, но был уверен, что никакой он не чех. Скорее уж француз или англичанин. Отшельник говорил на идеальном французском, но читать предпочитал на английском.

Бовуар отметил, что Рор и Ханна Парра облегченно переглянулись.

– Единственная улика, которая у нас имелась, снова возвращала следствие к сокровищам в лесном домике. Я плохо в этом разбираюсь, но специалисты говорят, что вещи там были поистине бесценные. Вероятно, он знал в них толк. Не покупал всякую дрянь на блошиных рынках и гаражных распродажах.

Бовуар помолчал. Он много раз видел, как это делает Гамаш: то отпускает подозреваемого, то снова берет на короткий поводок, а потом опять приотпускает. Но делает это тонко, продуманно, деликатно – подозреваемый даже не догадывается об этой игре. А Гамаш методически, без колебаний припирает его к стенке.

И убийца, поняв, что происходит, впадает в панику. Вот на эту-то панику и рассчитывал старший инспектор. Измотать преступника, выжать из него все соки. Но для этого требовались характер и терпение.

Бовуар даже не догадывался, насколько это трудно. Подать факты

таким образом, чтобы убийца наконец понял, к чему все это ведет. Спешить тут было нельзя, оставляя себе возможность дать задний ход, но и опоздать было страшно, чтобы преступник не успел нанести ответный удар.

Нет, цель состояла в том, чтобы у преступника сдали нервы. Потом создать у него впечатление, будто он вне подозрений, а подозревается кто-то другой. Дать ему вздохнуть, а когда он расслабится, снова насесть.

И делать это снова и снова. Без устали.

Это выматывало. Это было все равно что вытянуть на берег громадную рыбину, но таких размеров, что может проглотить лодку.

И Бовуар снова бросился в атаку, на этот раз решительную. Последнюю.

– Истина, как мы ее теперь понимаем, состояла в том, что сокровища все же сыграли известную роль. Роль катализатора. Но последний удар был спровоцирован не жаждой наживы, а жаждой чего-то другого, утраченного. Чем-то более личным, более ценным, чем сокровище. Не утратой семейных драгоценностей, а потерей самой семьи. Я прав?

И Бовуар повернулся к убийце.

Тот встал, и все в замешательстве уставились на него.

– Он убил моего отца, – сказал Старик Мюнден.

Глава двадцать четвертая

Жена оттолкнулась от столика и ахнула.

– Старик? – прошептала она.

Словно ледяной ветер ворвался в бистро и заморозил всех на их местах. Обвини Бовуар в убийстве камин, они были бы меньше удивлены.

– Боже, нет, нет, – взмолилась Жена.

Но неверие в ее глазах медленно вытеснялось отчаянием. Жена пребывала в полуобморочном состоянии, как здоровая женщина, которой сообщили, что у нее неоперабельный рак. Она видела конец жизни, своей простой жизни со столяром, который изготавливал и реставрировал мебель, жил в сельской местности в скромном доме. Он воспитывал Шарли и был единственным человеком, с которым она хотела жить, которого она любила.

Все это кончилось.

Старик повернулся к ней и своему сыну. Он был невероятно красив, и даже жестокое обвинение не могло изменить этого.

– Он убил моего отца, – повторил Старик. – Я приехал в Три Сосны, чтобы его найти. Он, – Старик кивнул в сторону Бовуара, – сказал правильно. Я работал в «Ле тан пердю», реставрировал мебель, когда в магазине появилась трость на продажу. Старинная, ручной работы. Я сразу же ее узнал. Мне ее показывал отец, объяснял, как мастер вкраплял инкрустацию в структуру дерева. Внешне казалось, что это обычная прогулочная трость, но она была произведением искусства. Она принадлежала моему отцу и была похищена после его смерти. Похищена убийцей.

– И вы узнали из бухгалтерской книги магазина, кто продал эту трость в «Ле тан пердю», – сказал Бовуар.

Это было предположение, но он хотел, чтобы его слова прозвучали так, будто он не сомневается в их истинности.

– Продавцом оказался Оливье Брюле из Трех Сосен. – Старик Мюнден глубоко вздохнул, словно собирался нырнуть. – Я переехал сюда. Стал ремонтировать и реставрировать мебель для Оливье. Нужно было сблизиться с ним, присмотреться к нему. Мне требовалось доказательство того, что это он убил моего отца.

– Но Оливье никогда бы этого не сделал, – тихо, но уверенно проговорил Габри. – Он никого не мог убить.

– Я знаю, – кивнул Старик. – Понял это, когда познакомился с ним

поближе. Он был корыстный, да. Иногда ушловатый. Но в общем хороший человек. Он никогда бы не смог убить моего отца. Но ведь кто-то его убил. Оливье у кого-то доставал вещи, принадлежавшие моему отцу. Я несколько лет выслеживал Оливье в его поисках антиквариата. Он посещал дома, фермы, другие магазины. Повсюду покупал старинные вещи. Но я ни разу не видел, чтобы он приобрел что-то из вещей, принадлежавших моему отцу. Тем не менее они все время возникали. И продавались.

Может быть, дело было в атмосфере теплого и уютного бистро. В бушевавшей метели. Вине, горячем шоколаде и горящих каминах. Только все это казалось нереальным. Их друг словно говорил о ком-то другом. Рассказывал им историю. Притчу.

– Потом я встретил Мишель и влюбился. – Он улыбнулся жене. Уже не Жене, а женщине, которую он любил. Мишель. – У нас родился Шарль. Я жил полной жизнью. Я даже забыл о том, зачем здесь оказался. Но вот как-то в субботу вечером, когда я сидел в своем пикапе с мебелью, взятой в ремонт у Оливье, я увидел, как он вышел из бистро, но не направился домой, а сделал нечто странное – пошел в лес. Я не последовал за ним. Я был слишком удивлен. Но задумался об этом случае, а потому в следующую субботу стал поджидать его. Однако он отправился прямиком домой. Зато на следующей неделе снова пошел в лес. С сумкой.

– Продукты, – пояснил Габри.

Все остальные молчали. Они представляли, как это было. Старик Мюнден сидит в машине. Наблюдает и ждет. Он само терпение. И вот он видит, как Оливье исчезает в лесу. Старик тихо выходит из машины и следует за Оливье. И обнаруживает лесной домик.

– Я заглянул в окно и увидел… – Голос Старика сорвался.

Мишель накрыла его ладонь своей. Ему не сразу удалось взять себя в руки, но немного погодя дыхание его выровнялось, стало более размеренным, и он смог продолжить рассказ.

– Я увидел вещи отца. Все, что он держал в задней комнате. Особое место для особых вещей – так он мне говорил. Для вещей, о которых знали только он и я. Цветное стекло, тарелки, подсвечники, мебель. Все было там.

Глаза Старика сверкали. Он смотрел куда-то вдаль. Он был уже где-то далеко, не в бистро с остальными. Он был у лесного домика. Заглядывал внутрь через окно.

– Оливье отдал сумку старику, и они сели. Они пили из фарфора, к которому отец позволял мне только прикасаться, и ели с тарелок, которые, по его словам, принадлежали королеве.

– Шарлотте, – подсказал Бовуар. – Королеве Шарлотте.

– Да. Так звали и мою мать. Отец говорил, что они для него особенные, потому что всегда будут напоминать ему о моей матери. О Шарлотте.

– Вы и сына поэтому назвали Шарлем, – сказал Бовуар. – Мы думали, что вы назвали его в честь отца, но вы имели в виду мать – Шарлотту.

Мюнден кивнул, но не посмотрел на сына. Он теперь не мог смотреть ни на сына, ни на жену.

– И что вы сделали после этого? – спросил Бовуар.

Он уже знал достаточно, чтобы говорить тихим, почти гипнотическим голосом. Чтобы не разрушать атмосферу. Пусть Старик Мюнден сам доскажет историю.

– Я понял, что смотрю на человека, который убил моего отца пятнадцать лет назад. Я никогда не верил, что это был несчастный случай. Я не глуп. Большинство людей считали это самоубийством, думали, он покончил с собой, выйдя на тонкий лед. Но я знал его. Он бы ни за что не сделал такое. Я знал: если он мертв, значит убит. И лишь гораздо позднее я узнал, что самые его драгоценные вещи похищены. Я сказал об этом матери, но она мне не поверила. Он никогда не показывал ей эти вещи. Только мне. Моего отца убили, а его драгоценную коллекцию похитили. И вот я увидел человека, который совершил это.

– Что ты сделал, Патрик? – спросила Мишель.

Никто из них прежде не слышал его настоящего имени. Имени, которое она использовала лишь в самые интимные мгновения их близости. Когда они были не Стариком и Женой, а Патриком и Мишель. Молодыми влюбленными.

– Мне захотелось помучить этого человека. Я хотел дать ему понять, что он обнаружен. Одной из наших любимых книжек была «Паутинка Шарлотты», и вот я изготовил паутинку из лески, проскользнул в его домик, когда он был занят в огороде, и подвесил ее под потолком. Чтобы он увидел ее там.

– Вы вплели туда слово «Воо», – сказал Бовуар. – Зачем?

– Так меня называл отец. Мое тайное имя. Он обучал меня всему, что связано с деревом, а я был маленький, и когда хотел сказать «дерево», у меня получалось только «воо». Вот он и стал так меня называть. Не часто. Иногда, когда брал меня на руки. Прижимал меня к себе и шептал: «Воо».

Никто больше не в силах был смотреть на красивого молодого человека. Они отводили глаза от этого обжигающего зрелища. Затмения. Когда вся эта любовь обратилась в ненависть.

– Я наблюдал из леса, но Отшельник, кажется, не замечал паутину. И

тогда я взял самую драгоценную вещь, какая у меня была. Я держал ее в сумке у себя в мастерской. Не видел ее много лет. Но в ту ночь взял ее с собой в лесной домик.

После этого наступило молчание. Они представляли себе темную фигуру, идущую по темному лесу. К тому, кого он долго искал и наконец нашел.

– Я увидел, как ушел Оливье, и выждал несколько минут. Потом оставил эту вещь на крыльце и постучал. А сам спрятался в тени и стал ждать. Старик открыл дверь и выглянул, предполагая увидеть Оливье. Сначала вид у него был любопытствующий, потом недоуменный, потом немного испуганный.

В каминах потрескивали поленья, несколько искорок вылетели на пол и погасли. А Старик стал рассказывать о том, что случилось после.

Отшельник окинул взглядом лес и уже собирался закрыть дверь, когда увидел что-то на крыльце. Крохотного пришельца. Он нагнулся и поднял его. Это было деревянное слово. «Воо».

И тут Старик увидел это. Увидел то выражение лица, которое он себе представлял, которого так жаждал. Он жизнь свою заложил, чтобы увидеть его. Ужас на лице человека, убившего его отца. Тот же ужас, который, наверное, испытал его отец, когда лед подломился под ним.

Конец. В этот миг Отшельник понял, что монстр, от которого он прятался, нашел его.

Воистину нашел.

Старик отделился от темного леса и подошел к домику, к Отшельнику. Отшельник отступил назад в дверь и прошептал только одно слово:

– Воо. Воо.

Старик взял серебряный семисвечник и нанес удар. Всего один. И в этот удар он вложил все: свое разбитое детство, свою скорбь, свою утрату. Вложил боль матери и печаль сестры. Семисвечник, отягощенный всем этим, пробил череп Отшельника. И тот упал, зажав «Воо» в руке.

Старика это не волновало. Никто не найдет тело, кроме Оливье, но Старик подозревал, что Оливье будет молчать. Старик хорошо относился к Оливье, но знал, каков он есть.

Корыстный.

Оливье возьмет сокровища, оставит тело, и все будут счастливы. Человека, уже потерянного для мира, медленно поглотит лес. Оливье получит свои сокровища, а Старик возвратит свою жизнь.

Его долг перед отцом будет выполнен.

– Это было мое первое изделие, – сказал Старик. – Я вырезал слово

«воо» на деревяшке и подарил отцу. После его смерти я не мог смотреть на эту вещицу, а потому упрятал ее в сумку. Но в ту ночь взял ее с собой. В последний раз.

Старик Мюнден повернулся к своей семье. Он словно истратил себя до конца, весь его блеск померк. Он прикоснулся к спине спящего сына и заговорил:

– Я прошу прощения. Мой отец научил меня всему, дал мне все. Этот человек убил его, столкнув в реку весной.

Клара поморщилась, представив себе такую смерть, представив, какой ужас охватывает человека, когда под ним трескается лед. Как треснул теперь лед под Женой.

Жан Ги Бовуар подошел к двери бистро и открыл ее. Вместе с вихрем снега в зал вошли двое полицейских.

– А теперь вы не могли бы уйти? – обратился Бовуар к обитателям деревни, и они медленно, оцепенело надели свои зимние одежды и ушли.

Клара и Питер проводили Жену и Шарля до дома, а инспектор Бовуар закончил допрос Старика Мюндена.

Час спустя полицейская машина отъехала от бистро. Сопровождала его Мишель, но перед этим она забежала в гостиницу и спа-салон и передала Шарля единственному человеку, которого любил мальчик.

Святому мерзавцу. Доктору Жильберу, который нежно взял мальчика на руки и так держал его несколько часов, защищая от жестокого, холодного мира, бушующего за дверью.

– Горячий пунш?

Питер протянул чашку Бовуару, который расположился в удобном глубоком кресле их гостиной. Габри уселся на диване, Клара и Мирна, тоже с горячительным, сели у камина.

– Чего я не понимаю, – сказал Питер, пристроившись на подлокотнике дивана, – так это откуда взялись все эти драгоценности. Отшельник украл их и унес в лес, но откуда они появились у отца Старика?

Бовуар вздохнул. Он вымотался. Он всегда предпочитал физическую активность и неизменно удивлялся, насколько утомительной бывает активность интеллектуальная.

– Понимаете, Старик Мюнден любил своего отца, но знал он его плохо, – сказал Бовуар. – Да и чего можно ждать от мальчишки? Я думаю, вскоре выяснится, что отец Мюндена совершил несколько путешествий в страны Восточного блока, когда крушение коммунизма было уже не за горами. И убедил многих людей доверить ему их семейные ценности. Но

вместо того чтобы сохранить их или выкупить у владельцев, он просто исчез с их сокровищами.

– То есть сам их и украл? – спросила Клара.

Бовуар кивнул:

– Мотивом убийства Отшельника были не сокровища. Старика Мюндена они ничуть не волновали. Напротив, он их возненавидел. Поэтому и ушел из лесного домика. Сокровища были ему не нужны. Единственное, что он взял, – это жизнь Отшельника.

Бовуар посмотрел на огонь, вспоминая подробности допроса Старика в опустевшем бистро, где все и началось несколько месяцев назад. Он выслушал рассказ Старика о смерти отца. О том, как в тот день раскололось его сердце. В этом расколотом сосуде юный Старик копил ненависть, гнев, боль утраты, но этого было недостаточно. И в тот день, когда он вложил туда замысел, его сердце забилось с прежней силой. Целеустремленно.

Когда Оливье арестовали, Старика Мюндена стала мучить совесть, но потом он решил, что это судьба, наказание Оливье за его корыстолюбие, за то, что он помогал человеку, который, как ему было известно, вор, а может, и еще хуже.

– Вы играете на скрипке? – спросил Бовуар Старика, когда они остались вдвоем в бистро. – Насколько мне известно, вы играли на пикниках в День Канады.

– Да.

– Этому вас тоже научил отец?

– Да.

– И он рассказывал вам о старинных вещах, гобеленах, об искусстве реставрации?

Старик Мюнден кивнул.

– Вы жили в Старом городе Квебек-Сити, в доме номер шестнадцать по рю Де-Рампар?

Мюнден смотрел на него с недоумением.

– И мать читала вам и вашей сестре «Паутинку Шарлотты»? – продолжал свои вопросы Бовуар.

Он не сходил со своего стула, но с каждым вопросом словно становился все ближе и ближе к Старику.

И ошеломленный Мюнден, видимо, почувствовал: сейчас что-то произойдет. Что-то похуже того, что уже случилось.

Свет замигал, когда метель еще сильнее налегла на деревню и на бистро.

– Откуда взялось ваше имя? – спросил Бовуар, глядя на Старика

Мюндена, сидевшего по другую сторону стола.

– Какое имя?

– Старик. Кто вам его дал? Ведь ваше настоящее имя – Патрик. Так откуда взялось Старик?

– Оттуда же, откуда и все, что сделало меня таким, какой я есть, – от отца. Он называл меня старичком. «Ну идем, старичок, – бывало, говорил он. – Я тебе покажу, как работать с деревом». И я шел. А со временем все стали называть меня Старик.

Бовуар кивнул:

– Старик. Старичок.

Старик Мюнден уставился на Бовуара непонимающим взглядом, потом глаза его сощурились, словно он увидел что-то далеко-далеко на горизонте. Сборище. Ужас и фурий. Одиночество и печаль. И что-то еще, очень плохое. Такое, что хуже и не бывает.

– Старичок, – снова прошептал Бовуар. – Отшельник использовал это выражение. Так он называл Оливье. «Хаос наступает, старичок». Так он говорил Оливье. А теперь я передаю эти слова вам.

Порыв ветра сотряс здание, и по залу бистро пронесся холодный воздух.

– Хаос наступает, старичок, – тихо произнес Бовуар. – Человек, которого вы убили, был вашим отцом.

– Он убил своего отца? – прошептала Клара. – Боже мой. Боже мой.

Все было кончено.

– Отец Мюндена инсценировал собственную смерть, – сказал Бовуар. – А до этого он построил домик в лесу и перенес туда все свои драгоценности. Потом вернулся в Квебек-Сити и дождался весны, дождался снежной бури, которая замела бы его следы. В тот день он оставил свою куртку на берегу и исчез. Все решили, что его унесла река Святого Лаврентия. А на самом деле он ушел в лес.

После этих слов воцарилось молчание, и в нем они домысливали остальное. Домысливали худшее.

– Совесть, – сказала наконец Мирна. – Представить только, как тебя мучает собственная совесть.

И они представили на одно жуткое мгновение. Гора совести. А от нее – длинная тень. Она растет. Становится все темнее.

– Он остался со своими сокровищами, – сказала Клара, – но нужно ему было совсем другое – его семья.

– И душевный покой, – подхватила Мирна. – Ясная и чистая совесть.

– Он окружил себя вещами, которые напоминали ему о жене и детях. Книги, скрипка. Он даже вырезал скульптурку, на которой изобразил Старика в образе юноши, прислушивающегося к чему-то. Это стало его сокровищем. Единственной вещью, с которой он не желал расставаться. Он вырезал ее, а снизу нацарапал «Воо». Так и коротал с этой деревяшкой дни – это облегчало совесть. Отчасти. Когда мы нашли эту скульптурку, то думали, что Отшельник изобразил Оливье. Но мы ошибались. Это был его сын.

– И как сейчас Старик? – спросила Клара.

– Неважно.

Бовуар вспомнил ту ярость, что отразилась на лице молодого человека, когда он узнал, что Отшельник был его отцом. Он убил того самого человека, за которого хотел отомстить. Он убил того единственного человека, который был так нужен ему.

После ярости наступило недоверие. А за ним пришел ужас.

Совесть. Жан Ги Бовуар знал, что она не одно десятилетие будет составлять компанию Старику Мюндену в тюрьме.

Габри обхватил голову руками, и в комнате раздались его приглушенные рыдания – но это были не театральные всхлипы печали, а слезы усталости. Бурные, неудержимые слезы счастья.

Но в первую очередь слезы облегчения.

Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?

Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?

Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?

Теперь они знали. Он перетащил тело, потому что не убивал Отшельника, – он только нашел его мертвым. То, что он сделал, было отвратительно, постыдно, низко. Но это не было убийством.

– Как насчет обеда? После всего этого небось и ноги не держат, – донесся до Бовуара голос Клары.

Потом он почувствовал мягкое прикосновение к своей руке и поднял глаза. Это была Клара.

– Обед без всяких изысков – суп и сэндвич, а после этого мы сразу отведем вас домой.

Домой.

Может быть, дело было в усталости, может, в пережитом стрессе. Но когда он услышал это слово, у него защипало в глазах.

Ему хотелось домой.

Но не в Монреаль.

Его дом был здесь. Ему захотелось лежать под пуховым одеялом в

гостиничке, слышать, как воет и беснуется метель за окном, и знать, что он в тепле и безопасности.

Вот где его дом, да поможет ему Господь.

Бовуар встал и улыбнулся Кларе, и эта движение было одновременно чужим и знакомым. Он не часто улыбался. Тем более подозреваемым. Им он никогда не улыбался.

Но теперь улыбнулся усталой благодарной улыбкой:

– С удовольствием. Только сначала мне нужно сделать кое-что.

Прежде чем уйти, он зашел в ванную и плеснул холодной водой в лицо. Посмотрел на свое отражение и увидел человека гораздо старше тридцати восьми лет. Изможденного, усталого. Человека, которому так не хочется делать то, что ему предстоит.

Он почувствовал боль в животе.

Вытащил пузырек с таблетками, поставил его на столик, впился в него взглядом. Налил воды в стакан, вытряхнул одну таблетку на ладонь. Осторожно разломил пополам и быстро проглотил.

Подобрал вторую половинку с белого фарфорового ребра раковины, помедлил немного, потом быстро, пока не передумал, закинул ее назад в пузырек.

Клара проводила его до двери.

– Я могу прийти через час? – спросил он.

– Конечно, – сказала она. И добавила: – Приходите вместе с Рут.

Откуда она узнала? Может быть, подумал он, выходя в метель, он вовсе не так умен, как считает. «А может быть, – подумал он, подгоняемый порывом ветра, – они здесь меня знают».

– Чего надо? – спросила Рут, открыв дверь еще до того, как он постучал.

Вместе с ним в дом ворвался порыв ветра, и Рут принялась обхлопывать его куртку, на которую налип снег. По крайней мере, ему казалось, что она именно поэтому молотит по нему, хотя он видел, что снега на нем уже нет, а она все молотит и молотит.

– Вы знаете, чего я хочу.

– Тебе повезло, тупица, что я такая щедрая.

– Мне повезло, что у вас бред, – пробормотал он, следуя за ней в знакомую теперь комнату.

Она приготовила попкорн, словно это само собой разумелось. Развлечение. Налила себе виски, не предлагая гостю. Ему и не нужно было. Он чувствовал, как начинает действовать таблетка.

Ее компьютер на садовом пластмассовом столике в кухне был уже

включен, и они сели бок о бок на шаткие пластмассовые стулья.

Рут нажала клавишу, и на экране появился нужный сайт с роликом.

– Вы уже видели? – спросил Бовуар.

– Нет, – сказала она, уставясь в экран, а не на Бовуара. – Ждала тебя.

Бовуар глубоко, надрывно вздохнул и нажал на кнопку воспроизведения.

– Неважно получилось с Шамплейном, – сказал Эмиль, когда они подошли к перекрестку рю Сен-Станисла и рю Сен-Жан и остановились, чтобы пропустить гуляк, которые двигались толпой, словно машины в час пик.

Начинался снег. Громадные, мягкие снежинки падали на землю в свете уличных фонарей и автомобильных фар. Ожидалась метель. За ночь по прогнозу должно было выпасть около фута, а то и больше. А пока в город пришел только фронт того, что ожидалось.

Квебек-Сити во время и после снежной бури (когда выходило солнце и освещало это волшебное царство, смягченное и припорошенное густым покрывалом) был прекраснее, чем в любую другую погоду. Свежий и чистый, мир безукоризненной чистоты.

У старого каменного дома Эмиль вытащил ключ. За кружевной занавеской на двери они видели Анри – пес прятался за колонной, подсматривал оттуда.

Гамаш улыбнулся и снова вернулся мыслями к делу. Странно это – женщина в гробу Шамплейна.

Кто она такая и куда делся Шамплейн? Куда направил стопы? Похоже, его странствия не закончились со смертью.

Гамаш пошел погулять с Анри, а когда вернулся, в камине горел огонь и Эмиль ждал его, а на кофейном столике уже разместился ноутбук вместе с бутылкой виски.

Старик стоял в центре комнаты, опустив руки. Вид у него был официальный, чуть ли не напряженный.

– Что случилось, Эмиль?

– Я хочу посмотреть видео с тобой.

– Сейчас?

– Сейчас.

Выгуливая пса, Гамаш готовил себя к этому. Холодные снежинки освежали его лицо, и он остановился, задрал голову, закрыл глаза и открыл рот, ловя их.

– Мне нравится это делать, – сказал Морен. – Только нужно, чтобы

снег был правильный.

– Ты был знатоком в таких делах? – спросил старший инспектор.

– И остаюсь им. Снежинки должны быть большие, пушистые. Те, что летят медленно. Не эти маленькие, жесткие во время снежной бури. С такими неинтересно. Они забиваются в нос и в уши. Всюду тебя достают. Нет, должны быть большие, хлопьями.

Гамаш знал, о чем говорит Морен. Он и сам мальчишкой делал это. Видел, как это делают Даниэль и Анни. Детей не нужно было этому учить, это было заложено в них природой – ловить снежинки на язык.

Наступило молчание, и старший инспектор понял, что молодой агент сидит, привязанный к стулу, закинув назад голову, закрыв глаза и выставив язык. Ловит снежинки.

– Хорошо, сейчас, – согласился Гамаш.

Он наклонился, снял с Анри ошейник, подошел к дивану и сел перед ноутбуком.

– Я нашел нужный сайт.

Эмиль устроился рядом и посмотрел на Гамаша в профиль. Теперь, привыкнув к аккуратной бородке Гамаша, Эмиль понял, что она ему идет. Гамаш, не мигая, смотрел на экран, потом повернулся и взглянул в глаза своему наставнику:

– Merci.

Это застало Эмиля врасплох.

– За что?

– За то, что не оставили меня.

Эмиль прикоснулся пальцами к руке Гамаша, щелкнул мышкой, и ролик пошел.

Бовуар уставился на экран. Как он и предполагал, это была нарезка из записей с миниатюрных камер на гарнитурах полицейских. Чего он не ожидал, так это четкости изображения. Он думал, что будет большая зернистость, что лиц будет не разобрать, но изображение было отчетливым.

Как и голоса.

– Наш упал! – Голос Гамаша перекрывает звук выстрелов.

– Вот он, вот он, вот он! – кричит Бовуар, показывая на стрелка вверху на галерее.

Раздается автоматная очередь, камера дергается в сторону, потом падает. Картинка с другой камеры: полицейский на полу в луже крови.

– Наш ранен! – кричит кто-то из команды. – Помогите ему!

Вперед выскакивают двое, автоматными очередями прикрывают

третьего. Кто-то подхватывает упавшего, оттаскивает в сторону. Потом вид коридора, бег, преследование стрелка по темным переходам и в большое помещение. Взрывы, крики.

Шеф в черном бронежилете прижимается к стене, в руках у него автомат. Стреляет. Так странно видеть Гамаша с оружием в руках, а тем более стреляющего Гамаша.

– Против нас не меньше шести стрелков! – кричит кто-то.

– Я насчитал десять, – произносит Гамаш резким, четким, ясным голосом. – Двух положили. Осталось восемь. Пять наверху, три здесь. Где медики?

– Идут. – Голос агента Лакост. – В тридцати секундах.

– Один нам нужен живым! – кричит шеф. – Одного взять живым!

И тут начинается настоящий ад: пули ударяют в стену, в человеческие тела, в пол, потолок. Все заволакивает серая дымка, воздух наполняется пылью и пулями. Вопли, крики. Шеф выкрикивает команды, полицейские преследуют стрелков из одной комнаты в другую. Загоняют в угол.

Внезапно Бовуар увидел на экране себя.

Вот он отходит от стены и стреляет. Потом спотыкается, падает.

Ударяется о пол.

– Жан Ги! – Крик шефа.

Бовуар увидел себя распростертым на полу, без движения.

Гамаш бежит, кричит:

– Где медики?!

– Здесь, шеф, уже здесь. – Голос Лакост. – Мы идем.

Гамаш хватает Бовуара за бронежилет, оттаскивает за угол. Выстрелы, свист пуль. Повсюду раздаются звуки взрывов, на экране мелькают крупные планы. Встревоженное лицо шефа, он смотрит вниз.

Арман Гамаш смотрел не мигая, но хотелось ему одного – отвернуться. Закрыть глаза, заткнуть уши, свернуться калачиком.

Он снова вдыхал пороховую гарь, запах дыма, бетонной крошки. Слышал бешеные автоматные очереди. Ощущал карабин в своих руках, выплевывающий пули. И выстрелы по нему.

«Бах-бах-бах!» – раздавались взрывы вокруг. Пули ударяли и отскакивали, рикошетировали, свистели. Буря эмоций. Думать, сосредоточиться было почти невозможно.

И на миг он снова испытал то же, что и тогда, увидев лежащего Бовуара.

Он видел себя на экране, как он смотрит на Бовуара, вглядывается в

лицо. Щупает пульс. Камера схватывала не события, а ощущения, чувства. Боль на лице Гамаша.

– Жан Ги? – позвал он, и ресницы инспектора дрогнули, веки открылись, а потом сомкнулись снова.

Пули ложились все ближе, и Гамаш, прикрывая Бовуара, оттащил его еще дальше, посадил спиной к стене, расстегнул бронежилет. Его взгляд скользнул вниз, остановился на ране. Кровь. Рванув карман на собственном жилете, Гамаш вытащил бинт, вложил в руку Бовуара, прижал ее к ране.

Склонился к Бовуару, прошептал ему в ухо:

– Жан Ги, ты должен держать руку вот так. Сможешь?

Бовуар снова распахнул глаза, борясь с забытьем.

– Не уходи от меня, – скомандовал Гамаш. – Ты можешь оставаться в сознании?

Бовуар кивнул.

– Хорошо. – Гамаш посмотрел вперед, туда, где шла схватка, и снова на Бовуара. – Медики уже близко. Идет Лакост, будет с тобой через считаные секунды.

Он помедлил и сделал то, что не было предназначено для посторонних глаз и что теперь видели миллионы. Он поцеловал Бовуара в лоб, пригладил ему волосы и исчез из кадра.

Бовуар смотрел на экран широко раскрытыми глазами сквозь пальцы, прижатые к лицу. Он предполагал, что на ролике будут нечетко зафиксированы события. Ему и в голову не приходило, что камеры зафиксируют чувства.

Страх и смятение. Шок и боль. Жгучая боль в животе, к которому он прижимал бинт. И одиночество.

Он видел на экране собственное лицо, искаженное мольбой в тот миг, когда Гамаш оставил его. Одного и с кровотечением. И он видел, как мучительно было Гамашу оставлять его, подчиняясь долгу.

Картинка переменилась, она показывала остальную группу, преследующую стрелков по коридорам. Перестрелка. Ранен полицейский. Упал стрелок.

Вот Гамаш несется через две ступеньки по лестнице, преследует стрелка, тот поворачивается и… не успевает выстрелить. Гамаш бросается на него, и они схватываются врукопашную. На экране мелькают руки, тела, звучат крики. Наконец шефу удается подхватить автомат, который был выбит из его рук. Размахнувшись, он наносит террористу сокрушительный удар по голове прикладом. Тот падает.

Под объективом камеры Гамаш опускается на колени, щупает пульс террориста, надевает на него наручники и тащит вниз. Там его пошатывает, но он удерживается на ногах. С усилием выпрямляется, поворачивается. Бовуар сидит спиной к стене у дальней стены. Кровавый бинт в одной руке, пистолет в другой.

Хрипы, тяжелое дыхание.

– Я… одного… взял, – говорит Гамаш, переводя дыхание.

С того мгновения, как началось видео, Эмиль не шелохнулся. Ему всего два раза за всю карьеру пришлось использовать оружие. И в обоих случаях он убил человека. Не хотел, но выхода не было.

Он хорошо готовил своих подчиненных. Категорически запрещалось брать на операцию оружие, если ты не собирался его использовать. А уж если ты его используешь – стреляй на поражение, в тело. Если выхода нет – убивай.

И вот теперь он смотрел на Гамаша: лицо у того было окровавлено после рукопашной, его качнуло, потом он сделал шаг вперед. Вытащил из-за пояса пистолет. У его ног лежал без сознания террорист. Выстрелы продолжались. Эмиль увидел, как старший инспектор повернулся на выстрелы наверху, сделал еще шаг вперед, поднял пистолет и выстрелил несколько раз подряд. Попал. Стрельба прекратилась.

На несколько мгновений. А потом прозвучала очередь. Гамаш взмахнул руками. Все его тело дернулось вверх, развернулось и рухнуло на пол.

Бовуар задержал дыхание. Он видел это в тот день. Шеф упал на пол и остался недвижим.

– Полицейский ранен, – хрипит Бовуар. – Шеф ранен.

Это длится целую вечность. Бовуар пытается шевельнуться, подползти к Гамашу, но не может. Вокруг стреляют. Он слышит в наушниках, как переговариваются полицейские, отдают команды, называют точки, выкрикивают предостережения.

Но он видит только безжизненное тело перед собой.

Потом он чувствует прикосновение чьих-то рук, и над ним склоняется агент Лакост, встревоженная и решительная.

Ее взгляд скользит по его телу, останавливается на окровавленной руке, прижатой к животу.

– Сюда, сюда! – кричит она, и к ней подбегает врач.

– Шеф, – шепчет Бовуар и слабо машет рукой.

Лицо Лакост еще больше мрачнеет, когда она поворачивается в ту сторону.

Медики работают с Бовуаром, накладывают тугую повязку, делают уколы, вызывают носилки. Бовуар видит, как Лакост и врач кидаются к шефу. Но в это время начинает строчить автомат, и им приходится отступить в укрытие. Гамаш лежит на бетонном полу в зоне, недоступной для них.

Наконец Лакост бросается вверх по лестнице, и они видят с ее камеры, как она стреляет по террористу в дверях наверху. Выстрелы достигают цели, он падает. Она хватает его пистолет и кричит:

– Чисто!

Врач бежит к Гамашу. Бовуар силится разглядеть, что там с ним.

Эмиль увидел, как врач склоняется над Гамашем.

– Merde, – шепчет врач.

Половина головы Гамаша залита кровью, которая стекает в ухо, на шею. Врач поднимает голову, когда к нему подбегает Лакост. Старший инспектор слабо кашляет – он еще жив. Глаза полузакрыты, подернуты дымкой, дыхание затруднено.

– Шеф, вы меня слышите?

Лакост обхватывает руками его голову, приподнимает ее, смотрит в глаза. Он фокусирует взгляд, пытаясь не дать векам закрыться.

– Держите здесь. – Врач хватает бинт и накладывает на рану на левом виске Гамаша.

Лакост прижимает бинт к ране, чтобы остановить кровотечение.

Шеф беспокойно шевелится, ему трудно дышать. Заметив это, врач встревоженно хмурится. Расстегивает бронежилет шефа и ахает:

– Боже!

Лакост смотрит туда и шепчет:

– О нет…

Грудь Гамаша вся в крови. Врач разрывает рубашку на груди Гамаша, открывая рану сбоку.

С другого конца помещения Бовуар видит только ноги шефа, его полированные черные кожаные туфли на полу слегка шевелятся. Но Бовуар старается поймать взглядом руку Гамаша. Правую руку, окровавленную, напряженную, вытянутую. Он слышит в наушниках тяжелое, затрудненное дыхание. Правая рука Гамаша откинута, пальцы вытянуты. Дрожат, сжимаются, словно дыхание не дается ему.

Врачи кладут Гамаша на носилки, а Бовуар снова и снова шепчет,

умоляет:

– Нет-нет, пожалуйста.

Он слышит крик Лакост:

– Шеф!

И снова кашель, теперь уже слабее. Потом тишина.

Он видит, как спазматически дергается правая рука Гамаша, а потом легко, словно снежинка, падает.

И Жан Ги Бовуар понимает, что Арман Гамаш умер.

Бовуар, сидевший на неудобном пластмассовом стуле, испустил глухой стон. Ролик продолжал крутиться. Выстрелы полицейских, добивающих последних террористов.

Рут смотрела на экран, ее виски остался нетронутым.

– Шеф! – снова кричит Лакост.

Глаза Гамаша приоткрыты. Губы шевелятся. Они едва слышат, что он говорит. Пытается сказать.

– Рейн… Мари. Рейн… Мари.

– Я ей позвоню, – шепчет Лакост ему на ухо, и он закрывает глаза.

– Остановка сердца! – кричит врач и склоняется над Гамашем, готовясь к сердечно-легочной реанимации.

Подбегает еще один врач, опускается на колени, хватает другую руку Гамаша.

– Стой! Дайте мне шприц.

– Какой, к черту, шприц! У него сердце остановилось, нужно его запустить.

– Бога ради, сделайте уже что-нибудь! – кричит Лакост.

Второй врач роется в саквояже, находит шприц, всаживает иглу в бок Гамашу, надавливает на поршень.

Никакой реакции. Гамаш лежит неподвижно, на его лице и груди кровь. Глаза закрыты.

Два врача и Лакост смотрят на него. Он не двигается. Не дышит.

Но вот, вот. Раздается еле слышный звук. Словно дунул ветерок.

Они переглядываются.

Наконец Эмиль моргнул. Его глаза оставались сухими, словно их песком засыпало, и он сделал глубокий вдох.

Он, конечно, знал остальную историю – разговаривал с Рейн-Мари,

приезжал в больницу. Слушал новости по Радио-Канада.

Четыре полицейских убиты, включая первого на обочине дороги. Еще четверо ранены. Восемь террористов убиты, один захвачен. Один ранен тяжело, с малыми шансами выжить. В первых новостях сообщалось также о гибели старшего инспектора. Как эта информация просочилась в новости, никто не знал.

Инспектор Бовуар был тяжело ранен.

Эмиль приехал в тот же день, примчался на машине из Квебек-Сити прямо в монреальскую больницу «Отель-Дьё». Там он нашел Рейн-Мари и Анни. Даниэль летел в Канаду из Парижа.

Они были выжаты, как лимон. Совершенно опустошены.

– Он жив, – сказала Рейн-Мари, обняла Эмиля, прижалась к нему.

– Слава богу, – выдохнул он, потом увидел лицо Анни. – Что такое?

– Врачи считают, что у него инсульт.

Эмиль глубоко вздохнул.

– Они знают, насколько это серьезно?

Анни покачала головой, и Рейн-Мари обняла дочь.

– Он жив, только это теперь и имеет значение.

– Вы его видели?

Рейн-Мари кивнула – говорить она была не в силах. Не в силах сказать о том, что видела. Кислород, мониторы, кровь, шрамы. Глаза закрыты, он без сознания.

И доктора говорят, что им не ясна степень повреждения. Он может ослепнуть. Может быть парализован. Никто не знает. Ближайшие двадцать четыре часа покажут.

Но это не имело значения. Она держала его руку, гладила, шептала ему всякие слова.

Он был жив.

Доктор упомянул и о ране в груди. Пуля сломала ребро, и оно повредило легкое, вызвав его коллапс, а следом коллапсировало и второе. И жизнь в Гамаше остановилась. Рана, вероятно, была получена раньше, дыхание становилось все более затрудненным, натужным, пока не дошло до роковой черты.

– Медики успели, – сказал доктор.

Он не добавил, что счет шел на секунды, но про себя знал, что так оно и было.

Теперь беспокойство вызывала только рана головы.

Они ждали в своем маленьком мирке на третьем этаже «Отель-Дьё». В антибактериальном мире тихих разговоров, неслышных быстрых шагов и

строгих лиц.
А новость уже летела по континенту, по всему миру.
Заговор с целью взорвать дамбу «Ла Гранд».
Планирование продолжалось десять лет. Заговорщики воплощали в жизнь свои замыслы так медленно, что это было почти незаметно. Инструменты использовались такие примитивные, что на них и внимания не обращали.
Представители канадского и американского правительств отказывались говорить о том, как был предотвращен взрыв, ссылаясь на интересы национальной безопасности, но под прицелами объективов им пришлось признать, что перестрелка и гибель полицейских были частью операции.
Заслугу в предотвращении катастрофы приписали старшему суперинтенданту Франкёру, и он покорно принял это.
Эмиль, как и все остальные, имевшие представление о работе больших управлений полиции, знал, что эти слова – лишь малая доля правды.
И вот, пока мир переваривал сенсационные открытия, они ждали на третьем этаже больницы «Отель-Дьё». Жан Ги после операции пережил два тяжелых дня, но потом начал медленно возвращаться к жизни.
А двенадцать часов спустя пришел в себя Арман Гамаш. Открыл глаза и увидел Рейн-Мари, которая держала его за руку.
– «Ле Гранд»? – проскрежетал он.
– В безопасности.
– Жан Ги?
– С ним все будет хорошо.
Вернувшись в комнату ожидания, где сидели Эмиль, Анни, ее муж Дэвид и Даниэль, она вся светилась:
– Он приходит в себя. Пока еще не танцует, но будет и танцевать.
– Он в порядке? – спросила Анни, боясь поверить матери, боясь успокаиваться так скоро – вдруг это трюк, шутка скучающего бога.
Она знала, что никогда не забудет то потрясение, что пережила в машине, услышав сообщение Радио-Канада. Ее отец…
– Будет в порядке, – ответила ее мать. – У него пока еще онемелость правой стороны.
– Онемелость? – переспросил Даниэль.
– Доктора довольны, – заверила она их. – Они говорят, что онемелость незначительная и со временем он восстановится полностью.
Ей было все равно. Да пусть хромает хоть до конца дней. Главное, чтобы жил.

Но через два дня он уже встал и пошел, хотя и хромая. Еще через два дня начал ходить по коридору. Заглядывал в палаты, присаживался у постелей мужчин и женщин, которых воспитал, выбрал и повел на фабрику.

Он хромал туда-сюда по коридору. Туда-сюда. Туда-сюда.

– Что ты делаешь, Арман? – тихо спросила Рейн-Мари, которая шла с ним рука об руку.

Пять дней прошло после того боя, и его хромота почти исчезла, разве что когда он вставал утром или слишком напрягался.

Не останавливаясь, он сказал ей:

– Похороны в воскресенье. Я хочу быть там.

Они сделали еще несколько шагов, прежде чем она заговорила:

– Ты собираешься быть в соборе?

– Нет, я хочу идти в траурной процессии.

Она посмотрела на его решительный профиль. Его губы были плотно сомкнуты, правая рука сжата в кулак – единственное следствие инсульта. Легкое дрожание, когда он уставал или напрягался.

– Скажи мне, как я могу тебе помочь.

– Ты можешь быть со мной.

– Всегда, mon coeur[67].

Он остановился и улыбнулся ей – лицо в синяках, над левой бровью повязка.

Но ей было все равно. Он жив – вот что главное.

День похорон был ясный и холодный. Стояла середина декабря, и ветер дул с Арктики и не останавливался, пока не достигал мужчин, женщин и детей, шедших в траурной процессии.

Четыре гроба, укрытые бело-голубыми флагами с геральдической лилией, стояли на катафалках с впряженными в них черными скорбными конями. А следом – длинная колонна полицейских из всех городов Квебека, со всей Канады, из Британии, Японии, Франции и Германии. Со всей Европы.

А во главе колонны – медленным маршем, в парадных мундирах, полицейские из Главного управления провинции. И возглавляет эту колонну старший суперинтендант Франкёр и все другие старшие офицеры. За ними в одиночестве старший инспектор Гамаш во главе своего отдела по расследованию убийств. Он прошел все два километра и стал прихрамывать лишь к самому концу. Голова его была высоко поднята, глаза смотрели решительно. До салюта и выстрелов.

Вот тогда он плотно закрыл глаза и поднял лицо к небу, а на лице

проступила боль, которую он больше не в силах был скрывать. Правая рука сжалась в кулак.

Эта фотография стала символом скорби, она появилась на первых страницах всех газет и журналов, в телевизионных новостях.

Рут выключила видео. Несколько секунд они сидели в молчании.

Наконец она сказала:

– Не верю ни единому слову. Все это постановка. Хорошие эффекты, вот только игра плохая. Попкорн?

Бовуар посмотрел на нее – она протягивала ему пластиковую вазочку с попкорном.

Он взял горсть. А потом они медленно пошли сквозь метель, вобрав голову в плечи, чтобы спастись от ветра, пошли через деревенский луг к дому Питера и Клары. Когда они прошли полпути, Бовуар взял Рут под руку, чтобы не упала. Или чтобы самому не упасть – он толком не понял.

Но она не возражала. Они прошествовали в маленький коттедж, идя на свет в окнах сквозь снежную бурю. А оказавшись в доме, сели перед огнем и стали есть. Вместе.

Арман Гамаш поднялся.

– Как ты? – спросил Эмиль и тоже встал.

Гамаш вздохнул:

– Мне нужно побыть одному. – Он посмотрел на своего друга. – Merci.

Его подташнивало, он ощущал это физически. На его глазах стреляли в этих молодых мужчин и женщин. Убивали их. Еще раз. Снова расстреливали в темных коридорах.

А они были его подчиненными. Он лично их отобрал, невзирая на возражения старшего суперинтенданта Франкёра. Взял их с собой.

И он сказал им, что там, вероятно, будет шесть террористов. Увеличив вдвое ту цифру, которую ему назвали. Которую назвала ему агент Николь.

«Три террориста», – написала она в электронном письме.

Он взял шестерых полицейских – всех, кого смог собрать, плюс Бовуар и он сам.

Он думал, этого будет достаточно. Ошибся.

– Я вам не разрешаю, – произнес старший интендант Франкёр низким угрожающим тоном.

Он влетел в кабинет старшего инспектора, когда тот собирался уходить. Поль Морен у него в наушнике напевал детскую песенку. Его голос ближе к концу стал звучать пьяновато, устало.

– Еще раз, пожалуйста, – сказал Гамаш Морену и сорвал с себя гарнитуру, отчего старший суперинтендант Франкёр тут же замолчал. – У вас есть вся необходимая информация, – сказал старший инспектор, свирепо уставившись на Франкёра.

– Полученная от какой-то старухи из племени кри и высосанная из пальца вашими компьютерщиками? И вы думаете, что я буду действовать на основании такой информации?

– Информации, собранной агентом Лакост, которая вот-вот должна вернуться. Она отправляется со мной, как и шестеро других. Для вашего сведения, вот их фамилии. Я собрал боевую группу. Они ждут вашего приказа.

– Какого приказа? Дамбу «Ла Гранд» невозможно уничтожить. Мы ничего такого не слышали по нашим каналам. Никто ничего такого не слышал. Ни центральное правительство, ни американцы. Ни даже британцы – а уж они-то мониторят всё. Никто ничего не слышал. Кроме вас и этой спятившей старейшины из племени кри.

Франкёр сверлил Гамаша негодующим взглядом. Старший суперинтендант был так зол, что его просто трясло.

– Дамба будет взорвана через час и сорок три минуты. У вас достаточно времени, чтобы добраться туда. Вы знаете, где вам быть и что делать. – Голос Гамаша звучал не громче, а тише прежнего.

– Прекратите мне приказывать, – прорычал Франкёр. – Вы не знаете ничего такого, что не было бы известно мне. А я не вижу никаких оснований нестись туда.

Гамаш подошел к столу и вытащил пистолет. На лице Франкёра мелькнуло испуганное выражение, но Гамаш засунул пистолет за пояс и быстро подошел к старшему суперинтенданту.

Они в упор смотрели друг на друга. Потом Гамаш заговорил мягким, убеждающим тоном:

– Послушайте, Сильвен, если мне нужно вас умолять об этом, то я готов. Мы оба слишком старые и измотанные для таких разборок. Это нужно прекратить. Вы правы, мне не по чину вам приказывать. Я прошу прощения. Прошу вас, прошу, сделайте то, что я говорю.

– Ни за что. Вы должны предоставить мне что-нибудь более веское.

– Больше у меня ничего нет.

– Но то, что вы говорите, безумие. Никому и в голову не придет взрывать дамбу таким вот способом.

– Почему?

Они в сотый раз возвращались к этому, только времени оставалось

все меньше.

– Да потому, что это слишком глупо. Все равно что кидать камни в наступающую армию.

– А как Давид победил Голиафа?

– Бросьте вы, это не библейский сюжет. И времена сейчас не библейские.

– Но принципы остаются неизменными. Делай то, чего от тебя не ждут. Это сработает идеально, потому что ничего подобного мы и не предполагаем. И если вы не смотрите на это как на схватку Давида с Голиафом, то террористы именно так и понимают ситуацию.

– Да кто вы такой? Самозваный эксперт по национальной безопасности? Меня тошнит от вас и вашей самоуверенности. Да черт с вами – идите, обезвреживайте эту бомбу, если, как вы считаете, под угрозой сотни и тысячи жизней.

– Нет. Я должен вызволить Поля Морена.

– Морена? Так вы знаете, где он? Мы его искали всю ночь. – Франкёр махнул рукой в сторону офиса, где сонм полицейских пытался определить местонахождение Морена. – И теперь вы говорите мне, что знаете, где он?

Франкёра трясло от гнева. Голос его срывался на визг.

Гамаш ждал. Краем глаза он видел часы, которые неуклонно отсчитывали время.

– Городок Магог. В заброшенной фабрике. Агент Николь и инспектор Бовуар нашли его, слушая фоновые звуки.

Они его нашли, вслушиваясь в паузы между словами.

– Прошу вас, Сильвен, отправляйтесь на «Ла Гранд». Я вас умоляю. Если я ошибаюсь, то подам в отставку.

– Если мы отправимся туда и окажется, что вы ошиблись, то вы пойдете под суд.

Франкёр вышел из кабинета и из оперативного штаба. И исчез.

Гамаш поспешил к двери, кинув взгляд на часы. Оставался час сорок одна минута. И Арман Гамаш не в первый раз за этот день произнес безмолвную молитву. Не в первый и не последний.

– Могло быть и хуже, – сказал Эмиль. – Никто ведь не знает, кто готовил этот ролик. Они могли так его смонтировать, чтобы вся операция выглядела сплошной катастрофой. Но они этого не сделали. Мы здесь видим трагедию. Ужас. Но во многих отношениях поведение полицейских просто героическое. Если семьи должны увидеть, что ж…

Гамаш понимал, что Эмиль пытается утешить его, дает понять, что монтажные манипуляции могли выставить его трусом или безмозглым идиотом, подать дело так, чтобы возникло впечатление, будто операция проведена бездарно и люди погибли зря. Но нет, все вели себя мужественно. Как там сказал Эмиль?

Героически.

Гамаш медленно поднимался по лестнице, Анри шествовал следом.

Что ж, Гамаш знал кое-что, неизвестное Эмилю. Он догадывался, кто был автором видеоролика. И понимал, для чего это было сделано.

Не для того, чтобы Гамаш выглядел плохо, а для того, чтобы выглядел хорошо. Слишком хорошо. Настолько хорошо, чтобы он чувствовал то, что чувствовал теперь. Мошенник. Самозванец. Выставленный героем без всяких на то оснований. Четверо полицейских убиты, а Арман Гамаш – герой.

Тот, кто это сделал, хорошо знал его. И знал, как заставить его заплатить цену подороже.

Вызвав у него чувство стыда.

Глава двадцать пятая

Несколько часов спустя в Квебек-Сити разыгралась снежная буря, и к двум часам ночи по столице гуляли ветер и снежные вихри. Дороги были закрыты, потому что видимость упала до нуля, все заволокла белая тьма.

На втором этаже старого каменного дома на Сен-Станисла лежал в кровати Арман Гамаш, уставившись в балки потолка. Анри свернулся на полу рядом с ним, не обращая внимания на разбушевавшуюся бурю.

Гамаш тихонько поднялся и подошел к окну. Здания по другую сторону узенькой улочки были не видны, и свет уличных фонарей почти терялся в плотной массе вихрящегося снега.

Гамаш быстро оделся и спустился по лестнице, слыша за спиной, как когти Анри скребут по старым деревянным ступеням. Он надел ботинки, куртку, шапку, теплые рукавицы, обмотал шею длинным шарфом и нагнулся, чтобы погладить Анри.

– Знаешь, тебе сегодня не обязательно идти со мной.

Но Анри не знал. Дело тут было не в знании. Если шел Гамаш, то должен был идти и Анри.

И они вышли на улицу. Гамаш захлебнулся ударившим ему в лицо ветром. Потом повернулся к нему спиной, почувствовал его напор.

Может быть, это ошибка, подумал он.

Но сейчас ему была нужна, необходима буря. Что-то громкое, мощное, требующее напряжения сил. Чтобы прогнало из головы все мысли, стерло их.

Они вдвоем с трудом шли посередине пустой улицы. Сейчас не работали даже снегоуборочные машины. Расчищать снег в разгар метели – пустое занятие.

Ощущение было такое, будто весь город принадлежит им, будто объявили приказ об эвакуации, а они с Анри проспали его. Кроме них, никого не было.

Они прошли по Сент-Урсюль мимо монастыря, где умер генерал Монкальм. Дошли до рю Сен-Луи, потом под арку. За пределами Старого города буря бушевала еще сильнее, если только такое было возможно. Здесь его не ограничивали никакие стены, а потому ветер набирал силы и сне́га, набрасывался на деревья и припаркованные машины, здания, закидывал снегом все, что попадалось ему на пути. Включая и старшего инспектора.

Но ему было все равно. Он чувствовал, как жесткие снежинки ударяются о его куртку, шапку, бьют по лицу. Как барабанят по нему. Почти оглушают.

– Я люблю снежные бури, – сказал Морен. – Сидеть на застекленном крылечке летом в грозу тоже здорово. Но больше всего я люблю метель, если только не нужно сидеть за рулем. Если все дома и в безопасности – я не против метели.

– И ты выходишь в метель из дома? – спросил Гамаш.

– Всегда выхожу. Даже если только чтобы постоять. Мне нравится. Не знаю почему, может быть, мне нравится стихия. Потом я возвращаюсь в дом и пью горячий шоколад у камина. Ничего лучше не бывает.

Вобрав голову в плечи и глядя себе под ноги, Гамаш пробирался вперед, преодолевая заносы высотой в фут. Анри перепрыгивал через сугробы, попадая в следы Гамаша.

Продвигались они медленно, но наконец добрались до парка. Гамаш на мгновение приподнял голову, и его ослепил снег, но он прищурился и смог разглядеть призрачные очертания деревьев, сопротивляющихся ветру.

Поля Авраама.

Гамаш оглянулся: его следы почти сразу же заметал снег. Он еще не потерялся, но знал, что, если зайдет слишком далеко, это непременно случится.

Внезапно Анри прекратил свои танцы и остановился, потом начал рычать и красться следом за Гамашем.

Верный признак, что никого рядом нет.

– Идем-идем, – сказал Гамаш.

Он повернулся и чуть не столкнулся с каким-то человеком. Высоким человеком в темной куртке с капюшоном, тоже залепленной снегом. Он спокойно стоял в нескольких футах от старшего инспектора.

– Старший инспектор Гамаш, – произнес человек по-английски отчетливым голосом.

– Да.

– Никак не предполагал увидеть вас здесь.

– И я тоже не предполагал вас увидеть, – ответил Гамаш, с трудом перекрикивая завывание ветра.

– Вы меня искали? – спросил человек.

Гамаш помедлил:

– Не сегодня. Надеялся поговорить с вами завтра.

– Я так и думал.

– И поэтому вы сейчас здесь?

Ответа не последовало. Темная фигура молча стояла перед ним. Анри, набравшись смелости, прополз вперед.

– Анри, – резко сказал Гамаш. – Viens ici.

И пес вернулся к ноге хозяина.

– Эта буря кстати подвернулась, – произнес человек. – Не знаю даже почему, но так вроде бы легче.

– Нам нужно поговорить, – сказал Гамаш.

– Зачем?

– Мне нужно поговорить с вами. Пожалуйста.

Человек задумался. Потом показал на здание – круглую каменную башню на вершине холма, похожую на маленькую крепость. Два человека и собака стали пробираться вверх по пологому склону. Гамаш дернул ручку двери и с удивлением обнаружил, что она не заперта. Но, оказавшись внутри, понял почему.

Украсть здесь было нечего – одни голые стены круглого каменного сооружения.

Старший инспектор щелкнул выключателем, и загорелась голая лампочка в потолке. Гамаш повернулся к своему спутнику, который скинул с головы капюшон.

– Не думал, что увижу кого-нибудь в такую непогоду. – Том Хэнкок принялся отряхивать снег с шапочки, хлопая ею по ноге. – Люблю гулять в снежную бурю.

Гамаш вскинул голову и посмотрел на молодого священника. Это были почти те же слова, которые произнес агент Морен.

Старший инспектор оглянулся – сесть здесь было не на что, тогда он указал на пол, и они уселись, прислонившись спиной к стене.

Несколько секунд они молчали. Здесь, в помещении без окон, можно было представить, что они находятся где угодно, в какое угодно время. Двести лет назад. А за окнами бушует не пурга, а идет сражение.

– Я просмотрел этот ролик, – сказал Том Хэнкок.

Его щеки раскраснелись, по лицу стекали капли растаявшего снега. Гамаш подозревал, что он выглядит не лучше, к тому же он старше и не так полон жизни.

– Я тоже.

– Ужасно, – сказал Хэнкок. – Сочувствую.

– Спасибо. Все было не совсем так. Я… – Гамашу пришлось замолчать.

– Вы?..

– Я там выгляжу какой-то героической фигурой, это не отвечает реалиям. Люди погибли по моей вине.

– Почему вы это говорите?

– Я совершил несколько ошибок. Не понимал, насколько крупное планировалось преступление. А когда понял, было уже поздно. Но даже и после этого я допустил несколько ошибок.

– Каких?

Гамаш посмотрел на молодого человека. Священника, который так пекся об обиженных душах. Гамаш знал, что этот священник умеет слушать людей. Это было редкое, драгоценное качество.

Он глубоко вздохнул. Здесь пахло мускусом, словно воздух не предназначался для дыхания, не предназначался для поддержания жизни.

И тогда Гамаш рассказал все молодому священнику. О похищении, о заговоре, который планировался долгие годы. Оставался невыявленным, потому что они, полицейские силы, погрязли в высокомерии, в уверенности, что новейшие технологии позволят им обнаружить любую угрозу.

Они ошибались.

Террористы были умные. Умели приспосабливаться.

– Впоследствии я узнал, что службы безопасности называют это «асимметричный подход». – Гамаш улыбнулся. – В этой терминологии есть что-то геометрическое. Логическое. И я полагаю, в этом есть своя правда. Слишком все логично, слишком просто для таких, как мы. Заговорщики вознамерились уничтожить дамбу «Ла Гранд». И каким образом? Не ядерной бомбой, не какими-то умными скрытыми устройствами. Не внедрением своих людей в службы безопасности, не прибегая к средствам связи или чему-то, что оставляет следы, которые могут быть обнаружены. Они готовились, работая там, где мы не стали бы их искать, – они были уверены в этом.

– И где же?

– В прошлом. Они понимали, что не могут соревноваться с нами в современных технологиях, а потому пользовались старыми. Такими простыми, что оставались невидимыми для нас. Они полагались на нашу гордыню, нашу уверенность в том, что нас защитят последние достижения науки.

Они разговаривали тихими голосами, как заговорщики или рассказчики. Так, наверно, тысячи лет назад люди сидели перед костром и рассказывали легенды.

– И в чем же заключался их план?

– Два грузовика, начиненных взрывчаткой. И два молодых смертника за рулем. Индейцы из племени кри.

Том Хэнкок, который перед этим постепенно наклонялся все ближе и ближе к рассказчику, медленно подался назад. Прижался спиной к холодной стене. К стене, возведенной еще до того, когда кри и не подозревали о приближающейся катастрофе. Катастрофе, приближению которой они даже способствовали, показывая европейцам свои водные пути. Помогая им добывать меха.

Слишком поздно осознали кри свою страшную ошибку.

И вот сотни лет спустя двое их потомков согласились сесть за руль огромных грузовиков, начиненных взрывчаткой, и провести их по асфальтированной ленте дороги, проходящей через лес, когда-то принадлежавший им. Провести их к дамбе высотой в тридцать этажей.

Они собирались уничтожить ее. И себя. Свои семьи. Деревни. Леса, животных. Богов. Все это исчезло бы, когда гигантская масса воды, освобожденная взрывом, хлынула бы в долину, сметая все на своем пути.

Он собирались сделать это в надежде, что их призывы о помощи будут наконец услышаны.

– Так им, по крайней мере, говорили, – сказал старший инспектор внезапно севшим голосом.

Он уже жалел, что не остался спать.

– И что случилось? – прошептал Том Хэнкок.

– Старший суперинтендант Франкёр успел вовремя. Остановил их.

– Они были?..

– Убиты? – Гамаш кивнул. – Да. Оба застрелены. Но дамба была спасена.

Том Хэнкок поймал себя на том, что чуть ли не с сожалением узнал об этом.

– Вы сказали, что этих молодых индейцев кри кто-то использовал. То есть это был не их план?

– Какое там! Тот, кто это задумал, использовал то, что было готово взорваться. Сделанные ими бомбы. И индейцы кри, доведенные нами до отчаяния.

– Но кто они были? Если эти два индейца использовались террористами, то кто были сами террористы? Кто все это спланировал? Кто стоял за этим?

– Наверняка мы не знаем. Большинство погибли во время налета на фабрику. Одного взяли живым, и сейчас его допрашивают. Результатов я пока не знаю.

– Но у вас есть какие-то подозрения? Это были индейцы?

Гамаш покачал головой:

– Белые. Англоговорящие. Хорошо подготовленные. Возможно, наемники. Они собирались взорвать дамбу, но их истинной целью, видимо, было Восточное побережье Штатов.

– Не Канады? Не Квебека?

– Нет. Разрушив «Ла Гранд», они погрузили бы в темноту все от Бостона до Нью-Йорка и Вашингтона. И не на несколько часов, а на многие месяцы. Это сломало бы всю инфраструктуру.

– Причем накануне зимы.

Они помолчали, представляя себе город вроде Нью-Йорка с миллионами испуганных, озлобленных людей, мерзнущих в темноте.

– Доморощенные террористы? – спросил Хэнкок.

– Мы так считаем.

– Вы не могли это предвидеть, – сказал наконец Хэнкок. – Вы говорили о гордыне, старший инспектор. Возможно, вам самому нужно поостеречься.

Он сказал это как бы невзначай, но слова от этого не стали менее резкими.

После паузы Гамаш ответил, слегка усмехнувшись:

– Справедливо. Но вы меня не поняли, мистер Хэнкок. Я не говорю, что должен был предвидеть эту угрозу. А вот когда все это началось, я должен был гораздо скорее понять, что речь идет не о простом похищении. Я должен был понять, что фермер из глубинки вовсе никакой не фермер. И…

– Да?

– Я оказался не готов к этому. Все мы оказались не готовы. Времени оставалось в обрез, и было ясно, что затевается нечто серьезное. Как только агент Николь смогла выделить слова «Ла Гранд», я понял, насколько все это серьезно. Дамба находится на землях кри, и я послал туда агента, чтобы порасспрашивать местных жителей.

– Всего одного агента? Да ведь нужно было задействовать всю полицию! – Хэнкок оборвал себя. – Если вам нужны еще предложения по тактике, обращайтесь ко мне. Нас этому учат в семинарии.

Он улыбнулся и услышал негромкий смех подле себя. Потом глубокий вздох.

– Индейцы кри не очень жалуют квебекскую полицию. Да и не за что, – признал Гамаш. – Я решил, что одного умного агента будет достаточно. У нас там налажены контакты кое с кем из старейшин. К ним-

то в первую очередь и отправилась агент Лакост.

Через час от нее стали поступать сообщения. Она перемещалась из деревни в деревню неизменно в сопровождении пожилой женщины, с которой старший инспектор Гамаш познакомился много лет назад на скамейке перед «Шато-Фронтенак». Женщины, в которой все остальные видели побирушку.

Он помог ей тогда. А она помогла ему теперь.

На основании сообщений от Лакост они составили картину. О потерянном поколении в резервациях, живущем без надежды. Пьянство, наркотики. Жизнь без будущего, люди, которым нечего терять. Все было отнято. Гамаш это знал. Знали все, кому хватало сил взглянуть на это честно.

Но было и что-то, чего он не знал. Лакост получила сведения о приезжих, об учителях. Белых учителях. Англичанах, которые несколько лет назад вжились в индейское сообщество. Большинство из них были настоящими учителями, но у некоторых имелись цели, выходящие за рамки обучения алфавиту и таблице умножения. Чтобы добиться нужного, им требовалось время. План был запущен в действие, когда два несостоявшихся смертника были совсем мальчишками. Восприимчивыми, потерянными, испуганными. Они жаждали одобрения, приятия, доброты, руководства. И они получили все это от своих новых учителей. Потребовались годы, чтобы завоевать их доверие. За эти годы они научились читать и писать, складывать и вычитать. И ненавидеть. И еще они узнали, что больше не обязательно быть жертвами. Они могут снова стать воинами.

Многие молодые кри поначалу прониклись этой привлекательной идеей, но потом отринули ее. Они почувствовали, что эти учителя – очередные белые, которые с их помощью хотят добиться своих целей. Но двух молодых индейцев соблазнили. Эти двое так или иначе были на грани самоубийства.

А теперь у них появлялся шанс уйти, увенчав себя славой. В убеждении, что мир обратит на них внимание.

В 11.18.

Дамба «Ла Гранд» будет уничтожена. Двое молодых индейцев кри погибнут. А за много миль от дамбы будет казнен молодой агент полиции.

Имея всю эту информацию, Гамаш выложил ее старшему суперинтенданту Франкёру. Но когда Франкёр снова уперся, Гамаш, вместо того чтобы с ним спорить, дал волю своему гневу. Продемонстрировал свое презрение к самоуверенному и опасному старшему суперинтенданту.

Это было ошибкой. И стоило ему времени. А может быть, и большего.

– И что случилось?

Арман Гамаш посмотрел на него, почти удивляясь тому, что он не наедине со своими мыслями.

– Нужно было принять решение. И мы все знали, какое это будет решение. Если информация агента Лакост верна, то мы будем вынуждены предоставить агента его судьбе. Все усилия должны быть направлены на предотвращение взрыва. Если мы попытаемся спасти Морена, то смертники получат сигнал ускорить взрыв. Этим никто не мог рисковать.

– Даже вы?

Гамаш долго не отвечал. Ни звука не раздавалось в каменных стенах. Сколько других людей прятались здесь от жестокого мира? Мира, который не был добрым, хорошим, теплым, как им того хотелось. Сколько испуганных людей пряталось там, где сидели теперь они? Искали здесь убежища? Пытались понять, когда можно будет выйти отсюда, не опасаясь за свою жизнь. Выйти в мир.

– Да простит меня бог, даже я.

– Вы были готовы позволить ему умереть?

– Если этого потребуют обстоятельства. – Гамаш посмотрел на Хэнкока. Без вызова, но с некоторым удивлением, что такого рода решения приходится принимать. Приходится принимать каждый день. – Но только после того, как все остальное не принесет результата.

– Вам все-таки удалось убедить старшего суперинтенданта?

Гамаш кивнул:

– Когда оставалось немногим меньше двух часов.

– Господи милостивый, – выдохнул Хэнкок. – Всего ничего. Каких-то два часа.

Гамаш помолчал секунду-другую:

– К тому времени мы уже знали, что агента Морена удерживают на заброшенной фабрике. Агент Николь и инспектор Бовуар обнаружили его, прослушивая фоновые шумы и соотнося их с расписаниями авиарейсов и поездов. Это была тонкая работа. Его удерживали на заброшенной фабрике в сотнях километров от дамбы. Заговорщики держались от места взрыва на безопасном расстоянии. В городке под названием Магог.

– Магог?

– Да, Магог. А что?

Священник пришел в легкое недоумение:

– Гог и Магог?

Гамаш улыбнулся. Он забыл про библейский контекст этого слова[68].

– «И ты задумаешь злое предприятие»[69], – процитировал священник.

И снова Гамаш увидел Поля Морена в дальнем конце комнаты: привязанный к стулу, он сидел и смотрел на часы, висящие перед ним.

Оставалось пять секунд.

«Вы меня нашли», – сказал Морен.

Гамаш метнулся к нему. Худая спина Морена напряглась.

Три секунды. Время замедлило свой ход. Все виделось с необыкновенной четкостью. Гамаш видел часы. Видел металлический стул и веревку, которой был обмотан Поль Морен.

Но никакой бомбы не было. Бомбы не было.

Следом за Гамашем в комнату вбежали Бовуар и остальная команда. Зазвучали выстрелы. Старший инспектор прыгнул к молодому агенту, который сидел слишком прямо.

Оставалась одна секунда.

Гамаш взял себя в руки.

– И тут я совершил последнюю ошибку. Повернулся налево, тогда как нужно было повернуться направо. Поль Морен перед этим рассказывал о солнце на лице. Но вместо того, чтобы развернуться к двери со светом, я развернулся в темноту.

Хэнкок заговорил не сразу. Он видел ролик, а теперь смотрел на скорбное лицо бородатого человека, который сидел рядом с ним на холодном каменном полу, а голова его собаки с огромными ушами лежала на бедре хозяина.

– Это не ваша вина.

– Конечно, это моя вина, – сердито возразил Гамаш.

– Почему вы так настойчивы? Вы хотите быть мучеником? – спросил Хэнкок. – Поэтому и вышли в метель? Вам нравится страдать? Наверно. Раз вы так крепко держитесь за свои страдания.

– Осторожнее.

– А что такое? Нельзя задеть чувства великого старшего инспектора? Если ваш героизм не смог возвысить вас над нами, простыми смертными, то пусть это сделают страдания, так? Да, это была трагедия, ужасная трагедия, но она произошла с ними, а не с вами. Вам была подарена жизнь. Такова ваша судьба, и ничто этого уже не изменит. Забудьте об этом. Они умерли. Это было ужасно, но неизбежно.

Хэнкок говорил со всей страстью. Анри поднял голову, посмотрел на молодого священника, в глубине горла у него родилось тихое рычание. Гамаш успокаивающе потрепал Анри по голове, и пес замолчал.

– Сладка ли и прекрасна смерть за родину? – спросил старший

инспектор.

– Иногда.

– И не только смерть, но и убийство?

– Что это должно означать?

– Вы готовы пойти на все, чтобы помочь вашим прихожанам, верно? – спросил Гамаш. – Их страдания – ваши страдания, вы их ощущаете почти физически. Я это видел. Да, я вышел в метель в надежде, что это успокоит мою совесть, а вы, вы не для того ли самого решили участвовать в гонках на каноэ? Чтобы освободиться от груза неудач? Вам было невыносимо видеть страдания англичан. Их смерть. Не только смерть отдельных личностей, но и всего сообщества. Ваша задача – утешать их, но вы не знали, как это делать, не знали, достаточно ли одних слов. И тогда вы стали действовать.

– Что вы хотите сказать?

– Вы знаете, что я хочу сказать. Хотя в городе полно людей, которых Огюстен Рено сам сделал своими врагами, лишь шесть человек могли его убить. Совет Литературно-исторического общества. У очень немногих волонтеров есть ключи от здания, очень немногие знали, когда пол в подвале будет залит бетоном, очень немногие знали, как попасть в подвал, и могли бы провести туда Рено. Но только шесть членов совета знали о его приходе, знали, что он требовал встречи с ними. И знали для чего.

Преподобный мистер Хэнкок смотрел на Гамаша в резком свете голой лампочки.

– Вы убили Огюстена Рено, – сказал Гамаш.

Внезапно наступила тишина. Полная, непроницаемая. Мир снаружи исчез. Ни снежной бури, ни сражения, ни города, обнесенного стеной и защищенного. Ничего.

Только безмолвная крепость.

– Да.

– И вы не собираетесь это отрицать?

– Было ясно, что вы либо уже знаете, либо скоро докопаетесь. Когда вы нашли книги, все было кончено. Уничтожить их у меня рука не поднималась, а уносить домой было опасно. Мне казалось, что я спрятал их идеально. Ведь они пролежали в Литературно-историческом обществе больше сотни лет, а их так никто и не нашел. – Он посмотрел на Гамаша. – Вы с самого начала знали?

– Подозревал. На самом деле сделать это могли только двое: либо вы, либо Кен Хэслам. Если остальные члены совета продолжили заседание, то вы двое отправились на тренировку.

– Я оставил Кена, нашел Рено и сказал, что смогу впустить его в здание вечером. Я сказал ему, чтобы он принес все свидетельства, которые у него есть, и если меня они убедят, я позволю ему копать.

– И он, конечно, пришел.

Хэнкок кивнул:

– Это было просто. Он начал копать, пока я просматривал книги. Дневник Шиники и Библию. Это был конец всего.

– Или начало. Все зависит от точки зрения. Что случилось дальше?

– Он выкопал одну яму и передал мне лопату. Я размахнулся и ударил его.

– Все так просто?

– Нет, не просто, – отрезал Хэнкок. – Это было ужасно. Но необходимо.

– Почему?

– А догадаться не можете?

Гамаш задумался:

– Потому что вы могли?

На губах Хэнкока появилась улыбка.

– Наверно. Чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь, что никто другой не смог бы это сделать. Я был единственным. Элизабет никогда бы не смогла это сделать. Мистер Блейк? Возможно, когда был помоложе. Но не теперь. Портер Уилсон и мухи не обидит. Кен? Да он уже сколько лет как отказался от своего голоса. Нет, я был единственным, кто мог.

– Но какая в этом была нужда?

– Обнаружение останков Шамплейна в нашем подвале убило бы английское сообщество. Нанесло бы последний удар.

– Большинство квебекцев ни в чем не стали бы вас винить.

– Вы так думаете? Возбудить антианглийские настроения не так уж трудно даже среди людей мыслящих. Всегда существует подозрение, что англичане заваривают какую-то кашу.

– Не согласен, – возразил Гамаш. – Но то, что думаю я, не имеет значения, верно? Имеет значение то, во что верите вы.

– Кто-то должен был их защитить.

– И в этом состояла ваша миссия.

Это прозвучало как утверждение, а не вопрос. Гамаш с самого первого дня знакомства с молодым священником знал это. Не фанатизм, а твердая убежденность, что он пастух, а они – его стадо. И если франкоязычные были тайно уверены, что англичане заваривают какую-то кашу, то

англичане не сомневались, что французы только и ждут повода, чтобы разделаться с англичанами. Как ни посмотри, это было идеальное замкнутое маленькое сообщество.

И миссия преподобного Тома Хэнкока состояла в том, чтобы защитить своих прихожан. Гамаш вполне мог понять такие чувства.

Но неужели даже не останавливаясь перед убийством?

Гамаш вспомнил, как сделал шаг вперед, прицелился и выстрелил.

Он убил, чтобы защитить своих. И, не колеблясь, поступил бы так же опять, если бы обстоятельства потребовали.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Хэнкок, поднимаясь.

– Это зависит от того, что собираетесь делать вы.

Гамаш тоже поднялся на затекших ногах, поднял Анри.

– Я думаю, вы понимаете, почему я сегодня пришел сюда, на Поля Авраама.

Гамаш понимал. Как только он увидел Тома Хэнкока в его куртке, он понял, почему тот пришел сюда.

– По крайней мере, в этом будет какая-то симметрия, – сказал Хэнкок. – Англичанин, свалившийся с утеса двести пятьдесят лет спустя.

– Вы знаете, что я вам не позволю сделать это.

– Вы знаете, что у вас нет ни единого шанса мне помешать.

– Вероятно, это так. И нужно признать, что он мне не помощник. – Гамаш показал на Анри. – Если только вид собаки, визжащей от страха, не заставит вас сдаться.

Хэнкок улыбнулся:

– Лед скоро кончится. Выбора у меня нет. Это моя судьба.

– Нет. Почему, как вы думаете, я здесь?

– Потому что вы настолько погружены в свою скорбь, что даже соображать толком не можете. Потому что вам не уснуть и вы пытаетесь убежать от себя самого.

– Возможно, и так, – улыбнулся Гамаш. – Но каковы были шансы для нас двоих встретиться в снежную бурю? Окажись я там на десять минут раньше или позже, отклонись я в сторону на десять футов, и мы бы разминулись. Прошли бы мимо друг друга, ничего не видя, ослепленные метелью.

– И что вы хотите этим сказать?

– Я говорю то, что говорю: каковы были шансы?

– Какое это имеет значение? Оно ведь уже случилось. Мы встретились.

– Вы смотрели этот ролик, – сказал Гамаш, понизив голос. – Вы видели, что случилось. Насколько все было шатко.

– Насколько вы были близки к смерти? Да, видел.
– Может быть, именно поэтому я и не умер.
Хэнкок посмотрел на Гамаша.
– Вы хотите сказать, что жизнь была подарена вам, чтобы остановить меня, не дать прыгнуть с утеса?
– Может быть. Я знаю, насколько драгоценна жизнь. Вы не имели права забирать жизнь Рено. И вы не имеете права забирать свою. Не надо. Слишком много смертей. Этому нужно положить конец.
Гамаш взглянул на священника. Он знал, что этого человека влекут море и скалы, что он любит англичан Квебека, а теперь вот стоит на тонком льду вдали от берега.
– Вы ошибаетесь, – сказал наконец Гамаш. – Англичане Квебека совсем не слабые, не хрупкие. Элизабет Макуиртер, Уинни, Кен, мистер Блейк и даже Портер не могли бы убить Огюстена Рено не потому, что они слабы, а потому, что в этом нет нужды. По большому счету он не представлял никакой угрозы. Они приспособились к новой реальности, к новому миру. Вы единственный, кто не смог этого сделать. Англичане будут здесь всегда, как оно и должно быть. Здесь их дом. Вам нужно крепче верить в них.
Хэнкок подошел к Гамашу:
– Я ведь мог пройти мимо.
– Возможно. Я бы попытался вас остановить, хотя физических сил у меня не хватило бы. Но вы знаете, что я пошел бы за вами. Не смог бы иначе. А что потом? Франкоязычный канадец средних лет и молодой англичанин пропали в снежную бурю на Полях Авраама. Первый отправился искать утес, другой – искал первого. Интересно, когда бы они нашли нас? Наверно, весной? Замерзших. Еще два незахороненных тела? Неужели оно того стоит?
Они смотрели друг на друга. Наконец Том Хэнкок вздохнул:
– Если бы мне повезло, то с утеса упали бы вы.
– Это было бы неприятно.
Хэнкок устало улыбнулся:
– Сдаюсь. Сопротивление окончено.
– Merci, – сказал Гамаш.
У дверей Хэнкок повернулся. Рука Гамаша, чуть подрагивая, потянулась к защелке.
– Я не должен был обвинять вас в спекуляции на вашей скорби. Моя ошибка.
– Может, не такая уж и большая, – заметил Гамаш. – Мне пора

покончить с этим. Отпустить их.

– Со временем, – сказал Хэнкок.

– Avec le temps, – согласился Гамаш. – Да.

– Вы только что упомянули видеоролик, – сказал Хэнкок, вспомнив о еще одном своем вопросе. – Вы знаете, как он попал в Интернет?

– Нет.

Хэнкок внимательно посмотрел на него:

– Но подозрения у вас есть.

Гамаш вспомнил лицо Франкёра, искаженное гневом, когда он, Гамаш, дал волю своей ярости. Их противостояние имело давнюю историю. Франкёр достаточно хорошо знал Гамаша, чтобы понимать, чем можно уязвить его сильнее всего: не критикой неудавшейся операции по освобождению заложника, а как раз противоположным. Похвалой. Незаслуженной похвалой, хотя его люди и погибли.

Если старшего инспектора не смогла остановить пуля, то вот это, возможно, и остановит.

Однако теперь перед мысленным взором Гамаша возникло другое лицо. Молодое. Жаждущее присоединиться к ним. Но снова получившее отказ. Ее опять отправили в подвал. Где она мониторила все. Слышала все. Видела все. Все записывала.

И все помнила.

Глава двадцать шестая

– Передай привет Рейн-Мари, – сказал Эмиль.

Они с Гамашем стояли у двери. В «вольво» Гамаша уже лежали его чемодан и разные угощения от Эмиля для Рейн-Мари. Печенье от Пайяра, паштет и сыр от Ж. А. Муасана, шоколад из женского монастыря, продающийся в магазине на рю Сен-Жан.

Гамаш надеялся, что большинство всего этого доедет до Монреаля, хотя некоторые сомнения на этот счет у него и Анри все же были.

– Непременно. Наверно, я вернусь через несколько недель, чтобы давать свидетельские показания в суде. Впрочем, у инспектора Ланглуа есть все необходимые доказательства.

– К тому же и признание помогло, – с улыбкой сказал Эмиль.

– Да.

Гамаш оглядел дом. Они с Рейн-Мари много лет приезжали сюда после отставки Эмиля и его возвращения с женой в Квебек-Сити. После смерти Алисы они стали приезжать чаще, чтобы Эмиль не оставался один.

– Вот, думаю продавать дом, – сказал Эмиль, видя, как оглядывается Арман.

Гамаш повернулся к нему, помолчал.

– Да, дом большой.

– Ступеньки становятся все круче, – согласился Эмиль.

– Мы всегда вам рады, вы это знаете. Переезжайте к нам.

– Да, я знаю, merci, но, пожалуй, я останусь здесь.

Гамаша это не удивило. Он улыбнулся:

– Знаете, я подозреваю, что Элизабет Макуиртер испытывает те же чувства. Трудно жить в большом доме одной.

– Правда? – спросил Эмиль, глядя на Гамаша с нескрываемым подозрением.

Тот улыбнулся и открыл дверь:

– Не выходите на улицу – холодно.

– Не такой уж я хлюпик, – отрезал Эмиль. – И потом, я хочу попрощаться с Анри.

Услышав свое имя, пес посмотрел на Эмиля, выставив вперед уши и насторожившись: а вдруг речь идет о чем-то вкусненьком? И он не ошибся.

Тротуар только что очистили от снега. Перед рассветом буря прекратилась, и солнце поднялось над безупречно белым ландшафтом.

Город сиял, свет отражался от всех поверхностей, создавая впечатление, что Квебек-Сити сотворен из кристаллов.

Прежде чем открыть дверь машины, Гамаш взял горсть снега, слепил снежок и показал Анри. Пес заплясал, потом остановился, напружинился, готовясь к прыжку.

Гамаш подбросил снежок в воздух, и пес подпрыгнул, нацелившись на снежок: вот теперь уж он его точно поймает и тот останется целехоньким у него в пасти.

Снежок упал, и Анри ухватил его, сомкнул челюсти. Когда он приземлился на все четыре лапы, у него в пасти был только снег. Опять.

Но Гамаш знал, что Анри не прекратит попыток. Пес никогда не оставит надежду.

– Так все-таки что за женщина оказалась в гробу Шамплейна?

– Я думаю, какая-нибудь больная из сумасшедшего дома Дугласа. Почти наверняка умерла естественной смертью.

– Ну хорошо, он сунул ее в гроб Шамплейна, но что он сделал с самим Шамплейном?

– Вам уже известен ответ на этот вопрос.

– Откуда? Да и стал бы я спрашивать, если бы знал.

– Я вам намекну. Ищите ответ в дневнике Шиники. Вы на днях читали его мне. Я позвоню вам, когда доберусь до дома, и если к тому времени не сообразите, тогда скажу.

– Ну ты и вредный! – Эмиль на миг прикоснулся к пальцам Гамаша, лежащим на дверной ручке машины.

– Merci, – сказал Гамаш. – За все, что вы сделали для меня.

– И тебе – за то, что ты сделал для меня. Значит, ты думаешь, что мадам Макуиртер может понадобиться помощь?

– Думаю, да. – Гамаш открыл дверь машины, и Анри прыгнул внутрь. – И кстати, еще я думаю, что ночь может быть клубничка.

Эмиль рассмеялся.

– Ну, если это останется между нами, то я тоже так думаю.

Через три часа он уже был дома. Гамаш и Рейн-Мари сидели в своей уютной гостиной, в камине потрескивали поленья.

– Звонил Эмиль, – сказала Рейн-Мари. – Просил передать тебе кое-что.

– И что же?

– Он сказал «три мумии». Тебе это о чем-нибудь говорит?

Гамаш улыбнулся и кивнул. Три мумии были вывезены в Питтсбург, а Дуглас из Египта привез только две.

– Я все думала об этом видео, Арман.

Он снял свои полукруглые очки:

– Ты хочешь посмотреть?

– А ты хочешь, чтобы я посмотрела?

Он помедлил:

– Я бы предпочел, чтобы ты этого не делала, но, если тебе надо, я посмотрю с тобой.

Она улыбнулась:

– Merci, но я не хочу это видеть.

Гамаш нежно поцеловал ее, и они снова погрузились в чтение. Рейн-Мари кинула взгляд на Армана.

Она знала все, что ей нужно было знать.

Габри стоял за стойкой бара в бистро, протирая стаканы кухонным полотенцем. Вокруг болтали, смеялись, читали или тихо сидели его друзья и клиенты.

Воскресенье клонилось к вечеру, а на большинстве присутствующих, включая и Габри, все еще были пижамы.

– Я бы, пожалуй, слетала в Венецию, – сказала Клара.

– Слишком много туристов, – возразила Рут.

– Откуда ты знаешь? Была там, что ли?

– Мне и не нужно там быть. Все, что мне надо, есть здесь. – Она пригубила из стакана Питера и поморщилась. – Господи Исусе. Что это у тебя?

– Вода.

Друзья переместились к камину поболтать с Рором и Ханной Парра, а Габри вытащил горсть лакричных конфет из вазочки и оглядел зал.

Его глаза уловили какое-то движение за схваченным инеем окном. Знакомая машина марки «вольво» медленно спустилась по Дю-Мулен в деревню. Сугробы сверкали на солнце, дети катались на коньках по замерзшему пруду на деревенском лугу.

Машина остановилась, и из нее вышли двое.

Жан Ги Бовуар и Арман Гамаш. Они постояли у машины, потом открылась задняя дверь.

Клара повернулась на звон со стороны бара. Из руки Габри сыпались конфеты. Разговор в бистро стал тише, потом смолк вообще. Клиенты посмотрели сначала на Габри, потом в окно.

Габри тоже не сводил глаз с окна.

Да и как он мог? Он же столько раз фантазировал, воображал,

представлял себе это. Видел так четко, но только для того, чтобы через минуту вернуться к реальности. Не отрывая глаз от окна, он вышел из-за стойки. Клиенты расступились, пропуская высокого, крупного Габри.

Дверь открылась – и на пороге появился Оливье.

Не в силах произнести ни слова, Габри раскрыл объятия, и Оливье рухнул в них. Они обнимались, раскачивались, плакали. Вокруг них стояли жители деревни и аплодировали, кричали и тоже обнимали друг друга.

Наконец эти двое разъединились, вытерли слезы друг у друга. Они смеялись, не сводили друг с друга глаз. Габри боялся, что стоит посмотреть в сторону – и это чудо исчезнет снова. А на Оливье нахлынули чувства при виде всего знакомого и дорогого. Лица, голоса, такие родные звуки, которых он не слышал, казалось, полжизни. Запах кленовых поленьев в камине, круассаны с маслом и жареные кофейные бобы.

Все, что он помнил, о чем тосковал.

И запах Габри, запах мыла «айвори». Сильные, уверенные руки Габри, обнимающие его. Габри, который ни на минуту в нем не усомнился.

Габри оторвал взгляд от Оливье и посмотрел на стоящих за ним двух офицеров Квебекской полиции.

– Спасибо, – произнес он.

– Ну, это нужно благодарить инспектора Бовуара, – сказал Гамаш.

В зале опять воцарилась тишина. Гамаш обратился к Оливье. Ему нужно было сказать это так, чтобы слышали все:

– Я ошибался. Приношу свои извинения.

– Не могу вас простить, – срывающимся голосом проговорил Оливье, стараясь скрыть эмоции. – Вы и представить себе не можете, что это было такое. – Он замолчал, взял себя в руки и закончил: – Может быть, со временем.

– Oui, – сказал Гамаш.

Это был праздник для всех. Арман Гамаш вышел на солнце, услышал крики мальчишек – они играли в хоккей, швырялись снежками, съезжали на санках по склону холма. Он замер, чтобы полюбоваться ими, но видел только молодого агента у себя на руках. С пулями, изрешетившими ему спину.

Он его нашел, но слишком поздно.

Арман Гамаш прижимал к себе Поля Морена.

«Прости. Прости меня».

Но ответом ему тогда было только молчание и откуда-то из далекого далека – крики мальчишек, играющих в хоккей.

Благодарности

Мы с Майклом провели волшебный месяц в Квебек-Сити в поисках материала для романа «Хороните своих мертвецов». Квебек – великолепное место, а Старый город, обнесенный стеной, даже прекраснее всего остального. Надеюсь, мне удалось передать, какие чувства охватывают человека, когда он каждый день ходит по этим улицам и видит не только замечательные каменные здания, но и мою историю. Канадскую историю. Живьем. Именно так для нас обоих начиналось каждое утро. Однако Квебек-Сити не музей. Это яркая, современная, процветающая столица. Надеюсь, мне и это удалось передать. Но больше всего я надеюсь, что роман «Хороните своих мертвецов» выражает ту великую любовь, которую я испытываю к обществу, ставшему моим домом. Здесь живут бок о бок английский и французский язык и культура. Не всегда в согласии, потому что оба страдали и потеряли слишком много для абсолютно мирного, благостного соседства, но между ними существует глубокое уважение и привязанность.

Действие романа происходит главным образом в библиотеке Литературно-исторического общества в Старом городе Квебек-Сити. Это поразительная библиотека, создавать и поддерживать существование этого института на протяжении поколений – поразительное достижение. Мне в моих исследованиях помогали члены Лит-Иста (как его любовно называют), волонтеры и персонал. Поскольку я писала художественное произведение, то позволила себе кое-какие вольности в связи с историей Квебека и Литературно-исторического общества. В особенности в том, что касается одного из самых заметных его членов – доктора Джеймса Дугласа. Я понимаю, что моя экстраполяция не понравится некоторым читателям, но надеюсь, вы простите мне мои вольности.

Еще я должна сказать, что много раз встречалась с главным археологом Квебека – он обаятелен, предупредителен и любезен. И совсем не похож на моего вымышленного главного археолога.

Историческая часть романа по большей части связана с Самюэлем де Шамплейном[70]. К своему стыду, должна признать, что почти не была знакома с ним до начала моих исследований. Имя мне, конечно, было известно, известно и то, что он был одним из основателей Квебека, а следовательно, и Канады. Я знала, что его захоронение окутано тайной: никому не удалось его обнаружить. И многие десятилетия это повергало

историков в недоумение. Эта тайна лежит в основе моей тайны. Но эта тайна требовала от меня, чтобы я познакомилась с жизнью Шамплейна. Я прочла немало книг, говорила с местными историками, важнейшие из которых Луиза Блейр и Дэвид Мендель. Мне помогла также замечательная книга «Мечта Шамплейна», принадлежащая перу профессора Дэвида Хэккета Фишера из Брандейского университета. Профессор Дэвид Хэккет Фишер приехал в Квебек-Сити, когда мы там находились, и мы с Майклом, узнав об этом, решили сходить на его лекцию. Нас поразило (с опозданием), что лекция будет прочитана в конференц-зале губернатора. Мы пришли и сели в дальний конец стола. К нам подошла красивая молодая женщина и на идеальном французском спросила, кто мы. Мы не на столь идеальном французском ответили, что мы англо-канадские писатели, интересующиеся Шамплейном, и пришли послушать профессора. Она поблагодарила меня, и через несколько минут к нам подошел человек, пожал нам руки и провел во главу стола. Потом все встали, когда вошел министр культуры и другие высокие официальные лица. Наконец появился профессор Хэккет Фишер и сел прямо перед нами.

Мы с Майклом слишком поздно сообразили, что эта лекция была организована частным образом для высоких квебекских чиновников… и для нас. Когда они поняли, кто мы такие, то не выставили нас за дверь, а посадили на почетные места и бóльшую часть конференции провели на английском.

Таков Квебек. Он живет добротой и желанием примирения. Но в некоторых кварталах могут существовать и громадные подозрения. С обеих сторон.

И это часть того, что придает Квебеку такое очарование.

Я бы хотела поблагодарить Жаки Чернин и Питера Блэка из Си-би-си-радио – они познакомили нас с людьми, оказавшими нам неоценимую помощь. А еще Скотта Карни за его помощь в некоторых тактических вопросах.

Для тех из вас, кто так же, как и я, любит поэзию времен Первой мировой войны, сообщаю, что я перефразировала поразительное стихотворение Уилфреда Оуэна под названием «Dulce and Decorum Est»[71].

Роман «Хороните своих мертвецов» многим обязан моему замечательному литературному агенту Терезе Крис и редакторам Хоуп Деллон, Шерис Хоббс и Дэну Мэллори. Их доброе слово и критический взгляд позволили проявить лучшее, что есть в этой книге и во мне как в писателе.

Для меня это очень особенная книга на множестве уровней, и я

надеюсь, вы это увидите. Как и остальные книги, где фигурирует старший инспектор Гамаш, «Хороните своих мертвецов» – роман не о смерти, а о жизни. И о необходимости как уважать прошлое, так и расставаться с ним.

---

notes

Примечания

1

Со временем? *(фр.)*

2

Договорились *(фр.)*.

3

Я тебя люблю *(фр.)*.

4

Старина *(фр.)*.

5

Луи Антуан де Бугенвиль (1729–1811) – участник войны во французских колониях против Британии, позднее открыватель Фолклендских островов, исследователь Тихого океана, руководитель первой французской кругосветной экспедиции.

6

Из стихотворения английского поэта Фрэнсиса Томпсона «Гончая небес».

7

Булочки с шоколадом и круассаны с миндалем *(фр.)*.

8

Линия Мэйсона – Диксона – граница, проведенная в 1763–1767 годах для разрешения векового спора между британскими колониями в Америке, служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

9

Битва при Квебеке (битва на Полях Авраама) – одно из решающих сражений войны французов с англичанами за колонии в Северной Америке 13 сентября 1759 года, на равнине, получившей свое название в честь Авраама Мартена (1559–1664), который пас там скот. Победа в битве обеспечила англичанам возможность захватить Квебек и тем самым установить свою власть над всей территорией Канады. Ныне на этом месте разбит парк.

10

Джеймс Вольф – командующий английской армией во время Квебекского сражения. Получил смертельное ранение и умер.

11

Гонки на каноэ проводятся на реке Св. Лаврентия в зимнее время. Задача участников – пересечь замерзшую реку и вернуться обратно. Правда, чаще спортсменам приходится скользить на каноэ по льду или тянуть его на себе, чем плыть.

12

Привет! *(фр.)*

13

Будем здоровы *(фр.)*.

14

Слова из христианского гимна, написанного английским поэтом Джоном Ньютоном в 1779 году.

15

Сахарный домик *(фр.)*.

16

Колясками *(фр.)*.

17

Прошу прощения *(фр.)*.

18

Сожалею *(фр.)*.

19

Да, пожалуйста *(фр.)*.

20

«У старого канадца» *(фр.)*.

21

Лоялисты – жители британских колоний в Северной Америке, занявшие во время американской Войны за независимость (1775–1783) сторону английской короны. Многие из них покинули колонии и осели в Канаде.

22

Каждый за себя *(фр.)*.

23

Обидное прозвище англичан среди канадцев.

24

И точка *(фр.)*.

25

Будьте добры, пожалуйста *(фр.)*.

26

Луи Эбер (1575–1627) считается первым канадским аптекарем. *Луи де Буад, граф Фронтенак* (1622–1698) – французский воин и придворный, губернатор Новой Франции. *Мари де л’Инкарнасьон* (1599–1672) – французская монахиня-миссионер, создательница монастыря урсулинок в Новой Франции.

27

Детская уличная игра наподобие «Али-бабы».

28

Ну что ж *(фр.)*.

29

Нет, месье *(фр.)*.

30

Адвокат *(фр.)*.

31

Это правда *(фр.)*.

32

«Мужская мода» *(фр.)*.

33

Фильмы категории В – здесь: малобюджетная кинопродукция, не отличающаяся высокими художественными достоинствами.

34

Да, мадам, как вы поживаете? *(фр.)*

35

Тайцзицюань – китайское боевое искусство, популярное как оздоровительная гимнастика.

36

Композиция известного канадского ансамбля «Leahy».

37

Лорел и Харди – комедийная пара американского кино в исполнении Стэна Лорела и Оливера Харди.

38

Алгонкины – группа коренных народов Северной Америки.

39

Чашки кофе *(фр.)*.

40

Это верно *(фр.)*.

41

«Паутинка Шарлотты» – повесть для детей Элвина Брукса Уайта, американского писателя и публициста.

42

Святой отец *(фр.)*.

43

«Проклятые англичане» *(фр.)*.

44

«Люди страны» *(фр.)*, неофициальный гимн Квебека.

45

Маленький магазин *(фр.)*.

46

Дерьмо *(фр.)*.

47

Доброй ночи *(фр.)*.

48

Киплинг Р. Победители. Перевод Ю. Лукача.

49

10 октября 1970 года в Квебеке произошли беспорядки, инициированные сепаратистами, в ходе которых был убит министр труда провинции Квебек Пьер Лапорт.

50

Здесь: Я вот вспоминаю *(фр.)*.

51

Безусловно *(фр.)*.

52

Тогда *(фр.)*.

53

«Рей-Бен» – американский бренд солнцезащитных очков.

54

Сладкий пирог *(фр.)*.

55

Очень устал *(фр.)*.

56

Бедлам – название известной лондонской больницы для душевнобольных.

57

Уильям (Билли) Франклин Грэм – американский религиозный и общественный деятель.

58

Этот термин используется в тех случаях, когда рождаемость в группе меньшинства превышает таковую доминирующей группы и в конечном счете меньшинство имеет возможность стать большинством. Наиболее часто применяется к Квебеку.

59

Здесь: в точку *(фр.)*.

60

Проклятье *(фр.)*.

61

Здесь: ты угадал *(фр.)*.

62

Культурное достояние *(фр.)*.

63

Клингоны – гуманоиды из космической киноэпопеи «Звездный путь».

64

Фраза из того же телесериала.

65

Мордехай Рихлер (1931–2001) – канадский писатель, сценарист и публицист.

66

В 1867 г. был образован так называемый Федеральный доминион Канады, в результате британские колонии были преобразованы в провинции.

67

Мое сердце *(фр.)*.

68

Согласно Ветхому Завету, перед приходом Мессии мир подвергнется нашествию полчищ двух народов – Гог и Магог.

69

Иезекииль, 38: 10.

70

Самюэль де Шамплейн (1567–1635) – французский авантюрист и путешественник, основатель первых французских поселений в нынешнем Квебеке.

71

В этом стихотворении Оуэн использует строку из оды Горация: «Dulce et decorum est pro patria mori» *(лат.)* – «Смерть за родину сладка и прекрасна».